

В центре событий — фронтовая судьба простого парня, выходца из бедной крестьянской семьи. В 1943 году Анатолий Дружинин попадает на фронт. С первых дней службы в стрелковом полку он познает ужас и кровавую суть войны, но здесь закаляется и его характер. Во время масштабного наступления фронта Дружинин получает сильную контузию. Теперь ему предстоит покинуть стрелковый полк и пополнить ряды артиллерийского — справится ли он с новыми испытаниями?

Анатолий и его друзья переживают немало трагических событий, сталкиваются со смертью — она становится постоянным фоном их существования. Но бойцы не унывают, потому что жизнь всегда побеждает горести и тревоги, в ней находится место и для веселых историй, шуток, песен и, конечно, для любви.

Война закончится, и солдаты вернутся на родину. Весной сорок шестого года Дружинина комиссуют и отправят домой — там его ждет новая, мирная жизнь. Только вот будет ли она счастливой?

ISBN 978-5-0064-3050-1

9 785006 430501 >

Н АЛЕКСЕЙ БУЗУЛКОВ **НА ГРАНИ** *или* ЭТО БЫЛО ДАВНО, НО КАК БУДТО ВЧЕРА

АЛЕКСЕЙ БУЗУЛКОВ

НА ГРАНИ

или ЭТО БЫЛО ДАВНО, НО КАК БУДТО ВЧЕРА

ТОМ II

Алексей Бузулуков

**На грани, или Это
было давно, но как
будто вчера**

Том 2

Издательские решения
По лицензии Ridero
2024

УДК 82-3
ББК 84-4
Б90

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Бузулуков Алексей

Б90 На грани, или Это было давно, но как будто вчера :
Том 2 / Алексей Бузулуков. — [б. м.] : Издательские решения,
2024. — 388 с.
ISBN 978-5-0064-3050-1 (т. 2)
ISBN 978-5-0064-3034-1

В центре событий — фронтовая судьба простого парня, выходца из бедной крестьянской семьи. В 1943 году Анатолий Дружинин попадает на фронт. С первых дней службы в стрелковом полку он познает ужас и кровавую суть войны, но здесь закаляется и его характер. Во время масштабного наступления фронта Дружинин получает сильную контузию. Теперь ему предстоит покинуть стрелковый полк и пополнить ряды артиллерийского — справится ли он с новыми испытаниями?

Анатолий и его друзья переживают немало трагических событий, сталкиваются со смертью — она становится постоянным фоном их существования. Но бойцы не унывают, потому что жизнь всегда побеждает горести и тревоги, в ней находится место и для веселых историй, шуток, песен, и, конечно, для любви.

Война закончится, и солдаты вернутся на родину. Весной сорок шестого года Дружинина комиссуют и отправят домой — там его ждет новая, мирная жизнь. Только вот будет ли она счастливой?

УДК 82-3
ББК 84-4

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-0064-3050-1
ISBN 978-5-0064-3034-1

© Алексей Бузулуков, 2024

*Моим родителям
посвящается*

ОТ АВТОРА

Уважаемый читатель! Этот роман основан на рассказах моего отца — Николая Степановича Бузулукова, участника Великой Отечественной войны, воевавшего с ноября 1943 года в частях 1-го Украинского фронта. Чтобы подтвердить истории, услышанные когда-то от него, я в течение нескольких лет работал с документами в Центральном архиве Министерства обороны РФ.

Все события в романе максимально сопоставляются с реальными событиями, датами и географическими привязками к местности в тот период.

Материалом для сбора информации послужили не только архивные документы, но и другие официальные источники документально-исторической литературы. Это краткие военно-исторические очерки: «В пламени сражений. Боевой путь 13-й армии»¹ и «Выстояли, победили!..»², а также многие документы и материалы из других ресурсов.

Основные герои, представленные в романе, — люди, принимавшие участие в боевых действиях и других эпизодах, имевших место в жизни моего отца и его друзей. Кроме историй, что происходили с действующими лицами, я ча-

¹ Секирин М. К., Щербаков А. М., Дорошенко В. М., Гордиенко А. К., Белкин И. М. В пламени сражений. Боевой путь 13-й армии. М.: Воениздат, 1973. 344 с.

² Ромас П. М. Выстояли, победили!.. — К.: Молодь, 1999. 223 с.

стично описал хронологию боевого пути некоторых частей стрелковых дивизий и соединений, входящих в состав 1-го Украинского фронта.

В романе, как в любом литературном произведении, присутствуют вымышленные персонажи и происходят выдуманные события, поэтому фамилии героев, номера воинских частей мною умышленно изменены.

Прошел не один десяток лет после этой войны, на полях жестоких и кровопролитных боев которой остались лежать миллионы советских солдат; их не дождалась невесты, матери, отцы и дети, они не смогли им рассказать о себе и не смогли рассказать о том, что им довелось пережить. Я хочу, чтобы мы помнили о них и передавали эту память будущим поколениям.

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ

Стоял жаркий июньский день. Солнце зашло в зенит и нещадно пекло с высоты чистого, без единого облачка неба. На командном пункте второго дивизиона, который находился на вершине холма и был хорошо замаскирован, Анатолий дежурил у телефона.

Скрываясь от зноя под маскировочной сетью, Дружинин услышал, как загудел зуммер дивизионного телефониста. С другого конца провода связист сообщал, что с наблюдательного пункта разведчики заметили у большого дома активное движение людей и скопление автомашин.

К трубке подошел сам командир дивизиона. Капитан Махлеев, слушая доклад разведчика, припал к стеклам стереотрубы. Схема целей у стоящих в обороне дивизионов всегда обновляется, как и сами расчеты для стрельбы. Опытный в своем деле капитан, положив трубку, подошел к буссоли. Он измерил угол и дал команду телефонисту соединить его с шестой батареей. В траншее стояла вторая стереотруба, которой капитан не пользовался. Дружинину не терпелось взглянуть на то место, куда должны скоро улететь снаряды наших гаубиц.

— Товарищ капитан, а можно посмотреть? — обратился он к Махлееву, указывая на прибор.

— Можно, Толя, только подожди немного, сейчас я тебе ее подготовлю, — ответил по-доброму капитан и подошел к стереотрубе. Несколькими профессиональными движениями он без особого труда настроил прибор, наведя его

на цель. — Готово, Анатолий, можешь теперь наблюдать, — улыбнулся офицер, продолжая свою работу.

— Клязьма на связи, — доложил телефонист.

— Ориентир номер семь, право двадцать, ниже три, большой отдельно стоящий дом. По скоплению людей и автомашин противника первому: один снаряд — огонь! — отдал команду капитан.

Телефонист продублировал его слова, и там, далеко на батарее, закипела работа. Через несколько минут за спиной ухнул выстрел гаубицы. Справа над головами прошелестел двадцатикилограммовый снаряд. Дружинин с капитаном припали к линзам приборов.

Через несколько секунд прямо за длинным домом вверх взметнулись комья земли и серое облако дыма. Еще через несколько секунд донесся звук разрыва снаряда. Махлеев внес поправки, и телефонист продублировал их на батарею. Вновь после выстрела зашелестел снаряд, и в этот раз он взорвался ровно посередине дома, развалив здание пополам от самой крыши до фундамента. В воздух полетели кирпичи, доски, черепица; огромное черное облако дыма окутало строение; пламя стало яростно пожирать находящееся внутри имущество. Цель поражена, доложил батарейцам телефонист.

— Давайте еще, товарищ капитан! — довольный работой артиллеристов и вошедший в азарт, крикнул Дружинин, отрываясь от приборов.

— Нет, не могу, Толя, лимит! — с сожалением произнес капитан, сжимая губы.

— Эх! Жахнуть бы по ним еще парочкой снарядов для полного комплекта, — сокрушался Анатолий, вновь припадая к стереотрубе. Возле горящего дома суетились люди, спешно разъезжались машины. «Жаль, что придумали этот лимит в обороне», — с досадой в сердце подумал Дружинин, усаживаясь на снарядный ящик.

День подходил к концу. На севере, освещенные ярким вечерним солнцем, красовались белые ватные облака, похожие на вершины снежных гор; с запада, более напоминающие грозных исполинов, на них надвигались темные тяжелые тучи, края которых светились еще в ярких, но уже остывающих к вечеру солнечных лучах. Белоснежные облака Анатолию больше напомнили снежные сугробы, которые наметало зимой к низеньким стенам степных землянок в его далеком Казахстане. Мысли в один миг унесли его в раннее детство, когда он был совсем ребенком, когда еще жив был прадед Афанасий, запомнившийся ему всего по нескольким эпизодам.

В тот февральский день буран безумствовал в заснеженной степи. За узкими окнами и саманными стенами степного шалаша хозяйничала непогода, завывая загадочными, порой даже страшными звуками в печной трубе. Слабенький старичок с редкой пушистой сединой вокруг покрытой пигментными пятнами лысины, сгорбившись и слегка покачиваясь, сидел на кровати. Уставившись отрешенным взглядом в одну точку, прадед явно вспоминал что-то из своей прошлой жизни. Он уже плохо слышал и слабым старческим зрением в постоянном полумраке совсем перестал различать лица родных людей. Устав от жизни, Афанасий, превозмогая боль, которая была во всех клетках его дряхлого тела, с умилением вспоминал те годы, когда он был молод и полон сил.

— Да-а-а!.. А жисть-то совсем короткья... — со вздохом произнес Афанасий. — Што тама на дворе, так и мятётъ? — спросил он после паузы, глядя в сторону играющей детворы.

— Мятётъ, дедусь, мятётъ, — крикнул ему на ухо подбежавший правнук Матвей.

— А я вот сижу да и нагадываю, какая у осьмидесятом годе зима была. Мы тады ишо шалашами в Калмыкии жили, — слабым, скрипучим голосом затянул прадед историю, которую рассказывал уже не в первый раз. — У-у-ух! Не при-

веди бог! Ажно вспоминать один страх, какая зима тады была. Как щас помню: крутить, мятётъ! По три!.. по чатыре!.. а то и по пять дён мятётъ! Господи, спаси и сохрани! Не-е-ет! Щас таких зимов нету! — опираясь на свой батожок, вспоминал прошлые годы Афанасий, прищуривая глаза.

— Дедусь! Вы же давеча говорили, што енто в одна тыща осемьсот семьдесят седьмому годе былó. А теперь говорите, што в осьмидесятом, — заметил неточность в его воспоминаниях правнук Матвей.

Анатолий не одобрял поведение своего старшего брата, с усмешкой задающего прадеду подобные вопросы. Было как-то за него неловко.

Считать Матвея научила бабушка, и непоседливый внук, на ее удивление, сравнительно быстро освоил эту науку. Василиса Васильевна была грамотной женщиной; долгими зимними вечерами, собирая вокруг себя своих снох, она читала им Евангелие. Занятые шитьем или вязанием невестки по наставлению свекрови познавали Слово Божье и учили из Ветхого Завета псалмы.

Анатолий, хоть и был младше Матвея на два года и еще не умел считать, но уже понимал, что с беспомощным стариком так обращаться нельзя — нехорошо. Он же старенький, потому мог и забыть, в каком именно году это происходило.

— Ась? — не расслышав вопроса и приложив к уху ладонь, переспросил старый Афанасий.

— Надусь вы говорили, што енто в семьдесят седьмому годе былó, — громко, на весь шалаш кричал неугомонный Матвей.

— Ось я табе щас под зашлык как дам! Аль бадиком промеж лопаток! Тады ты у мене узнаешь, у какому годе енто былó, — вспылал Афанасий. Для остратки помахивая своим батожком на самого озорного из правнуков за то, что тот все подмечает. Играющая в мазанке детвора засмеялась, наполнив помещение хохотом.

— Цыц! Шантрапа босоногая! — закричал дед Сергей. — Ишь, чаво удумали — над стариком потешаться! Я вас щас быстро всех вот двухвосткою отхожу! — заступился он за отца, пригрозив детворе наказанием за насмешки над стариком. Дети сразу притихли, понимая, что преступили грань приличия. В помещении на некоторое время повисла тишина.

На хуторе деда отдельными шалашами жили еще трое его сыновей, и детвора большой гурьбой могла собираться в любом доме, так было заведено, и никто из взрослых этому не препятствовал. Вот и в этот вечер дети шумной толпой собрались в доме деда. Дед Сергей не очень любил гомон в своем жилище, особенно летом, в жаркий полуденный зной, когда взрослые после обеденной трапезы, пережидая жару, ложились отдохнуть.

— Так!.. А ну-ка, прекратили мене галдѣж! В доме должно быть тихо, да так, штоб я слышал, как муху летит! — строго наказывал дед, укладываясь отдыхать.

Тогда, чтобы не раздражать старика, дети уходили на улицу, устраивая игры в тени лабазов и пустующих конюшен. В зимние темные вечера, когда детворе играть было негде, кроме как в теплом доме, дед был менее строг, но спуску малышне не давал.

— Штой-то я озяб, — нервно подернул плечами старик. — Манькя, ну-ка, накинь на мене кожух, зябко мене штой-то стало. Такая кутерьма на дворе началась, — обратился Афанасий к жене своего внука так, как будто пурга была не там, на улице, а здесь, в теплом шалаше. Так, будто он всем своим старческим телом мог чувствовать промозглость и лютую стужу бушевавшей за стенами непогоды.

— Щас, дедусь, щас, — засуетилась Мария Ивановна, выискивая взглядом его изрядно потрепанный овчинный тулуп.

— Дедусь, может, вы приляжете? А я вас кожухом сверху-

то и укрою, штоб теплее былó, — заботливо спросила сноха, громко крикнув на ухо старику.

— Да... пожалуй, прилягу, — согласился Афанасий, устремляя на сноху мутные, пораженные катарактой глаза.

— Вы не спешите, дедусь, не спешите... вот так... Щас я вас хорошенько укрою, и вы маленько поспите, — приговаривала Мария Ивановна, укладывая его в постель.

Анатолий смотрел, с какой нежностью и заботой мать относилась к деду своего мужа и как бережно она ухаживала за немощным стариком, почитая его прожитые годы.

День тому назад прадед стал по-стариковски капризничать. Не зря говорят: что старый, что малый. Анатолий, играя с братьями, часто наблюдал за прадедом, невольно запоминая все мелкие детали.

— Сяргей! — позвал он тогда сына, махнув слабой рукой в зазывающем жесте.

— Да, папаш, здесь я, — откликнулся Сергей. Он отложил в сторону лисью шкуру, которую разминал в руках после проведенной выделки и, подходя к отцу, присел на край его кровати. — Слухаю, папаш. Вы мене звали?

— Да. Слухай, што я табе сказать хочю. Штой-то Петья мене совсем писем не пишеть да и подарков давненько не передаёт, — стал жаловаться старик, — а я ведь за им со-скупился.

— Так ведь зима на дворе, папаш. Какие письма да подарки? Вон как в степу мятёт. Кто же в такую кутерьму гостинцы да письма передавать-то будет?!

— Та будя табе!.. Чаво енто ты мене сказки тута рассказываешь? А то я не знаю, ездють зимою на санях в степу аль нет. Тожесть мене, голову морочишь, — возмутился Афанасий. Его седые брови от негодования поднялись, на лоб накатились и без того глубокие морщины. — Вот што я табе скажу: запрягай-ка, Сяргунья, лошадей, поеду-ка я к Пятру! А то, смотрю я, неважно тута у тебе стали относиться к мене да и кормить стали совсем худо...

— Да чавой-то вы, папаша, такое говорите?! Как енто вас плохо кормят?! — возмутился Сергей от неожиданного заявления отца.

— Не говори мене ничаво! Я знаю, чаво говорю... А раз так, значить, мене тута делать нечева, — протестовал отец, не на шутку удивив своим заявлением младшего сына.

Услышав слова старика, взрослые замолчали, свекровь со снохой от неожиданного поворота событий, переглянувшись, оставили свои занятия.

— Господи Иисусе Христе! Спаси и сохрани, — удивленно прошептала Василиса Васильевна, — чавой-то надумал наш папаша середь зимы?

Пребывая в расстроенных чувствах, хозяйка дома нервно прикрывала дрожащие губы подолом фартука. На несколько секунд задумался и сын Сергей. Он и на самом деле не знал, что ответить. Поистине, к отцу в его доме все относились с должным почтением. Никто не смел его обидеть и словом, а не то что делом, да и со стола ему подавался лучший кусочек. Так было заведено испокон веков: младший сын, как правило, оставался с родителями, оказывая почет и уважение старикам до последних дней их жизни. Поступить иначе — грех! А тут такое!

— Хорошо, папаш, — после короткой паузы и некоего замешательства вдруг заявил Сергей и нежно обнял отца за худенькие плечи. — Вот не сёдня так завтра буран успокоится — и поедем. Раз плохо у нас, значит, отвезу я вас к Пятру, как вы просите. Ваше слово, папаша, для мене закон. Как вы сказали, так тому и быть, — твердо сказал дед Сергей, поднимаясь с постели отца. — Манькя, собирай узлы папаше, не завтра так послезавтра отвезём его к Пятру, — подмигивая, обратился он к снохе.

Анатолий наблюдал за этой сценой, ничего не понимая: почему со слезами на глазах стояли в недоумении его мать и бабушка и почему улыбался дед Сергей, но при этом строгим голосом давал указания его матери?

— Сяргей Афанасич! Да куды ты повезёшь старика-то? Ведь зима на дворе! Ты никак сдуру обезумел на старости-то лет?! Он же по дороге у тебе в санях и околеет! — разводя руками, причитала бабушка, укоряя своего мужа за необдуманное решение.

Рядом с ней стояла расстроенная мать, концами косынки вытирая слезы. Это ей больше всех приходилось ухаживать за дедом. А вдруг теперь ее, сноху, и обвинят, что она недостаточно хорошо с этим делом справлялась да и кормила, наверное, плохо, раз старик начал жаловаться? «И что теперь будет?» — переживала Мария Ивановна, дрожа всем телом. Дед Сергей неторопливо подошел к вешалке у двери, надел шапку и с загадочной ухмылкой посмотрел на свою жену:

— Цыц, баба! — твердо повелел он. — Нихто в лютую стужу старика за столь вёрст к Пятру не повезёт — не причитай. Я ишо из ума не выжил, штоб с папашей так обойтися.

— Так ты ж сам яму сказал, што к Пятру отвезёшь.

— Правильно, сказал! А што я ишо папаше сказать должён был?! — последовал вопрос деда, поставленного капризами пожилого отца в почти безвыходное положение.

— А што ты мене ишо думать прикажешь? — немного успокоившись, недоумевала Василиса Васильевна. Рядом с ней, бледная как полотно, стояла перепуганная мать.

— Енто я потом вам всем расскажу, — лукаво подмигнул он своей снохе, немного успокоив несчастную. Накинув на себя кожух, дед, озадачив всех неизвестностью, вышел на улицу.

— Час от часу не легче! — в замешательстве развела руками Василиса Васильевна. — Ну вот скажи мене, што он опять удумал? А?! — недоумевая, обратилась она к своей снохе. Мария Ивановна, ничего не понимая, продолжала стоять посреди комнаты, пожимая плечами.

Теперь прадед Афанасий по несколько раз в сутки интересовался погодой, с нетерпением дожидаясь, когда закон-

чится ненастье. Наконец, на третий день ожиданий буран, бушевавший в степи, успокоился, и все обитатели хутора, кроме Афанасия и детей младше двенадцати лет, должны были выходить на работу — держать вал.

Конечно же, на улицу выходила и малышня, но работать ее никто не заставлял. А остальным — будьте добры, лопаты в руки и очищать территорию от снега, увеличивая высоту снежного вала до огромных высот. Тогда при метелях снег кружился и оседал здесь, у снежного вала, а вся остальная территория оставалась относительно чистой. Два дня с раннего утра и до темноты на большом подворье шла упорная работа. И только потом, на третий день, дед Сергей собрал всех, кроме прадеда Афанасия, у большого стола и горячим полусшепотом стал излагать свой план и роль каждого из присутствующих в предстоящем спектакле. Он восседал на своем месте, а детвора, как воробьи разинув рты, собралась вокруг. Взрослые же стояли за их спинами и также в безмолвном молчании, с изумлением внимали дедовским словам.

Но вот инструктаж закончился, и все приступили к работе. В доме началась суета...

— Ты, Манька, лучше одень деду бумазевую рубаху. Она теплее будет, — советовала Василиса Васильевна своей снохе, когда Мария Ивановна взялась переодевать деда Афанасия.

— Стяпан! — позвал дед Сергей своего сына.

— А-я? — тут же откликнулся сын.

— Достань деду из-под кровати новые валенки, а то енти у ево совсем худые, не дай бог, ишо старик озябнет в санях.

— Так я их ишо в осені в чулан отнёс.

— Иде они тяперяча лежат?! — нахмутив брови, удивился дед Сергей.

— В чулане, — в недоумении ответил Степан.

— А на кой... ты их туды засунул? Вот тяперяча давай вымай оттедва, — недовольно прикрикнул дед Сергей. Важ-

но расхаживая по комнате, он продолжал руководить процессом.

— Ну вот тока посмотри на ево — чисто генерал! Ты, Сяргей Афанасич, ходишь прямо как ведмедь, все ноги мене уже отдал, — возмущалась Василиса Васильевна, руководя делами снохи.

— Цыц, баба! Табе вон бабскими делами управляться — и занимайся ими, а мы тут сами разберемся!

— Как же, сами... Смотри... Тока на ноги мене не наступай! — не унималась хозяйка, стараясь в этой суете ничего не упустить.

— Так! А вы, шантрапа босоногая, марш все на двор, штобы тут под ногами не путались, — крикнул дед малышне, и детвора с шумом стала собираться на улицу.

— Манья, ты из ларя конфеты достань, детишкам раздать надыть будет, кады папашу назад привезут, — напонила Василиса Васильевна снохе о гостинцах. — Да... куды вы сломя башку бежите-то, окаянные?! Вот я вам щас по шейм-то и надаю... — закричала бабушка на детей, которые, одеваясь на ходу и сбивая ее с ног, толпой понеслись к дверям.

— Сяргей Афанасич, а вдруг папаша всё поймёт, што ты ево обманул... што тады? — забеспокоилась Василиса Васильевна, сомневаясь в затее мужа.

— Цыц баба, ни галди. Ничаво он не поймёт. Ну чавой-то ты суетишься? Ты сама до ентих годов дожила, а так ничаво и не понимаешь. Он же старенький уже: ничаво не видит и ничаво не слышит, а капризничает просто так, от старости своёй, как дитя малое. Вот и всё. Покачаем старика по степу, он и задремлет малость. А потом сюды назад ево и привезём. А как приедет сюды, подумаем, што к Пятру приехал. Главное, штобы малышня да и вы встречали деда так, как будто он на самом деле к Пятру приехал. И все дела!.. А опосля он всё одно забудет, што уезжал. Енто даже и к лучшему, што так получи-

лося. Покатается папаша по степу, воздухом подышит да и спать будет лучше. Вот так вот, бабуся. Старый человек — што тяперяча поделаешь?! Господи, прости мене грешного.

— Ну смотри, дед, ты хозяин — тебе виднее... — тяжело вздохнула она.

— А што мене делать ишо прикажешь?! Вот тока представь сабе, што люди скажут, ежели я ево к Пятру отвезу? Скажут, што Сяргей папашу сваво голодом заморил, а тяперяча к Пятру ево сбаврил. Так?! И как мене потом ентим людя́м в глаза глядеть? А с другой стороны, не выполнить волю папашы я тожеть не могу. Как я смею ево ослушаться? Да никак! Вот и думай, Василиса Васильна!..

— Да-а-а. Ну и дела!.. Господи, спаси и сохрани, — запричитала жена, продолжая сборы.

Афанасия нарядили, собрали, как положено, в дорогу и, бережно взяв под руки, не спеша вывели на улицу. Степан подвел под уздцы пару самых смирных лошадей, запряженных в широкие, с боковыми крыльцами сани.

Февральское солнце, отражаясь от снега, слепило глаза. Тихий, безветренный и погожий день радовал душу. Воробьиные стаи, перекрикиваясь, с шумом перелетали с места на место. Из катухов, конюшен и кошар слышалось бляение овец, мычание коров и беспокойное ржание лошадей; протяжно подавали странные звуки верблюды. Кудахтанье кур сопровождалось заливи́стым пением голосистых петухов, гусиный гогот предвещал время приближающейся яйцекладки. Все это огромное хозяйство хутора, которое еще несколько лет назад он, Афанасий, как отец приезжал периодически инспектировать, теперь для него было безмолвным. Не слышал он этого живого разноголосого звука жизни, ранее так радовавшего его слух и душу. Жизнь промчалась так стремительно и так быстро, что он и не понял, как превратился в немощного и больного старика. Да! Жизнь действительно короткая!

— Не шибко, дедусь, давайте помаленьку... Вот так, садитесь вот сюды вот, — аккуратно усаживал в широкие сани своего деда Степан.

— Не шибко, дедусь, не шибко, не спешите, я вам подсоблю... вот так, — заботливо помогала старику с другой стороны Мария Ивановна.

— Ну всё, папаша, в добрый путь! До свидания! Пятру там от нас поклон сердешный передавайте. Вот вам и гостинцы детишкам ихним, — обнимая старика, приговаривала Василиса Васильевна, положив в руки свекра большую котомку со сладостями.

— Давайте, дедусь, до свидания. Господи, благослови! Как говорится, в добрый путь, — сжимая в объятьях деда, по-настоящему прощалась с ним и Мария Ивановна.

— Вам тожесть с Богом оставаться! С Богом, детка, с Богом... Господи, благослови, спаси и сохрани, — приговаривал Афанасий, довольный тем, что исполняется его отцовская воля.

— Так, шантрапа пузатая! А ну, бегом с дедусем прощаться, — скомандовал дед Сергей.

Детвора, заранее подготовленная к спектаклю, гурьбой с шумом и криками кинулась к прадеду.

— До свиданья, дедусь! До свидания! Приезжайте к нам еще! Мы вас будем ждать! Мы будем скучать!.. — галдели правнуки.

Вместе со всеми кричал и Анатолий, ожидая его быстрого возвращения и, конечно же, гостинцев, которые пообещал им дед Сергей. Афанасий, укутанный тулупами, едва несколько раз смог махнуть ослабевшей рукой, бережно обложенной в теплую меховую рукавицу.

— Ну чавай-то ты, Стяпан, копаешься там? Поехали уже, помолясь, — скомандовал дед.

— Ну-у-у! Залетныя! Пошли! — крикнул Степан, хлопнув легонько вожжами, и пара лошадей послушно и плавно тронулась с места к узкому извилистому проходу в снежном валу.

— Ну вы, папаша, и придумали концерт... — удивленно, с ухмылкой обратился к отцу Степан, когда сани выкатили за пределы хутора. — Дед-то не разблагит тебе? А то ведь тады нам всем не поздоровится...

— Ничаво он, сынок, не разблагит. Он и не поймёт, што назад ево привезли. Енто папаша так, от старости своёй капризничает, да и всё тутa. Какая яму разница, иде жить — што у Пятра, што у мене. Ведь он уже ничаво не видит и не слышит. Яму, сынок, разницы уже нету... А отказать не можно. Надыть сполнять отцовскую волю. Он ведь мене папаша! Понимаешь?!

— Да понимаю... — призадумался Степан, поглядывая через плечо на укрытого тулупами деда. В силу своей молодости он не мог ни понять, ни представить себе, как может чувствовать себя старый человек. Только благодаря воспитанному с малых лет почтению к родителям и сединам дедов он знал, что обязан им отдавать должный почет и уважение. А до конца проникнуться этим он пока не мог.

Не прошло и получаса, когда Афанасий, тепло одетый и укрытый овчинными кожухами, задремал в конских санях, которые кружили по заснеженной степи всего в каких-то трехстах метрах от хутора.

— А ну-ка, Стяпан, посмотри, задремал папаша аль нет, — велел Сергей своему сыну, когда их сани нарезали очередной след вокруг хутора.

Степан, одетый по-зимнему тепло и основательно, кряхтя, поправил сползающую на лоб лисью шапку. Неуклюже повернувшись, он осторожно приподнял ворот овчинного тулупа. Дед мирно спал, изредка подергивая седыми бровями.

— Заснул дедусь... — улыбнулся Степан, поправляя ворот.

— Ну и слава богу! — вздохнув, успокоился Сергей.

Он вспомнил один из теплых весенних дней, когда старик был еще полон сил и, так сказать, со строгой отцовской

инспекцией приехал на хутор сына: проверить, все ли в порядке у него на хозяйстве. Если да, то порадоваться, если нет, дать мудрый совет или отругать за нерадивость, а то и подзатыльник отвесить, если еще перечить надумает, хотя сын по возрасту сам имел внуков. Это время для хуторских жителей было особо напряженным. До наступления жарких летних дней нужно было успеть подстричь овец и провести санитарную обработку всего поголовья, а заодно и пересчет произвести. Для оперативности в такую пору приходилось нанимать временных рабочих. Вот как раз в один из таких дней приближающуюся к хутору фигуру Афанасия первым заметил один из наемных рабочих.

— Смотри, Сяргей Афанасич, смотри! Кажись, папаша ваш к табе в гости едет, — услышал Сергей голос одного из батраков.

Зная крутой нрав старика, люди забеспокоились. Сергей, прикрываясь ладонью от яркого солнца, посмотрел в сторону юго-запада, где в ровной степной глади увидел знакомую фигуру родного отца. Афанасий, заложив за спину руки, не спеша приближался к хутору сына; за его спиной в поводах, фыркая и мотая головой, шла молоденькая кобылка.

— Да! И правда, папаша наш. Вот папаша... Ну даёт! Даже лошадь жалеет, сам пешком рядом с ей идёт. Тожесть скажешь, едет он... — усмехнувшись, упрекнул своего рабочего Сергей.

— А я ево ишо сдаля заметил, — похвастался тот, вместе со всеми всматриваясь в степную даль.

— Молодец! Глазастый ты у нас, — похвалил парня Сергей. — Васька! — немного призадумавшись, крикнул Сергей своему сыну. — А ну-ка, крутани голову вон той овце, — указал он на достаточно упитанное животное.

— Какую, папаш? Вот енту?

— Да, да, енту самую.

— А зачем, папаш? Как крутну, так ведь она опосля долго не проживёт, — удивился Василий.

— Ну ты, Васька, и бестолковый. Хошь сказать, што я папашу позавчерашним мясом кормить должён? Как бы не так! Пушай он свежего покушает да с собой заодно возьмёт, а там и мамаша свеженького мясца отведаёт. Понимать надыть!

— Так а голову на кой дьявол ей крутить? — не унимался сын.

— А-а-а! Енто, сынок, другая история. Он же, папаша-то, как мене говорит: «Ты, Сяргунья, хорошую овцу на мясу не режь! Режь тока ту, што вот-вот магёт сдохнуть. Хорошую — тока на продажу!» Вот и скажи тяперяча: и чаво мене их жалеть?! У мене ентих овец, почитай, тыщи, а я дохлятину есть должён?! Нет! Так не пойдёт. Ну... и супротив папашиной воли тожесть не попрёшь — он ведь, папаша-то, и по шеям надавать магёт. Вот и приходится так хитрить. А куды деваться-то? Вот так вот! Учися, Васька, уму-разуму.

Василий стоял, удерживая вырывающееся из рук животное, и внимательно вникал в назидательные слова своего отца.

— Да!.. Ну и дедусь у нас... — покачал с удивлением головой Василий и, скрутив резким движением животному голову, оставил его в стаде.

— Добрый день, папаша. Добро пожаловать, — кланялся отцу в искренних приветствиях Сергей.

— День добрый, сынок. Мир вашему дому, — протяжно молвил Афанасий, продолжая хозяйским взглядом окидывать владения сына.

— С миром принимаем вас, папаша. Проходите в дом. Отдохните с дороги. Сей же час вас чаем потчевать будем, — указывая на двери шалаша, Сергей приглашал своего отца в гости.

— Та енто мы завсегда успеём, — протяжно промолвил Афанасий, — рассказывай, сынок, как у тебе дела на хозяйстве. Вижу, делом занят — и сам, и люди вон работают. Всех овечек подстриг аль ишо остались? — интересовался Афана-

сий, осматривая стадо стриженных овец. — Ой! Сяргунья! Глянь, глянь-кя! — вдруг всполошился Афанасий, взглядываясь в многочисленное стадо.

— Што случилось, папаша, што вы там увидели? — для достоверности засуетился Сергей.

— Вона, овца больная волчком кружится. Лови её, Васька, лови. Зарезать надыть, а то сдохнет, — затараторил Афанасий, предупреждая об опасности.

— Иде, папаша, иде она? Чавой-то я её не вижу, — нахмутив брови, Сергей стал рьяно осматривать свое стадо.

— Та вон она, вон она! Васька, хватай её! — указывал рукой своему внуку Афанасий. Как и было задумано, овцу поймали, и теперь к обеду ожидался свежий куырдак.

Афанасий еще раз неспешно окинул взором хозяйство, заглянул на конюшню, в катухи, на летний загон, осмотрел свежевыкопанный колодец.

— Худук новый, смотрю, недавно выкопали? — спросил Афанасий, оглянувшись на идущего рядом сына,

— Да, папаш, вот надысь, недели полторы назад, не боле, — подтвердил Сергей, замечая, что отец его трудами доволен.

— Молодец! Худук на хозяйстве всегда добрым долён быть, а то и два, и три. Вон скотины у тебе скока. Без воды в степу со скотиною никак... Вижу, дела у тебе, сынок, идут справно — енто хорошо. Я рад за тебе. Ну, раз всё в порядке, тады, хозяин, веди в дом. Тяперяча можно и чаю попить, — расплываясь в улыбке, обратился он к Сергею.

— Милости просим, папаша, проходите в дом, — удовлетворенный родительским одобрением своей хозяйской деятельности, Сергей милостиво приглашал отца в свое скромное жилище. В свою очередь, убедившись, что сын хозяйство ведет исправно, Афанасий отправился в шалаш, где эстафету приняла сноха, усаживая свекра на почетное место.

— О!.. А енто откедва у вас мяса свежая да жирная такая?! — насторожился Афанасий. — Неужто овцу хорошую

зарезали недавно? — требовал он от снохи отчет, вглядываясь в ее глаза пытливым взглядом.

— Што вы, папаша, што вы?! — протестовала Василиса Васильевна. — Енто нас соседи надясь угостили, — отчиталась она, заранее предупрежденная мужем, как надо отвечать свекру в таких случаях.

— А-а-а! Вон оно што! Ну тады ладно, — успокоился Афанасий, — дай бог здоровья соседям, — добавил старик, принимая из рук снохи пиалу горячего чая.

Развалившись в широких санях, пригретый лучами февральского солнца, Сергей стал замечать, как под звуки монотонного топота копыт, фыркanye сытых лошадей да скрип снега под полозьями справных саней его самого стало клонить ко сну.

«Хорошие получились сани, добротные», — подумал Сергей, в очередной раз одобряя свое изделие, которое он с сыновьями изготовил сам.

Кузня у него на хуторе была на хозяйстве большим подспорьем как для своих нужд, так и для дополнительной прибыли. В ближайшей округе, километров на сто с лишним, кузниц в степи не было. Две были только в Джаныбеке, а это как раз и есть сто с лишним верст от хутора. Заказов в летний период было хоть отбавляй. Работы хватало — только не ленись; потому и доход от нее был немалый. А поставить кузню на хуторе настоял отец. «Дай, Господи, яму здоровья», — подумал про себя Сергей и еще раз глянул на дремлющего в санях состарившегося отца. Прошло каких-то пять лет, как Афанасий перестал ездить по хуторам сыновей, проверяя их хозяйскую деятельность. За это время умерла жена, и он после ее смерти резко сдал здоровьем. Осунулся. А потом и совсем ослаб.

— Ну што, Стяпан, заворачивай-ка, помолясь, к хутору, хватит уже колесить по степу. Пора и домой ехать, — дал распоряжение сыну Сергей.

— Как скажешь, папаш... — протянул гулко Степан, и сами медленно стали сворачивать к хутору. Серый дымок из труб саманных мазанок поднимался высоко в небо, обозначая тихий и безветренный день.

— Дедусь... Дедусь приехал! Ура-а-а!!! Дедусь приехал!.. Родной наш!.. Любимый!.. — кричала заранее подготовленная к встрече детвора, лишь только лошади показались на хуторском дворе.

Разбуженный криком и гиканьем ребятни, Афанасий проснулся и тут же оказался в объятиях своих многочисленных правнуков. Его счастью не было предела. Ведь он считал, что его привезли на хутор к другому его сыну — Петру. Раскрыв на ощупь котомку, он стал тут же угощать детей сладостями. А те только этого и ждали!

— Ну вот, дедусь, наконец-то вы и приехали, а мы-то вас уже заждались, проходите, проходите, дедусь, вы как раз вовремя, как раз к столу. Тута у нас и щи к обеду успели, сей же час есть будем, — неустанно тараторила Мария Ивановна. Как прежде, с почтением хлопоча, она бережно заводила старика в мазанку.

— Ну слава богу, добрался, — торжествуя, с нескрываемой радостью сообщил снохе Афанасий о своем путешествии. — Ты знаешь?! А то ведь у Сяргя мене и почитать уже перестали да и не кормили совсем, одна страсть Господня, — жаловался Марии Ивановне старик, по-настоящему считая, что его привезли к Петру. — Ну слава богу, што приехал, у Пятра-то мене тяперяча ништо не обидит, — утвердительно сказал он, присаживаясь на лавку.

— Енто точно, дедусь! Тута вас ништо не обидит, — соглашалась Мария Ивановна вместе со свекровью, помогая деду раздеться.

— А Петья-то иде? Штой-то я ево и не слышу, и не вижу? — допытывался Афанасий, прислушиваясь к звукам.

— Да тама он, папаш, на дворе, на хозяйстве хлопочет, — крикнула ему на ухо Василиса Васильевна.

— А-а-а, тады понятно, ну пуцай управляется.

Уже на другой день прадед забыл, что его привезли к Петру (как он считал), и по привычке на все свои нужды в первую очередь приглашал к себе мать Анатолия. И она, терпеливо выслушивая капризы старика, старалась во всем ему угодить.

* * *

На командный пункт доставили ужин. Сегодня, на удивление, каша оказалась вкусной. Подкрепившись, Анатолий выпил кружку горячего чая и вышел из траншеи помыть котелок. Сумерки сгущались. После жаркого дня на наблюдательном пункте повеяло прохладой. Над траншеями передовой, поднимаясь вверх с шипением, падали осветительные ракеты. Заметив в темноте силуэты, Анатолий увидел, как по ходам сообщений пробирались разведчики. Среди них он с легкостью узнал рослого Цаплина.

— Здорово, Анатолий, — приветствовали его Кузнецов и Бейтурсигов, обмениваясь рукопожатиями.

— Здорово, здорово, разведка, — улыбался Анатолий, встречая гостей. — Что, опять на вылазку? — махнул он котелком в сторону немецких позиций.

— Туда! В тыл мы не привыкли ходить. Уж очень там скучно, — подметил Илемесс.

— Добрый вечер, Толя, а вернее, доброй ночи, — протянул свою широкую ладонь Цаплин, и друзья обнялись. — Давненько с тобой не виделись, — подметил он, поправляя автомат. — Я как тебя увижу, сразу вспоминаю, как мы с тобой телефонный аппарат на посту оставили. А потом перед Батей как провинившиеся школьники стояли, — смеялся Иван, вспоминая январь.

— Да, Ваня, был у нас с тобой такой казус. Помню, когда ты Бате сказал: «Мы сможем вернуться на наблюдательный пункт и принести телефон», — у меня тогда сердце в пятки ушло. Ну, думаю, все! Тут я бесславно и сложу свою глупую

голову. Слава богу, Батя человек был мудрый, дал нам в помощь разведчиков, да еще наказал строго, чтобы без толку на рожон не лезли. Земля ему пухом — хороший был командир.

— Да, царствия ему небесного. Только добрыми словами можно вспоминать такого человека, — качал головой Иван, соглашаясь со словами друга. Они оба замолкли, вспоминая погибшего командира.

— Ну, как у тебя служба, Ваня? Не разочаровался? А то, может, назад к нам, в связь? — вернулся к прерванному разговору Анатолий, подталкивая друга к наблюдательному пункту.

— Нет, Толя, мне эта служба нравится, — продвигаясь по траншее, возражал Цаплин. — Я столько этого добивался, а теперь что — назад пятками? Ни за что!

Друзья устроились у поста Дружинина, где стоял его телефон.

— А как ты, Толя? Твои из дома пишут? Как там мать, сестренки? Все в порядке?

— Да, Ваня, из дома письма получаю. У них все хорошо. Все работают с раннего утра до поздней ночи, хотя в этом и не признаются. Но я-то знаю! А у тебя как дела дома? Братья, сестры, родители? Все живы, здоровы? Надеюсь, письма им пишешь? Переживаю за тебя, мы же с тобой почти земляки. Саратов от Джаныбека всего в трехстах пятидесяти километрах.

— Конечно, пишу, Толя. Все в порядке у них. Тоже трудятся в поте лица своего. В тылу нашим сейчас всем несладко, но они об этом нам не говорят, чтобы лишний раз не расстраивать.

— Да! Мы тут, под градом пуль и осколков, на пузе пол-Украины проползли. А они там и за себя, и за нас с тобой трудятся. Скорее бы эта война закончилась.

— Это точно, сейчас бы домой, родных обнять. Посидеть поговорить с ними... — промолвил Иван. Ссутулившись, он

сидел на снарядном ящике, сжимая в коленях свой ППШ. Его взгляд потускнел, на лоб набежали морщины, видимо, так ему захотелось увидеть своих родных.

Кузнецов, обсудив с Махлеевым мелкие детали предстоящей операции, ждал сигнала от саперов. Загудел зуммер, связист передал команду, и разведгруппа тронулась в путь.

— Ну, давайте, братцы, ни пуха вам, ни пера, — пожелал Анатолий, провожая ребят на задание.

— К черту, — все как один отозвались разведчики, направляя оружие и снаряжение.

Обитатели наблюдательного пункта встали проводить друзей, высказывая добрые слова напутствия.

Спускаясь со склона высоты, группа скрылась в полумночной мгле. Прижавшись спиной к бревенчатой стене траншеи, Анатолий сквозь маскировочную сеть смотрел в звездное небо. Пулеметная перестрелка да пуски осветительных ракет изредка нарушали тишину июньской ночи. Такие минуты всегда напоминали ему его далекое детство. В этот раз почему-то вспомнился эпизод, который произошел с ним весной тридцать шестого года.

Снег тогда в степи растаял, и теперь в падинах стояла вода. Был как раз тот период, когда можно было идти «выливать» сусликов. Этому сыновей научил отец. С раннего детства, сколько Анатолий себя помнил, он занимался этим промыслом, спасаясь от голода. Не только он один, все малообеспеченное население в эти трудные годы, кто пережил суровую зиму, с нетерпением ждало выхода сусликов из зимней спячки. В степь он пошел с Надеждой. От сестренки помощи и немного, но не так было скучно, как одному: есть с кем поговорить. Два часа кропотливого труда — и вот уже в мешке двадцать пять тушек истощенных за зиму зверьков, с которых теперь требовалось снять шкурки, распотрошить.

Квартировала семья в доме Кожановых. И мать настрого запретила с этими грызунами появляться даже во дворе,

а не то что в доме, во избежание гнева со стороны домовладельцев. Сама она их в пищу не употребляла — брезговала. А как среагируют хозяева на то, что в доме постояльцы будут варить сушиков, она не знала, потому и дала строгий наказ детям. Ведь они здесь всего-навсего квартиранты.

Чувство голода толкало детей на скорое приготовление пищи. Чтобы избежать неприятностей, Анатолий принял решение все мероприятия провести за пределами двора, подальше от хозяйских глаз, а самое главное, подальше от глаз матери. В мокрой, испачканной грязью одежде и обуви дети со стороны степи подошли к хозяйскому сараю.

— Так, Надюха, принеси-ка сюда из чулана чугунок, пару луковиц и немного соли у матери возьми, она на полке в баночке стоит, — строго наказал сестре Толя; сам же в это время стал располагаться за саманным сараем.

— Знаю я, где что лежит! — деловито огрызнулась девушка. — Будет он мне еще рассказывать...

Поправляя платок, она стремглав побежала в дом. Толя положил на землю старый, в разноцветных заплатках мешок и принес из колодца воды, чтобы потом помыть в нем разделанные и потрошенные тушки. Устроился он на перевернутом вверх дном старом ведре, подтянул ближе к себе мешок и, проверив нож на остроту, принялся за дело. В мыслях Анатолий уже представлял себе кипящий на костре чугунок, от которого должен был исходить приятный запах. День приближался к вечеру. Надо было успеть все сделать засветло. Ну вот прибежала и расторопная сестренка.

— Вот, держи, принесла, — задыхаясь от спешки, выпалила Надя, держа в руках большой чугунок, на дне которого перекатывались две небольшие луковицы. Ее глаза радостно искрились, щеки горели огнем, развязавшийся платок сбился на затылок, обнажая короткостриженую голову.

— А соль забыла, да?! — строго спросил брат.

— Ничего я не забыла! — возмутилась Надя, широко раскрыв глаза. — Вот она, смотри! — оттягивая карман, сестра продемонстрировала, что все на месте. — Я уже не маленькая, чтобы забывать. Куда ее высыпать? — гордо спросила девчужка, опуская сосуд на землю.

— Лук вытащи из чугунка, взрослая! — деловито подтрунивая, велел Анатолий.

Поднявшись, он стал отмывать от крови покрытые цыпками руки. Когда на дно принесенной посуды опустилась первая тушка, за стеной сарая послышались шаги. Из-за угла появилась фигура хозяина дома.

— А чой-та вы тут делаете? — спросил Василий Фёдорович, окидывая строгим взглядом расположившихся за его сараем детей.

Сердце Анатолия затрепетало от страха. Кожанов по-хозяйски осмотрелся, заглянул в лежащий на земле мешок с оставшимися в нем двадцатью четырьмя сусликами, скрутил его правой рукой посередине и поднял с земли. Взглянув с сожалением на перепуганных детей, в другую руку мужчина взял чугунок. Не спеша, поворачиваясь к малышне спиной, он вдруг через плечо сухо сказал:

— А ну-ка, пошли со мной, — и, скрипя кожаными сапогами, направился к калитке.

— Дядь Вась! Мамка нас отлупит, если мы с сусликами во двор пойдем, — взмолился Толя, оставаясь на месте как вкопанный.

Надежда, прижавшись к брату, от накрывшего ее приступа страха стояла бледная как полотно. Ее посиневшие на холоде губы тряслись, на глаза навернулись слезы. Боясь хозяйского гнева и предстоящей взбучки от матери, она еще сильнее прижалась к старшему брату, схватившись за его правую руку; по щеке перепуганной девчужки покатились слезинка. Оглянувшись назад, Василий Фёдорович увидел перепуганных до смерти детей, и ему до боли в сердце стало их жаль.

— Вот скажите мене, деточки мои дорогие, хто в ентом доме хозяин: я аль ваша мамка? — с улыбкой задал он вопрос.

— Вы, дядь Вась, — в один голос ответила перепуганная детвора.

— Так вот тады и делайте, што я вам говорю. И не бойтеся. Нихто ваших сусликов не отнимет, и ругать вас нихто не будет, — успокоил он повергнутых в ужас детей, — берите своё ведёрко, лук и пошли со мной в избу, — действительно, но без строгости сказал Кожанов и пошел во двор развальной походкой.

Толя с Надей, несколько успокоившись, но взволнованно переглядываясь, подобрали с земли остатки утвари и молча поспешили за хозяином. В сенцах Василий Фёдорович быстро разулся и первый вошел в дом. Из-за закрытой двери было слышно, как он со смехом и с жалостью рассказывает о произошедшем случае своей жене.

— Конечно, детишкам есть-то охота. Они же вон полугодные день-деньской бегают, — качая головой, рассуждала хозяйка. — Кады ж енто тяжёлое время закончится-то, а? Господи Иисусе, спаси и сохрани, — крестилась тетя Надя, подавая хозяину большую миску с теплой водой.

Дети еще долго снимали с себя запачканную одежду и обувь, прежде чем появились на пороге дома. В чисто убранной комнате было тепло, уютно, приятно пахло свежей выпечкой.

— Ну, проходите, проходите, — по-доброму приглашала растерянных детей хозяйка. — Чавой-то вы как не свои в дверях-то встали? Идите мойтя руки, я вас пышками щас угощу, — предложила тетя Надя, направляясь к печке.

Тетя Надя — хозяйка дома, добрая и радушная женщина пятидесяти девяти лет — с любовью и нежностью относилась к детям своей квартирантки. Четверых детишек, оставшихся без отца, Мария Ивановна кормила и воспитывала одна. И, когда предоставлялась возможность, тетя Надя ста-

ралась угостить детвору чем-нибудь вкусеньким, хотя и самим жилось нелегко. Грузная, с крутыми бедрами хозяйка, переваливаясь с одной ноги на другую, взяла с печки тарелку и подошла к детям.

— Вот, нате, перекусите, пока Василий Фёдорович ваших сусликов облупит, — протянула она детям на тарелке две свежие пышки.

— Спасибо! — радостно, в один голос поблагодарили ее дети и принялись жевать горячую выпечку.

Хозяин тем временем, устроившись посреди комнаты, ловко ошкуривал и потрошил «вылитых» ими зверьков. Толья с Надей, переглядываясь, молча наблюдали за каждым его движением. Через несколько минут тетя Надя, перебив разделанные тушки, сложила их в чугунок, сдабривая луком и солью.

— Вот! Тяперяча они малость просолятся, а потом мы на ночь в печь-то их и поставим, штоб протомились там, — рассказывала о длительном процессе приготовления хозяйка. — А утром — милости просим к столу! Блюдо будет готово, — поясняла женщина, унося чугунок в сенцы.

Для детей ожидание было делом утомительным. Им хотелось употребить это блюдо сейчас. Но никуда не денешься — придется подождать.

Утра следующего дня детвора ждала с нетерпением. Тетя Надя по обычаю хлопотала у печки, гремя посудой и хозяйственными приборами.

— А нонче-то не што вчерась. В ночь-то хорошо подморозило — зябко на дворе, — сообщил зашедший с улицы Василий Фёдорович. — Лужи все ледком покрылись, — пробасил хозяин, снимая шапку и старенькую, в заплатках куртку. — Скотину со дня на день в степ выпущать надыть. Урожай в прошлом годе был безлишковый, тока на прокорм и хватило. Ни сена, ни соломы, почитай, нету. Пушай скотина в степу сама сабе корм ищет. Да и не нонче так завтра трава попрёт.

— Щас и колхозный скот, и единоличники скотину в степ выгонят — и будет тебе как в прошлом году весной. Почитай, всю траву сплошь скотина и вытыптала. Вот тебе и выпушай, — сетовала тетя Надя.

— Да будя тебе! Тожеть скажешь — вытыпчут! Степ большая, всё не вытыпчут. Клиничиха-то што приходила? По делу аль так — языком почесать?

— Приходила... Говорит, свою корову с телком кормить нечем. Тожеть выпускать их в степ собрались — а куды деваться? Што, пушай скотина пустые ясли грызёт?

— Так-то оно так, понятно, што корма нету. Тока и степ ишо голая стоит.

— У-ух! И беда с ентою скотиной. Раннею весной сена нету, а летом вся трава от жары сгорит. Вот и паси, мужик, коровушку...

— Што там соседка ишо сказала окромя скотины? Колька ихний не образумился ишо? Не передумал жаниться-то?

— А!.. Сколько ентова обормота ни учи — всё ума-разума яму не втолчешь. Вот втемяшил сабе в голову, да тока всё одно и талдычит, мол, лучше Маньки Евдокимовой девок нету! — негодовала тетя Надя. — Вот скажи мене, ну на што яму та лахудра сдалась? Вон у Лухмановых Васёна — какая девка работающая. А у Рогожкиных Дуняша — тожеть девица уже на выдание, да ишо и мастерица на все руки. А ентот: «Нет! Тока на Маньке жанюсь...» Вот и всё тебе!.. Говорит: «Мы с ею будем жить ладно и богато». Ну што ты яму скажешь?!

— Дурак думкою богатеет, — подметил спокойно Василий Фёдорович. — Ничаво! Папаша двухвосткой хорошенько отпорет пару раз, и забудет Колька про Маньку свою, — добавил он, вытираясь полотенцем.

Василию Фёдоровичу шестьдесят лет, но он еще в хорошей физической форме. Крепкого телосложения, широкоплечий, несуетливый, заходя в помещение, он, казалось, заполнял собою все пространство комнаты. Кожанов был

рачительным хозяином; его двор и дом ухожены, все вещи и инструмент находились на своих местах, во всем наблюдалась твердая рука неутомимого труженика.

— Ну што, хозяйка, завтрак-то готов? — обратился он к жене с улыбкой. — А то вон малышня-то щас слюною захлебнётся, — смеялся хозяин, проверяя пальцем остроту ножа. Приложив к груди круглый калач хлеба, Василий Фёдорович принялся нарезать его большими увесистыми кусками.

— Та готово... Куды ей деваться-то. Магёшь всех к столу кликать, — усмехнулась тетя Надя, вытаскивая ухватом из русской печи горячий чугунок.

— Так, детвора! А ну-ка, давайте к столу! — крикнул хозяин, зазывая всех на завтрак.

Дети, как горох из банки, высыпали в большую комнату, где посреди стола стоял чугунок, рядом — нарезанные куски ароматного хлеба, а по краям расставлены эмалированные тарелки. Усевшись на лавки, малышня с нетерпением наблюдала, как хозяин снял с незамысловатой посуды крышку, и помещение моментально наполнилось ароматом, напоминающим запах вареной курятины. При помощи медной шумовки и деревянной ложки Василий Фёдорович стал раскладывать каждому в тарелку по одной затушенной в печи ароматной тушке.

— Давай, детвора, налетай, пока подешевело, — смеялся дядя Вася, наблюдая, как дети с аппетитом принялись уплетать свежее мясо за обе щеки. — А ты чаво, Манька, стесняешься? — обратился он к своей квартирантке, которая осталась в дальней комнате. — Ты чаво к столу не идёшь? Аль боишься, што кому-то не достанется? Иди сюды, здесь всем хватит. Давай присоединяйся к нам, — неустанно пытался призвать к трапезе свою квартирантку добродушный хозяин.

— Нет, што вы, Василий Фёдорович, я сусликов не кушаю, не могу. Я боюсь их есть, — отказывалась напрочь Мария Ивановна, брезгливо отворачиваясь.

— Так! А ну-ка, иди сюда! — строго призвал свою квартирантку хозяин. Мария Ивановна, подчиняясь его воле, зашла в комнату.

— А как вкусно пахнет! — заметила она, нерешительно подходя к столу. Дети внимательно наблюдали за происходящим, продолжая жевать.

— А ты што думала, што в чугушке гадость какая варилась? — смеялся Василий Фёдорович, отламывая от тушки заднюю ножку. — На-ка вот, держи, — протянул он Марии Ивановне отломанный кусок.

— Та не могу я, Василий Фёдорович! — пытаюсь отвернуться от стола, твердила она.

— Держи, тебе говорю! — строго приказал Кажанов и сунул ей в руку кусочек мяса.

Противиться хозяйину дома Мария Ивановна не смела. Тем более что аромат, стоящий в комнате, говорил о том, что это должно быть вкусно. Глядя на то, как с аппетитом ели мясо ее дети, она, решившись, наконец положила кусочек мяса на язык.

— Да! Оказывается, енто вкусно! — с удивлением произнесла Мария Ивановна, пережевывая мясо.

В комнате все залились звонким смехом...

* * *

Взрыв, прогремевший за передовой, прервал воспоминания. Северо-западнее наблюдательного пункта ожившие вражеские пулеметы посылали в темень косые веера трассеров. Осветительные ракеты одна за другой взлетали вверх, освещая тот край обороны, где прогремел взрыв. Наши пулеметчики ответным огнем старались подавить огневые точки противника, откуда велась стрельба.

— Что-то произошло! — воскликнул Дружинин, поднимаясь с места.

Разведчики и связисты вышли из блиндажа в траншею.

— Неужто это наши на немцев напоролись? — забеспокоился Анатолий.

— Скорее всего, это они, — вглядываясь в сторону, где шла перестрелка, переживал за бойцов Лёня Дырявко.

— Судя по тому месту, где идет перестрелка, это группа Кузнецова ведет бой, — с тревогой в голосе произнес подошедший Махлеев.

— Товарищ капитан, может, подмочь им огнем наших батарей? — предложил Анатолий, глядя на капитана.

— Не зная обстановки, Толя, можно и своих накрыть нашими же снарядами, — сожалел Степан Андреевич, прикусывая губы. Он тоже заметно нервничал, поправляя накинутую на плечи шинель.

— Жаль, что помочь ничем не можем... — расстроился Дырявко. Его мускулистая рука сжимала цевье карабина. — А может, это вовсе и не они, — надеясь на лучшее, спокойно произнес Лёня.

— Да что тут гадать, пройдет время — узнаем. Теперь остается только ждать и надеяться, что с нашими ребятами все в порядке, — раздался чей-то возглас.

— Что же, будем ждать... Может, это вовсе и не они ведут пальбу, — попытался утешить присутствующих Анатолий.

Через несколько минут ожесточенной перестрелки выстрелы стали стихать. Люди, оглядываясь в сторону переднего края, не спеша начали расходиться по своим местам.

Анатолий устроился на своем посту, но прежнего спокойствия на душе уже не было. Тревожные мысли одна за другой лезли в голову, он то и дело настораживался, реагируя на каждый шорох. За траншейными досками скребся кто-то из грызунов: не то мышь, не то крот. С северо-востока доносился лай санитарных собак. Запряженные в ездые нарты, эти животные тоже были на воинской службе. Наравне с лошадьми они выполняли нелегкую работу, вывозя раненых с поля боя. Сверчки наперебой распевали свои ночные песни. Монотонный стрекот насекомых ласкал слух.

Прошло около часа после произошедшего на передке переполоха со стрельбой. За бруствером послышался шорох и окрик караульного.

— Стой! Кто идет?!

— Калина...

— Яблоня, — откликнулся на пароль часовой. Вскоре в траншею стали спускаться разведчики. Цаплина вели под руки, его правая нога перебинтована. Бинт обильно пропитан кровью.

— Что, на немцев нарвались? — поспешил с вопросом Дружинин, помогая Ивану спуститься вниз. — Все живы? — окидывая взглядом членов разведгруппы, беспокоился он.

Отдыхающие в блиндаже люди вышли в траншею.

— Все живы, Толя, — успокоил его Бейтурсыков, — не переживай. — Он перевел дыхание.

— Раненый у нас, Толя, только один — любитель нового оружия, — уточнил Кузнецов, иронично указывая на Цаплина.

Ивана положили в блиндаже. Он побледнел и водил растерянными глазами по сочувствующим лицам товарищей.

— Ты как, Ваня? Может, водички тебе?.. — с заботой спросил Анатолий раненого друга.

— Нормально, Толя. Если можно, то от пары глотков воды я бы не отказался, — шевеля сухими губами, отрывисто проговорил Цаплин.

Анатолий отстегнул от ремня фляжку и протянул ее Ивану. Тот, приподнявшись на локте, стал жадно пить.

— Потерпи, Ваня, сейчас передохнете, и ребята тебя до санчасти доставят. А там машиной быстренько в госпиталь. Вылечишься, отъешь там вот такую ряху, — с улыбкой Анатолий изобразил руками круглое лицо, — и опять к нам в полк вернешься. Не переживай, дружище, мы еще с тобой повоюем, — как мог утешал Анатолий своего друга.

— Спасибо, Толя, — благодарил Иван. Утолив жажду, он протянул Дружинину его фляжку.

— Что, Николай Петрович, на немцев нарвались? — спросил Кузнецова подошедший Махлеев.

— Нет, товарищ капитан, хуже. Любопытный Цаплин на мину нарвался. Группу чуть не погубил и задание сорвал, засранец, — сердился Кузнецов. Он поправил маскировочный комбинезон здоровой рукой. Левая рука была перебинтована. — Ладно, главное, все живы, — поднимаясь, выдохнул Николай. — Подробности потом... Ну что, немного передохнули — и в путь. Нам надо быстрее раненого в госпиталь доставить, — забеспокоился Кузнецов.

Цаплина разведчики взяли под руки, и, выбравшись из траншеи, группа отправилась по направлению к штабу полка. Вернувшись на пост, Дружинин еще долго не мог избавиться от тревожных мыслей о раненом друге. Успокоиться смог только к утру, когда перед рассветом стало клонить ко сну. Заснуть на посту Анатолий всегда остерегался: в страхе, что немецкая разведгруппа может сонного легко захватить в плен. Таких случаев было сколько угодно. Да и спал он крепко. Конечно, не так, как Сомиков, но то, что, заснув, может прослушать вызов из штаба, было вполне возможно. Исходя из этих соображений, спать на посту Дружинин не смел.

История с ранением Цаплина выяснилась позже. А дело было так...

Саперы проделали минные проходы сначала на своем участке, а потом извлекли и немецкие мины. Проход на минном поле немецкой стороны был очень ограниченным. Об этом саперы предупредили сразу. Группа, успешно пройдя свою полосу, вышла на немецкую территорию. Передвигаясь по узкому проходу на минном поле противника, шли нога в ногу. Впереди Бейтурсики и еще два бойца разведки, за ними Цаплин. Замыкал группу Кузнецов. И все было бы ничего, но как раз в середине минного поля взгляд Цаплина зацепился за что-то блестящее.

В слабом лунном свете блестела недавно вышедшая в серийное производство немецкая штурмовая винтовка

Sturmgewehr 44. Никакие мины не могли удержать истинного любителя стрелкового оружия. Забыв про все на свете, сворачивая с тропы вправо, он решил стать обладателем новинки немецкой фирмы «Хейнель». Когда Кузнецов увидел уходящего с тропы Цаплина, он едва успел в прыжке схватить Ивана за рукав комбинезона и резко потянул его на себя. Разорвавшаяся под ногой Цаплина мина разодрала обувь и зацепила мягкие ткани ступни, повредив кость. Осколком мины легко ранило в руку и сержанта. Если бы вовремя не среагировал Кузнецов, трудно предположить, что могло произойти с Цаплиным. Во всяком случае, легким ранением он бы вряд ли отделался.

После прогремевшего взрыва немцы открыли пулеметно-ружейный огонь. Здесь группу спасла складка местности. Изгиб низины плохо простреливался из немецких позиций. Поэтому этот участок и был ими тщательно заминирован. Ползком, по-пластунски разведчикам пришлось вернуться назад. В траншеях боевого охранения санитар из пехоты сделал Цаплину и Кузнецову перевязки, и они с передка пришли на наблюдательный пункт второго дивизиона.

* * *

Утро следующего дня напомнило всем о трагической дате. Прошло ровно три года, как началась война. Три года!.. Как это беспредельно долго... Сколько за это долгое время пролито крови, слез, сколько погибших и искалеченных судеб! А сколько их будет до полного окончания войны — никто не знал.

К десяти часам утра Дружинин обнаружил на своей линии сбой связи.

— Лёня, я на ликвидацию обрыва, — предупредил своего напарника Анатолий, ощупывая в кармане нож. — Вроде бы ничего не забыл, — сказал он, продвигаясь по траншее.

— Давай, Толя, удачи тебе, — крикнул ему вслед Дырявко.

Выбравшись из прорытого прохода, Анатолий, соблюдая маскировочную дисциплину, как можно дальше отполз от наблюдательного пункта. Затем он еще несколько десятков метров пробежал, пригнувшись, стараясь за складками местности скрыться от обзора противника. Удалившись на достаточно приличное расстояние от наблюдательного пункта, Дружинин смог выпрямиться и шагать далее в полный рост.

День был солнечный, но не жаркий. Подростая за эти дни от обильной влаги и достаточного тепла трава скрывала провод. Линия связи, протянутая Дружининым в ночное время двое суток тому назад, проходила по склону высокого холма, огибая его с северной стороны. На середине высоты телефонный кабель опускался в долину и к штабу полка тянулся уже по ложине.

Основная часть наших командных высот, которые занимала дивизия, в отличие от местности, где располагался противник, не была богата растительностью и просматривалась достаточно хорошо. Не выпуская из виду кабель, Анатолий наблюдал, как впереди него, по низине, в сторону наших тылов шел незнакомый солдат. Боец высокого роста, стройный, подтянутый. Бодро вышагивая размашистой походкой, он часто оглядывался на идущего вдоль линии Дружинина.

Дойдя до того места, где телефонный провод через несколько метров должен был спускаться по склону вниз, Анатолий вдруг почувствовал со спины сильный толчок воздуха. В тот же миг какая-то таинственная сила выбила землю из-под ног, и он, лишившись опоры, свалился набок. Не понимая, что с ним могло произойти, опершись руками о землю, Анатолий стремглав вскочил вновь на ноги. Поднимаясь, он увидел, как вражеская болванка, пробороздив склон следующего холма, полетела дальше, оставив на откосе черную полосу пропаханной земли. Невольно взгляд его скользнул по тому месту, где он неожиданно упал.

Прямо из-под ног вражеский бронебойный снаряд вырвал полоску грунта, лишив его равновесия. Вывороченные и обнаженные корни травы вместе с перепаханной землей чернели у дрожащих ног. Холодок пробежал по телу от сознания того, что могло с ним произойти, пролети снаряд несколькими сантиметрами выше. Не испытывая судьбу, Дружинин по линии связи стал спешно спускаться вниз, благо что далее она пролегла по долине.

Произошедшее если и не сильно напугало, то лишний раз напомнило ему о той опасности, которая подстерегает каждого бойца, находящегося на передовой. Сначала Анатолий радовался тому, что все обошлось и он без единой царапины на теле идет себе живой и здоровый. Но теперь в голову лезли другие мысли, которые по спирали накручивали те события, которые могли последовать, если бы вражеским снарядом ему оторвало одну или даже обе ноги. С какими трудностями в жизни ему пришлось бы столкнуться, окажись он инвалидом. Анатолий стал представлять себя калеккой, пытаясь вообразить свои страдания. Было совершенно понятно, что это лишь плоды фантазий его лукавого ума, и он как мог старался прогнать прочь навязчивые мысли, которые то и дело возвращались вновь.

Впереди идущий пехотинец сбавил шаг; поправляя ремень карабина, он в очередной раз оглянулся на Анатолия; очевидно, солдату было неприятно ощущать присутствие идущего за его спиной человека. Слева, на вершине выскочки, стал виден четкий силуэт искореженного тригопункта. За склонами холма показались крыши крайних домов села Черница.

Неожиданно со спины Анатолий услышал свист летящего снаряда. По звуку он легко определил, что боеприпас должен упасть где-то далеко впереди. Пролетев над его головой, снаряд разорвался как раз на том месте, где шел пехотинец. Грохот разорвавшегося осколочно-фугасного заряда прогремел, сотрясая воздух. Столб пыли, огня и черного

дыма поднялся на месте разрыва. Когда Анатолий приблизился к воронке, она еще курилась. Пыль медленно опускалась на землю, в воздухе веяло стойким запахом немецкого тротила. От бойца, который в момент взрыва оказался на этом злосчастном месте, ничего не осталось. Был человек — и бесследно исчез. С раненым сердцем Анатолий смотрел на дымящуюся, с опаленными краями воронку; в ушах еще гудел звук от недавнего разрыва. Постояв немного у края конической ямы, Дружинин пошел по линии дальше.

В десяти метрах от места разрыва он заметил на земле комок грязи. Каким-то странным показался ему кусок влажной земли, одиноко лежащий на абсолютно сухой поверхности. Подойдя ближе, Анатолий небрежно толкнул его носком ботинка. И в тот же миг неприятная дрожь пробежала по всему телу: это был кусок человеческой плоти. Кровь, перемешанная с почвой, обволокла часть мышцы, превращая ее в обычный комок глины. Видимо, это все, что осталось от солдата. Дружинина пронзило какое-то чувство стыда и неловкости, будто он причинил боль погибшему бойцу, толкнув его ногой в обнаженное и окровавленное тело. Будто он ударил незнакомого солдата носком ботинка в его открытую, кровоточащую рану. Дрожь пробежала по спине, лоб покрылся морщинами.

Кто этот солдат и куда он шел, Анатолий не знал. Никому из подразделения, где служил этот боец, не будет известно, как и при каких обстоятельствах он погиб. Писарь запишет в сводку безвозвратных потерь, а начальник штаба подпишет извещение, которое на пороге своего дома от почтальона получит его бедная мать. Захлебываясь горькими слезами, она будет читать сухие, рвущие ее материнское сердце строки: «Ваш сын... пропал без вести». А солдат навечно останется в этой земле и станет землей, оросив ее прежде своей кровью, — без могильного холмика, без надгробья, без надписи... А там, далеко, на его родине разбитая горем жен-

щина до конца дней своих будет ждать с войны пропавшего без вести сына, вздрагивая при каждом оклике, при каждом шорохе, при каждом скрипе покосившейся калитки. Как часто она будет выходить за околицу, на распутье дорог, внимательно вглядываясь вдаль — вдруг там, далеко на горизонте, появится фигура ее повзрослевшего сына и она через несколько минут окажется в его крепких объятиях. Как при редких поездках в город она возьмет себе в привычку вовремя поспевать на вокзал, чтобы встречать там прибывающие поезда. Внимательно всматриваясь в лица приезжающих пассажиров, мать с трепетом в душе будет робко надеяться на то, что среди незнакомых людей ей посчастливится наконец увидеть родное лицо. Как же это мучительно больно...

Я хочу, чтобы мы, родившиеся через много лет позже этой страшной войны, помнили. Помнили тех, кто в свои восемнадцать лет ушел на фронт защищать Родину и остался там навечно безымянно павшим на полях жестоких и кровопролитных боев. Чтобы помнили и передавали эту память своим детям, внукам, правнукам.

ЛЮБОВЬ ДАЖЕ НА ВОЙНЕ НЕ ЗАПРЕТИТЬ

Шел третий месяц жесткой обороны, где части Пятьсот тридцатой дивизии занимали рубеж в районе местечка Сталашка. Войска фронта основательно накапливали силы для нового наступления. В эти теплые дни начала июля у Лаврушина произошла теплая встреча с фельдшером санчасти полка Ворониной.

Вера Воронина — очень красивая девушка, грациозно сложена, с прекрасной, просто безупречной фигурой. Ее большие серые глаза под сводом черных прямых бровей смотрели чистым и открытым взглядом. Ровный аккуратный носик и слегка припухлые губы гармонично сочетались со строгим овалом лица. Внешне Верочка выглядела сильной, смелой, решительной и страстной. Сочетание внешней красоты и решительности даже парней неробкого десятка приводило в состояние замешательства. Неуверенным и в голову не приходило попытаться завести с ней знакомство. Внутри же Верочка была женственной, трогательной и нежной. Она не была о себе высокого мнения, хотя была образованна, умна и в общении с остряками, будучи бойкой на язык, умела давать достойный ответ. Но ее остроумие никогда не выходило за рамки приличий. Заигрывать она могла со многими, но серьезных отношений у Ворониной не было ни с офицерами, ни тем более с рядовым или сержантским составом. И это продолжалось ровно до тех пор, пока на сцене не появился красавец и обольститель женских сердец — Лёшка Лаврушин.

Беседа двух молодых людей была недолгой, но плодотворной. Причиной этому послужила небольшая рана на руке, нанесенная Лёшке вражеским осколком.

Третьего июля штаб полка подвергся короткому артобстрелу. В результате чего Алексей получил легкое осколочное ранение в правую руку. Находясь в момент ранения рядом с санчастью полка, он не мог не использовать наиболее подходящую возможность для знакомства. Можно было воспользоваться поддержкой боевых товарищей, в крайнем случае помощью санитаров, но это было бы слишком наивно. Был подходящий повод поближе познакомиться с фельдшерницей, на которую он уже давно обратил свое внимание и терпеливо выжидал удобного случая. Лёшка понимал, что такое ответственное мероприятие решать с наскока нельзя — можно потерять все!

Прижимая кровоточащую рану, Лаврушин шагнул на ступени санчасти, выискивая глазами объект своего внимания. Увидев выходящую из кабинета Веру, он тут же направился в ее сторону, не спуская с девушки глаз.

— Ой!.. Вы ранены?! — взволновано спросила Воронина, заметив в длинном коридоре Лёшку.

— Вот, слегка зацепило. Как назло, санитаров рядом не оказалось, — соврал ей Алексей, полагая, что ложь во благо — это совсем не ложь.

— Присаживайтесь, я сейчас... Рану необходимо продезинфицировать и перевязать, — заторопилась Вера. В замешательстве она зачем-то зашла в процедурный кабинет, осмотрела его и тут же вышла обратно в коридор. Найдя Лёшку глазами среди немногочисленного персонала и раненых, она вновь подошла к нему. — Пройдемте... — взволнованно произнесла единственное слово Вера, едва скрывая свое смущение. Такие чувства одолевали ее нечасто, и Верочке тяжело было с ними справляться.

Лёшка был опытный и чуткий в сердечных делах специалист, чтобы без особого труда заметить некоторое смяте-

ние в поведении старшины. Вдвоем они зашли в кабинет, после чего Лаврушин поспешил закрыть за собой дверь. Вера, осматривая рану, прикоснулась к его руке. Лёшка, отвыкший от женской ласки, остро почувствовал прикосновение нежных женских пальцев, отчего кровь ударила в голову и сердце заколотилось как сумасшедшее. На несколько секунд он даже потерял дар речи. Верочка была так близко, что он чувствовал ее взволнованное дыхание и какую-то чистую, непорочную свежесть.

«Боже! Какая женщина!» — в который раз мелькнуло в голове. Лёшка не сводил с Верочки глаз, едва сдерживая себя, чтобы не захватить ее в свои объятия.

— Вы, Алексей, своим взглядом во мне отверстие просверлите, — преодолев волнение, сказала Вера, глядя в горящие огнем глаза своего пациента.

— Забавно! Вы даже знаете, как меня зовут? — удивился Лёшка.

— Конечно знаю! Вы Лаврушин Алексей Кириллович, одна тысяча девятьсот двадцать третьего года рождения, красноармеец взвода связи штабной батареи нашего доблестного артполка. Да, и самое главное — не женаты! — подытожила она, сверкнув счастливыми глазами.

— Поразительно! Вы, случайно, в особом отделе не работали? — прищурившись, задал вопрос Лаврушин, взяв осторожно фельдшерицу под локоть.

— Нет! — смеялась Верочка. — По случаю запомнила, когда в штабе писарь заполнял наградные листы.

Освободиться от Лёшкиной руки она не пыталась, продолжая не спеша обрабатывать раненую руку. И это был добрый знак.

Женская красота — страшная сила! Используя ее, Вера вскружила своим присутствием голову штабному писарю, и он дал ей возможность прочитать несколько наградных листов, составленных им для предоставления в штаб дивизии. Чтобы штабной сотрудник не понял, какой объект ее

в настоящее время интересуется, Воронина прочитала сразу несколько штук, запомнив личные данные только Лаврушина. Как можно было писарю устоять перед такой красотой?! Тая от этого «страшного оружия», мужчины сдавали не только штабные и государственные секреты. Из-за него происходили межгосударственные конфликты. Можно уже не говорить о дуэлях, на которых сложили свои буйные головы тысячи представителей сильного пола. А что касается этого случая, осуществленное Верочкой преступление таким образом вовсе являться и не могло. Это было простое женское любопытство!

Так как встреча на почве оказания необходимой медицинской помощи была взаимно интересной, то и разговор был душевным.

— Верочка, вы божественны! Вы представить себе не можете, насколько вы очаровательны и прекрасны! Я даже не знаю, как я смогу отсюда уйти, сделать это будет не в моих силах. Можно я останусь в вашей медслужбе, чтобы быть всегда рядом с вами?!

— Интересно, Алексей, а что вы скажете своим командирам? Что вы тяжело ранены? — хохотала Верочка, и ее смех можно было услышать в коридоре.

— Нет! Верочка, я убит! Я убит в самое сердце вашим взглядом, вашим нежным голосом и всем вашим женским обаянием! — восторженно продолжил Лёшка, перемещая свою руку с локтя на талию старшины.

Ранее таких ситуаций Вера не допускала никогда. Но сейчас был другой случай — особенный. Она давно приметилась среди однополчан Лаврушина и не случайно узнала в штабе его личные данные. Крутая грудь Верочки при каждом вздохе волнительно поднималась, на щеках появился легкий румянец. Все ее сознание разделилось надвое. Одна половина, призывая к пристойности, упорно твердила: «Что ты себе позволяешь? Как ты можешь вести себя столь невразумительно? Опомнись! Ты же чиста и непорочна!» Зато

вторая половина, наоборот, лукаво шептала: «Да ладно... Ничего страшного! Ведь этот человек тебе нравится, ты давно мечтала познакомиться с ним! И ничего постыдного в этом нет! Подумаешь, взял за локоть, ну пусть подержит руку на талии. И что?!» Эти мысли мелькали одна за другой, и почему-то вторая половина сознания доминировала над первой. Как только Верочка не пыталась держать себя строже, у нее ничего не получалось. Совладать с собой она уже не могла. Неожиданно дверь открылась. В дверном проеме показалась фигура капитана Матиевского. Лаврушин успел вовремя убрать руку с талии фельдшерицы, пытаясь поприветствовать офицера.

— Не суетись, Лёша, здесь не место для пышных церемоний. Что тут у нас, Верочка? Надеюсь, ничего серьезного? — поинтересовался капитан, внимательно осматривая и раненого, и свою фельдшерицу.

Смех Ворониной насторожил старшего врача медицинской службы полка. Он, как никто другой, беспокоился о своих подчиненных. Персонал состоял в основном из девушек, а вокруг столько мужчин! Столько соблазна! Только в его подразделение направят толковую медсестру или фельдшерицу — и вот он откуда ни возьмись, воздыхатель! Понятно, что у них любовь, ее даже на фронте не запретишь, но проходило каких-то полгода — и ее по беременности приходилось комиссовать. Да и дисциплину требовалось блюсти. Если дать слабину, то медслужба полка в дом свиданий превратится, а потом и вовсе без персонала можно остаться. Вот Матиевский и насторожился. Хотя Воронина до сего дня поводов для беспокойства не подавала.

— Ничего страшного, Фёдор Павлович. Легкое осколочное ранение, без повреждения кости и кровеносных сосудов. Сейчас перевяжу раненого, и он может вернуться в строй, — доложила по форме фельдшерица, заканчивая перевязку.

— Что ж, хорошо. Тогда, Вера, заканчивай здесь с раненым героем и помоги Путиной разобрать поступившие

медикаменты, — распорядился капитан, закрывая за собой дверь. Верочка, поджав голову в плечи, хихикнула, прикрывая ладонью губы.

— Все в порядке! Что вы так забеспокоились? — проворковал Лёшка, взяв ее нежно за плечи.

— Подождите, Алексей, я застегну вам пуговицы, — заботливо настояла Вера, заправляя рукав гимнастерки. — Мне пора идти. По-моему, Фёдор Павлович что-то заподозрил, — озорно улыбаясь, заметила Вера.

— Я думаю, вам показалось. В конце концов, мы же не целовались!

— Вот еще чего! Вы с ума сошли! — смутилась Верочка.

— Ладно! Тогда давайте так. Я сегодня на посту здесь, при штабе полка, нахожусь. А вечером, как стемнеет, встречу с вами вот в этом саду, — указывал в окно раненой рукой Лёшка, прижимая при этом здоровой Верочку к себе. — Там, в конце сада, есть скамейка. Я, Вера Дмитриевна, приглашаю вас на свидание. Придете?

— Приду, — на радость Лаврушину согласилась Вера, — только сейчас нам надо идти, а то мне от капитана точно попадет, — забеспокоилась девушка, осторожно стараясь освободиться от Лёшкиных объятий.

— Тогда до встречи. Я с нетерпением буду ждать сегодняшнего вечера, — пообещал восторженно Лаврушин, галантно открывая перед дамой дверь.

В эти дождливые, но теплые дни полк подвизионно проводил ночные учебные стрельбы по движущимся макетам танков. Активных боевых действий войска не вели. И Лёшка был рад тому, что в такой обстановке у него есть большая вероятность завязать с Верочкой близкие отношения. К предстоящему randevу ухажер готовился основательно. Еще засветло он уже был вымыт, выбрит, в чистом обмундировании, со свежим подворотничком и в начищенных до блеска сапогах. Насвистывая незатейливую мелодию, Лёшка расхаживал у землянки связистов, то и дело посмат-

ривая на часы. Его приготовления к предстоящему свиданию невозможно было не заметить.

— Та-а-ак, Алексей Кириллович! Судя по вашим хлопотам, стрела Амура насквозь пронзила ваше сердце, — не без иронии намекнул Солянок. — Смотрю я на эти кропотливые сборы и предполагаю, что готовитесь вы, сударь, не к легкой прогулке по городскому бульвару, а к серьезной встрече с дамой. Не так ли?.. А ранее, Алексей, вы не были столь сентиментальны к противоположному полу. Насколько мне известно, общение с дамами для вас, товарищ Лаврушин, было делом скоротечным, обычно вы брали их на бордаж, не снимая шпаги. Что с вами случилось? Дама, наверное, не из простушек?! — тонко подметил Солянок. Опершись спиной о бревенчатые стены землянки, Васька внимательно наблюдал за влюбленным товарищем. — Братцы! Мы можем потерять лучшего друга! — воскликнул он, покачивая головой.

— Да, Вася, совершенно с тобой согласен! Теряем и, по моему, уже навсегда! И я этим крайне обеспокоен, — подержал разговор Лёня Дырявко, также внимательно наблюдавший за сборами однополчанина. — Лёша, надеюсь, эта девушка, ради которой ты и друзей не замечаешь, из нашего полка? — Остановившись напротив, Лёня с улыбкой стал рассматривать лицо не на шутку разволновавшегося, но в то же время счастливого друга. — А то, судя по тому, как ты педантично начищаешь перья, меня начинают одолевать тревожные мысли. Может, ты замахнулся на даму, служащую при штабе дивизии?! — изображая беспокойство, интересовался Лёня.

— Да не суетитесь вы беспричинно. Я не думаю, что за скромным свиданием, если оно вообще состоится, последуют какие-то отношения. Уж девушка очень серьезная. И ты, Вася, совершенно верно подметил: она не из простушек. Но и не из штаба дивизии, а из нашего полка. И вы ее все хорошо знаете, с такой дамой особо не забалуешь! — постарался успокоить друзей Лёшка.

— Стоп, стоп, стоп! По-моему, я понял, кто стал причиной твоих задушевных волнений! Никак это Верочка Воронина, я угадал?! — вдруг воскликнул Дырявко, осторожно ткнув указательным пальцем Лаврушина в грудь.

— Точно! Как это я сразу не догадался?! — соскочил со своего места Солянок, щелкнув при этом пальцами. — Кто у нас в полку из девушек достоин твоего внимания, да еще строг и серьезен?! Это только Верочка! — восторженно воскликнул Васька. — Святые угодники! Вот это да! Ну Лёшка! Ну молодец! Поздравляю! — протянул руку Солянок, искренне радуясь за своего друга.

Все по очереди стали подходить к Лаврушину, поздравлять, пожимая ему руку и хлопая по плечу, чем несколько смутили влюбленного.

— Да перестаньте... да чего вы? Не стоит! Может, она на свидание и не придет, а вы уже поздравляете.

— А она что, тебе не пообещала? — оторопел вдруг Солянок.

— Ну почему же? Пообещала! — возразил Лёшка.

— В таком случае как это она не придет на свидание?! Ты что, Лёша?! Совсем от счастья голову потерял! — надрывая голос, воскликнул Дырявко. — Если Верочка пообещала, то она обязательно придет. Как ты сам подметил, она девушка серьезная. И если она дала согласие, то свое слово обязательно сдержит. Это же Верочка! А не какая-то там легкомысленная девица. Как только ты в ее словах сомневаться можешь?!

Сияющий от счастья Лаврушин продолжал суетиться, расхаживая взад-вперед. Неожиданно его что-то насторожило. И тут он вдруг вспомнил: если свидание, то где же цветы?!

— Черт побери! Чуть не забыл цветы! — крикнул Лёшка, стремглав выскочив из землянки. Под смех друзей наш герой помчался на поляну, где накануне видел большое количество полевых цветов.

Немецкий снайпер Вернер Шульц со своим наблюдателем Херманом Гофманом уже третий день охотились за своим советским коллегой, который на этом участке фронта убил уже достаточно много немецких солдат и офицеров. Расположились снайперы на правом фланге своей обороны.

Пробираясь сюда пришлось еще затемно, ранним утром. На северном склоне холма располагались уже заросшие кустарником и травой старые траншеи советской обороны сорок первого года. Окопы, местами развороченные воронками от бомб и снарядов, обсыпались, поросли растительностью, но целым остался старый блиндаж.

— Как тебе место, которое я вчера нашел?! — хвастаясь, шептал Гофман, повернувшись к своему командиру. Несомненно, он ждал от него похвалы. — Лучшей позиции для снайпера не найти. Оно не очень заметно на всей прилегающей территории, и если пойдет дождь, то от него можно будет укрыться в этом блиндаже.

— Блиндаж этот будет кстати, если нас обнаружат русские и начнут артиллерийский или минометный обстрел. Вот для чего он здесь важнее, Херман, а не для того, чтобы от дождя укрываться, — убедил Гофмана более опытный Шульц.

Он вчера дал своему наблюдателю задание, чтобы тот разведал северный склон холма и выбрал удобную позицию в этом квадрате. Теперь Шульц по-хозяйски сам осматривался на местности, подбирая уголок, где можно было рациональнее расположиться. Через час с небольшим снайперский дуэт удобно разместился за невысоким кустарником. С рассветом терпеливо, метр за метром, они стали рассматривать в оптику поле, откуда, по их предположению, вчера стрелял их русский визави.

— Чистое поле. Ни кустов, ни укрытий. Где он мог скрытно залечь, что мы вчера не могли его обнаружить? — удив-

лясь, спросил Гофман. — Не мог же он, как крот, прорыть себе нору от того леса, — недоумевал он, не отрываясь от новенького бинокля фирмы Dienstglas.

— Русские все могут, — заверил его Шульц. — Смотри внимательней и меньше болтай, — строго настаивал унтер-офицер, продолжая перемещать свой карабин.

Сколько ни старалась немецкая пара засечь русского стрелка, ничего не получалось. В объективах их лучшей в мире оптики просматривалась лишь ровная поляна с обилием полевых цветов, и более ничего.

Позиция оказалась исключительной — день выдался неудачным. Он приближался к концу, а на линии огня русского снайпера до сих пор обнаружить так и не удалось, но Гофман до слез в глазах упорно продолжал наблюдать за местностью. Солнце катилось на запад, жара стала спадать. Шульц, укрытый от обзора противника кустарником и бруствером траншеи, закрыв от солнечных лучей распаленное лицо газетой, лежал на траве, широко раскинув ноги.

— Вернер, смотри! — вдруг взволнованно позвал его обер-ефрейтор.

Шульц быстрее молнии метнулся на свое место.

— Где? — спросил Шульц и припал к прицелу своего карабина.

— Чуть левее от опушки леса, — взволнованно давал ориентир его наблюдатель. По полю сломя голову бежал влюбленный Лаврушин. Крылья Амура несли его к заветной цели, и он словно плыл по открытому полю, не касаясь земли ногами. Опьяненный любовью, Лёшка забыл про все меры предосторожности, про то, что идет война, и про то, что на этой войне убивают. В его голове одна за другой мелькали мысли о предстоящем свидании. Он уже представлял себе картину, как он преподносит Верочке самый лучший на свете букет полевых цветов, и то, как она, сраженная его вниманием, принимает цветы, сверкая лучезарной улыбкой.

Вернер Шульц был не новичком в своем деле. И уже через мгновение он поймал русского солдата в прицел. Плавно перемещая свой Mauser, Шульц держал красноармейца на мушке, но открывать огонь не спешил. Ему достаточно было нескольких секунд, чтобы понять, что этот русский не может быть тем снайпером, которого они выжидали здесь с самого утра.

— Давай я его сниму, — предложил Гофман, хватаясь за оружие.

— Не надо, я сам, — прошептал Шульц, и Гофман послушно убрал руку со своего карабина.

Лёшка добежал до поляны, где буйным цветом цвели полевые цветы, извергая лучшие ароматы на земле. Его глаза разбегались. Он не знал, какие из этого изобилия Верочке понравятся больше, но все же потом, положившись на свою интуицию, стал аккуратно срывать один цветок за другим, собирая их в большой букет. Раз за разом нагибаясь и срывая новое растение, Лаврушин беспечно продолжал кружить по поляне.

«Наберу сейчас побольше, а там, у нашей землянки, можно будет все их не спеша потом перебрать», — рассуждал Лёшка, не подозревая, что находится под прицелом одного из лучших снайперов вермахта. Планка прицела плавно смещалась с Лёшкиной удалой головы на его грудь и обратно. Шульц отчетливо видел сквозь линзы прицела счастливые Лёшкины глаза. Подушечка указательного пальца снайпера скользила по овальным краям спускового крючка.

И вот в руках Лаврушина уже приличный букет. Он встал во весь рост, осматриваясь вокруг. Все это время Гофман, не отрываясь ни на секунду, рассматривал его в бинокль, ожидая, когда выстрелит Шульц. Он смотрел на счастливо-озабоченное лицо Лаврушина, который как специально открылся для удачного выстрела. Лучшего момента для снайпера не бывает. Теперь Лёшкина жизнь отделялась от смерти на доли секунды, которых хватало пуле калибром семь

девяносто два, чтобы пролететь всего четыреста метров до своей цели. Доли секунды... В очередной раз Гофман задержал дыхание, ожидая хлопка карабина. Но время шло, а выстрела все не было.

— Ты чего не стреляешь? — не выдерживая затянувшейся паузы, с негодованием обратился он к унтер-офицеру, не прерывая наблюдение. Шульц продолжал молчать. — Ты что, уснул, что ли? — не унимался Гофман.

— Это не снайпер, которого мы ждем, — наконец откликнулся Вернер.

— Так какая тебе разница, какого русского ты убьешь? Возможно, того, кого мы ждем, сегодня не будет, так застрели хоть этого, — настаивал наблюдатель, не понимая мотива, из-за которого Шульц затягивает с выстрелом.

Лёшка к этому времени повернулся и быстрым шагом стал удаляться в сторону своих позиций, где ему предстояло перебрать каждый стебелек, каждый листочек собранного наспех букета. Ноги сами несли его по этому открытому пространству скорее туда, где вечером должна произойти его встреча с любимой.

— Он уходит! Ты чего не стреляешь?! — взорвался возмущенный Гофман. Оторвавшись от бинокля, он кинул неодобрительный взгляд на своего командира.

Унтер-офицер лежал на своем огневом рубеже и неотрывно рассматривал небольшую фотографию. Его заряженный карабин лежал рядом.

— Что с тобой?! Ты здоров? — удивленно спросил Гофман.

— Со мной все в порядке.

— А почему не стреляешь?

— Ты что, не видел, что этот русский собирал цветы?

— Видел! И что? Может, он хотел ими украсить свой блиндаж. Я тоже иногда так делаю.

— Нет, Херман. Он эти цветы собирал для своей девушки. Разве ты не видел, какое у него было лицо, какие глаза?

Такой взгляд может быть только у влюбленного человека. Я это сразу понял.

— Не узнаю я тебя, Вернер. Слишком ты стал сентиментальным, — заметил Гофман, протягивая руку к фотографии. — Можно взглянуть? — обратился он к товарищу. — Это твоя Гретхен?

— Да, это моя маленькая жемчужина. Полковник в конце лета обещал мне отпуск. Поеду домой — обязательно женюсь на ней, — уверенно сказал Шульц, отдавая фотографию своему наблюдателю. — В прошлый отпуск у нас была помолвка. А теперь она станет моей женой, — сладострастно улыбаясь, заявил унтер-офицер и перевернулся с живота на спину.

— Если ты будешь так жалеть русских, как сегодня, то ты и на Рождество домой не попадешь, — ухмыльнулся Гофман, рассматривая черты лица возлюбленной Шульца. С фотографии на него смотрела красивая смеющаяся девушка в нарядном платье. — Красивая она у тебя! — подметил Херман, продолжая любоваться фотографией.

— Да. Она просто красавица! Жаль мне стало этого парня. Он был такой счастливый. А я одной пулей мог оборвать и его счастье, и счастье той девушки, которой он собирал эти цветы. Кто знает, может, он ей тоже предложение решил сделать, чтобы она стала его женой?

— Точно тебе надо в отпуск съездить...

— Ты, Херман, не понимаешь, что я охотник. Вот я тебя отправил вчера на это место, чтобы ты подобрал эту позицию. Сегодня мы вместе ночью пробирались сюда ползком, в темноте, как кошки. И все это сделано для того, чтобы выследить и подстрелить русского снайпера. Понимаешь, мне важен азарт. Состязание: кто кого?! — объяснял эмоционально Шульц, жестикулируя. — А ты мне предлагаешь убить этого солдата. Что может быть проще?! Вот он, перед тобой стоит во весь рост, лицом к прицелу, в четырехстах метрах. Просто нажми на курок — и он упал. Мне такая ра-

бота неинтересна, — объяснил свой отказ от выстрела Шульц, забирая у Гофмана фотографию невесты. Он еще раз взглянул на улыбку прекрасной Гретхен и, аккуратно откинув клапан, положил фото в карман.

* * *

Через несколько минут Лёшка крутил в руках букет полевых цветов, источавших целую палитру нежных ароматов. Подобно опытному флористу, с любовью перебирая каждый цветок, аккуратно подрезая стебли и листья, он собрал красивый букет, который не стыдно было преподнести любимой девушке. Занятый ответственным делом, Лёшка даже и не подозревал, что в походе за цветами он рисковал своей жизнью, которая была всего на волоске от смерти.

Наконец начало смеркаться. Село замерло. Улицы, примыкающие к штабу, патрулировали дозорные. Пробравшись на окраину сада, Лаврушин скрылся за кустом, с трепетом наблюдая за тропинкой, что от медслужбы вела к заветной скамейке. Время несказанно долго тянулось. Сердце нашего донжуана колотилось как сумасшедшее, не давая ему покоя. Обычно он, известный сердцеед с большим опытом в любовных отношениях, вел себя уверенно и без излишних эмоций. А тут — волновался как первоклассник. Поглядывая на часы, Лаврушин нервно поправлял то пилотку, то ремень, то, будто кого-то опасаясь, оглядывался вокруг.

Когда на тропинке в мерцающей темноте Лаврушин увидел знакомый силуэт, его дыхание участилось. Это была она! Набравшись мужества, Лёшка вышел из-за куста и направился навстречу к Верочке, держа за спиной заветный букет цветов.

- Добрый вечер, Вера Дмитриевна.
- Вечер добрый.
- Я уже стал переживать, что вы не придете.
- Ну что вы, Алексей, я же вам обещала.

— Спасибо, что не отказали мне в свидании. А это вам, — и в тот же миг Лёшка протянул ей букет.

Расплываясь в широкой улыбке, Верочка засверкала огоньками счастливых глаз. Растроганная вниманием кавалера и прижимая нежно цветы к своей груди, она вдохнула исходящий от них аромат.

— Как приятно пахнут! — восторженно сказала Вера, искренне радуясь неожиданному сюрпризу.

— Рад, что вам понравилось. Я старался. Быть может, перейдем на «ты»? — предложил Лёшка, нежно взяв старшину под локоть.

— Я согласна. А то наши отношения становятся больше похожими на официальные, — засмеялась Вера, не спуская глаз со своего ухажера.

— Договорились! Я предлагаю немного прогуляться. Места для прогулки здесь немного, — подметил Алексей, описывая рукой периметр сада, — но я думаю, мы, не спеша, много и не пройдем.

— Ну тогда маршрут выбирай, Лёша, сам. А я покорно буду следовать за тобой, — согласилась Вера и взяла Алексея под руку.

Ночь на редкость была тихой. Полный штиль и безветрие. Воздух в саду наполнял аромат полевых цветов. Зарождающийся тонкий месяц неподвижно повис в ночном небосклоне среди алмазной россыпи ярких звезд. Сердце нашего героя переполняли эмоции, отчего ему непременно хотелось это первое свидание для любимой сделать более романтичным. И тут Лёшку прорвало. Он стал рассказывать забавные истории из своей жизни, о друзьях, которые так переживали за его свидание, и о многом, многом другом. Лёшка на ходу придумывал смешные байки, рассказывая их, он эмоционально жестикулировал, искренне стараясь, чтобы Верочке понравилось. Она весело смеялась, чувствуя себя в компании интересного кавалера легко и раскованно.

— Вера, скажи, а тебе нравятся стихи Есенина? — неожиданно спросил Лаврушин.

— Да. Конечно. А ты что, можешь мне их почитать?

— А почему бы и нет? Только одну поэму «Анна Снегина» я могу читать тебе беспрерывно около сорока минут.

— Ты знаешь наизусть «Анну Снегину»?! — удивилась Вера.

— Да, знаю. И еще много стихотворений кроме этой поэмы.

— А откуда у тебя такие познания о творчестве Сергея Александровича? Ведь в школе мы его совсем не изучали.

— У нас в школе был старенький учитель русского языка и литературы. Он еще до революции работал в церковно-приходской школе. У него дома сохранилось очень много книг и журналов, в том числе и дореволюционных. А так как я увлекался чтением и был одним из его любимых учеников, он тайно давал мне такую литературу.

— А мне любовь к литературе привила моя бабушка. Я тоже с детства много читала, в том числе Блока, Гумилёва, Ахматову. Так ты мне прочтешь сегодня что-нибудь из стихов Сергея Александровича?

— А как же? Обязательно прочту, — Лёшка взял Верочку за руку, и в ночной тиши зазвучал его мягкий бархатистый голос:

— Заметался пожар голубой,
Позабылись родимые дали.
В первый раз я запел про любовь,
В первый раз отрекаюсь скандалить...

Обворожительный голос Лаврушина то, ускоряясь, взлетал далеко ввысь, то плавно затихал, эмоционально подчеркивая любовные строки. Верочка была очарована. Медленным шагом, иногда с длительными остановками обходя по периметру сад, они вновь подошли к заветной скамейке, где каждый неожиданно для себя остановился. Теплый

воздух летней ночи пьянил. Волнующуюся тишину нарушал лишь приятный стрекот сверчков. Алексей повернулся к Верочке, взял букет из ее рук и аккуратно положил на скамейку.

— Вера! А можно тебя поцеловать? — осмелившись, спросил Лёшка. И тут наступила звенящая тишина. В ожидании ответа сердце Лаврушина словно замерло. Даже время как будто остановилось.

— Да, можно, — после короткой паузы тихо ответила Вера.

Радостно выдохнув, Лёшка обнял ее за плечи и нежно вовлек в свои объятия. Тело девушки дрогнуло, качнулось назад. Ответив согласием, Верочка еще не до конца была уверена в своем решении, но, оказавшись в крепких Лёшкиных руках, она расслабилась и с лихвой предалась чувству любви...

Вечер, проведенный в саду, вдохнул в души влюбленных те чувства, от которых хотелось летать и каждую секунду быть непременно рядом. Друзья таким счастливым Лёшку еще не видели. Он светился, как начищенный самовар. Преобразилась и Верочка, чем еще больше насторожила Матиевского.

И тут, в самом зачатии любовных отношений, объявили приказ на стодвадцатикилометровый марш. По приказу командующего фронтом Двадцать четвертый стрелковый корпус в составе Тринадцатой армии скрытно от противника перебрасывался от города Броды с юга на север. Седьмого июля Семьсот девятнадцатый артполк получил приказ на марш по маршруту Лядухув — Колодежи, где и должен был занять боевой порядок в трех километрах восточнее станции Звенячье. На марш полк выдвигался в режиме полной секретности двумя разными маршрутами и исключительно в ночное время суток, чтобы скрыть передвижение подразделений от вражеской авиации и разведки.

Теперь Лёшку беспокоила одна серьезная проблема: Вера служит в медсанбате, а он — во взводе связи, а эти разные подразделения должны были теперь перемещаться в разных колоннах. Как организовать поход, чтобы его можно было провести вместе с любимой? Задача была не из легких. Но эту проблему Вера кардинально решила сама.

— На марше я буду рядом с тобой, — вдруг заявила Верочка, когда в вечернее время полк сосредоточился в населенном пункте Лядухов.

Лаврушин знал, что Вера девушка смелая, но то, что она решится на такой отчаянный акт, предположить не мог. Услышав от любимой эти слова, Лёшка несколько секунд пребывал в замешательстве. Двойственные чувства одолевали им. Было приятно, что Вера сделала такой решительный шаг и они какой-то период могут быть рядом. Но в то же время фельдшера не будет в своем подразделении, а в связи с этим могут возникнуть проблемы с командованием.

— Ты, Вера, хорошо подумала? Я, конечно, рад, что ты отважилась на такой поступок. Но при этом переживаю, что у тебя могут возникнуть серьезные осложнения в отношениях с Матиевским! — забеспокоился Лаврушин.

— Я хорошо подумала и решила, что на марше буду с тобой. И теперь меня ничто не остановит, — уверенно сказала Вера, в ее словах слышалась непреклонность.

«Отчаянная женщина!» — подумал про себя Лаврушин, планируя, как лучше обезопасить любимую во время движения колонны и на дневках в населенных пунктах.

Ефим согласился, чтобы Вера передвигалась в его поезде. Во время ночных маршей это было возможно. А в местах дневок Лёшке удалось договориться со старшиной Мельниченко о совместном с ней времяпровождении в домах местных жителей, куда должны будут расквартировать людей. Старшина пообещал в этом деле ему помочь.

Друзья были рады за Лёшку и всячески старались скрыть от посторонних глаз присутствие во взводе женщины из другого подразделения. На второй день марша бойцы договорились отметить такое значимое событие более основательно. Солянок приготовил кашу с американской тушенкой, а повозочный Газизьян ради такого случая обменял свою плащ-палатку на большую бутылку самогона, чтобы друзья смогли поздравить молодых с началом их прекрасных отношений.

Перед тем как выйти к праздничному столу, Верочка очень долго к этому готовилась, закрывшись в уютной спальне большого сельского дома.

— Ну, скоро ты уже выйдешь? — начинал беспокоиться Лаврушин. — Сейчас уже гости придут, а тебя до сих пор нет, — с замиранием сердца предупреждал любимую Лешка, ожидая ее под дверью.

— Да подожди ты! Я сейчас!.. — так же взволнованно откликнулась из-за дверей Верочка.

Последние приготовления проведены: выставлена на стол посуда, расставлены скамейки. В комнате распространялся бесподобный аромат вкусно приготовленной пищи. Для женской половины общества Трощенко раздобыл вино. Все с нетерпением ждали появления на сцене женского пола. Наконец дверь спальни, под которой выхаживал нетерпеливый Лаврушин, запахнулась... и на пороге появилась совсем другая Вера. Все присутствующие от удивления ахнули.

— Вот это да! — хором бойцы выразили свое восхищение.

Перед ними стояла необыкновенной красоты девушка: с новой прической, в милом гражданском платье в горошек и новеньких туфельках на каблуках. Лёшка был на седьмом небе от счастья. Ведь это была его Верочка! В адрес дамы со всех сторон незамедлительно посыпались комплименты.

Кроме Веры мужскую компанию разбавили еще три девушки из числа местных жительниц, которых пригласил на мероприятие Лёня Дырявко.

— Ну вот и мы! — заявил восторженно Лёня, заходя в комнату в компании сельских красавиц.

— О-о-о!.. Ну наконец-то!.. Милости просим!.. Лёня, ну где ты запропастился?! Мы уже заждались!.. — слышались взволнованные голоса с разных сторон.

Местные девчата, облаченные в яркие одежды с неким национальным колоритом, с нескрываемым в глазах интересом рассматривали счастливые лица солдат. Сияющие улыбки девушек говорили о том, что они рады приглашению в общество, где не будут обделены мужским вниманием.

— Надеюсь, мы вовремя?! — сверкая белоснежной улыбкой, обратился к друзьям Лёня, наблюдая, как воспряли духом его однополчане. Помещение наполнилось шумными голосами. — Знакомьтесь, друзья, это наши гости — Мирослава, Яна и Галина, — представил девушек однополчанам Лёня, галантно указывая на приглашенных девчат. — Прошу любить и жаловать, — добавил он.

— *Прошу вас, Яна, проходите*, — как на крыльях подлетел к пышногрудой красавице Ваня Топчак, препровождая даму к столу.

— Мирослава, я к вашим услугам, — поспешил с предложением к самой стройной из девушек Армен Газизьян.

— Не торопись, Армен! Мирослава любезно согласилась, чтобы именно я сегодня немного поухаживал за ней, — перехватил на ходу инициативу Газизьяна Лёня Дырявко, предупреждая товарища останавливающим жестом.

— Что, Армен, опоздал? — смеялся Лаврушин, наблюдая эту картину.

— Да разве за Лёней угонишься?! — жаловался огорченный Армен. — Я только подумаю — а он уже здесь! Он как пуля! Мне точно за ним не успеть, — эмоционально объяснял он свою неудачу друзьям.

Присутствующие залились звонким смехом. Громче всех смеялся Лаврушин.

— Да, Армен! В этом деле с Лёней соревноваться тяжело.

— *Мирослава, проходите до столу, ось ваше місце. Сідайте* (Мирослава, проходите к столу, вот ваше место. Присаживайтесь), — провожая к скамейке Мирославу, Дырявко оставил за собой право окружить ее заботой. — *Якщо ви не проти, я хотів би за вами сьогодні трохи позалицятися* (Если вы не против, я хотел бы за вами сегодня немного поухаживать), — предложил любезно Лёня, усаживая даму за стол.

— *Ну що ви?! Я анітрохи не проти* (Ну что вы?! Я ни сколько не против), — согласилась с радостью Мирослава, принимая предложение своего поклонника.

— *Галя! Мене звати Ефим* (Галя! Меня зовут Ефим), — представился черноглазой девушке Трощенко, подавая ей руку. — *Пройдітьте, не соромтеся. Ось ваше місце, прошу вас* (Пройдите, не стесняйтесь. Вот ваше место, прошу вас), — рассыпался в любезностях Ефим, обхаживая гостью.

— *Спасибі! Спасибі!* — благодарила галантного ухажера Галина, сверкая огоньками озорных глаз.

Поправляя юбки, девушки элегантно усаживались за стол. Появление местных красавиц прибавило настроения присутствующим кавалерам. Они заметно оживились. За девушками теперь наперебой ухаживали обходительные воздыхатели. Каждый из них втайне друг от друга надеялся на успех.

— Лёня, где ты их разыскал? — не скрывая удивления, стал расспрашивать Дырявко Ваня Топчак.

— А что... некрасивые?.. Тебе не понравились? — возмущаясь, удивился Лёня.

— Нет!.. Что ты! Наоборот, очень красивые, — радовался Ваня, не отрывая глаз от гостей. Стоя с тарелками у котла, друзья шепотом вели разговор о приглашенных на торжество девушках.

— Ты даже не представляешь, Ваня, что мне пришлось сотворить, чтобы найти таких красавиц, — Лёня нахмурил

брови и, опустив голову, старался изобразить то усердие, которое ему пришлось применить для поисках красивых девушек.

Сказав эти слова, Дырявко выглядел настолько убедительно, что Топчак пожалел о том, что в свое время не вызвался помочь другу в этом нелегком деле. И теперь, сосредоточившись, Ваня приготовился выслушать от него подробную историю. Но Лёня вдруг, взглянув ему прямо в глаза, изменился в лице.

— Да ладно тебе, Ваня... шучу я, — вдруг засмеялся Дырявко. — Ты же знаешь, у нас на Украине некрасивых девушек не бывает, — весело добавил он, срывая маску неутомимого поисковика.

Несомненно соглашаясь с другом, Топчак рассмеялся.

Балагурия, друзья с порциями ароматной каши выдвинулись к столу. Налили по первой чарке, и Солянок, стуча ложкой по большой бутылки, попросил присутствующих успокоиться.

— Итак, товарищи! Попрошу минуточку внимания! — начал торжественно Василий, озаряя присутствующих своей улыбкой. — Сегодня мы собрались здесь по очень приятному случаю.

— А случай действительно приятный!.. — воскликнул вдруг нетерпеливый Газизьян.

— Да помолчи ты, Армен! Пусть Васька слово скажет! Не перебивай! — оборвал его на полуслове Дырявко.

— Конечно, Армен, подожди, дай Ваське сказать! Потом сам свое слово скажешь, — поддержал Лёню Ваня Топчак. — Давай, Вася, продолжай!..

— Итак, товарищи! — продолжил Солянок. — Собрались мы здесь для того, чтобы отметить начало чистых и светлых отношений, завязавшихся буквально на днях между нашими любимыми друзьями — Верочкой Ворониной и Алексеем Лаврушиным. Поднимая этот бокал, мне хотелось бы поздравить их с этим замечательным и прекрасным событи-

ем. Разрешите пожелать нашим друзьям укрепления теплой дружбы, которая, как мне кажется, в дальнейшем должна перерасти в серьезные отношения и закрепиться тесными семейными узами. Так вот, товарищи! Не буду утомлять вас долгими речами, а скажу так: давайте выпьем за счастливое будущее наших друзей, пожелаем им большой и продолжительной любви! Пусть они свою любовь и верность пронесут до самой нашей победы над врагом и пронесут ее уже в мирной жизни до самой глубокой старости, закрепив эти прекрасные чувства рождением большого количества красивых и счастливых детей. Ура, товарищи!

— Ура! Ура! Ура! — поддержали Васькины слова друзья, поднимая кружки. Праздничное застолье продолжилось тостами за знакомство, за победу, шутками и шумными разговорами. Громче всех был слышен голос Армена.

Армен Газизьян родом из Армении. Очень веселый человек и хороший друг Ефима Трощенко. Так как приглашенных дам оказалось меньше, чем тоскующих по женскому полу мужчин, Армен оказался в числе обделенных. Теперь все свое внимание он сосредоточил на Ворониной. Ему, как и многим, очень нравилась Верочка. Он не спускал с нее глаз. Следовал в момент мероприятия за девушкой, ненавязчиво стараясь упредить всякое ее желание. Отвешивая комплименты, он галантно, как настоящий джентльмен ухаживал за дамой. Армен был искренне рад за Лёшку и по этому поводу даже пожертвовал своей плащ-палаткой.

— Знаешь, Верочка, я тебе как боевой товарищ один мудрый совет дать хочу. Надеюсь, он тебя спасет от несчастья, — взяв Верочку под локоть, нарочито обстоятельно заговорил Газизьян.

— Это настолько серьезно?! — изображая удивление, принялась внимательно слушать его Вера.

— Если этот подлец, — кивком головы он указывал на Лаврушина, — будет тебе предлагать послушать, как он читает стихи Сергея Есенина, ни в коем случае не соглашай-

ся! — убедительно требовал Армен с легким армянским акцентом и эмоционально жестикулируя при этом. — Как только ты услышишь из его уст первые строки — считай, ты пропала! Ты навсегда останешься в его власти. Он тебя как паук опутает паутиной любовной лирики, и ты уже ни в чем не сможешь ему отказать. Это просто ловушка для нежных и чувствительных девушек. Такие хрупкие создания, как ты, сами того не замечая, летят как несчастные мотыльки на этот костер любви! И, как бы это ни было больно и при- скорбно, они сгорают в этом огне дотла, так и не понимая, как смогли попасть на такую уловку. Я как боевой друг просто обязан тебя предупредить об этой опасности!

— Я не пойму тебя, Армен, — смеялась Вера, — он паук, который окутывает каждую свою жертву паутиной? Или он костер, в котором девушки сгорают как мотыльки? — хохотала она, глядя на захмелевшего Газизьяна.

— Он, Верочка... горящий паук! — поднимая указатель- ный палец вверх, выразился Армен. Смех вновь грянул в шумной комнате.

— Ты знаешь, поздно, мой дорогой Армен. Алексей уже читал мне стихи Есенина. И я их с удовольствием слуша- ла, — смеясь, завершила его девушка, снисходительно погла- живая Газизьяна по рукаву гимнастерки.

— Я так и знал! — воскликнул Армен. — Поздно! Поздно теперь что-либо говорить! Ты, Верочка, пропала! Ты даже сама не понимаешь, что ты пропала! Теперь ты вся во вла- сти этого человека. А ведь у меня еще теплилась надежда, что не все потеряно. Но теперь и эта надежда угасла, — мах- нул с досады рукой Армен.

Смех в комнате не умолкал.

— Ну что ты, Армен, успокойся, — утешал его Дыряв- ко. — Разве у себя на родине ты не читал своей девушке сти- хи Шота Руставели, чтобы очаровать ее?

— Вай, ара! Что ты говоришь, Лёня?! Шота Руставели не армянский, а грузинский поэт! Зачем я буду любимой де-

вушке читать «Витязя в тигровой шкуре», если у нас в Армении есть свои поэты?! — изображал возмущение Газизьян.

— Да я и не сомневаюсь в том, что в Армении есть свои прекрасные поэты и писатели, — смеялся Дырявко, глядя на балагурящего друга. — Вот я и надеюсь, что мы наконец-то сегодня услышим из уст настоящего армянина и достойного сына своей республики строки стихов лучших армянских поэтов!

— Давай, Армен, не подведи свою Армению! Прочитай нам что-нибудь лирическое, — подбадривал его Ефим, зная, что Газизьян хорошо знал поэзию родного края.

Армен несколько был смущен такой просьбой. Не так часто ему приходилось на публике читать стихи.

— Армен! Но мы просим тебя! — подключились к просьбе девушки.

Оправившись от неожиданной просьбы, Газизьян, поправив гимнастерку, гордо произнес:

— «В каждом армянине есть поэт!» — так гласит наша древняя поговорка. А я вам сейчас хочу прочитать стихи нашего древнего поэта Ованеса Тлкуранци в переводе русского поэта, прозаика и переводчика Валерия Брюсова, — положив руку на дужку кровати, Армен продолжил:

— Я гибну! Сжался надо мной! Любовь сказала: умирай!
Возьми же заступ золотой и мне могилу ископай.
Пусть на костре сожгут меня: душа стена взлетит огнем.
Кто не знавал сего огня? И сушь, и зелень гибнет в нем...

Газизьян сам не заметил, как вошел в роль чтеца, да так, что, эмоционально жестикулируя, стал похож на профессионального артиста, цитирующего поэта с высокой сцены. Присутствующие были в восторге.

— Bravo! — закричала, аплодируя, Верочка, когда Армен закончил стих.

И все присутствующие тут же поддержали его аплодисментами.

— Браво! Молодец, Армен! — подхватил слова Веры Солянок. — За это надо непременно выпить, — предложил Васька, вставая из-за стола.

— Да вы просто мало знаете о культуре нашего народа. А какие у нас в Армении песни! — окрыленный успехом, пытался продолжить тему о своей родине Газизьян.

— Правильно ты говоришь, Армен, мы мало что знаем об Армении. Но песни мы тоже любим! И сейчас самое время что-нибудь спеть, — стал убеждать его Ефим, усаживая друга за стол.

— Так!.. Тогда сначала споем, а уже потом надо будет непременно выпить, — поддержал предложение Ефима Солянок. — Ефим, запевай! А девчата, надеюсь, тебя поддержат, — настаивал Васька, глядя на развеселившихся девушек.

— *Ну що, дівчата, пісні співати будемо чи ні?* (Ну что, девчата, песни петь будем или нет?) — обратился он к приглашенным девушкам, весело им подмигивая.

— *А як же?! Звичайно будемо!* (А как же?! Конечно будем!) — в один голос радостно согласились девчата.

— *А з якої почнемо?* (А с какой начнем?) — восторженно спросила Мирослава, обращаясь к Солянку.

— *Та з будь-якої. Ефим у нас всі пісні знає* (Да с любой. Ефим у нас все песни знает), — заверил гостей Солянок.

— *А ви знаєте пісню «Ой за лісом зелененьким»?* (А вы знаете песню «Ой за лесом зелененьким»?) — допытывалась Яна.

— *Ну а як же?!* (Ну а как же!?) — возмутились одновременно и Ефим, и Дырявко. — *Звичайно знаємо! Або ми не українці?* (Конечно знаем! Или мы не украинцы?) — смеясь, добавил Лёня.

— *Ось і добре! Тоді, Галя, заспівай, а я буду вторити!* (Вот и хорошо! Тогда, Галя, запевай, а я буду петь вторым голосом!) — распорядилась Яна, присаживаясь рядом. Все уселись на скамейки, и девчата запели:

— Ой за лісом зелененьким,
Ой за лісом зелененьким
Драла вдова льон дрібненький,
Драла вдова льон дрібненький...

Нежные женские голоса дополнили бархатистый тенор Ефима Трощенко и более низкие баритоны Солянка и Дырявко. Каждый из них исполнял свою партию. Дружинину показалось, что они всю свою жизнь только и делали, что репетировали эту песню, чтобы здесь и сейчас спеть ее так красиво. По телу Анатолия пробежала приятная дрожь.

«И все-таки украинцы петь умеют!» — подумал он, слушая старинную народную песню.

— А мы танцевать сегодня будем? — вдруг, шепча на ухо, спросила у Лаврушина Верочка.

Ее глаза так загадочно и озорно светились, что Лёшка, даже если бы был в кандалах, отказать ей в этом все равно бы не смог. Вопрос, конечно, для него был неожиданный, но риторический: не зря же Вера надела новое платье.

— Сейчас организуем, — ответил ей Алексей, поднимаясь из-за стола. «Что же я раньше этого сюжета не предусмотрел?» — с сожалением подумал он, направляясь к выходу. — Николай, пошли со мной, — обратился Лёшка к Колесниченко, махнув ему рукой.

— Лёша, а что случилось, что за пожар? — удивленно спросил подошедший Колесниченко. Его стройная фигура нависла над копающимся в своем вещмешке Лаврушиным.

— Это не пожар, Коля! Это хуже нашего позорного поражения в этой войне, — торопливо сообщил Лёшка, заглядывая в открытую горловину своего сидора. — У тебя, Коля, мыло есть? Да не жадничай! Знаю, что есть, — не дожидаясь ответа, заявил Лаврушин, заталкивая в карман своих штанов кусок солдатского мыла.

— Ну есть! А зачем тебе мыло, ты что, вешаться собрался?! Я что-то не пойму, чего ты затеял, — возмущался Нико-

лай. То и дело бросая на Лаврушина недоуменный взгляд, он старался быстрее развязывать свой вещмешок. — Ты можешь толком объяснить, что произошло?

— Да, дружище, вешаться я собрался! По той простой причине, что девчата танцевать захотели!

— Так а при чем тут мыло?

— Ну какой же ты, Коля, недогадливый. Ведь для того, чтобы организовать танцы, что нужно?.. Правильно, нужна музыка! А музыка где у нас?! — с укором спросил Лаврушин. — А музыки, Коля, у нас нет... — развел руками Лёшка. — Вот теперь нам с тобой во что бы то ни стало надо будет раздобыть патефон.

— Ничего себя задачка! — оторопел от неожиданного поворота событий Колесниченко. — И где же мы его достанем? А вдруг этого самого патефона в этом селе нет? Тогда что? — забеспокоился Николай.

— Не может такого быть, чтобы его здесь не было, — возразил Лёшка, поглаживая гладко выбритую щеку. — А если и не окажется в этом селе, тогда найдем в соседнем, — твердо заявил Лаврушин, открывая входную дверь.

— Ну ты, Лёша, даешь!.. — негодовал Колесниченко. — Ты знаешь, что хождение по селу командованием запрещено? Если нас поймают, как минимум пять суток ареста влепят, — заметно волнуясь, высказал свои опасения Николай. — А если здесь не будет твоего патефона и в соседнем селе его не найдем — мы что, пойдем дальше?

— Да, Коля! Ты правильно угадал, — хлопнул друга по широкому плечу Лаврушин. — Будем искать, пока не найдем, даже если для этого придется дойти до самого Берлина! — смеялся Лёшка, на самом деле уверенный в своем мероприятии.

Обсуждая дело, друзья вышли на ярко освещенную летним солнцем улицу; стоял жаркий июльский день, дневное светило входило в зенит, нещадно обжигая тело горячими лучами. Дозорные, укрываясь от вражеской авиаразведки

и невыносимого зноя, старались на улице не появляться, по большей части находясь в тени домов и деревьев.

— Надо председателя колхоза найти, — подсказал хорошую идею Колесниченко, — у него точно должен быть патефон. Такие люди все равно побогаче остальных крестьян живут.

— Это точно, Коля! Тут ты прав. Даже если у председателя патефона и нет — он точно знает, у кого это механическое устройство есть, — подтвердил Лаврушин. — Пойдем через огороды, чтобы внимание к себе не привлекать, — решил Лёшка, и друзья, не задерживаясь, направились к колхозной конторе.

Хождение по территории села бойцам дивизии было строго запрещено. Необходимо было соблюдать маскировочную дисциплину. Но желание любимой женщины сильнее приказов командиров. Потому Лёшка уверенно шел сам и вел за собой своего боевого друга.

Хаты сельских жителей не тронуты войной: все как одна побелены, ровные плетневые заборы, дворы ухожены. Взрослых людей на улице не видно: кто помоложе — в поле; старики, скрываясь от зноя, — по домам. Босоногая детвора, играясь в тени сельских построек, с любопытством разглядывает солдат, идущих по огородной меже. По краям сельских огородов стоит высокая кукуруза с молодыми, наливающимися початками. Набирающий цвет подсолнух — выше человеческого роста, его большие, в ярко-желтых цветках головки, скрываясь от полуденного зноя, склонились вниз.

В зарослях высоких растений наши герои двигались быстрым шагом. Легкий ветер доносил запах переспелого и уже забродившего абрикоса. Яблони под весом наливающихся сочных плодов склоняли ветки к земле. Высокая ботва картофеля едва начинала желтеть. Из хозяйских дворов доносилось мычание телят, пение петухов, кудахтанье кур. Все было так мирно и беззаботно, как будто вовсе и нет войны. Одна мысль тревожила друзей: как быстрее найти

на время праздника патефон и при этом не попасться на глаза командирам?

Ну вот и центр села; над крышей большого кирпичного дома висит красный флаг. На стендах — агитационные плакаты, лозунги. Прямо у дверей пожилая женщина, очевидно, с местным бухгалтером громко спорит о недоначисленных ей трудоднях. С левой стороны крыльца — коновязь; на привязи стоит белая, средней упитанности лошадь, заложная в двуколку. Рядом — новый тарантас, запряженный двумя гнедыми лошадьми. У тарантаса хлопочет мальчишка лет тринадцати-четырнадцати, поправляет упряжь.

— По-моему, нам, Коля, повезло. Вот она, контора, а это, если я не ошибаюсь, тарантас председателя, — рассуждал Лаврушин, продолжая для конспирации озираться по сторонам. — Было бы хуже, если бы его здесь не было, — добавил спокойно он.

— И что, мы прямо так к председателю и пойдём? — неуверенно спросил Николай.

— Прямо так и пойдём! — твердо сказал Лёшка, поправляя гимнастерку. — А что тут, Коля, такого? Мы же не воровать идем, а попросить на время ответственного мероприятия патефон. А по его окончании обязуемся вернуть взятое имущество в целости и сохранности, — пытался убедить друга Лаврушин.

— Ну, в общем-то, да! — согласился Колесниченко. — Тогда пошли?!

— Пошли, Коля, пока наш председатель на своем тарантасе куда-нибудь не укатил, — поторопил друга Лаврушин, направляясь к конторе.

Увидев приближающихся бойцов, мальчишка заметно оживился: было видно, что он восхищался их военной формой, выправкой, наградами. Глаза подростка заискрились живыми огоньками. Выцветшая от времени широкая рубаха на мальчишке была не по росту; из-под обрезанных снизу штанин виднелись босые ноги. Мальчуган бросил занимать-

ся лошадыми и стал с любопытством осматривать подходящих к конторе солдат.

— *Добрідень*, — поприветствовал Колесниченко босоногого пацана.

— *День добрий*, — откликнулся тот и с радостью, уверенно шагнул навстречу.

— *Скажи-ка, хлопець, це візок голови?* (Скажи-ка, парень, это повозка председателя?)

— *Так, це його візок* (Да, это его повозка).

— *А він сам тут, в конторі?* (А он сам здесь, в конторе?)

— *Так! Він у себе в кабінеті* (Да! Он у себя в кабинете), — бойко ответил мальчуган. Было заметно, что он с восхищением разглядывал людей в военной форме. — А вы на фронт идете? — перейдя на русский, с нескрываемым любопытством поинтересовался пацан.

— На фронт, хлопец, на фронт, — ответил Колесниченко, собираясь уходить.

— А вы меня с собой возьмете?! — с неожиданным вопросом обратился паренек. — Я все равно сирота. Моих родителей и всю мою семью немцы в сорок втором году расстреляли, — выпалил мальчонка и посмотрел на друзей тоскливыми глазами, в которых таилась такая боль...

Как ножом по сердцу полоснули невыносимо тяжкие слова ребенка. Колесниченко готов был произнести: «Не спеши, хлопец, подрастешь и тоже сможешь стать солдатом». Но теперь он стоял и не знал, что можно сказать в ответ, — на языке не было слов. Лаврушин посмотрел на парнишку, и его сердце защемило от боли: наивный детский взгляд не позволял оставаться равнодушным. Израненная с мальства душа ребенка ждала от них самого важного в его жизни решения. Казалось бы, взрослые люди, а стоят беспомощными перед подростком. Переломив в себе кратковременную растерянность, Лаврушин подошел к мальчугану и обнял его за тонкие, худые плечи.

— Как тебя зовут, братишка? — обратился к пацану Лёшка, крепко прижимая его к себе.

— Василий, Василий Кузнецкий, — ответил парнишка. Обрызганное рыжими веснушками лицо теперь смотрело на Лёшку снизу вверх. Его голубые глаза щурились от яркого солнца, а сам он стоял и в нетерпении ждал, что скажет ему незнакомый солдат.

— А родственники, Васёк, у тебя есть? — спросил Лаврушин, поглаживая короткостриженую голову мальчугана.

— Есть, тетка. Но она уже старенькая и сильно болеет. Поэтому меня месяц тому назад в детдом отправили. А я оттуда сбежал! Только вы председателю об этом не говорите, я его обманул: сказал, что меня к тетке в гости на каникулы отпустили, — делился своей болью Василий. — Я на фронт хочу, фашистов бить! Я им отомстить должен, они всю мою семью убили! — не унимался пацан, таё в себе надежду, что именно эти солдаты ему непременно смогут помочь.

— Слушай, Васёк! Вот что я тебе скажу, — заговорщически произнес Лаврушин, оглядываясь вокруг. — Я думаю, мы сможем тебе помочь. Только ты сначала помоги нам.

— А что нужно сделать? — воспрял вдруг духом хлопец, и его глаза заискрились от счастья: он оказался нужным военным людям, а значит, есть и надежда!

— Для начала я должен тебя предупредить, что наш с тобой разговор останется в тайне от посторонних, — предупредил Лаврушин, подмигивая при этом Колесниченко. Николай стоял в недоумении, не понимая, что опять затеял Лёшка.

— Тайны я хранить умею. В этом можете не сомневаться, — строго заявил Василий, стараясь убедить в этом солдат.

— Тогда давай так. Сначала, как положено, познакомимся, — предложил Лаврушин. — Меня зовут Алексей, а моего друга — Николай. Так вот, Василий, у нас к тебе такое дело. Скажи, у кого в вашем селе есть патефон? Только ты не по-

думаю, что мы собираемся его украсть. Нам он нужен всего до сегодняшнего вечера. А потом мы его вернем. Ну, не за спасибо, конечно. Можем отблагодарить двумя кусками мыла, — заверил Лёшка, хлопая себя по карману шаровар.

— Так у нас в колхозном клубе есть патефон! — сообщил радостно Василий. — Его в тридцать девятом году у раскулаченного поляка забрали. Пана выселили, имущество отобрали, а его патефон теперь в нашем клубе стоит, — рассказал короткую историю мальчуган.

У бойцов в душе затеплилась надежда.

— Понятно! — оживился Лаврушин. — Стало быть, этот вопрос можно будет обсудить с вашим председателем. Правильно?

— Конечно! Он у нас мужик добрый, не злой. С ним можно вопросы решать, — по-взрослому рассуждал Василий.

— Может, Лёша, нам с колхозным завхозом поговорить? — предложил Колесниченко. — Если патефон в клубе находится, зачем к председателю обращаться?!

— Знаешь, Коля, завхоз может засомневаться в самостоятельности своего решения, пошлет нас к председателю, и мы опять сюда вернемся. Так зачем нам ходить вокруг да около — сразу и пойдем к самому главному, — решил Лаврушин. — Ну что, пошли? — кивнул он в сторону конторы.

— Пойдем... — выдохнул Николай.

— А со мной как?.. — забеспокоился Васька, и на его лицо набежала тень сомнения.

— Ты, Василий, не переживай! Сейчас мы с вашим председателем поговорим, выйдем из конторы и обязательно решим твой вопрос. Только тс-с, молчок — как договаривались, — прижав палец к губам, предостерегающе произнес Лаврушин.

Друзья направились в сторону колхозной конторы.

В узком коридоре помещения полумрак. Бухгалтер в своем накуренном кабинете, ловко щелкая косточками де-

ревянных счетов, громко рассказывает курьеру о недавнем скандале с женщиной. На его столе — куча документов, различных папок. Напротив — кабинет председателя колхоза. В приемной за узким столом сидит секретарь — пожилая женщина лет пятидесяти; твердым размашистым почерком пишет что-то в журнале карандашом. Стены помещения увешаны плакатами. В правом углу — бак с питьевой водой и кружка. На правой стене — портреты Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Увидев зашедших в контору солдат, все, замолкнув, насторожились.

— *Здоров'я бажаємо* (Здравия желаем), — поприветствовали бойцы сельских тружеников, прикладывая руки к пилоткам.

— *Добридень*, — почти в один голос ответили сельяне, кивая.

— *А де ми можемо побачити голову колгоспу?* (А где мы можем увидеть председателя колхоза?) — спросил у секретаря Колесниченко, заходя в приемную.

Приветствуя людей в военной форме, женщина встала из-за стола. Было видно, что она волновалась: карандаш в руке секретаря заметно дрожал.

— *А ви хочете з ним поговорити?* (А вы хотите с ним поговорить?) — стараясь скрыть тревогу, спросила секретарь, в то же время изображая на лице подобие улыбки.

— *Та не хвилюйтеся ви, у нас до нього невелике прохання* (Да не волнуйтесь вы, у нас к нему небольшая просьба), — улыбаясь, пояснил Колесниченко, стараясь разрядить напряженную обстановку.

— *Так він тут, на місці. Але Пилип Володимирович зараз зайнятий: він із завідуючою фермою розмовляє* (Да он здесь, на месте. Но Филипп Владимирович сейчас занят: он с заведующей фермой разговаривает), — поспешила сообщить женщина, немного расслабившись от добродушной улыбки Николая.

В это время дверь кабинета председателя открылась, и в ее проеме появилась фигура худенькой женщины невысокого роста.

— *А ось і Тетяна Іванівна вийшла* (А вот и Татьяна Ивановна вышла), — сообщила секретарь.

— *Добридень*, — расплылась в приветственной улыбке Татьяна Ивановна.

— *День добрий*, — поприветствовали ее друзья, уступая место в тесной приемной.

— *Дякую* (Спасибо), — поблагодарила солдат заведующая фермой, любезно раскланявшись.

— *Зараз я доповім Пилипу Володимировичу про ваш візит* (Сейчас я доложу Филиппу Владимировичу о вашем визите), — поспешила сообщить секретарь, заходя в кабинет своего начальника.

Через минуту дверь снова открылась, и женщина предложила бойцам пройти внутрь.

— *Здоров'я бажаємо, товаришу голова* (Здравия желаем, товарищ председатель), — для официальности прикладывая к пилоткам руки, поприветствовали друзья главу колхоза.

— Здравия желаю, товарищи, — ответил на русском языке председатель. Опираясь о край стола, он встал и вышел из-за своего места. Сильно прихрамывая на левую ногу, мужчина подошел к бойцам, приветствуя их крепкими рукопожатиями. — Чем обязан? Мы вроде с вашим командованием все вопросы обсудили и людей ваших до последнего человека разместили по домам сельских жителей, — забеспокоился руководитель колхоза.

Председатель, усатый мужчина лет тридцати пяти, носил старенькую военную форму, которая существовала в советской армии до сорок третьего года. По выправке сразу было видно, что он из бывших военных, очевидно, комиссованный по причине тяжелого ранения. Глубокий шрам на левой щеке придавал внешности руководителя несколько суровый вид.

— Вы присаживайтесь, — предложил местный голова бойцам, указывая на стулья.

— Спасибо, Филипп Владимирович, — поблагодарил Лаврушин, — но мы ненадолго. И мы к вам не с жалобой, а с огромной просьбой. Понимаете, идет война, но даже она не может людям запретить любить, образовывать новые семьи, рожать детей. Надеюсь, вы меня понимаете?.. Так вот, у нас в полку как раз такой случай...

— Да понял я! — перебил Лёшкину речь председатель. — Не зря же вы наших девчат на мероприятие пригласили, — ухмыльнулся Филипп Владимирович, опираясь левой рукой на спинку стула. Края его черных как смоль пышных усов поднялись вверх, глаза заметно оживились. — Оно понятно — дело молодое... Любовь даже на войне запретить невозможно. Только чем я смогу вам помочь? — обратился он с вопросом к бойцам.

— Разведка у вас, Филипп Владимирович, исключительно работает, как на фронте, сразу чувствуется: у руля военный человек, — смеялся Лаврушин. — Если вы уже знаете о том, что мы ваших девчат пригласили, в таком случае вы сами понимаете: там, где женщины, — там непременно должны быть и танцы. А вот с музыкой у нас проблемы: ее у нас нет. Но у нас разведка тоже на должном уровне — мы знаем, что у вас в клубе есть и патефон, и пластинки. Так вот мы и хотели до сегодняшнего вечера под нашу личную ответственность попросить у вас этот патефон. Вечером, по окончании нашего мероприятия, мы обязуемся вернуть его в полной целостности и сохранности. А за оказанную услугу можем отблагодарить вас двумя кусками мыла. Так сказать, чем богаты... — обратился с неожиданной просьбой Лёшка, вытаскивая из кармана кусок мыла.

Свой кусок вытащил и Колесниченко. Филипп Владимирович, загадочно улыбаясь, несколько секунд молча стоял и с каким-то сожалением и сочувствием смотрел на солдат и на эти два куска мыла, которые бойцы протягивали ему,

понимая, что большего солдатики взамен предложить ему ничего и не смогут. Очевидно, в памяти бывшего офицера мелькали события жестоких, кровопролитных боев и коротких передышек, которым люди радовались как дети. Вспоминая свои фронтовые будни, Филипп Владимирович понял, что отказать этим людям он уже не сможет.

— Ну что, товарищи красноармейцы! В этом вопросе я вам помочь смогу, учитывая важность вашего мероприятия... Есть у нас в клубе и патефон, и пластинки, — сообщил председатель, возвращаясь к своему месту за столом. — Сейчас я напишу записку завхозу, чтобы он вам выдал его, но только под расписку! Сами понимаете, товарищи, вещь казенная, не моя личная, — предупредил Филипп Владимирович, составляя распоряжение. — А вечером, как вернете, он вам вашу расписку отдаст или уничтожит в вашем присутствии. И мыло тоже ему отдадите: времена сейчас тяжелые, на хозяйстве в колхозе все пригодится, — распорядился председатель и подал Лёшке вдвое сложенный листок.

Лица Лаврушина и Колесниченко засияли улыбками.

— Спасибо вам большое, товарищ председатель! — радостно произнес Лёшка и, забрав документ, протянул руку.

— Большое вам спасибо, Филипп Владимирович! Вы нас здорово выручили, — благодарил председателя Николай.

— Завхоза вы можете найти там же, в клубе. Ремонт мы нынче в нем затеяли, — сообщил председатель. — А дорогу вам мой ездовой покажет, он вас и довезет до места, — добавил Филипп Владимирович, подходя к окну. — Васька! — крикнул председатель, открыв створку оконной рамы. — Отвезешь солдат к нашему клубу, а потом, как они у завхоза возьмут патефон с пластинками, доставишь их к дому Пэрэпы. Понял?!

— Да, Филипп Владимирович, понял, — донесся с улицы тонкий голос Кузнецкого.

— Потом сюда приедешь, во вторую бригаду с тобой поедем. Лошадей, смотри мне, шибко не гони! — предупредил он мальчугана.

— Хорошо! Я мигом, туда и обратно, — отвязывая с конюязи своих подопечных, кричал Васька.

— Вот сорванец! — улыбнулся председатель, махнув головой в сторону Кузнецкого. — Ну что, товарищи красноармейцы?! Желаю вам весело провести ваше мероприятие. Как человек хоть и бывший военный, но я понимаю, что оно проводится втайне от командования, поэтому обязан предупредить вас об осторожности. Шибко там не разгуливайтесь, чтобы излишним шумом не привлекать внимание посторонних, — наставлял Филипп Владимирович.

— Ну что вы! У нас ребята вполне порядочные, не шумные и не скандальные, — заверил его Колесниченко. — Да и переполох нам лишний ни к чему.

— Вот и хорошо. Судя по вашей порядочности, надеюсь, девчат наших у вас никто не обидит?! — улыбался председатель, протягивая руку для прощаний. — До свидания, товарищи, успехов вам в борьбе с нашим общим врагом. Бейте фашистов да гоните их до самого Берлина, а самое главное, домой возвращайтесь живыми и здоровыми.

— Еще раз спасибо вам за понимание и за помощь! — благодарили Филиппа Владимировича друзья, довольные тем, что сравнительно легко им удалось договориться. Распрощавшись в благодарностях с председателем, а потом и с сотрудниками конторы, бойцы вышли на улицу.

— Теперь слушай меня, Васёк, — обратился к Кузнецкому Лёшка, когда они отъехали от правления колхоза на приличное расстояние. Наклонив голову к уху мальчугана, он стал говорить полупшепотом: — Как только стемнеет, подходи к тому дому, куда ты нас привезешь. Наш полк будет на ночной марш выдвигаться, и ты вместе с нами сможешь на подводе отсюда уехать. Не на председательской подводе, конечно, на нашей, — усмехнулся Лёшка.

— Оно понятно, что на вашей, только представьте себе, что я у председателя колхозный тарантас с лошаадьми угоною, — засмеялся мальчуган звонким заразительным смехом.

— Ну да, а председатель ваш погоню за тобой организует на ослах, — добавил в шутку Лёшка.

— В нашем колхозе ослов нет! — пуще прежнего захохотал Васька, содрогаясь худенькими плечами. Не смогли сдержать себя от смеха и Лёшка и Николай.

— Здесь, в селе, тебе обращаться к нашему командованию полка бесполезно, — успокоившись, уточнил детали дела Лаврушин. — Никто тебя в полк как воспитанника не возьмет, потому что ты местный, за это командиров по головке не поглядят. А вот когда тебя обнаружат в нашей части далеко от дома да выяснят, что ты сирота, то вероятность того, что ты в полку останешься, будет гораздо больше. Поэтому мы постараемся тебя скрытно от всех увезти подальше от вашего села, а там ты уже нашим командирам и объявишься. Ты меня понял? — обратился он к Кузнецкому, по-товарищески положив ему на плечо руку.

— Чего тут не понять? Как стемнеет, я обязательно подойду, — пообещал мальчуган, останавливая лошадей.

— Ну вот и мы с музыкой, — заявил Колесниченко, когда друзья через полчаса вошли в шумное помещение. Лёшка гордо держал в руках патефон, а в руках Николая возвышалась небольшая пачка пластинок.

— Ура-а-а! — прокричали на всю комнату женские голоса, сопровождая восхищенные возгласы аплодисментами.

Счастливая Воронина подбежала к Лёшке и, приподнявшись на цыпочки, принародно наградила его нежным поцелуем. Она была в восторге оттого, что Лёшка, несмотря на все преграды, именно по ее просьбе раздобыл и патефон, и пластинки.

— Где вы разжились музыкой?.. Ну молодцы!.. Всё! Отодвигаем стол, будем танцевать!.. — слышались с разных сторон возбужденные голоса; все стали готовиться к предстоящему мероприятию. Зазвучала музыка, и ухажеры, поармейски поправляя форму, стали приглашать девушек на танцы. Девчата весело кружились, охотно меняя кавалеров. Веселье продолжалось...

День подходил к концу. Друзья стали расходиться, давая возможность молодым побыть наедине. Ведь ночью снова в поход! Лаврушин в состоянии предвкушения уединения с Верочкой галантно проводил гостей и, закрыв на запор дверь, вернулся в комнату.

Перед его глазами — запрокинутое лицо Ворониной. Лёшка как заколдованный не спускал глаз с ее тела необыкновенной свежести. Красивое платье, в которое Верочка облачилась специально для этого случая, облегалo ее гибкий стан, ломаясь в тонкой осиной талии, подчеркнутой узким пояском. От нее исходило какое-то непонятное обаяние. Верочка распустила волосы, поправила прическу и шепотом, еле шевеля губами, с неким лукавством спросила:

— Мы остались одни?

— Да! Мы одни, — подтвердил Лёшка.

Верочка бесшумным шагом стала медленно приближаться к Лаврушину. Темно-русые волосы спадали на ее хрупкие плечи. Нежный овал лица через плотные занавески освещался тусклым светом, а тень ее тонкой фигуры словно по волнам поплыла по стене. Из-под аспидно-черных бровей озорно светились большие серые глаза. Выразительные губы Верочки слегка шевельнулись, и очаровательная улыбка еще больше украсила ее лицо.

Лёшка был просто очарован. В ней не было недостатков. Она была обладательницей той внешности, которую природа довела до окончательного совершенства. Какая-то неведомая, колдовская тайна манила Лаврушина к ней.

Не в силах себя сдержать, Лёшка сделал решительный шаг навстречу. И Верочка тут же прильнула к его груди. Она трепетала в его объятьях. Легкая дрожь и тепло ее тела побуждали нашего героя на более решительные действия. Это как сумасшествие, от которого невозможно было прийти в себя. Наступило то состояние, от которого влюбленные не ведали, что творили, и они надолго впали в это безумие, отдаваясь ему сполна. Жар пылкой и страстной любви приятно обжигал молодые тела, растапливая опаленные войной души...

Как связисты ни старались скрыть факт пребывания Ворониной во время марша во взводе связи, от пытливого взгляда Сомикова его скрыть не удалось. Уже вечером третьего дня политрук отчитывал Матиевского за то, что тот скрыл от командования истинную причину отсутствия фельдшерницы в его подразделении.

— Вы что, товарищ капитан, не считаете должным поставить командование полка в известность о том, что одна из ваших подчиненных во время марша отсутствовала в вашем подразделении? — последовал вопрос политрука на крыльце дома, где расположился на дневку Матиевский.

— Если вы, товарищ капитан, имеете в виду старшину Воронину, то я должен, без сомнения, убедиться в том, что она действительно отсутствовала в расположении полка. Как вы знаете, во время марша не исключаются случаи, когда военнослужащие отстают от своих подразделений. Если мною будет установлен факт отсутствия Ворониной в полку на тот период, я обязательно поставлю командование в известность, — заметил спокойно Матиевский.

— Фёдор Павлович, если вы назвали фамилию, то точно знаете, о ком идет речь! Может, в расположении полка Воронина, как вы сказали, и присутствовала, но у вас в подразделении ее не было. Смееу заметить, что отстать от своей медицинской службы, которая перемещалась во время мар-

ша на автомобильном транспорте, как-то сложновато. Нетрудно обнаружить отсутствие подчиненного в автомашине. Или я неправ? — намекнул на его бездействие Краснобоков.

Матиевский прекрасно знал об отсутствии Ворониной; его это беспокоило не меньше, чем политрука, но он знал точно, что расположение полка она не покидала, на этот счет у Верочки были другие планы. Понятно, что он и сам был крайне возмущен, но подавать рапорт на старшину не собирался. Сейчас Матиевского беспокоило другое: если политрук поднял вопрос об отсутствии Ворониной в медслужбе полка, значит, кто-то донес и теперь скрыть этот факт не получится. Тут боковым зрением Фёдор Павлович заметил, как их разговор с любопытством со стороны наблюдает Сомиков. «Теперь понятно, откуда ветер дует», — подумал капитан, поворачивая голову в сторону штатного стукача.

Сомиков, скручивая желтыми прокуренными пальцами козью ножку, делал вид, что он не слышит разговора, но в то же время демонстрировал свое косвенное участие. Делал он это преднамеренно: выставляя напоказ свою значимость, давал понять, что, минуя его важную персону, ни в одном из подразделений полка ничего произойти не может. А если и сможет, то только с его позволения. Сомиков был равнодушен к Ворониной. Он сам был не прочь завести с ней роман, но это ему не удалось: орешек оказался не по зубам. А когда Сергей увидел Верочку в обществе красавца Лаврушина, его сердце и вовсе наполнилось гневом. Кто угоден — только не Лаврушин! До конца своей жизни Сомиков не сможет простить ему два случая: когда Лаврушин облил его холодной водой на посту и тот февральский конфликт с Солянком, когда Лёшка первый поддержал Ваську, но не его. Отвергнутый и оскорбленный Сомиков этого пережить не мог. Его тайная любовь к Ворониной моментально переросла в ненависть, и он непременно решил ото-

мстить им обоим, доложив политруку о взаимоотношениях влюбленных во время марша.

— Мне нечего больше добавить по этому вопросу, товарищ капитан. Если выяснится факт нарушения воинской дисциплины, мною будет подан рапорт на имя командира полка, — резюмировал неприятную беседу Матиевский, еще раз кинув презрительный взгляд на Сомикова.

— Надеюсь на ваше благоразумие, Фёдор Павлович, — предупредительно намекнул капитан, отдавая честь.

На следующий день на столе командира полка лежало два рапорта. Один на старшину медицинской службы, Воронину Веру Дмитриевну, второй на Газизьяна Армена Рубеновича. За нарушение воинской дисциплины Вера получила пять суток ареста, а Армен за обмен плащ-палатки на самогон — десять суток ареста, с вычетом пятидесяти процентов жалования за каждые сутки.

Наравне с донесениями командованию стало известно, что в подразделении полка появился мальчишка-сирота, сбежавший на фронт из детского дома. Случаи, когда боевые полки брали на воспитание несовершеннолетних детей, были не единичны. Десяти-четырнадцатилетние пацаны, сбегающие от родителей и из детдомов, стремились на передовую, бить врага наравне со взрослыми. Детей, оставшихся без родителей, полковые командиры зачастую оставляли в своих частях как воспитанников. Пацанов берегли, стараясь держать подальше от боевых рубежей, но война есть война, случалось, что и им приходилось брать в руки оружие. Так в Семьсот девятнадцатом артполку появился свой сын полка.

Вася Кузнецкий, совсем еще мальчишка, четырнадцати лет отроду. Парнишка бойкий и сообразительный, выглядел бодро и озорно. Несмотря на свой возраст, он был не по годам рассудителен, каждое слово, произнесенное им, было по-взрослому продуманно и точно. На фронт мальчуган прибыл с твердым намерением воевать, как любой совет-

ский солдат. Командование и бойцы о нем заботились, поставили на довольствие, перешли под его размер форму, сапоги; в полку он стал любимцем.

ХОЛОНЮВ

Освободив в зимне-весенний период наибольшую часть правобережной Украины, войска Первого Украинского фронта вели активную подготовку к Львовско-Сандомирской операции. План командующего фронтом Конева по разгрому противника, утвержденный Ставкой верховного главнокомандования, акцентировался на прорыве вражеской обороны двумя мощными ударами одновременно, обходя город Броды с севера. В направлении на Раву-Русскую — двумя общевойсковыми и одной танковой армиями, а с юга, в направлении на Львов, — двумя общевойсковыми и двумя танковыми армиями, рассекая бродовскую группировку противника надвое с дальнейшим ее окружением и уничтожением по частям.

Подразделениям Пятьсот тридцатой стрелковой дивизии, входящей в состав Двадцать четвертого стрелкового корпуса Тринадцатой армии, ставилась задача сломить сопротивление противника и прорвать его эшелонированную оборону в направлении на Раву-Русскую. В дальнейшем, развивая успех и преследуя отступающего врага, требовалось с ходу форсировать реку Вислу и, продолжая наступление, захватить и расширить плацдарм на западном берегу реки в районе города Сандомира.

По замыслу штаба фронта общее наступление планировалось на четырнадцатое июля, но дату начала операции пришлось изменить, так как противнику удалось раскрыть замысел о готовящейся операции. Разведкой было установ-

лено, что немецким командованием стали приниматься контрмеры: отвод своих подразделений с первых позиций главной полосы обороны, а также попытки подтянуть ближе к фронту свои резервы. В связи со сложившимися обстоятельствами наступление пришлось перенести на день ранее намеченной даты.

Семьсот девятнадцатый артполк получил задачу на начало намеченной операции поддерживать своим огнем части Двести восемьдесят седьмой стрелковой дивизии. Стрелковые полки Пятьсот тридцатой дивизии находились во втором эшелоне наступающих войск. Тринадцатого июля, после короткой артподготовки, была прорвана первая линия немецкой обороны западнее станции Звенячье. Под натиском наших частей противник был вынужден отойти на вторую линию, находящуюся на рубеже Горохув — Цехув. После упорных боев с пехотой и танками противника была прорвана и вторая линия вражеской обороны. Наши стрелковые полки стали стремительно преследовать отступающего противника по маршруту Селец — Переспа, где и заняли боевые порядки. Противник, закрепившись на заранее подготовленных оборонительных рубежах, стал прочно удерживать свои позиции и с самого утра четырнадцатого июля начал контратаковать нашу ударную группу. После отбитой атаки противника, к десяти часам утра, с запада показались знакомые силуэты вражеских бомбардировщиков.

— Воздух! — закричали с разных сторон наблюдатели, когда в небе появилась авиация противника.

Партия из тридцати «юнкеров» стала заходить на бомбежку наших позиций. Пехотинцы и орудийные номера бросились к своим ровикам и блиндажам. Ожили зенитные орудия. Стали раздаваться выстрелы стрелкового оружия. И надо же было такому случиться, что в этот самый неподходящий момент с Сосковцом произошла непредвиденная оказия: только он удалился от траншей по нужде, как проклятый фашист авианалет затеял. Растерявшись, Трофим

стал метаться по полю, не понимая, что ему в такой ситуации делать. Эту неблагопристойную картину не мог не заметить Васька Солянок; оставить такой деликатный эпизод без обсуждений он, конечно, не мог. Но поделиться им с друзьями без промедления, по понятным причинам, обстоятельства не позволяли. Потому он решил перенести такое забавное мероприятие на другой, более подходящий для этого дела момент.

Образую смертельную карусель, немецкая авиация в течение получаса бомбила огневые рубежи, стараясь сровнять с землей боевые порядки частей. Казалось, что живым в этой мясорубке остаться было невозможно. Но через полчаса круг, который описывали «юнкеры», разомкнулся, и самолеты, израсходовав боекомплект, стали удаляться.

Оправившись от бомбежки, бойцы стали возвращаться к боевым местам. Люди по обычаю начали приводить в порядок свои окопы и ровики, развороченные авиационными бомбами врага. Стали слышаться голоса, повеяло терпким дымком солдатской махорки. А с позиции дивизионной пушечной батареи Дружинин услышал смеющийся голос Васьки:

— Я смотрю, а Трофим наш бегаёт вдоль траншеи и не знает, что ему делать: не то начатое завершить, не то, спасая свою жизнь, назад в свой окоп бежать. Так со спущенными штанами по полю и мечется...

Раскатистый хохот волной покотился над извилистой лентой обороны. Услышав слова друга, Ваня Топчак разразился звонким заразительным смехом. Глядя на искренне смеющегося товарища, Дружинин невольно улыбнулся сам, вспоминая своего родного дядю Матвея: тот тоже, как у него на родине говорили, был здоров посмеяться. Вспомнил Анатолий один яркий эпизод из своего раннего детства. Может быть, он его и забыл бы, да только взрослые родственники, часто вспоминая, неоднократно пересказывали этот случай, так он в памяти у него и остался.

А дело было летом, в период сенокоса. Мужчины, жившие на хуторах, с раннего утра выезжали в степь, косить в падинах траву. Домой приходилось возвращаться поздно, когда становилось уже темно. Так вот в один из таких запоздалых вечеров братья вернулись на хутор и решили отужинать в шалаше у Петра, там как раз и находилась вся малышня, включая Анатолия. Тайком выглядывая из-за занавески на печи, он наблюдал за ужином взрослых. Хозяйка, жена Петра Сергеевича, Татьяна, вместе со старшей дочерью хлопотали у печки на улице, гремели посудой в комнатке, сутились у стола, потчуют хозяина и гостей ужином. Надо прямо отметить, что тетя Таня была до невероятности ревнивой и ревновала она своего мужа даже к воображаемой женщине, не говоря уже о той, что по случаю могла оказаться с ним рядом. Понятно, что позднее возвращение супруга подталкивало ревнивицу к догадкам об его измене.

— Штой-то запозднилися вы сѣдня, — буркнула хозяйка, искоса поглядывая на мужа.

— Так а до лимана-то дорога не близкая. Скока время потратишь, пока туды доберёшься да обратно доедешь. А ишо надуть поспеть поболе травы накосить, пока она зелёная да в соку, — пояснил ей супруг, помешивая ложкой щи в широкой тарелке.

Отец Анатолия, будучи большим шутником, узрел в этом деле подходящий случай для озорства. Ну не мог он упустить возможности раззадорить свою ревнивую сноху. Сдерживая улыбку, Степан хлопнул ладонью по колену и, нахмурился при этом брови, с серьезным видом стал напирать на Петра:

— Говорил я табе, Петькя, давай сѣдня к моёй заедем, а завтра пораньше косить закончим — и тады к твоёй. От твоёй же быстро-то не отделаешься, она у тебе как клещ, вцепится — не оторвёшь! Ан нет, ты мене не послухал. Вот тыперяча и оправдывайся... От сказанных Степаном слов Татьяна переменялась в лице.

— Я так и знала, што ты тока за порог — и тута же к какой-нибудь лахудре под подол полезешь. Ну вот што у тебе за натура такая блудливая?! — завелась с пол-оборота тетя Таня.

Она как будто только и ждала подтверждений, что муж ей изменяет. Понимая, что брат специально спровоцировал невестку, Матвей залился звонким заразительным смехом. Но его раскатистый хохот еще больше раззадорил неугомонную сноху.

— Нету у табе боле никаких дел, как тока по чужим бабам шастать! Кады ты тока насытишься, кобель блудливый?! — не унималась женщина, еще громче гремя посудой.

— Так яму, Тань, так! Дай яму, дай! Пущай ентот кобель знает, как по чужим бабам шастать! — еще больше подливал маслице в разгорающийся огонь Степан.

Хватаясь за живот, Матвей выскочил на улицу, и теперь уже оттуда через открытые двери можно было слышать его раскатистый хохот. Пётр с улыбкой на лице продолжал трапезу, наблюдая очередную сцену ревности своей жены. Наконец, понимая, что ее попросту провоцируют, Татьяна несколько успокоилась и вышла на улицу, где заливался смехом Матвей. Сам же Степан, продолжая трапезу, вспомнил один эпизод из своей жизни. Тогда ему было отроду всего девятнадцать лет.

Не прошло и года с начала его семейной жизни с Марией Ивановной, а нужно было готовить себя к роли отца: жена была на девятом месяце беременности. Со дня на день должен был родиться их первенец. И все бы ничего, но вот только на улице был май, да еще и в самом разгаре. Душе и телу, как и бурно пробуждающейся природе, хотелось полета, хотелось без промедления свершить нечто, ранее непостижимое. И повод для свершения такой затеи чудесным образом неожиданно появился.

В тот погожий день к нему, молодому кузнецу, по делу из соседнего хутора приехали Ситниковы: дядя Семён

со своей снохой Дарьей. Дарья в свои двадцать пять лет осталась вдовой, с тремя детьми на руках. Ее мужа Василия полтора года тому назад убила необузданного характера лошадь. Рано овдовев, Дарья продолжала жить в своей мазанке на хуторе свекра. Дядя Семён свою сноху и внуков не обижал, всячески поддерживал, продолжая считать их полноценными членами своей семьи. Вот только дело-то было молодое, и ей, Дарье, ее молодому и полному жизненных сил телу требовалась мужская рука, да вот вопрос: где ее взять? Для вдовы с тремя детьми это дело в один миг не решалось.

Дядя Семён, встретившись со своим давним соседом, Сергеем Афанасьевичем, после традиционных приветствий ударился в бурные обсуждения хозяйских дел. За житейскими разговорами старики не заметили, как по неосторожности удалились от кузни оставив вдову наедине со Степаном. Молодые и ранее были знакомы, друг друга они знали очень хорошо, хотя тесного общения не имели: Дарья была на шесть лет старше Степана. Она уже давно была замужней женщиной и на своего соседа, совсем еще зеленого, в период замужества особого внимания не обращала. Теперь он повзрослел, она успела овдоветь. Беда была только в том, что Степан уже успел жениться, но ведь запретный плод всегда сладок. Приметив, как сосед ловко справляется и с инструментом, и со всеми кузнечными делами, молодая вдова почувствовала, как в ее груди вспыхнул вдруг яркий огонек сладострастия. Лукаво улыбнувшись, Дарья кинула взгляд на своего свекра — не заметит ли он ее греховной затеи? — скинула с головы на плечи в ярких узорах платок и походкой соблазнительницы приблизилась к Степану, насколько это было возможно.

С хутора доносились звуки играющей вдалеке детворы, раздавались приглушенные голоса домашней птицы. Рядом с кузней стояла мирно в упряжи покладистая по характеру молодая кобылка, изредка фыркая и помахивая черным,

ровно подстриженным хвостом. Степь, пробудившись после долгой зимы, являла себя во всей красе. Теплое весеннее солнце не припекало, как в летний зной, а как будто обнимало теплотой своих невидимых лучей. В небе на разные голоса заливались хохлатые жаворонки, в ровной степной глади, покрытой сплошным зеленым ковром, насвистывали суслики, в густеющей траве стоял прерывистый стрекот кузнечиков, изредка слышалось щебетание мелких птиц. Охлаждающий ветерок доносил со степи запах свежей полыни, разбавленный ароматом ранних полевых цветов. Зарождающаяся в степном просторе жизнь бурлила, побуждая молодое тело Степана и его сознание если не на подвиг, то на что-то не по-детски хулиганское. Близость чужой женщины, жаждущей любви, он почувствовал сразу, всем своим натруженным телом. С первых секунд он понял желания своей соседки, даже если бы она ничего не говорила. Но она не безмолвствовала.

— Вон как вы, Стяпан Сяргеич, молотками-то ладно справляетесь, прямо так и глядела бы на вас цельный день, — тонким голоском нараспев произнесла Дарья комплимент в адрес молодого кузнеца, держа за углы спущенный на плечи платок.

Поводя бедрами, она как магнитом притягивала Степана к себе, отчего в его грешном уме стала зарождаться не менее лукавая мысль: «А не закадрить ли мене ёй? Она как она своими кубеками-то¹ водит!» От этой мысли его бросило в жар. Оторвав взгляд от уличной наковальни, он на всякий случай посмотрел на своего строгого папашу и на дядю Семёна. «Не дай бог, они што-нибудь заподозрят», — подумал Степан, предостерегая себя от ненужных неприятностей.

¹ Кубеками (тыквами) в тех местах называли крутые и объемные ягодицы у женщин.

Но за действиями своего свекра и отца Степана внимательно наблюдала и осторожная в таких делах Дарья. Когда молодые вместе убедились в том, что хозяин любезно приглашает гостя к столу, на душе стало спокойней, но и в то же время волнительней. Теперь Степан смелее и оценивающе окинул взором пышные формы своей соседки. С этим делом, надо прямо сказать, у Дарьи все было в порядке, да и лицом она была необыкновенно приятна. Боясь, что ее тоже могут позвать к столу, Дарья заторопилась: нужно было быстрее и как можно деликатнее обсудить вопрос дальнейших тайных встреч.

— Вы весь день, Стяпан Сяргеич, здесь, на кузне своей, молотками бьёте, а в ночь-то небось ишо и за лошадыми да верблюдáми приглядать приходится? — задала Дарья вопрос таким же сладковатым голоском. — И кады вы поспать успеаете? — не без лукавства интересовалась вдова, кружась вокруг настолько близко, что Степан чувствовал жар ее крепкого, как свинцом налитого тела. В голове был сплошной дурман, но тонкий намек соседки он сразу понял, и это обстоятельство его приободрило.

— Ну а как же?! И ночами мене приходится за скотом приглядать. А куды денешься? Лошадок да верблюдóв пасти надыть, — ответил Степан, с волнением ожидая продолжения темы.

— Да-а-а, — загадочно и протяжно пропела Дарья, — мене тожесть ночами приходится за скотиною приглядать, а то ведь, не ровён час, воры могу́т скот угнать, — причмокивая, заявила она, отчего у Степана от нетерпения затрясся в руках молоток.

Он жадно сглотнул слюну и вытер закатанным по локоть рукавом рубашки накатывающий на глаза пот. Такие деликатные дела тайком решать было не совсем просто. Степь — она вроде молчалива и безлюдна, но тоже имеет свои глаза и уши. Хотя если сильно постараться, то, конечно, можно и такого рода опасную операцию повернуть. Хотелось бы

это сокровенное дело обсудить поподробнее, но незатейливый разговор на догадках прервал окрик хозяина хутора:

— Дарья!.. Пошли чай пить. Нечева табе мешать Стяпану, пушай он свои дела сам вершит. Пошли скорей к столу, пока самовар горячий. — Сергей Афанасьевич зазывал ее, стоя на крыльце своей мазанки. Случилось как раз то, чего Дарья и опасалась, но теперь приглашение хозяина на чай уже не могло повлиять на намеченные планы: тонкий намек был, судя по реакции Степана, ему ясен и без дальнейших разговоров.

— Ну, пожалуй, пойду я, Стяпан Сяргеич, а то папаша ваш к столу кличет, да и неудобно мене около вас крутиться, не ровён час ишо свёкр подумает чаво недоброго. А лучше бы, пожалуй, поспать покликали, а то ведь сёдня ночью опять за скотом приглядать надыть будет, — с загадочным вздохом произнесла Дарья.

— Ежели вас, Дарья Васильна, кличут, надыть итить, ничаво тут не попишешь. А мене нонче ночью тожить за скотом приглядать надыть будет, — также намеком ответил Степан, по-прежнему пребывая в волнении.

Все перемешалось в его голове: и чувство греха пред Богом за прелюбодейский замысел, и вина перед молодой супругой за свою блудливую затею, и тот гигантский сладострастный соблазн познания тела чужой женщины, который всей своей тяжестью перевешивал сразу и грех, и вину.

С трепетом в душе Степан ждал темноты. Никогда ранее он не чувствовал внутри себя такого волнения, которое требовалось скрывать от родных людей, а тут, как на зло, томительно тянулось время. И как только семья улеглась спать, Степан с нетерпением стал ждать, когда все заснут, чтобы потом незаметно покинуть помещение. Дождавшись такой минуты, он стал потихоньку подниматься с постели, стараясь по неосторожности не побеспокоить свою жену. Но беременной Марии Ивановне в этот час не спалось.

— Ты куды, Стяпан Сяргейч, собрался, неужто штой-то стряслось? — шепотом спросила супруга с заметной тревогой в голосе.

Услышав голос жены, Степан от неожиданности затаил дыхание.

— Та штой-то на душе у мене беспокойно. Пойду приглажу я за лошадыми да верблюдáми. Середь народу опять слух пошёл, што в степу скот пропадать стал. Не дай бог, воры и к нам нагрянут. Нонче ухо надыть востро держать, не ровён час ишо угонят не лошадей, так верблюдо́в, а то и полоторника аль корову дойную, — также шепотом произнес Степан заранее приготовленный ответ.

Стараясь не издавать лишних звуков, он потихоньку натягивал штаны. Мария Ивановна вроде и поверила словам мужа, но какая-то тревога на сердце все равно была; только вот высказывать свои сомнения супругу она не смела. Собравшись, Степан накинул на плечи полушубок и, тихо открыв двери, вышел в прохладную майскую ночь.

Пять ночей Степан упивался греховной страстью со своей любвеобильной соседкой, удаляясь за пределы своего хутора на несколько часов. Только тайные вылазки сына в ночное время не могли быть не замечены его строгим отцом. Сергей Афанасьевич в первую очередь подумал: не случилось ли среди молодых чего худого? Втайне от посторонних он, улучив момент, обратился с расспросами к своей снохе:

— Манья, Стяпан тебе не обижает?

— Не, папаша, што вы?! Не обижает, — коротко, но твердо ответила Мария Ивановна, не желая роптать на мужа.

— Енто точно?.. — переспросил свекор.

— Нет-нет, не сомлювайтесь, папаша, не обижает, — подтвердила ранее сказанные слова сноха.

Но, как говорится, старого воробья на мякине не проведешь. Сергей Афанасьевич понял, что сын ударился в блуд, а сноха, не желая скандала в семье, решила упорно мол-

чать. Этим же вечером, подметив, что в полночь Степан покинул жилище, он решил с двухвосткой в руках дожидаться его возвращения в камнатке. Мария Ивановна, заметив затею свекра, забеспокоилась. Зная его крутой нрав, она прекрасно понимала, что по возвращении домой муж будет строго наказан. Переживая за судьбу своего супруга, уснуть она более не смогла.

Сергей Афанасьевич, сидя на лавочке, уже было задремал, когда ближе к рассвету дверь тихонько открылась и помещение камнатки осветилось лунным светом. По двум широким ступеням стал спускаться пришедший с греховной прогулки Степан. Только он развернулся, чтобы закрыть за собой дверь, как за спиной услышал голос своего папаша:

— Доброе утро, сынок. Не закрывай покедова дверь, так-то светлее будет, — ровным, спокойным голосом произнес отец. От неожиданной встречи с родителем Степан вздрогнул.

— Доброе утро, папаша, — с трепетом в голосе ответил блудный сын.

— И куды ж ты нонешней ночью ходил? — не без иронии в голосе спросил отец.

— Так верблюдо́в поглядеть, иде они пасутся, да лошадей проверить, все ли на месте, — ответил Степан, с трудом выдавливая из себя лживые слова.

— Лошадей да верблюдо́в, значит... Понятно!.. — кивнул Сергей Афанасьевич, как будто соглашаясь с ответом сына. — Ах ты, бесстыдник эдакий! Ты ишо и брехать мене надумал!.. — после короткой паузы взорвался Сергей Афанасьевич, подскакивая к Степану. Как шкодливого кота, он развернул сына за ворот полушубка спиной к себе и, широко замахнувшись, стал пороть его по спине двухвосткой. — Вот тебе от верблюдо́в, вот тебе от лошадей, а вот тебе от того жеребца, што по кобылам соседским скачет, — приговаривал Сергей Афанасьевич, продолжая хлестать сына своим излюбленным орудием экзекуции.

Толстый полушубок защищал Степана от ударов отцовского кнута, он совсем не чувствовал боли, но в душе была другая боль: боль стыда за свои греховные проказы. В его голове, меняя друг друга, с бешеной скоростью проносились мысли: «Што ж я натворил, бесстыдник?.. Какой позор! Как мене тяперяча в глаза Мари Ванне глядеть, а мамаше с папашей? Господи, какой стыд!..» — корил себя Степан, представляя, как уже утром на него будут смотреть родные люди и как ему придется стыдливо прятать от них свой взор.

Прекратив телесные наказания, Сергей Афанасьевич развернул сына лицом к себе и, глядя прямо в глаза, принялся за наставления:

— Ты што удумал, безбожник эдакий?! Ежели ты, бесстыдник, родителей своих да жану свою не считаешь, ты што тады, и Бога не боишься? А?! Ты пошто нашу веру молканскую позоришь? В ей таких блудливых, как ты, никады не было! И, покудова я живой, не позволю, штоб они были! — напирал отец, держа прямо перед лицом сына свою двухвостку.

— Так нет же, папаша! Нет!.. Што вы такое говорите?.. — заикаясь, отпирался Степан, подбирая в уме слова для оправданий.

— Значит, не совсем совесть свою в степу потерял, ежели понимаешь, што паскудничать — грех, — тяжело дыша, упрекал его отец.

— Ну бес попутал, папаша. Сам не знаю, как голову потерял. Прости, папаша, никады боле такой грех на душу не возьму. Никады! — искренне клялся Степан.

— А... понимаешь, значит? Каешься!.. Так тады знай, што жанился — прищеми свой хвост и сиди возля своей жаны, а не шастай по чужим вдовам. Не позорь ни себе, ни вдову. Ей тожеть дале без стыда и позора жить надеть. Ты мене понял?! — строго спросил отец.

— Понял, папаша, понял. Прости мене, Христа ради, — каляся Степан, сожалея, что так легко поддался соблазну.

Сознавая всю греховную суть своего безумного деяния, он с трудом представлял себе встречу с женой и матерью.

Как ни странно, но позорное положение Степана спасла его беременная жена. Ранним утром у Марии Ивановны начались схватки, отчего на хуторе возникла неожиданная суеда. Роды их первенца отвлекли внимание родных и, если можно так сказать, спасли Степана от явного стыда перед родителями и супругой. В дальнейшем подобных поступков Степан свершать себе не позволял.

Сразу после авианалета активизировался передний край немецкой обороны. Где-то вдали, с вершины высокого холма, показалась колонна вражеской бронетехники. Прищурившись, Дружинин принялся считать: один, два, три... Постепенно он стал считать вслух, и его голос становился все громче и громче:

— Тридцать, тридцать один, тридцать два, — закончил он. Вжав голову в плечи, Анатолий повернулся к Топчаку: — Ваня! Тридцать два танка! И это я бронетранспортеры еще не считал. Ты знаешь, дружище, по-моему, сегодня нам будет жарко! — забеспокоился Анатолий, глядя, как издалека в сторону наших рубежей движется колонна немецкой бронетехники. — Да! Невеселая картина вырисовывается.

Прикрывая глаза ладонью от яркого солнечного света, он, затаив дыхание, пристально вглядывался вдаль. По дороге тяжелой поступью приближалась немецкая железная армада.

— Хорошо, что далеко от нас. Не сразу таким железным кулаком ударят, — успокаивал и себя, и Анатолия Топчак.

В это время с востока послышался гул подлетающих самолетов. Но это были уже наши штурмовики. В сердцах солдат и офицеров появилась робкая надежда. «Илы», пролетая над боевыми порядками под прикрытием истребителей, на глазах у наших наземных войск яростно набросились на немецкие танки и бронетранспортеры. Образовав адскую

карусель, наши летчики стали сбрасывать на врага противотанковые авиационные бомбы, отчего с первых же заходов загорелось сразу два немецких танка. Потом еще и еще... Но самыми эффектными были атаки «илов», которые били по вражеской колонне из «эрэсов». Попадая в танк, реактивный снаряд подрывал его боекомплект и топливные баки. От такого взрыва срывало с погона башни, а высоко в небо, на десятки метров вверх, поднимался столб пыли, огня и густого черного дыма. Зрелище было впечатляющим. Около получаса продолжалась бомбардировка вражеской колонны. Сколько всего было уничтожено немецкой техники, сосчитать оказалось невозможно: все поле заволочло дымом, пеплом и пылью. Вражеских танковых атак ни в этот день, ни в последующие дни не было. Спасибо нашей авиации!

Вечером на оперативном совещании в штабе полка собрался весь офицерский состав. Майор Лопаткин, назначенный командиром ударной группы, доводил до своих офицеров поставленные командованием задачи. Надо прямо отметить, чувствовал себя майор неважно. Как ни странно, но в этот день его доносили тревожные мысли о жене, о детях... Это мешало сосредоточиться на боевой обстановке, что невольно вызывало нервное раздражение. Войска фронта вели наступление. Боевой группе отводилась важная задача, что требовало от майора и его подчиненных максимальной концентрации и внимания, а тут откуда ни возьмись эта ничем не обоснованная тревога. Замечая за собой раздражительность, Василий Фёдорович старался тщательно оценивать сложившуюся обстановку, сдерживая себя, чтобы не срываться по пустякам.

— Итак, товарищи офицеры, на основании боевого распоряжения командира Двадцать четвертого стрелкового корпуса за номером шестьдесят семь от сего дня нашей группе определена новая боевая задача, — произнес Лопаткин, осмотрев своих подчиненных в душном помещении штаба. Поправляя кобуру пистолета, он скрипел новеньки-

ми ремнями португеи. — Основные детали наступательной операции до вашего сведения доведет капитан Лосин. Прошу вас, Александр Александрович, — обратился он к начальнику штаба и уступил ему место у карты.

Стройный и подтянутый Лосин, поправив полы гимнастерки, занял место командира полка и после короткой паузы продолжил совещание.

— Согласно боевому распоряжению командира Двадцать четвертого стрелкового корпуса, частям дивизии приказано продолжать наступление за частями Двести восемьдесят седьмой стрелковой дивизии, в пяти — семи километрах, с задачей достигнуть рубежа Дружкополя. В дальнейшем необходимо быть готовыми к развертыванию из-за левого фланга наступающей дивизии и энергичному наступлению в общем направлении на Выдлув, Новы... — стоя у развернутой карты, определял задачу капитан.

В помещении штаба стояла мертвая тишина, в которой монотонно звучал голос начальника штаба. С недалекой позиции доносились звуки выстрелов гаубиц второго дивизиона. Артиллеристы пытались подавить огонь кочующей минометной батареи противника. Душную комнату, в которой проходило совещание, наполнял запах табачного дыма и едва уловимый запах ранних яблок. Не выдержав спертого воздуха, Лопаткин расстегнул верхние пуговицы гимнастерки и бросил взгляд на широкий подоконник. На нем лежали принесенные разведчиками ярко-красные яблоки, которые теперь источали тонкий приятный аромат. Глядя на фрукты, майор вспомнил далекий август тридцать девятого года, свою красавицу жену и принесенные им с рынка краснобокие яблоки. Перемытые фрукты Полина аккуратно, с каким-то художественным вкусом укладывала в хрустальную вазу. «Как это было давно!» Ее образ в легком, летнем платье, облегающем стройную фигуру, не исчезал, да ему и не хотелось с ним расставаться. В тот день он так же стоял у окна своей квартиры и с умилением смотрел на ее хрупкие пле-

чи, тонкие руки с длинными пальцами и узкими изящными ногтями. Столько лет они женаты, а он продолжал ее любить так же нежно и страстно, как в первые дни знакомства. Вот и сейчас он стоял и мысленно любовался ее красотой.

Из открытых окон с улицы доносился гомон и смех играющей во дворе детворы. В уютной комнате громко говорило радио. По заявкам радиослушателей зазвучала песня «Люблю» в исполнении Георгия Виноградова. Василий подошел к Полине сзади и нежно взял ее за талию. Полина тут же повернулась к нему, ослепив своей очаровательной улыбкой.

— А ты знаешь, на чьи стихи написана эта песня? — положив руки на плечи супруга, спросила Полина.

— Исполнителя объявили — это Георгий Виноградов. Композитор, насколько мне известно, Ефим Розенфельд. Относительно автора стихов — если я тебе скажу, что это Николай Венгерский, ты наверняка согласишься?

— Вполне! — ответила Полина, игриво откинув голову назад.

— Тогда буду вынужден тебя огорчить, это его псевдоним. Настоящее имя автора — Николай Фёдорович Мызников.

— А откуда тебе известны такие подробности?

— В такие детали меня иногда просвещает наш начальник штаба: он большой знаток и поэзии, и современной музыки.

— Может, вы, товарищ капитан, наконец пригласите даму на танец?! — нарочито возмутилась Полина.

— Простите, Пелагея Андреевна! Сию минуту исправлюсь. Не откажете ли вы мне в удовольствии танцевать с вами? — щелкнул он каблуками с одновременным и резким кивком.

— Давно бы так! С превеликим удовольствием, — радостно ответила Полина, подтверждая слова грациозным движением головы.

Непринужденно и плавно она повернула голову вправо, обнажив свою нежную шею, на которую спадала легкая

прядь шелковых волос. В руке Полины, которая легла на бицепс мужа, чувствовалась вся тонкость и нежность ее женской натуры. Проникаясь неугасающей любовью к своей жене, Лопаткин всегда испытывал потребность защищать и ограждать это хрупкое и нежное создание от всех суровых реалий жизни. Полина прекрасно танцевала; хорошо владея своим телом, она уверенно вела партнера по периметру комнаты, рассчитывая шаги.

— Моя любовь не струйка дыма,
Что тает так в сиянье дня.
Но вы прошли с улыбкой мимо
И не заметили меня... —

напевали они вместе, выполняя при этом все фигуры и движения прекрасного танца.

«Чем занята она сейчас? Наверное, кормит ужином наших деток. А они, сидя за столом на высоких, не по возрасту, стульях и болтая ногами, торопятся быстрее поесть, чтобы осталось больше времени для детских игр». Лопаткин представил себе эту картину, и у него защемило сердце. Боль из глубины груди тонкими иглами прошла под лопатки. Василий Фёдорович сморщил лоб. Закрыв на несколько секунд глаза, он вернулся в реальность. Сопровождение продолжалось. Спокойно, неторопливо и не опуская деталей, Лосин излагал тактическую схему действий подразделений, как это делают бывалые и опытные командиры.

Еще на несколько минут задержав взгляд на яблоках, Лопаткин вдруг увидел перед глазами спускающегося с потолка маленького паучка. Быстро перебирая своими длинными лапками, он тянул тонкую седую паутину, опускаясь все ниже и ниже. «Ну здравствуй, дружок! К гостям ты сегодня или к новостям?» — в мыслях обратился Лопаткин к крошечному созданию, внимательно наблюдая за кропотливой работой неожиданно появившегося гостя. Воздух дрогнул — это снова громыхнул выстрел орудия; паучок на секунду замер,

а потом, часто перебирая ножками, стал быстро подниматься вверх. «Гостей мы пока не ждем, а вот новости могут сообщить в любую минуту. Только какие?» — подумал Василий Фёдорович и повернулся к столу, вокруг которого собрались офицеры его ударной группы.

— Следует отметить, что командующий армией наряду с достигнутыми успехами отмечает слабый темп преследования отступающего противника; офицерский состав не проявляет решительных действий по окружению и уничтожению его разрозненных групп, — завершил свою речь начальник штаба. — У меня, товарищ майор, все, — повернувшись, обратился к командиру Лосин.

— Благодарю вас, товарищ капитан, — выразил свою признательность офицеру Лопаткин и, заняв свое место, продолжил: — Наши войска, сломив глубоко эшелонированную оборону противника, приближаются к одному из ее главных рубежей: к государственной границе Союза Советских Социалистических Республик. На нас сейчас возлагается важная и ответственная задача. Итак, товарищи командиры... — строго произнес Лопаткин, застегнув пуговицы воротника, как бы подчеркивая важность своих слов, — на основании вышеизложенного распоряжения командующего Двадцать четвертым стрелковым корпусом, а также замечаний командующего Тринадцатой армией приказываю: боевой группе, взаимодействуя с частями Двадцать четвертого стрелкового корпуса, окончательно и бесповоротно вытеснить противника с территории нашего государства. Переместившись на территорию Польши, не снижая темпов наступления, продолжить уничтожение немецко-фашистских захватчиков на сопредельной территории. Командирам дивизионов с момента развертывания ударной группы из-за левого фланга наступающей Двести восемьдесят седьмой стрелковой дивизии стремительно преследовать отступающего врага, обязательно окружать, дробить и уничтожать или пленить живую силу, брать трофеи! — огласил

свой боевой приказ майор и выдохнул полной грудью, будто скинул тяжкий груз со своих плеч. — Противник предпринял все меры для того, чтобы до подхода своих резервов организовать сопротивление на заранее подготовленных оборонительных рубежах, — уже менее напряженно зазвучал голос Лопаткина. — Враг прилагает все усилия, чтобы приостановить дальнейшее продвижение наших штурмовых батальонов. Поэтому считаю не лишним напомнить командирам дивизионов обратить особое внимание на четкую и слаженную связь с командирами стрелковых подразделений. От точности и плотности огня ваших батарей, товарищи артиллеристы, будет зависеть успех нашей пехоты. Итак, товарищи командиры, у кого есть вопросы и предложения, прошу изложить, — добавил майор, окидывая взглядом офицеров своей группы.

— Вопросов нет, товарищ майор, — ответил за всех после короткой паузы Махлеев.

— И еще хочу добавить в заключение для тех, кто еще не в курсе: мой командный пункт, товарищи командиры, будет находиться на юго-западной окраине села Холонюв. Вот здесь, — указал на карте майор место КП, — в дальнейшем он переместится на северо-западную окраину села Цехув.

По расчетам противника, он должен был остановить наши дивизии первого эшелона на рубеже второй полосы обороны, а затем резким броском своего Сорок шестого танкового корпуса разгромить их. Вражеским подразделениям действительно удалось закрепиться на заранее укрепленных рубежах, поскольку противник сумел отвести артиллерию и тяжелое пехотное вооружение до нашей артиллерийской и авиационной подготовки. Поэтому для стремительной атаки стрелковых батальонов командирами корпусов Тринадцатой армии были введены в бой и вторые эшелоны ударных групп.

Пятнадцатого июля Семьсот девятнадцатый артполк занял позиции на окраине села Холонюв. Наступательная опе-

рация требовала от артиллерийских дивизионов точных и решительных действий. На Лопаткина возлагалась особая задача: под его началом кроме артиллерийского полка были еще два стрелковых. Чтобы еще раз тщательно и до мелочей проанализировать боевую обстановку, в первую очередь Василий Фёдорович решил выехать на наблюдательный пункт полка. По случаю прибытия командира на наблюдательный пункт работу своей службы связи решил проверить и лейтенант Корейкин.

— Вам, для того чтобы окопаться, десять минут времени! — заявил лейтенант сразу, как только появился на территории наблюдательного пункта. — Иначе точно у меня в штрафной роте окажетесь, — осматривая посты своих связистов, потребовал командир взвода, злобно сверкнув глазами в сторону Дружинина.

— Так точно. Будет исполнено в срок, — заверил Анатолий, не желая вступать в прения со своим непосредственным командиром.

— Иосиф Захарович по-прежнему к тебе равнодушен. Смотрю, Толя, к тебе у Ёсика особые требования, — подметил Топчак, когда лейтенант удалился.

— А по-моему, он не только в мой адрес замечание сделал.

— Это точно! Быть с тобой в напарниках становится небезопасным, можно заодно с тобой в опалу попасть.

— Я у Иосифа Захаровича с первых дней нашей совместной службы в немилости. А ты, Ваня, находясь рядом, можешь вместе со мной в штрафную роту угодить. И если есть такое желание, милости просим.

— Да уж, Толя, хорошую перспективу ты мне обрисовал. Хотя Корейкин не только к тебе так относится. У него все плохо свои обязанности исполняют, — уточнил Топчак и повернул голову, прислушиваясь к знакомому звуку. С крайней улицы села теплый ветерок донес до слуха мягкий рокот двигателя легкового автомобиля. Не доезжая

двести метров до позиции, «виллис» командира полка остановился.

На наблюдательный пункт приехали начальник штаба первого дивизиона старший лейтенант Кабиров, Батя и его адъютант Привалов. Скрываясь от взора противника за сельскими постройками и чередой садовых деревьев, офицеры осторожно, вместе с командиром полка пробрались на наблюдательный пункт, к приборам. К командирской группе присоединился и Корейкин. Прибытие командира на наблюдательный пункт у присутствующих здесь офицеров вызвало некую суету. Осматривая прилегающие окрестности, Кабиров ввел Лопаткина в курс сложившейся боевой обстановки на рубеже Дружкополя. Пользуясь стереотрубой, майор уточнил боевую задачу и секторы стрельбы батарей первого дивизиона. Артиллерийская подготовка планировалась по этапам: вначале — подавление огневых средств в обороне противника, а затем усилия артиллерии переносились на сопровождение атакующих подразделений пехоты и танков.

— А это что за сооружение? — спросил у Кабирова майор, глядя на полуразрушенное здание, находящееся перед наблюдательным пунктом. — Не лучше ли там было установить НП?

— Нет, товарищ майор, это старая мельница, потолки в здании почти все разрушены. Установить там приборы нет никакой возможности, — ответил уверенно Кабиров. — Само здание находится прямо под носом у фрицев. Смастерить внутри что-то из подручных средств для установки наблюдательного пункта не получается. За этой мельницей немцы тщательно наблюдают и при малейшем нашем появлении начинают артобстрел. Хотя для наблюдательного пункта место было бы просто отличным, — сожалел старший лейтенант.

— Мне это здание определено не дает покоя, — протяжно высказался Лопаткин, прищуривая глаза. — А ну-ка,

пойдем глянем, что это за мельница такая, — предложил майор, закрепляя на подбородке ремешок фуражки.

Группа офицеров во главе с Батей, стараясь остаться незамеченными для противника, стала медленно пробираться к полуразрушенному помещению.

— Как-то подозрительно тихо, — с опаской оглядываясь по сторонам, произнес Топчак, почесывая небритую шею.

— Типун тебе на язык, Ваня. Ты что, соскучился по вражеской бомбежке? Смотри! Немецкие асы себя долго ждать не заставят, — недовольно пробурчал в ответ Анатолий, всматриваясь в затянутое облаками небо.

Прибыв на пост, Дружинин с Топчаком наладили связь и теперь заканчивали оборудовать свои ровики.

— Батя самолично прибыл на наблюдательный пункт, а это уже серьезно. Вот я и забеспокоился, чтобы нас не накрыла стая немецких бомбардировщиков, — оправдывался Иван. — Погода сегодня для авиации неподходящая! Но тишина меня все равно смущает, — с тревогой в голосе добавил он.

— А теперь меня стала беспокоить твоя излишняя болтовня, — сетовал Анатолий, наблюдая за перемещением к зданию мельницы офицерской группы, которую возглавлял командир полка.

Тучи сгущались. Начал накрапывать робкий дождь.

— Вечно твое недовольство, Ваня, если не бомбежку, то дождь притянет, — негодовал Анатолий, снимая с плеч скрученную плащ-накидку.

Где-то далеко за передовой ухнул выстрел немецкой гаубицы, за ним последовал издыхающий вой вражеского снаряда. Суeta из-за прибытия командира и недостаточная маскировка послужили причиной обнаружения немецкой разведкой наблюдательного пункта полка. Справа над вспышкой взрыва повисло дымчатое облако.

— Это бризантный снаряд, Толя! — крикнул Топчак.

— Дураку понятно, что бризантный... — съязвил Дружинин, поправляя линию связи.

По разрыву бризантной гранаты связисты без труда определили, что немец ведет пристрелку, и прекрасно понимали, что за этим сейчас последует.

— По-моему, Ваня, нам придется глубже закапываться в землю, — предупредил Дружинин, осматривая свой ровик, — сейчас начнется!

— А по-моему, Толя, нам придется уносить ноги из-под обстрела, — подметил Топчак, глядя, как после нескольких бризантных выстрелов снаряды стали сыпаться как раз туда, где находилась группа офицеров во главе с командиром полка. Короткими перебежками они стали перемещаться к наблюдательному пункту. — Накаркал на свою голову, мало того что дождь, еще и обстрел начался, — выругался на себя при очередном разрыве Топчак.

— А я тебе говорил, что меньше надо было языком чесать, — бурчал недовольно на друга Анатолий, — мать их за ногу... — матюгнулся он на врага, глядя, как стоявшая во дворе крайнего дома ветвистая яблоня вдруг подлетела.

Окутанное пылью и дымом, с треском ломая ветки, огромное дерево с высоты рухнуло наземь, и по зеленой траве как шарики посыпались недозрелые плоды. Один за другим отвратительно завывали снаряды, протяжно, со свистом и шипением стали разрываться мины.

Наблюдательный пункт подвергся жесточайшему артиллерийскому обстрелу. Придерживая рукой фуражки, Корейкин и Привалов бежали от здания мельницы к траншее наблюдательного пункта. За ними, пригибаясь к земле и петляя, бежали Кабилов и Батя.

Когда перед ровиками связистов появились фигуры адъютанта и командира взвода, прямо за их спинами разорвалась мина. Привалов замертво упал перед ними, вытянув вперед руки. Осколком разорвавшейся мины адъютанту снесло часть черепа, и Топчака с Дружининым обрызгало

кровью и содержимым его черепной коробки. Корейкину осколком этой же мины раздробило ногу в районе колена; нижняя часть левой ноги повисла на тонких нитях его тела и изрешеченных брюк. Прежде чем рухнуть на землю, Иосиф Захарович получил смертельное ранение осколком следующего взрыва, который ударил его в грудь, вдавив в сердце боевую награду. Бездыханное тело взводного, откинутое взрывной волной назад, упало рядом с телом убитого адъютанта. Разрывы мин и снарядов грохотали непрерывно. Прося о помощи, истошно кричали раненые. Темп обстрела нарастал.

— Отходим! — спешно удаляясь из зоны обстрела, крикнул связистам старший лейтенант Кабиров.

— Толя, отходим! — повторил команду Топчак, сворачивая связь.

Дружинин одним движением выдернул из земли штык, хватая на ходу катушку и телефон. Выскочив из ровика, Анатолий стал искать глазами ближайшее укрытие. Не успел он сделать и пару шагов, как услышал знакомый голос:

— Анатолий, Дружинин!..

Жутко засвистел на излете и разорвался рядом снаряд. Дружинин упал. Не заметил он того, как осколками разорвавшегося боеприпаса Кабирову перебило обе ноги. Откинутый взрывной волной и теряя сознание, старший лейтенант упал, истекая кровью. Когда Анатолий приподнялся, увидел справа от себя лежащего на земле командира полка. Не задумываясь, он рванул к нему.

— Анатолий, я тяжело ранен. Помогите мне, — с трудом выдавливая из себя слова, попросил Батя.

— Сейчас, товарищ майор, сейчас я вам подсоблю... — спешил Дружинин, помогая командиру подняться.

Когда он понял, что Батя беспомощен, просунул ему руку под плечи и попытался приподнять. Но рука в верхней части спины провалилась в разорванную кровоточащую плоть и крошево костей позвоночника. Испугавшись непри-

ятных ощущений и страха причинить боль раненому командиру, Анатолий отдернул окровавленную руку назад. Майор никак не отреагировал на проникновение руки в рваную рану на своем теле: позвоночник и нервы были перебиты. Такое ранение было смертельным. Туго затянутый подбородный ремешок надежно удерживал офицерскую фуражку на голове майора. Из-под козырька на Дружинина, не моргая, глядели грустные глаза умирающего на его руках командира.

— Ваня! Топчак! Батю ранило! — тут же закричал Анатолий, понимая, что сам он не сможет бережно донести до укрытия тяжелораненого командира. Анатолий был растерян, пальцы на руках неприятно склеивались от крови.

— Товарищ майор, вы ранены? — спросил подбежавший на выручку Топчак. Нависая своим богатырским телом над командиром, он прикрывал его от сыпавшихся сверху кусков земли. — Ничего, не переживайте, сейчас мы живо вас в медсанбат доставим, — успокаивал он Батю, — сейчас мы, товарищ майор... Давай, Толя, аккуратно поднимем командира. Вот так, а теперь берем его под руки и доставляем вон туда, в подвал, — указывал он на кирпичное сооружение.

— Сейчас, товарищ майор, санитары вас быстренько перевяжут, они у нас шустрые, и все будет в порядке. Вы потерпите! А главное, не переживайте, мы мигом вас до подвала доставим, — под звуки канонады тараторил Дружинин, успокаивая командира. Связисты старались как можно бережнее донести майора до каменного подвала, куда только что переместился полковой медсанбат.

— Санитары! Санитары! — кричал Дружинин. — Сюда, быстро! Батю ранило! Командира полка ранило! Быстрее! — Вместе с Топчаком они принялись усаживать майора на свободное место, снимая с него планшетку и бинокль. На призывы Анатолия прибежала Путинина.

— А ну-ка, в сторону! Я сама! — решительно настояла медсестра, опасаясь, что связисты могут сделать что-то

не так. — Товарищ майор! Что с вами? Вы ранены? Потерпите! Сейчас я вас быстренько перевяжу, и вам будет полегче...

— Не надо, Анечка! Не суетись! Ты мне уже ничем не можешь, — оборвал ее на полуслове Батя. Майор сидел на земляном полу, спиной и затылком опершись о кирпичную стену подвала.

— Да что вы, товарищ майор, такое говорите?! Я сейчас вам перевяжу рану, и мы отправим вас в госпиталь. Вы там поправитесь и снова вернетесь в свой полк. Мы с вами еще повоюем. Ну что вы такое говорите?! — приговаривала Анна, подготавливая раненого командира к перевязке. — Помогите мне, — обратилась она к стоящим рядом.

Дружинин и Топчак без промедления бросились ей на помощь. На призывы Анатолия подошел капитан Матиевский. Попросив Топчака отойти в сторону, капитан стал осматривать раненого командира.

— Что с вами, товарищ майор? Ранение? Ничего, сейчас мы вас с Анечкой перевяжем и после артналета — в госпиталь, — стал он успокаивать Батю, хотя, как военврач, прекрасно понимал, что ранение смертельное и жить майору осталось считанные минуты. Рваная рана в области затылочной части головы кровоточила, окрашивая гимнастерку командира багровым цветом.

— Не надо, Фёдор Павлович... С такими ранениями не выживают. Жить мне осталось всего ничего. Я это чувствую, не пытайтесь меня успокоить, — едва выговаривал слова из последних сил майор. — Анечка, будь добра, помоги мне. Достань из правого кармана сверток, — попросил Батя санинструктора, еле шевеля пересохшими губами.

Медсестра расстегнула пуговицу офицерской гимнастерки и вытащила из левого кармана аккуратно завернутую в носовой платок, пожелтевшую от времени семейную фотографию.

— Дай ее мне, Анечка, я последний раз посмотрю на них, — обратился майор к Путининой, пытаюсь взять в руку фотокарточку. Но руки не слушались.

Матиевский, делавший раненому командиру перевязку, поднес фотографию так, чтобы он мог посмотреть на фото своей семьи.

— Напишите им, товарищ капитан, о моей гибели. Полиночке напишите, Фёдор Павлович... Пусть она деток наших бережет: Изиду, Валеру, Славика... Маме! Маме с папой сообщите! Пусть они все знают, что я погиб. Ведь многим приходят извещения как о пропавших без вести. И родные потом томятся в ожиданиях и неведении. А это и мучительно, и больно. Прощайте и вы, товарищи, друзья мои боевые. Простите меня, если кого-то несправедливо обидел. Простите за то, что не всех вас спасет от гибели и ранений — это война. Дай бог вам всем дожить до победы нашей, до мирной жизни, чтобы вы все могли вернуться домой, к семьям живыми и здоровыми. А мне... а мне уже не посчастливится, — еле говорил последние в своей жизни слова командир, пытаюсь глотать, будто ему не хватало воздуха.

Силы покидали его. Наверху еще продолжали грохотать разрывы мин и снарядов, а в подвале была мертвая тишина. Замолкли даже тяжелораненые, понимая, что их командир, их Батя, прощается и с ними, и со своей жизнью. Голова майора наклонилась вниз, и он потерял сознание.

В подвал занесли Кабилова. За его перебитыми ногами, которые на разорванных и окровавленных кусках обмундирования беспомощно волоклись по земле, тянулся кровавый след. Лицо старшего лейтенанта, потерявшего сознание от болевого шока и большой потери крови, было безжизненно бледным. Санитарки уложили офицера на пол. Чтобы остановить продолжающееся кровотечение, медики стали ту же затягивать поясные ремни, которыми были перетянуты бедра.

Обстрел затихал.

— Дора! Бегом наверх! Любой транспорт, какой есть, сюда подавай. Людей срочно в госпиталь везти надо, — подал команду Матиевский старшине медицинской службы, в глубине души понимая, что ни командира полка, ни Кабирова спасти уже не смогут даже лучшие светила медицины.

Подпаскова выбежала из подвала, и уже через несколько минут Батю с другими ранеными, уложив в ЗИС, отправили в госпиталь, храня надежду, что они останутся в живых.

К вечеру шофер штабной батареи Кривичев с Путининой вернулись в полк. Тогда Платонович и объявил, что по пути в госпиталь, не приходя в сознание, Батя и Кабиров скончались.

Тяжело на войне терять командиров, тем более если они не прятались за спины своих бойцов, а честно и до конца выполняли свой офицерский долг. Гибель командира полка еще долго была главной темой в солдатских разговорах.

САНДОМИРСКИЙ ПЛАЦДАРМ

Противник под натиском наших наступающих частей, упорно сопротивляясь, продолжал отступать. Семьсот девятнадцатый артполк после марша восемнадцатого июля сорок четвертого года подошел к реке Западный Буг. Сосредоточившись на ее восточном берегу первой и пятой батареями, дивизионы вместе с пехотой стали переправляться на западный берег реки, где штурмовые батальоны ночью захватили плацдармы и удерживали их до подхода основных сил. В этот раз передовые группы телефонистов переправлялись на западный берег реки не как всегда, на подручных средствах, а на большой резиновой лодке. Брошенный трофей был обнаружен разведчиками на восточном берегу. Такому подспорью связисты были безгранично рады. Форсировав реку, артполк занял новый порядок юго-западнее населенного пункта Ванюв. Огнем своих батарей полк поддерживал правого соседа и свои стрелковые батальоны, которые вели бои по взятию города Белз.

На следующий день Дружинин из наблюдательного пункта дивизиона вышел для устранения обрыва связи. На подходе к штабу полка провод оказался разорван гусеницами наших же танков. Такое случалось часто. Танки после форсирования Западного Буга ввели в бой вчерашним днем. Теперь они огнем своих орудий поддерживали нашу наступающую пехоту. Анатолий восстановил связь и не спеша возвращался обратно.

Раннее утро. С востока из-за горизонта солнце едва показало ровный ярко-алый полукруг. Накатанная дорога через парящую дымкой лошину извилистой лентой тянулась к лесу. За спиной послышался надсадный гул автомобильных двигателей. Оглянувшись, Дружинин увидел небольшую автомобильную колонну, в которой особенно выделялись четыре «студебеккера». Торчащие над кабинами металлические направляющие были зачехлены. Понятно, что это машины с реактивными минометами.

— «Катюши»! — едва не крикнув, восторженно произнес Анатолий.

Колонна прошла по дороге между хлебных полей и, преодолев неглубокую лошину, повернула вправо, вдоль лесной опушки. Наблюдать издалека, как один за другим улетали на врага реактивные снаряды, Дружинину приходилось не раз. Но увидеть, как это происходит непосредственно на позиции, удавалось не каждому. Это грозное для врага оружие тщательно охранялось. Боевые порядки, откуда должна была производиться стрельба, хранились под строжайшим секретом. Только узкому кругу офицерского состава дивизии было известно, куда и в какое время прибудет такое подразделение.

В районе города Белз немцами был заранее подготовлен хорошо оборудованный и укрепленный опорный пункт. Здесь нашей разведкой было обнаружено скопление двухсот автомашин, более пятнадцати танков и большого количества живой силы противника. Для уничтожения обнаруженной группировки врага и была направлена батарея гвардейских минометов. Именно так во всех документах для особой секретности обозначались эти подразделения.

Когда Анатолий подошел к машинам, расчеты заканчивали подготовку к стрельбе. Несколько офицеров батареи с планшетками в руках стояли у буссоли недалеко от края дороги, очевидно, обсуждали расчеты наведения орудий на цель. Дорога у края леса резко поворачивала влево.

Неожиданно из-за поворота на дороге появился конвоир, сопровождавший пленного немецкого солдата.

На проходящих мимо развернутой позиции «катюш» пленного и его конвоира обратили свое внимание стоящие у приборов командир. С усмешкой они перекинулись между собой несколькими фразами. Старший лейтенант, махнув рукой, попросил конвоира подойти. Солдат указал пленному, что надо повернуть влево. Из старших по званию в группе был капитан. Когда конвоир и пленный стали приближаться, он умышленно, как показалось Дружинину, отошел в сторону. Рядовой, как положено, доложил старшему лейтенанту о том, что ведет пленного в штаб дивизии. Хитрая ухмылка на лицах двух оставшихся офицеров заставила Анатолия задержаться. Что же будет дальше?.. На присутствие постороннего связиста никто не обращал внимания, и тогда Дружинин, сгорая от любопытства, подошел ближе, бросая свой взгляд то на орудия, то на пленного.

Пленный немец — мужчина лет тридцати пяти. Из-под пилотки-пирожка ежиком торчал рыжий волос. На коротком, серого цвета кителе, очевидно, при захвате в плен оторваны две верхние пуговицы, брюки небрежно заправлены в короткие запыленные сапоги. Взгляд немца отрешенный, а точнее сказать, безразличный к происходящему. Создавалось впечатление, что он, отчаявшись, полагался теперь исключительно на судьбу.

— Курите, рядовой? — задал вопрос конвоиру старший лейтенант, вытаскивая из кармана пачку «Казбека».

— Да, товарищ командир, есть такое, балуюсь махорочкой.

— Закуривайте, — предложил офицер, протягивая пачку.

Когда автоматчик аккуратно взял себе папиросу, старший лейтенант протянул папиросы пленному. Немец несколько был этому удивлен, но от удовольствия закурить не отказался.

— *Dankeschön. Danke...* (Спасибо большое. Спасибо...) — кивая, любезно поблагодарил за угощение немец и трясущимися пальцами стал разминать папиросу.

Конвоир вытащил из кармана спички. Он потряс короб в руке и, вытащив спичку, чиркнул. Закрывая в ладонях огонек, дал прикурить сначала офицеру, прикурил сам и уже потом протянул ладони пленному. Жадно затянувшись, фриц раскашлялся.

— Что?! Русский табачок глотку продирает? Да?! — смеялся старший лейтенант, засовывая папиросную пачку в карман.

Остальные офицеры занимались своими делами; с ухмылками на лицах они наблюдали за происходящим. Как понял Анатолий, инициатором затеи как раз и был этот старший лейтенант.

— *Gut, gut* (Хорошо, хорошо), — тряся папироской, соглашался немец, восстанавливая дыхание.

— Это тебе не вонючие гитлеровские папироски, которые только вашим фрау курить, — гордо добавил офицер.

— *Ja, ja* (Да, да), — как будто понимая, соглашался пленный, кивая.

— Вот тебе и «я, я», — передразнивая, скривив набок рот, сказал офицер. — Тебя как зовут, браток? — обратился старший лейтенант к конвоиру.

— Меня Сергей.

— Ты, Серёга, надеюсь, никуда не торопишься? — задал вопрос старший лейтенант, отводя конвоира немного в сторону.

Его глаза озорно блестели, точно он затевал что-то грандиозно-хулиганское. Да и задал офицер вопрос так, что ему трудно было отказать.

— Да нет, товарищ старший лейтенант. Не спешу, — еще не понимая, что тут затевается, ответил Сергей.

— Ну вот и хорошо, — похвалил солдата за понимание офицер, дружески хлопывая по плечу. — Ты посади своего

фрица вон туда, — показал он под вторую машину, едва сдерживая смех. — Пусть пока там посидит.

— Хорошо! Сейчас сделаем, — согласился Сергей. — Эй, фриц, ком цу мир, — крикнул своему пленному Сергей, мотнув головой.

Немец покорно пошел за конвоиром.

— Здесь садись, — указал Сергей стволом ППШ на то место, куда показал старший лейтенант. Немец, не понимая, что надо делать, стоял в недоумении, моргая рыжими ресницами. — Черт тебя раздери! — выругался Сергей. — Как там у вас «сидеть»?.. А, да, вспомнил: зетц, зетц, — показал он опять немцу на место.

— *Ja, ja. Gut* (Да, да. Хорошо), — наконец понял пленный, чего от него хотят, и закивал.

Не раздумывая, он сел, куда указал ему автоматчик, и, ничего не подозревая, продолжил дымить сигаретой, иногда с интересом разглядывая реактивную установку. Сами же офицеры вместе с конвоиром отошли от машин метров на пятьдесят. Опустив бронированные листы на лобовые стекла автомобилей, расчеты также отделились на определенное расстояние.

Трудно описать то, что было потом, когда командир батареи прокричал: «По позициям врага залпом — огонь!» Один за одним реактивные снаряды со скрежетом и ужасающим ревом стали срываться с направляющих, устремляясь на юго-запад. Выбрасывая назад столбы яркого пламени и едкого дыма, они с безумной силой раскачивали всю установку, которая для устойчивости усиливалась винтовыми домкратами. В один миг все машины окутались огнем, густым серым дымом, клубами пыли и копоти. Анатолий был поражен увиденным. Он был в восторге. Но каково было пленному, которого офицеры умышленно посадили под установку? Немец, до смерти напуганный ревом стартовых снарядов, в панике стал метаться между машин. дезориентированный неожиданным ревом и грохотом, с иска-

женным от страха лицом, он пытался как можно скорее вырваться из этого ада в клубках дыма, огня и пыли. С трудом сориентировавшись, он как обезумевший выскочил из бушующего пекла. Пребывая в диком ужасе, немецкий солдат рванул в пшеничное поле, да так стремительно, что разведчикам с трудом удалось его остановить. На этот раз подвести к нему немца попросил своих солдат молодой статный капитан.

— *Wie heißt du?* (Как тебя зовут?) — спросил капитан, поправляя фуражку.

— *Schütze Garth Vogel, Herr Offizier* (Рядовой стрелок Гарт Фогель, господин офицер), — несколько упокоившись и поправив форму, представился немец, вытянувшись по стойке смирно.

— *Na, Garth Vogel, sehr erschrocken, als er sah dass unsere Waffe adgefeuert wurden?* (Ну что, Гарт Фогель, сильно испугался, когда увидел стрельбу нашего оружия?)

— *Ja, natürlich hatte ich Angst! Ich habe es noch nie schießen sehen. Heute habe ich zum ersten Mal gesehen, wie alles passiert. Es ist toll! Es ist atemberaubend... Aber hier ist es nicht so gruselig — es ist beängstigend dort* (Да, конечно, испугался! Я никогда раньше не видел, как оно стреляет. Сегодня я увидел, как все происходит, впервые. Это здорово! Дух захватывает... Но здесь не так страшно — страшно там), — показывал рукой пленный в ту сторону, куда улетели снаряды. — *Es ist dort sehr gruselig! Ich wurde bereits von Ihren Waffen beschossen. Unsere Soldaten gaben ihr einen Namen — Stalins Orgel. Die Zeit des Beschusses wird als Konzert bezeichnet, aber das ist ein schlechtes Konzert! Denn alles brennt: Gebäude, Geräte, Menschen, die Erde brennt! Es ist sehr beängstigend! Ich hatte Glück, dass es mir gelang, mich im Unterstand zu verstecken. Deshalb bin ich am Leben geblieben. An diesem Tag hatten nicht alle Glück, viele unserer Soldaten starben* (Там очень страшно! Я уже попадал под обстрел вашего оружия. Наши солдаты дали ему имя — «сталинский оргán». И когда идет обстрел, это

время называют концертом. Но это ужасный концерт! Потому что горит все: постройки, техника, люди, горит земля! Это очень страшно! Мне повезло, что я успел укрыться в блиндаже. Поэтому и остался жив. Но повезло не всем. Много наших солдат в этот день погибло), — возбужденно рассказывал пленный, вспоминая тот трагический для него день.

Немецкий солдат был уже немолодым человеком и совсем не был похож на фанатичного фашиста. Очевидно, он устал от войны. Плен хоть и являлся позором (пленный солдат уже унижен и подавлен), но для Гарта Фогеля плен был скорее каким-то выходом из положения.

Стрельба закончилась. Расчеты спешно стали снимать установки с домкратов. Необходимо было быстро покинуть позиции, с которых был произведен обстрел по скоплению техники и живой силы противника. Конвоир повел в штаб дивизии пленного немецкого солдата, а Анатолий, полный впечатлений от увиденного, продолжил путь на наблюдательный пункт.

* * *

На следующий день Дружинин вместе с Лёней Дырявко поддерживали связь командного пункта третьего дивизиона со штабом полка. С боями части дивизии двигались на запад, и к десяти часам утра стрелковые подразделения и артиллерия достигли села Михайловка. День выдался жарким. Солнце нещадно палило, накаляя и без того раскаленный воздух. Люди, страдая от зноя, обливались потом. К одному из колодцев, находящемуся в центре села, приготавливая фляжки, стали подходить люди. Ефим Трощенко прибыл сюда одним из первых. Не спеша и без суеты он поил у источника своих лошадей. Это стало раздражать собравшихся вокруг пехотинцев.

— Тут люди умирают от жажды, а он лошадей затеял поить! — возмущался пулеметчик в криво надетой каске. Ее

подбородный ремень болтался, гимнастерка бойца была испачкана грязью, одной пуговицы на ней не хватало, правая штанина шаровар разорвана. Не выпуская из рук скрученную сигарку, солдат продолжал голосить: — Не успели лошади от речной воды обсохнуть, а он тут у колодца очередь устроил. Там, на реке, поить скотину надо было!

— Я у тебя, оборванец, забыл спросить, где мне животных поить! Двух минут потерпеть уже не можешь! Смотри не умри здесь от жажды. В этом селе не один-единственный колодец. Вон один «журавль» стоит, вон, справа, другой, — огрызнулся раздраженный таким обращением Ефим. Указывая рукой на колодцы, он невозмутимо продолжал свое дело.

— Ты кого оборванцем назвал?! — вскипел пулеметчик, наступая на Трощенко с перекошенным от гнева лицом. — Это что получается, я со своим батальоном, можно сказать, первым на этот берег реки прорывался только для того, чтобы теперь тут какие-то извозчики меня оскорбляли?! — брызгаясь слюной, негодовал пехотинец.

— Вот именно, что только можно сказать! А на самом деле не ты плацдарм на этом берегу захватывал. Третьи сутки пошли, как мы отошли от Западного Буга, а ты до сих пор про речку вспоминаешь, — укорял его Ефим.

— Пусть сначала люди напьются! Потом кобыл своих будешь потчевать! — хватаясь за ведро, закричал пехотинец-автоматчик, поддерживая своего товарища.

Толпа загудела, поддерживая однополчан.

— А ну, пошла отсюда, кляча!.. — закричал на лошадь раздухарившийся пулеметчик.

Чувствуя поддержку друзей, он локтем замахнулся на животное. Лошадь, к которой неожиданно проявили агрессию, шархнула; повозка дернулась назад, загремев содержимым.

Лошадками своими Ефим дорожил! И никому и ни при каких обстоятельствах он не позволял их обижать. Сдержи-

вая животных, Ефим не на шутку был взбешен поведением наглецов. Но пехотинцы, чувствуя свое превосходство, уже вдвоем напирали на Трощенко, понимая, что они в большинстве. Дружинин и Лёня Дырявко в этот самый интересный момент оказались рядом.

— Смотри, Толя!.. По-моему, пехота на нашего Ефима в атаку пошла, — крикнул Дырявко, указывая рукой на толпу, собравшуюся у колодца.

С трудом Анатолий смог в людском скопище узнать знакомую фигуру Трощенко, занявшего оборону у своей повозки.

— Ишь, чего затеяли, сучьи дети! — возмутился Анатолий, бросив свои дела.

Несмотря на то, что связисты оказались в меньшинстве, друзья без тени сомнения ринулись на помощь своему боевому товарищу. Но Трощенко и сам был не из робкого десятка. Едва Ефим успел успокоить своих лошадей, как неожиданно, с разворота он влепил ногой в пах автоматчику, и тот сначала подскочил вверх, а потом с визгом кастрированного поросенка упал на колени, корчась от ужасной боли. В тот же миг с размаху Ефим нанес сокрушительный удар пустым ведром по каске разгневанного пулеметчика, отчего она, слетев с головы владельца, со звоном покати-лась к колесам повозки. А сам зачинщик скандала, с перепуга выбросив недокуренную сигарку и не выпуская притом из рук оружие, отскочил прочь на несколько метров.

От неожиданного поворота событий все присутствующие на несколько секунд замерли в недоумении. Но это было лишь секундным замешательством. Взбешенные тем, что ездовой из артиллерии в одиночку обидел их однополчанина, пехотинцы кучей навалились на Трощенко. Разъяренная публика готова была разорвать его на месте.

Откуда столько взялось прыти у Дружинина, когда он рванул на помощь своему другу, он не знал. Резкими бросками Анатолий раскидал несколько человек, опрокидывая

их наземь. Лёня Дырявко был проще. Не мудрствуя лукаво, он прикладом карабина в несколько ударов проложил себе путь к колодцу. Считанные мгновения схватки — и друзья уже втроем заняли оборону у повозки, оцетинившись оружием. Но «царицу полей» просто так не возьмешь! Оправившись, пехотинцы вновь ринулись в бой. Навалившись, они толпились, мешали друг другу, лишая себя численного преимущества, но и артиллеристам медлить было нельзя. Толпа запросто могла их раздавить. Лёня понял, что промедление смерти подобно. Надо принимать экстренные меры...

— Стоять! — крикнул Дырявко, передергивая затвор карабина.

Тут же над головами разъяренной пехоты прогремел выстрел. Разозленная, как пчелиный улей, людская толпища в ожидании смертельной опасности замерла. На шум и выстрел к колодцу верхом на лошади подскочил Ротмас.

— А ну-ка, немедленно прекратить стрельбу! — вытаскивая из кобуры пистолет, прокричал Прокофий Митрофанович. Конь под седлом капитана, возбужденно фыркая, топтался на месте, приминая копытами желто-зеленую траву. — Анатолий, что тут произошло? — строго потребовал ответа Ротмас, заметив в толпе Дружинина.

— Да вот, товарищ капитан, незадача вышла. Очередь за водой у нас сбилась, но мы тут посоветовались и решили: у кого ружье громче пальнет, тот следующий и будет набирать воду, — засмеявшись, ответил Анатолий.

Робкий смех стал разбирать некоторых бойцов. Ротмас смотрел на собравшихся людей в недоумении. Вскоре смех обуял всех и над толпой стоял сплошной хохот. Люди поняли, что спор возник из-за пустяка.

— Ну ты, Толя, даешь!.. — рассмеялся и Ротмас. — Не устраивайте здесь базар, да еще со стрельбой. Вы же красноармейцы, а не голодранцы румынские, — добавил капитан, укладывая пистолет в кобуру. Еще раз взглянув на Дружинина, Ротмас засмеялся над его шуткой, так ма-

стерски разрядившей накаленную обстановку, и, лихо развернув коня, спешно удалился по своим служебным делам.

Не успела толпа разойтись от колодца, как с разных сторон послышались голоса наблюдателей:

— Воздух!

— Воздух!.. Воздух!.. Всем в укрытие! — раздались предупредительные окрики командиров.

Освещенная ярким солнцем, с запада показалась стая хищных «юнкеров». Завалившись на крыло, первый нырнул в крутое пике, остальные, выстраиваясь в круг, ринулись за ним.

— Девятнадцать, двадцать... — упав на землю, успел посчитать Дружинин.

Первая бомба, отделившаяся от самолета, с грохотом разорвалась в нескольких метрах от него. Содрогнулся от разрыва воздух. Вражеский фугас разбил вдребезги повозку стрелкового полка. Воздушная волна жаром обдала лицо. В соседних домах зазвенели стекла. Вместе с пылью, грудой земли и черным едким дымом высоко в воздух полетело деревянное колесо разбитой повозки. Описав дугу, оно с грохотом упало прямо перед лицом Дружинина. От удара о землю его металлический обод слетел, покотившись по кривой оси в сторону, ступица раскололась на части, а деревянные спицы, как боевые стрелы, разлетелись в разные стороны.

Из укрытий стали раздаваться хлопки винтовочных выстрелов и трель пулеметных очередей. Гулкие выстрелы противотанковых ружей добавляли свои ноты в этот оркестр свинцово-железной смерти. Не зная зачем, скорее всего просто инстинктивно, Анатолий, сорвавшись с места, запрыгнул в колодец. Зацепившись за края горловины колодезного оголовка, он повис на руках, упираясь ногами в деревянный сруб. Что происходило там, наверху, он теперь не видел.

Люди продолжали разбегаться, стараясь найти укрытия. Ездовые уводили с дороги повозки, с трудом сдерживая пе-

репуганных лошадей; шоферы, выкручивая баранки, старались увести машины прочь от скопления людей. Шесть человек третьего дивизиона и несколько бойцов из пехоты, укрываясь от вражеского авианалета, забежали в большой дом, стоящий в самом центре села. Сосковец и Мельник метнулись к небольшому домику напротив и, усевшись прямо на пол, прижались спинами к его хлипким стенам.

Образовав чертово колесо, немецкие самолеты продолжали сбрасывать на село тонны смертоносного металла. Трехсоткилограммовая бомба угодила в дом, куда только что заскочила группа, состоящая из артиллеристов и бойцов пехоты. Сильнейшей мощности взрыв сотряс окрестности. Невероятной мощности сила подняла вверх жилое строение. На огромную высоту взлетели пламя, доски, стропила и черные клубы дыма. Вместе с землей и металлическими осколками остатки дома разлетелись по ближайшей округе.

Соседнюю хату, в которую забежали Мельник и Сосковец, тряхануло так, что содрогнулись ее хилые стены. На головы сидящих на земляном полу бойцов с висящих наверху деревянных полок посыпались горшки и кувшины с молочными продуктами. Не выдерживая ударов, глиняная посуда разбивалась о головы перепуганных до смерти бойцов, обливая их молоком, сливками и простоквашей. Вдребезги разлетелись оконные стекла старенькой хаты, и вся придорожная пыль с улицы вместе с дымом и гарью через разбитые окна с шумом влетела внутрь, в мгновение ока затмив мраком все пространство небольшого дома. В страхе от прогремевшего рядом огромной мощности взрыва Мельник бросился под стоящую напротив койку, ища под ней «надежное» укрытие. Сосковец, понимая, что под кроватью двоим места не хватит, метнулся в подпечек стоящей посреди комнаты русской печи.

Около двадцати минут продолжалась бомбардировка вражеской авиации. Израсходовав боекомплект, «юнкерсы» улетели. Затихли стрельба, противный вой сирен и звуки

разрывов. Провисев такое количество времени на вытянутых руках, Анатолий едва нашел в себе силы, чтобы выбраться из колодца наружу. Руки онемели и не хотели слушаться. Теперь, сидя на оголовке, он разминал пальцы, чтобы кровь вновь стала поступать к затекшим конечностям.

Вся улица в пыли, затянута густым едким дымом и перепахана воронками. В селе горело несколько домов и хозяйственных построек. Языки пламени лизали стоящий на окраине села ЗИС.

Рядом с полыхающим жилым домом плакала от страха и полученных ожогов девятилетняя девочка. Подхватив на руки и нежно прижав малышку к груди, младший лейтенант понес пострадавшего от бомбежки ребенка к санитарам. В одном из дворов отчаянно кричала пожилая женщина, в истерике заламывая руки, она, стоя на коленях, рыдала над убитой дочерью. На том месте, где в центре села стоял большой дом, теперь зияла дымящаяся воронка конической формы, вокруг которой были разбросаны горящие и чадающие дымом обломки. От дома не осталось и следа, как и от тех людей, кто укрывался в нем от бомбежки. Росший рядом с домом высокий тополь стоял без единого листочка. На обнаженном дереве остались одни лишь голые, покрытые копотью ветки, на которых теперь вместо листьев висели обрывки красноармейской формы. Были бойцы — и бесследно исчезли... От увиденного щемило сердце.

Оправившись от неожиданного налета, люди стали собираться на улице. Слышались громкие окрики командиров, людской гомон. Выбрались из своего укрытия Мельник и Сосковец.

Смех грянул по всей округе, когда они появились на ступеньках едва уцелевшего от бомбежки дома. Все в вековой паутине, в пыли, облитые с ног до головы молоком и простоквашей бойцы, как два туземца, стояли на крыльце с ка-

рабинами в руках. Без смеха на них невозможно было смотреть. Это был смех сквозь слезы!..

* * *

Преследуя неорганизованное сопротивление мелких групп противника, части дивизии двадцать третьего июля вышли к восточному берегу реки Сан.

На следующий день после короткой артподготовки Тысяча сто шестьдесят седьмой полк успешно форсировал водную преграду. Имея хороший брод, подразделения полка сравнительно быстро сломали слабое сопротивление противника и заняли близлежащую деревню Вяжевицы.

Темп наступления не спадал; к семи часам вечера полки дивизии штурмом овладели городом Лежайск и его крупной железнодорожной станцией. При штурме было уничтожено и взято в плен большое количество солдат и офицеров противника.

С утра двадцать пятого июля дивизия продолжила развивать наступление и полностью очистила от гитлеровцев шоссеиную дорогу Ежове — Соколув. Противник не мог ожидать такого стремительного продвижения наших частей на данном участке своей обороны. Местность имела полную маску леса¹ и не подходила для стремительного броска: здесь было большое количество болот и прудов.

Удерживая занятые рубежи и подтянув тылы, части дивизии с полудня двадцать восьмого июля продолжили наступление. Лето сорок четвертого выдалось дождливым; дороги местами стали труднопроходимы. Продвигаясь по болотисто-лесистой местности, преодолевая все трудности бездорожья и отбрасывая при этом мелкие группы про-

¹ *Маска леса* — рельеф местности с крупными лесными массивами.

тивника, дивизия с боями ушла далеко вперед, отрываясь от своих право- и левофланговых соседей.

К утру двадцать девятого июля полки подошли к крупному военному городу и железнодорожной станции Демба. Уже к полудню, разгромив гитлеровский гарнизон, оборонявшийся город, наши части захватили много пленных, оружия, склады с продовольствием и боеприпасами. С падением железнодорожной станции Демба и населенного пункта Майдан у противника до правого берега Вислы не осталось ни одного надежного опорного пункта. Не снижая темпа наступления, подразделения дивизии к концу дня вышли на восточный берег реки Вислы.

На участках, где предстояло форсировать реку, она представляла собой водную преграду шириной в триста пятьдесят метров. По словам пленных, немцы кровью поклялись, что не позволят русским перебраться на ее западный берег. Но форсировать реку нашим частям приходилось, что называется, на плечах гитлеровских солдат. Тысяча сто шестьдесят седьмой полк переправлялся ниже по течению, в районе деревни Махув. Тысяча сто восемьдесят седьмой полк был на левом фланге дивизии и вышел к берегу Вислы в районе населенного пункта Седлещаны. Группа немецких солдат и офицеров, застигнутых врасплох нашими наступающими частями, суежилась на берегу реки. Фашисты с берега толкали к воде большой плот и несколько рыбацких лодок. Оглядываясь назад, они спешно скидывали на свои плавсредства остатки боеприпасов и оружие. Было видно, что солдаты деморализованы; офицеры криками торопили растерянных подчиненных. Разведчики пятой батареи первыми обнаружили немецкую группу, которая спешила переправиться на другой берег реки. Завязался бой. Старший лейтенант Корнев сходу развернул свою батарею и накрыл противника разрывами осколочно-фугасных снарядов. Оставляя на берегу убитых и раненых, немцы, бросив снаряжение, побежали вдоль берега выше по течению. Верхом на лошади

к пушкам подъехал командир второго дивизиона Махлеев. На лице — нескрываемая радость.

— Молодец, Коля! — похвалил он Коренева. — Паром и лодки нам нужнее, нежели фрицам!.. — крикнул капитан, осаживая своего коня.

Дружинин в составе колонны приближался к важной водной преграде. День подходил к концу. Стемнело. Дорога покатилась вниз. Откуда-то с низины прохладный ветер донес запах сырости и береговой тины. Через несколько сотен метров впереди, освещаясь разрывами мин, снарядов и пушками осветительных ракет, заблестела черная полоса воды — Висла. Неожиданно для себя Дружинин оказался на ее песчаном берегу.

У кромки воды кипела работа. Подготовка к форсированию водной преграды шла полным ходом. Разведчики на отбитых у противника лодках уже переправились на западный берег. Прибывающие сюда стрелковые подразделения сходу приступили к форсированию; для переправы в дело шло все: бревна, ворота, плоты, лодки. Использовались даже плащ-палатки, набитые соломой. Песчаный, местами илистый берег густо зарос лозняком. Прямо в зарослях капитан Махлеев развернул одну из своих пушечных батарей; она вместе с полковой батареей пехотинцев должна прикрывать переправу с восточного берега. Отбитый у противника паром капитан распорядился подготовить для транспортировки на западный берег своих пушечных батарей. Тяжелые гаубицы до прихода саперных подразделений должны оставаться также на восточном берегу, чтобы поддержать огнем штурмующие батальоны.

В сумерках справа от себя Дружинин увидел двух поляков. На ломаном русском они наперебой пытались что-то объяснить командиру пулеметной роты. Как потом Анатолий узнал, это были польские крестьяне-рыбаки. Отец и сын любезно предлагали офицеру свои рыбацкие лодки. Пулеметчики от услуг польских друзей не отказа-

лись. Отблагодарив крестьян, они тут же перетащили предложенные плавсредства к воде. Быстро грузилась амуниция, оружие, боеприпасы; люди, устроившись в лодках, тут же стали отчаливать от берега. Плывущих по реке бойцов сносило течением; гребцы, выбиваясь из сил, отчаянно орудовали веслами.

— Немцы!.. Немцы слева! — крикнул кто-то из лодок.

Навстречу переправляющимся на западный берег фашистам веером полетели косые очереди наших пулеметов. Немцы, переправлявшиеся выше по течению, ответили пулеметно-ружейным огнем. Над головами пулеметчиков нараспев засвистели пули.

— По местам! — раздалась команды на пушечных батареях, и боевые расчеты быстро заняли свои места.

Прогремели первые выстрелы орудий. На темной глади реки поднялись бурные фонтаны воды. Освещаясь разрывами и ракетами, водная гладь отражала тесно сгрудившиеся немецкие лодки, которые тоже сносило течением. Огромные столбы воды все ближе подбирались к вражеским плавсредствам, угрожая им неминуемой смертью. Не выдержав плотного артиллерийского налета, немцы, бросая амуницию и оружие, один за другим стали прыгивать в воду.

На берегу, как и прежде, кипела работа. Первой на западный берег спешила переправиться пятая батарея. С ней на противоположную сторону реки выдвинулся и Махлеев. Дружинин, получивший приказ держать связь со вторым дивизионом, отправился вместе с капитаном. Всполохи разрывов на противоположном берегу вырывали из темноты извилистую береговую линию, зеркальную гладь воды и фигуры наших солдат, переправляющихся по реке. Вся поверхность Вислы покрыта различными плавсредствами. Разговоров не слышно, только всплески воды: гребут кто досками, кто лопатами, кто веслами. От воды веет прохладой.

Западный берег и часть водной полосы стали освещаться немецкими ракетницами. С противоположного берега за-

стучал немецкий пулемет МГ-42 — «циркулярная пила Гитлера». То справа, то слева, то над головой засвистели косые очереди трассеров. Пули с шипением врезаются в теплую воду. В руках Анатолия вращается диск катушки; с привычным шуршанием сматывается полевой провод связи. На правом берегу гулким эхом загремели выстрелы наших гаубиц. Это капитан Фиц огнем своей гаубичной батареи старался подавить пулеметную точку противника. Через несколько минут пулемет замолкает. Противник, не ожидая такого стремительного наступления, не успел организовать на западном берегу прочную оборону. Форсирование реки передовыми батальонами шло совместно с перебрасыванием на западный берег отступающих частей вермахта; то и дело на воде завязывались перестрелки. Артиллерия и танки противника теперь были вынуждены вести бой с батальонами, которые уже переправились через Вислу, что послужило быстрому и стремительному форсированию реки остальными подразделениями дивизии.

Вот и земная твердь. Здесь, всего в нескольких сотнях метров от края воды, идет ожесточенный бой. Всполохи разрывов освещают ночное небо. По всему западному берегу не прекращаются винтовочные выстрелы и трели автоматных и пулеметных очередей. Дружинин отчаянно спрыгивает с парома в реку; вода почти по пояс, ноги становятся на жесткий песчаный грунт. Расчеты скатывают с парома пушки прямо в воду: ближе не подплыть; тяжелый паром уперся в речной песок. Справа, выше от берега, в свете ракетниц Анатолий замечает дерево, а значит, здесь можно закрепить полевой провод. Пока батарейцы выталкивают орудия на берег, он бежит к ветвистой вербе. Левый берег Вислы, также заросший лозняком и густыми кустами, опасен: здесь запросто можно напороться на немцев, но об этом думать некогда. Продвигаясь сквозь заросли, Анатолий наконец добирается до дерева; оставив на земле катушку с проводом, перекинутым через плечо, он залезает

по веткам на середину вербы. Через несколько минут кропотливой работы кабель натянут и закреплен. Протянув провод через кустарник, Анатолий возвращается к пушечным расчетам. Батарейцы, выбиваясь из сил, выталкивают на берег свои орудия. Выгрузив пушки, Махлеев отправляется с паромом на восточный берег за своей четвертой батареей.

— Вкатить орудия на передки, — раздаются окрики командиров огневых взводов. Люди, мокрые от речной воды и от собственного пота, упираются плечами в щитки орудий, толкают колеса. То придерживая своих лошадей за поводья, то подгоняя их шпорами или плетью, бранясь и перебывая друг друга, кричат раздраженные ездовые:

— Тпр-р! Стоять!.. Куда ты прешь, твою мать?! Стой!

В ночной и людской толчее под звуки идущего рядом боя разномастные лошади с фырканьем и ржанием с трудом понимают, что хотят от них разгоряченные люди. Под крики людей, хлестанье кнутов и громкие команды ездовых они топчутся в упряжках, перемешивая копытами речной песок.

— Назад немного подай!.. Ты что, думаешь, так легко эту дуру по песку катить?! — ругается кто-то из расчетов на ездовых.

— Так ты команду подай! Что я в темноте могу видеть?! — огрызается ездовой коренников¹, озираясь назад.

Поднимая тяжелые станины, огневики волокут их, подтягивая орудия к передкам.

¹ *Коренник* — лошадь, запрягаемая в корень, то есть в дышло — одиночную оглоблю между двумя лошадьми, укрепляемую к передней оси для поворота повозки (в данном случае — орудийного передка) при парной запряжке. В орудийной упряжке, как правило, три пары лошадей, запряженных цугом: одна пара за другой. Две первые называются уносными, а третья пара — коренниками.

— Навалились, братцы!.. Еще немного!.. О-о-оп! Хорош! Стой!.. Все готово!

Облегченно вздохнув, люди отходят от своих орудий.

— Приготовиться к движению! — распоряжается Коренев, разворачивая своего коня. — За мной!.. Рысью!.. Марш! — подает команду офицер, и лошади, натянув построшки, срывают с места орудийные передки и пушки. Удаляясь от кромки речной воды, батарея устремляется на северо-запад.

Пересеченная песчаными буграми местность западной стороны заросла кустарником и лозняком. На буграх пушки вязнут в песке; люди, припадая к щиткам, снова толкают их, помогая изнеможенным животным. Подгоняемые окриками ездовых лошади, обливаясь потом, изо всех сил напрягают натруженные мышцы. Вот в темноте показались фигуры дивизионных разведчиков.

— Стой! Огневой рубеж — справа! Дистанция — пятьдесят! Занять огневую позицию! К бою! — прокричал Коренев, и запряженные цугом по три пары лошади растаскивают орудия, выстраивая их в боевую линию.

— Снять орудия с передков! — звучит новая команда, и вновь на батарее закипела работа: расчеты отцепили пушки, разворачивая их стволами в ту сторону, где идет бой. На оборудование огневого рубежа времени нет: немцы теснят стрелковый батальон, выдавливая нашу пехоту обратно к реке. Сходу раздвигаются станины, забиваются в песчаный грунт сошки, вытаскиваются снаряды. Выверив расчеты, Коренев открывает огонь по врагу прямой наводкой. Грянули первые выстрелы, и орудия вмиг окутались дымом; разрывы снарядов, сокрушая немецкую пехоту, ложатся в цель. Получив поддержку артиллерийским огнем, наши пехотинцы двинулись вновь в атаку. Уставшие, невыспавшиеся люди валяются с ног, но упорно ведут бой, отражая контратаки противника и отбрасывая его на новые и новые рубежи обороны.

Вслед за пятой через два часа на западный берег переправилась и четвертая батарея второго дивизиона. Развернув позицию на запад, батарея сходу вступила в бой. Когда было развернуто управление дивизионом, туда незамедлительно отправился и Дружинин. Получив поддержку огневыми средствами дивизионной артиллерии, стрелковые батальоны к четырем часам утра отбили у противника захваченный плацдарм на западном берегу, расширив его до шести километров по фронту и на четыре километра в глубину.

Ожесточенные бои продолжались всю ночь; за это время Пятисот тридцатая дивизия полностью переправилась на западный берег Вислы. Когда забрезжил рассвет и стал рассеиваться утренний туман, химическая служба организовала дымовую завесу; под дымовым прикрытием продолжилась переброска остальных частей Двадцать четвертого стрелкового корпуса.

Рассвело. С боями подразделения продвинулись вглубь немецкой обороны на шесть километров от берега реки. Наблюдательный пункт второго дивизиона переместился вслед за наступающими на врага стрелковыми батальонами. Утреннее солнце осветило окрестности, обнажая вид мирного польского уголка, в который неожиданно вторглась война.

Пред взором Дружинина возникла необычной красоты картина: скошенные пшеничные и ржаные поля красовались своей рыжей короткой стерней; в лучах восходящего солнца золотились еще не вымолоченные снопы зерновых. Бедные сельские хутора крестьян, старинные фольварки и фруктовые сады польских панов были раскиданы по склонам невысоких холмов; среди лощин и мелких речушек виднелись небольшие рощи, которые окружали некошенные зеленеющие луга. Только теперь вся эта красота была ввергнута в пучину ожесточенных боев. Втянутые в смертельную схватку с врагом, люди не видели этого бла-

женства, к ярким жизненным краскам которого добавлялись жуткие, черные цвета смерти и людских страданий.

В течение всего дня штурмовым батальонам приходилось атаковать боевые части Двести девяносто первой пехотной дивизии противника, недавно прибывшей из Берлина. К концу дня плацдарм был расширен до двенадцати километров в ширину и до восьми километров в глубину. Только утром тридцать первого июля удалось переправить на западный берег Вислы нашу бронетехнику.

Ранним утром на всех участках обороны немцы вновь принялись контратаковать наши наступающие полки. Анатолий заметил, как на позиции стрелкового батальона, стоящего на северо-востоке Копшивницы, выдвинулись подразделения противника. Немецкая пехота с небольшой группой автоматчиков растянулась в живую извилистую цепь. Из-за липовой рощи в боевой порядок выстроились пять немецких танков, окрашенных в оливково-зеленый цвет. Передвигаясь по колючей стерне ржаного поля, этот железный вал накатывался волной, подминая под гусеницы аккуратно сложенные снопы еще не вымолоченной ржи. Танки выбрасывали в туманную синь клубы искрящегося дыма. Лощина, которая тянулась от леса к окраине населенного пункта, заметно сужалась, вынуждая немецких танкистов сокращать расстояние между машинами.

Первая батарея капитана Бирюкина стояла на левом фланге огневых рубежей стрелкового батальона. Хорошо замаскированные орудия позволили подпустить противника на расстояние кинжального огня. Бирюкин, находясь на своем наблюдательном пункте, терпеливо выжидал подходящее время. В складках местности немецкие танки выстроились в выгодную для артиллерийской атаки позицию: дистанция между движущимися танками становилась чуть более пяти метров. Возможность маневра немецкой техники была ограничена: они находились в лощине. Расстояние между танками противника и нашими орудиями медленно сокращалось.

— По местам! — послышался окрик, когда дистанция до немецких танков сократилась до трехсот метров.

— Ориентир два! Право десять! По танкам противника — беглым! Огонь! — передал команду телефонисту капитан.

Связист продублировал его слова, и через несколько секунд с позиции пушечной батареи грянули первые выстрелы. Впереди и выше первого танка бронебойный снаряд первого орудия, пробороздив склон лощины, врезался в землю, веером вздымая пыль. Поправив расчеты, батарейцы открыли беглый огонь по бортам фашистской бронетехники. Загорелся один танк, потом другой; в чистое утреннее небо повалил густой черный дым. Открылись люки, и немецкие танкисты стали спешно спрыгивать с подбитой техники, укрываясь за броней от огня стрелковых батальонов.

Двое из членов вражеских экипажей охвачены огнем. Перекатываясь по земле, фрицы отчаянно пытались тушить загоревшиеся на них комбинезоны. От горящих костюмов вспыхнула невысокая стерня; мелкие языки пламени быстро расползались по густому жнивью. Тотчас же вспыхнули рядом стоящие ржаные копны; ветер стал раздувать по полю яркие потоки искр.

Очередным выстрелом одному из немецких «панцеров» разорвало ведущую звездочку правой гусеницы; снаряд, со скрежетом разворотив железное колесо, пробил под ним броню, выведя из строя бортовую передачу. Качнувшись, танк остановился и заглох. Почти одновременно четвертому танку противника болванкой повредило ленивец и разорвало гусеницу. Оборванная стальная лента, тащимаая зубьями ведущего колеса, то спадая, то поднимаясь вверх, лениво поползла по опорным каткам и затем, сорвавшись с зубчатого венца, рухнула на содрогающуюся от разрывов землю. Танк, лишенный возможности маневрировать, остановился. Включив заднюю передачу, он попытался, оставляя на смятой стерне отшлифованную ленту гусеничных трактов.

Неистовым огнем польхала подбитая бронетехника, безжалостно горела стерня и стоящие на поле одинокие копны ржи; от разрывов снарядов дыбилась земля, все поле заволокло едким дымом. Под прикрытием густого дыма пятый танк противника, включив заднюю передачу и безнадежно отстреливаясь, стал откатываться назад. Теперь на головы гитлеровских пехотинцев сыпались осколочно-фугасные снаряды первой батареи. Прижимаясь к земле под градом пуль стрелкового полка и сокрушительным огнем артиллерии, немцы стали отступать. Четыре вражеских танка и несколько десятков трупов немецких солдат и офицеров остались на горящем поле, освещенном яркими лучами утреннего солнца. Бой на плацдарме не прекращался ни на минуту.

Утром первого августа на наблюдательном пункте второго дивизиона Анатолию посчастливилось познакомиться с новым командиром полка.

Подполковник Дмитров — брюнет со смуглым открытым лицом и приветливым взглядом. Он невысок, но подтянут, бодр и физически хорошо подготовлен, что делало его походку уверенной и бодрой. Приятная, не сходящая с лица улыбка лишней раз подтверждала простоту и искренность этого человека. Несмотря на мягкость характера, он обладал железной волей и манерой уверенно держать себя даже в самых опасных обстоятельствах. Подполковнику сорок три года, в рядах РККА Сергей Фёдорович служил с юности. В свои семнадцать лет записавшись добровольцем на фронт, он провел свою молодость на полях Гражданской войны, взрастив в себе преданность своей профессии.

Дружинин почему-то ожидал увидеть нового командира строгим и принципиальным, потому при встрече и был удивлен, насколько тот был прост, создавая вокруг себя доверительную атмосферу.

В напарниках у Анатолия сегодня был Колесниченко; в процессе боя связисты по очереди пытались отдохнуть по-

сле бессонной ночи. Но с этим ничего не получалось: связь часто обрывалась, и ее приходилось постоянно чинить. К четырем часам дня линия в очередной раз вышла из строя. Под грохот канонады Анатолий выбрался из наблюдательного пункта на устранение повреждения.

Августовское солнце нещадно пекло так, что гимнастерка и шаровары не успевали просохнуть от пота. На территории всего захваченного плацдарма шел жесточайший, кровопролитный бой. В раскаленном до невозможности воздухе пахло гарью, тротилом, плавящимся металлом и обгорающей человеческой плотью. Лязг гусениц, скрежет рвущегося на куски металла, пронзительные крики и стоны раненых, раздирая нервы, резали слух. Протяжный свист пуль и осколков, грохот оружейных выстрелов, отвратительный вой и разрывы снарядов сотрясали землю в сплошном зареве пожарищ. В небе, затянутом дымом и копотью, на малых высотах с надрывом гудели в яростных атаках тяжелые штурмовики, выше в небе вели свой стремительный бой истребители. Все это происходило на небольшом клочке земли на западном берегу Вислы. Здесь был настоящий ад!

Сразу за наблюдательным пунктом начиналось картофельное поле. Отползши на сто — сто пятьдесят метров вдоль валков в высокой, но уже желтеющей ботве, Анатолий продолжил путь вдоль провода короткими перебежками. Пули, с распевом пролетая с разных сторон, заставляли кланяться теперь уже польской земле. Справа, в ста метрах от картофельного поля, через узкую дорогу к западу тянулось яркое, золотисто-розовое поле гречихи. Через десять минут, пробираясь вдоль гречишного поля, Дружинин добрался до населенного пункта Лонюв.

В это время с юго-западного направления по склону холма на позиции стрелкового батальона в сопровождении двух рот пехоты в контратаку выдвинулись бронетранспортеры противника. В низине между холмами узкой лентой

протекала небольшая речка. Илистое дно не помешало противнику без особого труда преодолеть неглубокую водную преграду. Было заметно, что, выбрав для контратаки этот участок местности, противник хорошо владел обстановкой. Не снижая темпа и сокращая расстояние, немцы приближались к нашим огненным рубежам. Крупнокалиберные пулеметы гусеничных бронетранспортеров открыли огонь по позициям батальона; немецкая пехота под прикрытием огня своей бронетехники короткими перебежками все плотнее стала подбираться к нашим огненным рубежам.

На правом фланге стрелкового батальона свой огневой рубеж занимала вторая батарея капитана Артанюка. Капитан по своему обычаю терпеливо выжидал наиболее удобного для стрельбы момента. Когда немецкая техника подошла на выгодное для стрельбы расстояние, он своим привычным голосом подал команду «Огонь!». Через несколько секунд ожила его пушечная батарея, накрывая противника шквалом смертельного огня. Разрывы фугасов стали крушить вражескую пехоту, методично укладывая на скошенное пшеничное поле раненых и убитых немецких солдат. Под пулями стрелкового батальона и градом осколков артиллерии враг дрогнул — начатая им атака захлебнулась. Под окрики офицеров немецкие солдаты, подбирая раненых, попятились назад. Отстреливаясь под прикрытием брони, фашисты, переправившись через речку, вернулись на свои прежние позиции.

Оборванную линию связи Анатолий починил быстро и сразу отправился в обратную дорогу. На левом фланге гитлеровцы под прикрытием бронетехники вновь пошли в контратаку, тесня наши стрелковые батальоны. Пехотинцы, упорно сопротивляясь, медленно отступали, приближаясь к наблюдательному пункту второго дивизиона. Пули как пчелы все чаще стали свистеть над головой, отчего Анатолий стал перемещаться короткими перебежками. Только он в очередной раз упал между рядами картофельной ботвы,

как над головой со свистом пролетела пулеметная очередь. Анатолий замер и на несколько секунд прижался плотнее к земле. Опираясь на руки, он попытался приподняться, чтобы совершить новый рывок. Тут же справа от него просвистела новая партия свинцового града, как бритвой срезая верхушки картофельной ботвы.

— Засек-таки пулеметчик... — выругался Дружинин, клеймя фашиста трехэтажной бранью.

Только проговорил он эти слова, как уже с другой позиции веер трассеров вспорол землю сразу за каблуками его ботинок. Вздвогнув, он поджал под себя ноги. Плотно прижавшись к пыльной земле, Анатолий, отталкиваясь локтями, стремглав пополз вдоль картофельного рядка. Пули пулеметных очередей стали ложиться чаще, подбираясь к нему все ближе и ближе. В раскаленном воздухе засвистел на излете артиллерийский снаряд, справа от него дыбом поднялась земля. Сверху посыпались комья земли, били по спине и голове клубни созревающего картофеля. Следующий снаряд упал рядом, за ним другой, потом еще и еще, заглушая хлопки вражеских мин. Поле затянуло густым, едким дымом. Пули и осколки, срезая ботву, свистели над головой, впивались в рыхлую землю; брызгами отлетая от них, пыль попадала на мокрое от пота обмундирование, которое на глазах стало покрываться грязной, липкой коркой. При очередном разрыве мины его вдруг что-то ударило в правый бок. По телу потекла горячая струйка.

— Зацепило... зараза, — матюгнулся Анатолий и рукой схватился за место предполагаемого ранения.

Глянул на измазанную ладонь — крови не видно.

— Ладно, наверное, кровь под гимнастеркой, — решил он и, еще энергичнее передвигаясь, змейкой пополз дальше.

Мокрый насквозь от собственного пота, в копоты и покрытый грязью, Анатолий продолжал ползти вдоль рядков картофельной ботвы. Путь преграждали спасительные воронки, образовавшиеся после взрывов вражеских снарядов,

в которых можно было укрыться от пуль и осколков. Кругом разрывы, рев моторов, гул, дым, копоть. В пересохшем горле першит, на зубах противно скрипит песок, со лба, заливая глаза, текут крупные липкие струйки пота. Ветром по полю разносится тошнотворно-удушливый смрад разлагающихся на жаре трупов. Каждый метр пути кажется таким долгим, как вся его жизнь.

Наблюдательный пункт находился на чердаке разрушенного снарядам фольварка. Когда Анатолий заскочил в помещение, первым делом позвал на помощь Колесниченко:

— Коля! Меня зацепило малость. Помогите! — крикнул он напарнику, ошупывая правую сторону своего тела.

— Что, Толя, тебя ранило?! Где, куда? — засуетился Колесниченко, заботливо осматривая друга со всех сторон.

— В бок, правый бок зацепило. Вот здесь, — выворачивая шею, старался разглядеть рану Анатолий.

Отстегнув ремень и расстегнув ворот, он задрал гимнастерку. На мокром от пота теле — ни следов ранения, ни царапины. Приспустил шаровары — ничего. Как друзья ни старались, видимого ранения обнаружить им не удалось.

— Так куда тебя ранило?.. Что-то я ни раны, ни крови у тебя не вижу! — возмутился Николай.

— Честное слово, говорю тебе: сюда, в бок ударило! — показывал рукой на своем теле Анатолий. — Я даже почувствовал, как кровь струйкой потекла. Ты что, мне не веришь? — чувствуя неловкость положения, пытался доказать свою правоту Анатолий.

— Это, может, со страху у тебя по ляжкам потекло, а ты просто перепутал?! — смеясь, задал ему вопрос Николай, понимая, что на самом деле с другом все в порядке. Смех разобрал всех присутствующих в наблюдательном пункте. Со всех сторон посыпались шутки.

— Да ладно тебе, Коля! Тоже скажешь... — смутился Дружинин, не понимая, как такое могло произойти. Ведь он точно чувствовал и удар, и струйку горячей крови. «Ну

как же так?» — в замешательстве подумал Анатолий. В недоумении он присел на корточки, опираясь спиной о стойку стропил. Уставший и несколько обескураженный, Дружинин поднял свой поясной ремень и только теперь увидел, как из-под чехла фляжки потекла тонкая струйка воды.

— Так вот оно в чем дело! — радостно воскликнул он, и все присутствующие, отвлекшись от своих дел, вновь обернулись.

Анатолий потряс фляжкой, и в ней, ударяясь об алюминиевые стенки сосуда, колокольчиком зазвенел стальной кусочек металла. Открутив на фляжке пробку, он перевернул ее, и на ладонь с последними каплями воды упал маленький осколок от вражеской мины.

— Не меня, братцы, мою фляжку ранило! Вот и она, горячая струйка по телу! — торжествующе заявил Дружинин, счастливый оттого, что раненой оказалась только его фляжка.

Разобравшись наконец, в чем дело, все рассмеялись.

— Повезло тебе, Толя... В рубашке родился... Долго жить будешь... — посыпались восторженные возгласы в его адрес.

Наступление продолжалось. При поддержке шестнадцати танков к восьми часам вечера наши штурмующие батальоны овладели населенным пунктом Копшивница. Ожесточенные бои стали стихать только к вечеру. Спала жара, замолкли звуки орудий. Выдыхались от ожесточенных сражений и наши бойцы, и немцы.

С боями Тысяча сто шестьдесят седьмой полк к вечеру вышел на северную окраину освобожденного села. Получив приказ от Бати, командир первого дивизиона, капитан Хейфич, дал распоряжение своей третьей гаубичной батарее занять позиции на левом фланге стрелкового полка. Батарея расположилась западнее сельского кладбища Копшивницы, возле небольшой рощи. Не знал тогда Хейфич, что стрелковые батальоны заняли боевой порядок, оставив свой левый фланг неразведанным и неприкрытым. Его боевым расче-

там было несладко. Людям после бессонных ночей и жарких дневных боев еще немало пришлось потрудиться лопатами, прежде чем они смогли оборудовать новый огневой рубеж.

Утром второго августа противник числом до роты автоматчиков при поддержке бронетранспортера с крупнокалиберным пулеметом начал атаку левого фланга Тысяча сто шестьдесят седьмого полка и нарвался на огневую позицию третьей батареей. Обнаружив противника, караульные подняли тревогу и открыли огонь из стрелкового оружия по немецкой пехоте. Завязался бой.

— Товарищ старший лейтенант! Немцы! Немцы перед наши боевым рубежом! — крикнул караульный, заскочив на наблюдательный пункт.

— Далеко от нас? Сколько метров?! — без страха в голосе спросил начальник штаба дивизиона старший лейтенант Зосин. По случаю он в этот момент оказался на наблюдательном пункте. Вместе с командиром батареи старшим лейтенантом Фицем они немедленно подошли к приборам, расположенным у окна кирпичного дома.

— Метров двести от нашей позиции, — взволнованно проинформировал его караульный.

Офицеры припали к биноклям. С юго-западной стороны доносились звуки пулеметно-ружейной стрельбы, глухо и надсадно стучал крупнокалиберный немецкий пулемет.

— Батарея, к бою! — через телефониста скомандовал Зосин.

Но уже и без его команды на огневом рубеже батарейцы заняли оборону. Крупнокалиберные пули свистели над головами расчетов, впивались в земляной бруствер, с треском врезались в щитки орудий, рикошетили; искря, разлетались куски горячего металла. Появились первые раненые.

— Орудия — на прямую наводку... Осколочно-фугасным... — зазвучали команды возле гаубиц, и батарея открыла огонь по атакующей немецкой пехоте. Но уж слишком близко подобралась гитлеровцы.

Отражать контратаку противника приходилось с дистанции всего сто — сто пятьдесят метров. На огневой позиции шум, стрельба, крики команд, орудия окутаны дымом и пылью, двух человек из боевых расчетов убило, семь человек ранило. Завязался смертельный бой — не на жизнь, а на смерть. О немецкой контратаке Зосин немедленно доложил в штаб полка. Помощь своим боевым товарищам оказала вторая пушечная батарея Артанюка, открыв огонь по контратакующей немецкой пехоте. Разрывы 76-миллиметровых осколочно-фугасных снарядов в рядах немецкой пехоты несколько сбили темп наступления противника, но враг упорно рвался к орудиям. Как только командир артполка Дмитров получил сообщение по телефону о нападении на позицию гаубиц, он немедленно отправил на помощь боевым расчетам своего заместителя. Подполковник Ищук с группой разведчиков успели вовремя. В навалившихся на батарею фашистов полетели гранаты и шквал автоматного-пулеметного огня. Не выдержав огневой мощи, фрицы стали отступать. С большим трудом и потерями огневой рубеж удалось отстоять.

Пытаясь восстановить утраченные позиции, германское командование стало стягивать к Висле свои новые резервы с других участков фронта. Захваченный участок земли за Вислой полыхал как огромный огненный шар. Вгрызаясь в землю, войска Первого Украинского фронта все больше и больше расширяли занятый плацдарм. Восемнадцатого августа город Сандомир, превращенный противником в мощный оборонительный узел, частями Пятьсот тридцатой стрелковой дивизии был освобожден и в дальнейшем полностью очищен от гитлеровских захватчиков. Бои за Вислой не смолкали ни днем ни ночью. Ведя активное наступление, части Тринадцатой армии и части Первой гвардейской танковой армии Катукова расширили плацдарм на семьдесят пять километров по фронту и шестьдесят километров в глубину. Несколько раз мощными контрударами

противник пытался скинуть наши корпуса и бригады с занятого участка на западном берегу Вислы, но каждый раз, сдерживая контратаки врага, советские боевые части и соединения отбрасывали его на исходные рубежи. Лишь к концу августа фронт стабилизировался и войска заняли жесткую оборону.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 09.08.1944 г. за образцовое выполнение заданий командования в боях с немецко-фашистскими захватчиками при прорыве обороны на львовском направлении и проявленные при этом доблесть и мужество Пятьсот тридцатая стрелковая дивизия награждена орденом Красного Знамени.

Приказом Верховного Главнокомандующего от 01.09.1944 г. полкам Пятьсот тридцатой дивизии за овладение городом Сандомир присвоены почетные наименования Сандомирские и Висленские. Тысяча сто восемьдесят седьмой стрелковый полк был награжден орденом Богдана Хмельницкого второй степени.

Указом Президиума Верховного Совета многим бойцам и командирам дивизии было присвоено звание Героев Советского Союза. Свои звезды Героев получили командиры дивизионов: капитан Ротмас и капитан Махлеев.

СУИЦИД

Весь сентябрь немцы на занятом плацдарме перегруппировывали свои части и соединения, отчаянно пытались потеснить советские боевые порядки. Но раз за разом, теряя на поле боя людей и технику, враг вынужден был возвращаться на прежние рубежи. Только после того, как наши войска значительно потрепали контратакующего противника, его подразделения, окончательно утратившие силу, перешли к жесткой обороне, оставаясь на занятых прежде позициях. В наступившее временное затишье враг продолжал вести редкие, методичные огневые налеты на изурованные подразделения, лишая советских бойцов возможности совершенствовать свои рубежи. Но на фронте это было делом обыденным.

Семнадцатого ноября арtpолк Дружинина сменил боевые позиции и в составе дивизии перешел во второй эшелон обороны. Вдали от передовой люди смогли от души отдохнуть, расслабиться. На радость всем день выдался погожий, безветренный. Солнце по-летнему пригревало, придавая людям хорошего настроения. Бойцы взвода помылись в бане, сменили исподнее и теперь, радуясь чистоте тела, свежему белью и передышке, принялись приводить в порядок верхнюю одежду и обувь.

Расположились люди на хуторе польского пана в районе деревни Каменец. Сняв шинели и куртки, солдатики собрались на просторном дворе у большого деревянного амбара. Дружинин устроился на подножке панской брички

и не спеша принялся затачивать напильником свою саперную лопатку. Напильник он выпросил у пана как раз в тот момент, когда хозяин поместья заканчивал точить им блестящее на солнце лезвие небольшого топора. С явной неохотой пан дал ему свой инструмент и теперь, продолжая заниматься хозяйскими делами и присматривая за работой своих батраков, то и дело бросал свой беспокойный взгляд на Дружинина. Но внимание самого Анатолия было устремлено не на хозяина, а на его большой дом, в дверном проеме которого он узрел стройную фигурку молодой панночки. Во дворе усадьбы, играя, бегали трое малолетних детей поляка: мальчик пяти лет и две девочки лет семи и десяти. А вот старшей дочери, очевидно, родителем был дан наказ держаться подальше от прибывших на хутор красноармейцев. Но искушение было столь велико, что сдержаться от родительского запрета юной красавице едва удавалось. Справляясь с домашними делами, она находила множество причин, чтобы хоть одним глазом посмотреть на незнакомых ей доселе людей. Боясь спугнуть девичье любопытство, Дружинин умышленно оставлял увиденное в тайне от посторонних. Всеобщий интерес друзей мог привлечь внимание ее отца, и тогда он мог лишиться этого удовольствия. А так он продолжал наслаждаться невинной красотой в одиночестве. Анатолию казалось, что пытливый взгляд молодой пани принадлежал только ему, чем он тешил себя, продолжая сладострастно и незаметно для других наблюдать за столь волновавшим его душу объектом.

— Смотри, Толя, пан глаз с тебя не спускает, наверное, боится, что ты его напильник сопрешь, — смеялся Солянок, наблюдая за обеспокоенным поляком.

Отвлечшись от объекта своего внимания, Дружинин взглянул на хозяина поместья. Тот, заметив, что речь идет о нем, постарался отвести взгляд, делая вид, что он вовсе и не беспокоится по этому поводу.

— А ты, Толя, демонстративно положи напильник в свой сидор и уходи. Интересно, что он будет делать? — говоря вполголоса и усмехаясь, предложил ему Дырявко. — Не побежит же он за тобой? — шутил Лёня.

— Да ладно тебе, Лёня, надумал тоже, пана дразнить, он и так не очень рад нашему присутствию у себя во дворе, — сочувствуя хозяину, высказался Дружинин.

— Да это я так, Толя, шутя!.. — усмехнулся Дырявко.

Лёня сложил на бричку свою шинель, вещмешок и, присев на перевернутый деревянный ящик, поставил на землю сапожную лапу. Расположившись рядом с Дружининым, он снял с левой ноги ботинок, потом, покрутив в руках, по-хозяйски осмотрел его. Чтобы не испачкать свежую портянку, Лёня бросил на землю небольшой кусок доски, предварительно сдув с него невидимую пыль, и только потом поставил на деревяшку ногу, оказавшуюся без обуви. Глядя на эту процедуру, Дружинин только сейчас понял, для чего Лёне нужен был этот кусок доски, который он принес вместе с инструментом. Насадив на сапожную лапу свой башмак, Дырявко принялся подбивать на нем подошву, бойко орудуя маленьким молотком.

— Я смотрю, Лёня, ты так ловко с обувью справляешься, прямо как заправский сапожник! — удивился Солянок, глядя на работу своего друга. — Ты до войны в сапожной мастерской случайно не работал?

— Нет, Вася, сапожником я не работал, но ремонтировать обувь самому приходилось, — невозмутимо сообщил ему Дырявко.

Прищурив глаз и переместив сигарку к уголку рта, Лёня деловито выпустил в воздух большой клуб сизого дыма. Пыхтя самокруткой как паровоз, он продолжил проворно орудовать молотком.

— Это хорошо, Лёня, что ты с сапожным делом знаком. Я вот себе голову ломаю, кого попросить, чтобы сапоги мне починил, — радостно продолжил Солянок. — У полковых-то

сапожников небось уже очередь стоит. А у нас тут, оказывается, свой обувщик объявился, и совсем рядом! — смеялся Васька.

— О! И мне обувь справить не мешало бы, — тут же с просьбой подскочил к Дырявко Колесниченко.

— Так и мне заодно... Да, Лёня? — присоединился Ваня Топчак.

— Вы что?.. С ума посходили?! — оторопел Дырявко, глядя на собравшихся возле него однополчан. — Я что, тут до конца года буду вам обувь чинить — мне и своими делами некогда будет заняться, — негодовал Дырявко, — зря я у старшины инструмент выпросил, надо было самому к полковому сапожнику обратиться.

— Ничего-ничего, Лёня! Ты с этим делом быстро справишься, — подбадривал его Солянок. — Ты парень шустрый, вон как молотком орудуешь. Да и времени у нас достаточно, так что всему взводу успеешь обувь поправить.

Пока друзья балагурили, Анатолий еще несколько раз попытался разглядеть желанную фигуру в открытых дверях дома, но панночка там уже больше не появлялась. После нескольких неудачных попыток Анатолий в некоторой степени разочаровался в своей прежней затее и, переключив свое внимание на друзей, с легкостью вовлекся в веселый и незатейливый разговор. С шутками друзья напирали на Дырявко, требуя от него, чтобы он отнесся к просьбам однополчан с сознательностью истинного комсомольца. Возмущению Лёни не было предела. Но бунтовал он недолго. Вскоре Лёня успокоился и теперь, балагурия и отвешивая шутки, смеялся вместе со всеми. Унылым в компании друзей был только Лаврушин. Лёшка недавно посетил санитарную службу полка и прибыл оттуда в дурном расположении духа.

Дневки, которые Лаврушин провел вместе с Вороной во время марша в июле, не прошли бесследно — Верочка была на пятом месяце беременности. Лёшка, несомненно,

был этому рад. Несколько раз он обращался к ней с предложением сделать их отношения официальными: командиры частей имели такие полномочия — регистрировать браки. Но Вера то соглашалась, то отказывалась, и так это повторялось несколько раз, отчего, потеряв надежду на успех, Лёшка вовсе прекратил неудачные попытки.

Настроение Верочки менялось по несколько раз на день. Она то рвалась к нему, желая быть рядом, то капризничала как кисейная барышня, то вообще не желала его видеть. Вот и сегодняшний визит к любимой для Лёшки не был исключением: с первых минут общения диалог с Верочкой не задался. Для того чтобы окончательно не испортить отношения, он нашел вескую причину и тактично удалился.

Достигнув панской усадьбы, Лаврушин подошел к развешенной компании, закурил сигарку и встал рядом с Сомиковым, опершись спиной о бревно массивного амбара.

— А ты, Лёша, что так невесел? — спросил его Солянок, заметив дурное настроение друга. — Что, Верочка опять капризничает?

— Да, Вася, опять... — с натянутой улыбкой ответил Лаврушин, не желая портить настроение друзьям.

— Ты, Лёша, не переживай: когда женщины находятся в интересном положении, они все капризничают, — с сочувствием и чтобы как-то поддержать друга, подметил Дружинин.

— Тебе-то, сморчок, откуда знать, как себя бабы в таком положении чувствуют? — бросил циничную фразу в адрес Анатолия Сомиков. — Тоже мне, знахарь нашелся! Мало ли что... Может, у нее сегодня просто настроение плохое, а ты тут сидишь рассуждаешь, как знаменитый доктор.

Лицо Дружинина покрылось багровыми красками. С трудом сдерживая себя, Анатолий проглотил обиду, но клокочущий внутри огонь все-таки разгорелся. Это было уже не в первый раз, когда Сомиков в его адрес бросал такие оскорбительные фразы. Отношения у Дружинина с этим то-

варищем не сложились с самого первого дня знакомства: попытка Сомикова подчинить Анатолия своей воле закончилась провалом. И теперь Сергей при каждом удобном случае старался как можно больнее уколоть Дружинина, намекая на его маленький рост.

Оскорбительный тон Сомикова несколько возмутил людей, вызвав неодобрительные взгляды в его сторону, но высказываться по этому поводу никто не стал.

— Тебе, Лёша, надо будет закрутить роман с какой-нибудь дамой, — посоветовал другу Солянок, решив разрядить обстановку. — Женщины — они народ ревнивый. Как только Верочка узнает о твоих любовных отношениях с другой девицей, то, несомненно, будет возмущена. Но, поверь моему богатому жизненному опыту, протест ее будет недолгим. Страх, что ты сможешь от нее уйти к другой женщине, делает ее сговорчивей.

— Ой, Вася... И не завидую я этой даме, с которой Лёшка будет мнимый роман закручивать, — протянул Топчак. Предугадывая тяжкие последствия, Ваня многозначительно покачал головой. — Верочка-то погоны с ее плеч быстро отрывает, лишая всех воинских званий, а заодно и наград, — добавил Иван.

— Так надо будет где-нибудь без погон подходящую даму найти. Местную польку, например, — смеясь, подключился к рекомендациям Дырявко.

— Точно, Лёня!.. У нашего пана дочка взрослая есть, я сам видел! — восторженно, но в то же время сдержанно сообщил Мельник, чтобы их сокровенный разговор не услышал хозяин усадьбы.

— Чего ты оглядываешься, боишься, что пан тебя услышит? Не переживай, он оседлал свою лошадь и куда-то уехал, — успокоил осторожничавшего Мельника Солянок.

— Ладно тебе врать, Лёша, дочку ты видел! — возмутился Трощенко, обращаясь к Мельнику. — У пана дети еще малые совсем, вон они во дворе бегают. А женщина — так это

его жена. И она совсем не юного возраста, — попытался Ефим укорить Мельника за невнимательность.

— Правильно он говорит, Ефим. Есть дочка у пана. Не взрослая, конечно, но и далеко не ребенок, — решился-таки поделиться своим секретом Дружинин, понимая, что тайна его уже раскрыта. — Я тоже ее видел. Только она из дома не выходит, наверное, отец запретил. Надо сказать, красивая панночка, стройная. Я как замороженный за ней наблюдал, — вдохновленный разговором о женщинах, делится своими чувствами Анатолий.

— И что с того, что ты, обрубок, исходя слюной, наблюдал за ней?! — вновь бросил в адрес Дружинина оскорбительные слова Сомиков. — Тоже мне, герой-любовник нашелся! Или и она, как и ты, ростом от горшка два вершка?! — разразился Сомиков одиноким дьявольским смехом.

Его дурная выходка вызвала бурю негодования. Но самое главное, лопнуло терпение у Дружинина — гримаса злобы и гнева вмиг исказила лицо. Соскочив со ступенек тарантаса, коротким, но прицельным броском Анатолий метнул в своего обидчика только что наточенный шанцевый инструмент.

Едва Сомиков успел отклониться, как мелькнувшая в воздухе саперная лопатка с металлическим звоном врезалась в торец бревна прямо над ухом Сергея, и теперь деревянная рукоять инструмента устрашающе качалась перед его обезумевшими от страха глазами. Не успел Сомиков опомниться, как Дружинин дикой кошкой кинулся на него, вцепившись руками в глотку. Сбив внезапным ударом Сомикова на землю, Анатолий принялся его душить, тисками сжимая руки на крепкой шее. Сраженный резким напором и обескураженный неожиданным поворотом событий, Сомиков уже не в силах был оказать достойного сопротивления. Извиваясь, как уж на сковородке, он бессмысленно хватался за руки Дружинина. Но Анатолий, сидя у него на груди, еще сильнее сдавливал кадык своего обидчика.

Задыхаясь от недостатка воздуха, Сомиков медленно терял духовные и физические силы. Его лицо стало бледнеть, выпученные глаза закатились, из недр гортани раздавался сиплый хрип. Некоторое время друзья умышленно не трогали Дружинина, давая ему возможность по справедливости наказать наглеца.

— Хватит, Толя!.. Оставь его. С него достаточно, — произнес Трощенко, стараясь воззвать к благоразумию друга. Он прекрасно знал, что после перенесенной контузии Анатолий может потерять самообладание и, если его вовремя не остановить, может свершить непоправимое.

Но Дружинин не слышал слов своего товарища. С обезумевшим взглядом он все яростней сжимал пальцы на шее Сомикова.

— Ты задушишь его насмерть! Он, по-моему, уже не дышит, — заголосил Ефим, стараясь предотвратить нежелательные последствия. И на этот раз попытки Трощенко не увенчались успехом: Анатолий вцепился в Сомикова как клещ. — Да помогите же, в конце концов! Он же контуженный! Вы что, не понимаете, что он его сейчас насмерть задушит?! — отчаянно закричал Ефим, призывая своих друзей к помощи.

Осознав, что ситуация стала критичной, люди бросились на подмогу. Немало пришлось применить усилий, прежде чем им удалось разжать руки Дружинина и оттащить его от своего обидчика. Подхватив под руки Сомикова, Лаврушин с Солянком приподняли его с земли и усадили к стене панского амбара. С большим трудом Сомиков приходил в себя, восстанавливая дыхание. Едва люди успокоились, как во дворе панской усадьбы появилась фигура лейтенанта Штейна.

Григорий Анисимович Штейн высок, около двух метров ростом, телосложением строен и крепок. Это был молодецкого вида, бравый и бесшабашный офицер. Несомненно, он принадлежал к числу тех людей, кого природа в великоду-

шии своем одарила в равной мере и внешностью, и силой духа. До назначения командиром в подразделение взвода связи он сменил несколько должностей: служил начальником разведки дивизиона, командиром топовычислительного взвода. В полку Григорий Анисимович имел репутацию порядочного и справедливого командира.

— Сдается мне, я многое пропустил? — подходя к людям, спросил Штейн. — Что тут произошло? — задал он вопрос, глядя на возбужденного Дружинина, на едва живого Сомикова и на распаленные лица остальных людей своего взвода. Во дворе повисла тишина. — Вы что тут, на панском подворье рыцарские поединки устроили? — спросил лейтенант, примерно догадываясь о произошедших в его отсутствие событиях.

— Товарищ лейтенант, Сомиков у нас давно своей наглой мордой на кулак напрашивался, — первым стал объяснять суть ситуации сержант Тёмин. — Он же цены себе никак не сложит и может кому угодно нахамить. Сегодня, например, он несколько раз жестоко оскорбил Дружинина. И это, кстати, не впервые. А кто будет терпеть неоднократные насмешки в свой адрес? Вот Анатолий его и проучил, чтобы тот понимал, что за свои слова отвечать надо.

— Товарищ лейтенант, да правильно поступил Анатолий! Надо откровенно сказать: распоясался вконец Макар Чудра. Я бы сам ему в рыло заехал, обойдись он со мной так же, как с Дружининым, — вступился за друга Солянок.

— Да, конечно, правильно... Пусть свой язык за зубами попридержит! А то обнаглел совсем... Молодец, Толя, так этому гаду и надо... — посыпались со всех сторон слова в поддержку Дружинина.

Пришедший в чувство Сомиков услышал этот разговор и незамедлительно поспешил реабилитировать себя в глазах своего командира.

— Товарищ лейтенант! — заикаясь, еще слабым и дрожащим голосом обратился он к Штейну. — Красноармеец Дру-

жинин в присутствии свидетелей пытался меня задушить, — заявил он, поглаживая рукой покрасневшую шею. — Я коммунист! Вы понимаете?.. Он поднял руку на коммуниста! Да он у меня... — хотел продолжить свои угрозы Сергей.

— Ничего у тебя, коммунист, не получится, — резко оборвал его речь Штейн. — Если пожалуешься на Дружинина, то я тут же напишу на тебя рапорт, и не один, про то, как ты спишь на боевых постах. И поверь мне, эти документы многие в нашем взводе с удовольствием подпишут, — заявил лейтенант, чем с первых секунд отбил у Сомикова желание жаловаться командованию.

Без того мрачное лицо Сомикова покрылось краской гнева. Не найдя поддержки у коллектива взвода и недавно назначенного командира, он, играя желваками, негодовал.

За сравнительно небольшой срок службы во взводе связи Штейн успел достаточно быстро познакомиться со своими подчиненными. Он хорошо знал и Сомикова, и характер Дружинина. Разобравшись в ситуации, Григорий Анисимович без малейшего замешательства был на стороне Анатолия; лишних вопросов у него по этому поводу к Дружинину не возникло.

* * *

На следующий день Сомикова отправили на наблюдательный пункт первого дивизиона. Связь в течение дня на этом участке была отвратительной. Штейну за плохую работу его службы Батя всыпал по первое число, и он поздним вечером дал Сомикову задание, чтобы тот привел свою линию в надлежащее состояние.

— К завтрашнему утру связь на твоём участке должна работать как часы! — едва расслышал Сомиков в хрипящем динамике строгое требование командира.

— Есть, товарищ лейтенант, к завтрашнему утру все исправить, — отпартовал Сомиков, кладя дрожащей рукой телефонную трубку на аппарат. Получив задание, Сергей,

томимый дурными мыслями, вышел из блиндажа в траншею.

«Черт возьми! Надо же... на ночь глядя идти на линию. Да ладно бы искать обрыв, а то просто плохую скрутку, и, конечно же, не одну. А их там как на собаке блох», — негодовал Сомиков. Набрав полную грудь свежего воздуха, он грубо и протяжно выдохнул.

День подходил к концу, на улице начинало темнеть. Выгребая из карманов ватной куртки махорку, Сергей прошел до конца траншеи, упершись в ее земляной выступ. Скрутив не спеша сигарку, он закурил. Поручение командира вовсе не радовало. Ночь для него была тем непреодолимым препятствием, которое не давало ему возможности выполнить задание немедленно. В памяти вновь всплыли воспоминания растерзанного фашистами товарища. Дымя самокруткой, Сергей еще долго стоял в раздумьях, но выйти на линию так и не решился. Вздрыгнув от нахлынувших чувств, он затушил еще дымящуюся сигарку и, как будто избавляя себя от дурных мыслей, злостно сплюнул на бруствер траншеи.

«Нет, не пойду никуда сегодня, — решил Сергей, поглядывая в густеющие сумерки, — ночью разговоров по телефону не будет, а если и будут, то немного. Лучше я завтра с раннего утра все исправлю. Чего мне сейчас в непроглядной темени жизнью рисковать? Она у меня одна... А завтра, может, доведется кого-то другого вместо себя на линию отправить, — размышлял Сергей, подбирая подходящие варианты для самоутешения, — так, я думаю, будет лучше. Не зря же говорят: утро вечера мудренее», — тяжело вздохнул Сомиков. Утешив себя принятым решением, он направился обратно на пост. Возвращаясь, Сергей столкнулся в узкой траншее с караульным, он на всякий случай спросил у него, который час, и, откинув на входе полог, шагнул в теплый блиндаж.

Утро следующего дня выдалось прохладным, но тихим. Было уже достаточно светло, когда, ежась от холода, Со-

миков вышел на задание, которое должен был выполнить еще вчерашним вечером. Необходимо было найти ненадежную скрутку, из-за которой в телефонной трубке было противное шипение и даже свист. Недовольный поручением своего командира, он посмотрел на восток, где багряный диск солнца едва засветился на фоне далекого розовеющего горизонта. Шагая вдоль провода, Сергей осматривал ближайшую округу, окутанную легкой туманной дымкой. Перед взором был тот самый злосчастный хутор, где он двумя днями ранее едва ли не насмерть был задушен Дружининым. Неприятные воспоминания тяготили самолюбивую натуру, и Сергей, жаждая мщения, прокручивал в голове различные варианты возмездия. Неожиданно в утренней тишине прогремели выстрелы. Внезапная автоматная перестрелка и отдаленные крики напугали Сомикова, отчего он, вздрогнув, отбросил прочь свои подлые замыслы.

— Этого еще не хватало!.. — прошептал Сомиков. Он присел от испуга и стал внимательно всматриваться в сторону происходящего переполоха. — Ну что за утро такое?! День не успел начаться, а тут стрельба, хотя дивизия стоит во втором эшелоне обороны. Вот и ходи по ночам на ремонт линии связи... Тут и днем беспокойно, — недовольно буркнул Сергей.

Насторожившись, он замер, потом встал, интуитивно хватаясь за деревянное ложе скинутого с плеча карабина. Оставаясь на месте, он внимательно прислушивался к звукам. Из небольшого леса, что за хутором, вновь послышался сорочий стрекот коротких очередей немецких MP-40 и скорострельная пальба наших автоматов ППШ. Вскоре стрельба затихла.

«Что-то тут неладно... — подумал Сомиков, оглядываясь по сторонам. — Оставаться на открытой местности опасно», — решил он и, пригнувшись, бегом направился в сторону уже знакомого подворья.

Через минуту, перепрыгнув через невысокие жерди ограждения, Сергей оказался за кирпичным коровником, крытым почерневшей от времени соломой. Едва он приблизился к углу хозяйской постройки, как услышал во дворе приглушенный разговор. Осторожно выглядывая из-за угла, Сергей увидел испуганного хозяина хутора, который, стоя у своего колодца, разговаривал с немецким унтер-офицером. Трое солдат, держа автоматы наперевес, с разных сторон двора вели наблюдение; старший группы бесцеремонно что-то требовал от польского пана. Оценив немецкую экипировку, Сомиков понял, что это разведчики.

Немецкой разведгруппе, обнаруженной нашими солдатами, необходимо было незаметно исчезнуть. Стоящая у коровника старая телега с высокими бортами давала Сомикову возможность скрытно вести наблюдение. Подкравшись поближе, он осторожно продолжал следить за происходящими во дворе событиями. Из разговора Сергей понял, что немец спрашивал у хозяина, нет ли на хуторе русских, и требовал, чтобы поляк спрятал их от преследования на своем хуторе. Охваченный страхом от внезапного появления фашистов, растерянный пан стоял с широко расставленными руками и без конца твердил одно и то же: «Гер подофицер, гер подофицер...» Вдруг все это время стоявший у амбара наблюдатель всполошился. Сорвавшись с места, он подбежал к унтер-офицеру.

— *Erwin, die Russen sind nah!* (Эрвин, русские близко!) — вполголоса сказал солдат.

— *Versteck, schnell!* (Укрытие, быстро!) — озлобленно рывкнул немец и ткнул в живот поляка ствол своего оружия.

— Там, там, гер подофицер! — указал рукой пан в сторону каменного входа в подвал.

Незванные гости без промедления бросились в укрытие. Растерянный хозяин поместья, закрыв за ними дверь, еще несколько секунд метался по двору, не зная, что делать. Наконец, оправившись от волнения, он взял в руки ведро

и направился обратно к колодцу. В это время в его усадьбе появились разведчики седьмой батареи. Первым вбежал во двор младший сержант Петрин. За ним с разных сторон — еще три человека из его отделения. Лица солдат распалены от бега. Держа оружие на изготовку, разведчики стали спешно осматривать двор. Боясь быть обнаруженным, Сомиков на несколько шагов попятился назад. Он был настолько перепуган, что не решился выйти к своим однополчанам, чтобы предупредить их о находящихся в подвале фашистах. Скрываясь за углом, он предпочел остаться сторонним наблюдателем.

— Ходи сюда, пан! — строго крикнул поляку Петрин, держа его на прицеле.

— *Dzień dobry, panie kapralu. Dzień dobry!* (Добрый день, господин капрал. Добрый день!) — услужливо улыбаясь, откликнулся поляк. Оставив ведро, он неспешно подошел к старшему разведчику. — *Może pan kapral spróbuje porannego mleka? Niedobrze jest iść do pracy bez śniadania* (Может, господин капрал молока утреннего попробует? Нехорошо идти на службу не позавтракав), — любезно предложил пан к завтраку утреннее молоко, стараясь всем видом показать, что на его подворье все спокойно.

— Что там пан лопочет? — поинтересовался у командира Орлов.

— Молочка свежего на завтрак предлагает, — пояснил Петрин.

— Молоко — это хорошо... — согласился Орлов, натужно улыбаясь. Не упуская мелочей, он осматривал помещение панской мастерской.

— Какое к черту молоко?! — возмутился младший сержант, вновь повернувшись лицом к поляку. — Как вас зовут, пан? — спросил он, глядя поляку прямо в глаза.

— *Nazywam się pan Wadziński. Wacław Wadziński* (Меня зовут пан Вадзинский. Вацлав Вадзинский), — кивая, представился поляк.

Неожиданно для себя Петрин услышал за спиной детские голоса. Когда он резко обернулся, то увидел вышедших из дома хозяйских детей — двух девочек и мальчика. Хотя дети ничего и не понимали, что происходит, но своей тонкой детской интуицией ощутили то напряжение, которое возникло между отцом и красноармейцами. Увидев во дворе своих деток, Вадзинский несколько разволновался. Его глаза нервно забегали.

— *Idźcie stad! Idźcie. Dlaczego matka wypuściła cię na ulicę, ona jest ślepa, nie widzisz, co tu się dzieje?!* (Идите отсюда. Идите. Зачем мать вас выпустила на улицу, она что, слепая, не видит, что здесь творится?!) — недовольно буркнул он. — *Idźcie. Nie macie tu nic do oglądania!* (Идите. Нечего вам тут высматривать!) — настаивал отец, кивком указывая детворе, чтобы они удалились.

— Немецкие солдаты здесь были?! Где они?! — потребовал немедленного ответа Петрин, переведя свой взгляд с детей на хозяина хутора.

— *Nie rozumiem, proszę pana, nie rozumiem! Co za niemieccy żołnierze? O czym mówisz?!* (Не понимаю, господин, не понимаю! Какие немецкие солдаты? О чем вы говорите?!) — изображая недоумение, твердил Вадзинский. — *Nie, nie, panie kapralu... Niemcy wujechali dawno temu, jeszcze w sierpniu. Tam... Tuda...* (Нет, нет, господин капрал... Немцы давно, еще в августе ушли. Там... Туда...) — указывал он на запад, пытаясь объяснить, что немецкие войска еще в августе ушли в западном направлении. — *Nie ma tu Niemców* (Нет здесь немцев), — упорно настаивал поляк.

Но опытного в таких делах Петрина трудно было обмануть. По лукаво бегающим глазам хозяина хутора он понял, что пан явно что-то скрывает.

— Саня, что там? — крикнул Петрин. — В сараях, на конюшне никого?.. — спросил сержант, постоянно осматриваясь по сторонам.

— Пока никого не видно, командир, — откликнулся Орлов.

Наемные рабочие Вадзинского покорно стояли с инструментом в руках, давая возможность разведчикам обследовать помещения.

— Командир, на конюшне и в свинарнике пусто, — отчитался Федулеев, осматривая одну постройку за другой.

Пристальным взглядом он окинул и рабочих пана. Подозрений к местным крестьянам у него не возникло. Четвертый разведчик, Быков, как и Петрин, постоянно находился во дворе, держа под наблюдением весь периметр подворья.

— Не могли фрицы так быстро исчезнуть. Чтобы в том лесу скрыться, немчуре надо было через все поле бежать, мы бы их обязательно увидели, — жестикулируя, рассуждал Петрин. — Где-то здесь их пан прячет, только не признается. Я это по его глазам вижу. Врет он, что во дворе никого нет! — настаивал на своем Николай.

Сомиков, воровато прячась за стенами коровника, продолжал из-за угла наблюдать за двором. Рядом с ним прошел Быков и едва его не заметил. Еще плотнее прижимаясь к стене, Сергей дрожал всем телом как осиновый лист. Он прекрасно понимал, что рано или поздно немцев обнаружат — что же будет потом?! Сердце его трепетало, тряслись коленки, страх затуманил разум.

— А ну-ка, Саня, проверь погреб, — предложил Орлову Петрин, замечая, как Вадзинский то и дело бросает взгляд на выложенный из камня широкий вход в массивный подвал. — Что-то пан с него глаз не спускает.

— Сейчас, Коля, глянем, — с каким-то задором откликнулся на указание командира отделения Орлов.

Бодрым шагом он направился к хозяйскому сооружению. Услышав команду Петрина, Вадзинский обомлел. Его губы затряслись, на широком лбу выступили капельки пота.

От этих слов находящийся за углом коровника Сомиков, затаив дыхание, стал слышать, как в груди безудержно

заколотилось его сердце. Он стоял с бледным как полотно лицом, боясь, что удары его главного органа могут услышать находящиеся во дворе товарищи — настолько был велик страх. Сергей понимал, что не предупрежденные об опасности люди могут погибнуть в схватке с врагом. Но, сообщив о спрятавшихся в подвале немцах, он сам должен будет принимать участие в ликвидации врага. А это опасно для жизни! Терзая себя, Сергей мучился в сомнениях, но собственная жизнь была дороже. Так и не решившись выйти и оказать товарищам помощь, он, дрожа от ужаса предстоящих событий, продолжал стоять, прижимаясь к холодной стене коровника. Нервное напряжение было столь велико, что Сомиков почувствовал, как у него закружилась голова. В глазах потемнело, тело, теряя равновесие, резко качнулось. Для того чтобы как-то удержаться и не упасть, Сергею пришлось сделать резкий шаг вперед. Его движение боковым зрением заметил Вадзинский. По-прежнему оставаясь на своем месте, хозяин хутора повернул голову и увидел снующую за его коровником фигуру Сомикова. Прижав палец к губам, Сергей подал ему знак, чтобы тот молчал. Но Вадзинский, ничего не подозревая, принял Сомикова за пятого разведчика из отделения Петрина. Отвлечшись на несколько секунд на Сомикова, он вновь переключил свое внимание на подвал. В это время Орлов медленным, но уверенным шагом спускался по ступенькам.

— Семён, подстрахуй Саню, — скомандовал Быкову Петрин.

— Понял, командир. Сделаем, — отозвался Быков, взяв под прицел вход в подвал в тот момент, когда Орлов шагнул на самую нижнюю ступеньку каменного спуска.

Потянув за ручку массивную дверь на себя, Сашка с какой-то наивной, детской улыбкой оглянулся назад и как будто замер в этой позе. Умиrotворенный взгляд односельчанина и лучшего друга ввел Петрина в некое смятение. Ему

стало как-то не по себе. Только теперь Николай почувствовал тот миг острой напряженности, о которой должен был предупредить друга заранее. С намерением сказать Сашке об опасности Петрин наблюдал, как с отвратительным скрипом медленно открывалась дверь. И когда она полностью распахнулась, из недр подвала раздалась автоматная очередь. Немецкие пули, разрывая ватную куртку Орлова, прошили его грудь, не оставляя Сашке ни малейшего шанса на жизнь. Ноги подкосились, и он рухнул замертво на холодные каменные ступени.

— Сашка! Саня! — с диким воплем кинулся к нему Петрин, поливая свинцом из автомата дверной проем подвала.

— Ты куда, командир?! Стой! — крикнул Быков.

Хватая за рукав ватной куртки, он оттащил Петрина назад. Выдернув чеку из гранаты, Быков резким движением кинул ее в открытые двери подвала. Внутри грянул взрыв. Звоном бьющегося стекла загремели банки с консервацией, слышались предсмертные стоны фашистов, из дверного проема повалили черно-серые клубы дыма. Разведчики как один кинулись ко входу.

Федулеев ворвался в дымящийся подвал в надежде обнаружить там живых или раненых немецких разведчиков. Но разорвавшаяся граната Ф-1 надежды на жизнь врагу не оставила. Ни раненых, ни тем более живых гитлеровцев Андрей в подвале не обнаружил, все были мертвы. Петрин с Быковым схватили под руки Сашку, вытаскивая его во двор. Тело убитого Орлова друзья положили на пустующий у мастерской верстак. Петрин, стянув с головы шапку, припал к груди своего друга. Рыча от обиды и скрипя зубами, он долго не мог от него отойти.

— Саня! Дружище!.. Прости меня! Прости, что я вовремя не предупредил тебя об опасности. Вот что я скажу твоей бедной матери?! Ведь это я послал тебя на верную смерть. Как я буду смотреть ей в глаза, когда буду говорить о том, что здесь произошло? Сашка, Сашка! Что я наделал?! Как

мне теперь жить?.. Лучше бы меня самого убило. Господи, прости меня. Что мне делать?.. — в стенаниях причитал Петрин.

Друзья, сняв шапки и опустив головы, молча стояли рядом. Настала тягостная минута скорби. Но потом, оправившись, Николай вдруг бросил свой злобный взгляд на стоящего в каменной позе пана Вадзинского.

— Ты, сука!.. Спрятал немцев у себя в подвале и не признался мне, что они там! Ты, польская проститутка, во всем виноват, — вдруг взорвался гневом Петрин. — Это по твоей вине погиб мой лучший друг Сашка. Убью тебя, гадина! — закричал он, передергивая затвор ППШ.

Быстрым шагом он направился к хозяину усадьбы. Предчувствуя опасность, к застывшему в страхе отцу подбежали его перепуганные насмерть дети.

— *Nie zabijaj... Nie zabijaj, panie kapralu, błagam! Mam dzieci, małe dzieci* (Не убивай... Не убивай, господин капрал, прошу вас! У меня дети, дети маленькие), — слезно причитал Вадзинский, обнимая своих малолетних детей. — *Niemcy powiedzieli, że jeśli ich nie ukryje, zginie cała moja rodzina. Strach mnie ogarnął, panie kapralu, przecież nie jestem taki odważny. Przepraszam...* (Немцы сказали, что всю мою семью убьют, если я их не спрячу. Страх меня одолел, господин капрал, я же не такой уж и смелый. Простите меня...) — захлебываясь слезами, голосил пан.

Кипя гневом, Петрин смотрел на молящего о пощаде Вадзинского и на заливающих слезами малолетних детей, что с трех сторон припали к своему отцу. Глядя на эту невеселую картину жизни, он только острее стал ощущать свое бессилие. Злость сменилась досадой, отчего ему еще больше захотелось пустить себе пулю в висок, чтобы избавиться от душевных мук раз и навсегда. Николай прекрасно понимал, что безоружного человека, окруженного детьми, он даже по справедливости наказать не сможет. А лучшего друга уже нет в живых. Если он даже и отомстит за него, застрелив

поляка, или сообщит о его помощи немецким разведчикам в особый отдел — Сашку все равно не вернуть. Хотя о помощи врагу здесь и речи быть не могло. Спрятал их поляк в страхе за безопасность своей семьи. В противном случае фашисты расправились бы и с ним, и с его детьми не задумываясь. «Да... И сделать-то, пан, я с тобой ничего не смогу. А так хотелось хотя бы в рожу тебе заехать...» — разбитый безысходностью ситуации, подумал Петрин.

— *Panie kapralu!.. Oddam wszystko panu. Dam ci wszystko, o co poprosisz. Tylko nie zabijaj* (Господин капрал!.. Отдам господину все. Отдам все, что попросишь. Только не убивай), — продолжал голосить Вадзинский.

— Отдашь, говоришь? — уже не так злобно процедил сквозь зубы Петрин. — Ну да... с паршивой овцы хоть шерсти клок, — немного призадумавшись, подметил Петрин и глянул в сторону свинарника, откуда доносилось повизгивание не одного десятка поросят. Потом Николай перевел взгляд на сытых и хорошо одетых детей Вадзинского. Три пары детских глаз, наполненных слезами, умоляюще глядели на него как на вершителя судеб.

— Да не бойтесь вы... сиротами я вас не оставлю. Не звериного инстинкта наш советский народ, — успокоил детей Николай, хотя произнес он эти слова больше для себя, нежели для детворы. «Хорошо ты, пан, живешь!.. Выражение „паршивая овца“ здесь не к месту будет. И хозяйство у тебя справное, и дети сытые да и одеты с иголочки. Когда мы пацанами были, то ходили как оборванцы — надеть нечего было, а теперь война и вовсе последнее у наших людей забрала», — мелькнула в голове Николая мысль то ли от обиды, то ли от перенесенных страданий. — Ладно, — несколько упокоившись, вздохнул он, — всего мне от тебя, пан, не нужно, — заявил Николай и вновь посмотрел на хозяина усадьбы, насквозь просверливая его своим взглядом.

Крепкого телосложения Вадзинский в этой ситуации выглядел жалко. Его лицо от страха перекошено, по небритым

щекам текут слезы. Чувствуя свою вину за гибель красноармейца, он понимал, что теперь его жизнь — в руках этого капрала и находится на волоске от смерти. Каждое слово, произнесенное Петриным, Вадзинский ловил на лету. С дрожью в теле он ожидал его окончательного решения.

— Я смотрю, пан, у тебя поросят много? — как бы ненароком поинтересовался Николай.

— *Tak, panie kapralu. Jest małe świnki. A co, panie kapralu, potrzebuje prosiq?* (Да, господин капрал. Есть маленькие поросята. А что, господину нужны поросята?) — вдруг взбодрившись, спросил Вадзинский.

— Мне много не надо. А вот парочку я бы у тебя попросил, — сказал Петрин, показывая пальцами то количество, которое ему требовалось. — Сам-то я и без свинины обойдусь. А вот Батю угостить свежей поросятиной не мешало бы, — вполголоса проговорил Николай.

— *Dam ci, panie kapralu! Oddam... teraz je zabierz* (Отдам тебе, господин капрал! Отдам... сейчас их забирай), — поспешил заверить его Вадзинский, довольный тем, что сможет легко откупиться. Как он понял, казнить его за трусость и обман русский разведчик не собирался.

— Нет, сейчас мне не надо. Я потом как-нибудь найду, — еще раз обдумывая свои планы, сообщил Петрин.

— *Przychodzić. Przyjdź później. Oddam!..* (Приходи. Приходи потом. Отдам!..) — с радостью согласился поляк, вытирая слезы широким рукавом своей рабочей куртки. И вот в этот самый момент во дворе как черт, выскочивший из табакерки, появился Сомиков.

— Геройствуешь, Коля, перед безоружным мужиком с детьми? Да?! — с издевкой заявил Сергей, окинув суровым взглядом всех присутствующих во дворе. — Что, командир... сам-то в подвал не пошел... испугался небось? Друга своего на верную смерть отправил. Да?! А теперь в его смерти виноватых ищешь?! — напирал на него Сомиков.

Эти слова для Николая прозвучали как суровый приговор. Петрин, все это время винивший себя за гибель друга, на какой-то миг сник. Он почувствовал себя так, как будто обвинен во всех смертных грехах, прощения которым нет и никогда не будет. Не зная, что ответить Сомикову, Николай отвернулся от него. Ведь в словах Сергея была та жестокая правда, с которой он не мог не согласиться. И вновь в голове Николая мелькнула мысль о той пуле, которая могла бы навсегда избавить его от подобных упреков и земных страданий.

А Сомиков, пытаясь как-то компенсировать свое малодушие и трусость, из-за которых он в опасную минуту так и не смог выйти из-за угла, теперь куражился. Опасность миновала, и он, хорохорясь как задиристый петух, пытался уличить Петрина в неосмотрительности. Ему важно было вынести Николаю некий тайный приговор. Скрывая происшествие от командования, Сомиков в дальнейшем мог бы держать Петрина на коротком поводке. Сергей всегда, при малейшей возможности старался сделать человека зависимым от себя, подчинив его таким образом своей воле. Чем больше будет таких людей в полку, тем больше и крепче будет его влияние, считал Сомиков. Такова была его подлая натура.

Переглянувшись, Федулеев с Быковым замерли в недоумении. Человек, появившийся из ниоткуда, говорил так, как будто был здесь с самого начала событий и видел все ранее произошедшее своими глазами. Но как такое могло быть?! Первым от такого потрясения оправился Быков.

— А ты, Макар Чудра, как тут оказался? — строго заявил он, разгневанный тем, что человек из другого подразделения, простой рядовой обвиняет его командира в халатности.

— Ты вообще кто такой, чтобы суд здесь чинить? — тут же к защите Петрина подключился Федулеев. — И откуда тебе известно, что тут произошло? — негодуя, стал интересоваться Андрей.

— Я вообще-то линию связи исправлять вышел. Иду и вижу, что вы тут балаган на хуторе устроили, — надрывая глотку, кричал Сомиков, не желая сдавать свои позиции. — Я коммунист! И не имею права оставить без внимания вопиющий факт расхлябанности, из-за которого погиб человек, — с видом бдительного члена ВКП (б) продолжал напирать на разведчиков Сергей.

Желание обвинить Петрина в недостаточной осторожности кружило Сомикову голову. Раздухарившись, он все больше входил в кураж. Но и разведчики, огорченные гибелью своего боевого товарища, не желали, чтобы какой-то Макар Чудра судил, правильно поступил их командир или нет. Едва сдерживая себя, они решительно двинулись на Сомикова, крепко сжимая в руках оружие.

— Это не ты ли, чучело огородное, сам фрицев на этот хутор привел, а теперь, чтобы себя оправдать, пытаешься вину перевалить на кого-то другого и крутишь тут?.. — стал наседать на Сомикова Быков. — Командир, надо бы этого гуса проверить на вшивость, — обратился он к Петрину.

— Но-но!.. Полегче давай и без оскорблений. Тоже мне, особист нашелся. Проверять он меня будет. Я же сказал, что я коммунист... — продолжал огрызаться Сомиков.

— Слушай, ты... коммунист!.. А ну, давай проваливай отсюда! Да побыстрей. А то мне и в самом деле придется в особый отдел сообщить, чтобы они выяснили, как ты тут оказался и откуда тебе все известно про то, что здесь произошло, хотя мы тебя здесь и близко не видели, — заявил наконец Петрин, оправившись от нахлынувших чувств.

Вадзинский, все это время стоявший на своем месте, ничего не мог понять в происходящей перепалке между бойцами. «Может, они из-за поросят спорят?» — подумал он, перекидывая растерянный взгляд то на одного, то на другого.

Поправив автомат и окинув Сомикова недобрый взглядом, Петрин уверенным шагом направился к нему.

— Ты, Макар Чудра, кажется, линию связи шел проверять? — задал он строго вопрос. — Так вот иди своей дорогой и не суй свой нос в чужое дело, — сурово посоветовал Сомикову Николай, не дожидаясь от него ответа. Петрин, взвинченный обвинениями в свой адрес, весь свой гнев с хозяина усадьбы теперь переключил на Сомикова. В его блестящих глазах стала вновь просматриваться ярость. — Здесь наш товарищ при ликвидации немецкой разведгруппы погиб, а ты черт знает откуда свалился на наши головы и еще на мозги капаешь, — с искаженным от злобы лицом кричал Петрин. — Вали отсюда подобру-поздорову! А то я быстро тебя под арестом к сотруднику Смерша отправлю, чтобы капитан задал тебе пару неудобных вопросов, — угрозил ему Николай.

Испугавшись такого напора, Сомиков попятился. «Озлобленные гибелью Орлова, они могут и по шее дать, да и беседа с сотрудником Смерша ничего хорошего мне не сулит. Вдруг вскроется, что я был здесь, а обнаружить немцев им не помог? Хозяин-то хутора меня видел. И что тогда?! — обдумывал ситуацию Сомиков. — Хотя, скорее всего, поляк принял меня за одного из разведчиков. Хорошо, что я шинель не стал надевать. А так... мы все одеты одинаково — в ватные куртки, — рассуждал Сергей. — Нет, все-таки в этой ситуации лучше не лезть на рожон. Надо потихоньку ретироваться, — решил Сомиков и медленно стал отступать. — Ладно, Коля... ты еще пожалеешь о сегодняшнем дне. Ничего! Я попозже с паном побеседую, когда ты у него поросят заберешь. Пшека-то я точно, как клопа, к стенке прижму. Уж он на тебя просто вынужден будет наклеузничать». Не желая дальнейших пререканий с разведчиками, оглядываясь и злобно ухмыляясь, Сомиков стал удаляться.

Прошла неделя после того случая на хуторе Вадзинского. Петрин, занятый рутинной ратной службой, надеялся на то, что время даст ему возможность пережить потерю друга,

что рано или поздно боль утраты пройдет. Но, вопреки ожиданиям, воспоминания об этой трагедии продолжали беспокоить его ежедневно. Вот и сегодня в полдень, сидя у своей землянки, он вновь поминутно перебирал в памяти события недельной давности. Глубоко вздохнув, Николай посмотрел на курившего рядом Быкова и невольно сам принялся закручивать сигарку. Заметив желание командира, Семён протянул ему свою тлеющую самокрутку. Николай, прикурив, поблагодарил его и тут же раскашлялся при смачной затяжке. Быков все это время продолжал крутить в руках трофейные часы. Разглядывая их с разных сторон, Семён совершенно беспричинно несколько раз подряд выполнял одни и те же движения: нажимая кнопку, он открывал переднюю крышку часов, потом, звонко щелкая, закрывал ее обратно. И так раз за разом. Петрин молча смотрел на бойца своего отделения, который, получив в руки незатейливую безделушку, забавлялся ею как малолетний ребенок. Сразу было заметно, что он приобрел эту вещь совсем недавно и еще вдоволь ей не наслаждался.

— Что, Семён, никак не наиграешься? — спросил Петрин, глядя на него из-под бровей.

— Нет, — ответил Быков, смутившись от вопроса, — это я так, от нечего делать...

— Понятно. Тогда я найду тебе подходящее занятие, — укорил его командир за безделье. — Приведи в порядок свою форму и почисти оружие. Вечером я проверю! А чтобы тебе совсем не было скучно, заштопаешь этот мешок. Только надежно его прошей, такая вещь на хозяйстве всегда пригодится, — строго произнес Николай и бросил к ногам Быкова аккуратно сложенный холщовый мешок, лежавший у дверей землянки.

— Ладно... Только этот дырявый мешок на кой... тебе нужен? — недовольным голосом протянул Быков

— Я тебе дам «ладно»!.. Отвечай как положено, по форме! А то, смотрю, распустились тут, понимаешь!.. — с явным

раздражением в голосе произнес Петрин. Недовольно нахмутив брови, он поднялся со своего места.

— Есть выполнить все до вечера, — отчеканил Быков, понимая, что командир совсем не намерен шутить; выправившись, Семён встал в полный рост.

В это время из землянки показалась фигура Федулеева. Сообразив, что он вышел не вовремя и может попасть под горячую руку командира, Андрей на всякий случай тоже вытянулся в струну.

— Керосин, что в прошлый раз из немецкого грузовика «хеншель» забрали, где? — задал неожиданный вопрос командир.

— Так мы его почти весь на коптилки израсходовали, — не задумываясь ответил Быков.

— Ты кого надурить хочешь?! — возмутился Петрин. — Или ты думаешь, что я по количеству дней не могу определить, сколько вы керосина сожгли?

Быков, понимая, что попал впросак, несколько смутился.

— Что, бережете канистру до лучших времен, чтобы потом можно было выгодно продать или на самогон обменять? Так, что ли?! — наседал Петрин.

Бойцы стояли молча, осознавая, что скрыть от командира этот факт им не удалось.

— Я смотрю, вы больше на торгашей становитесь похожими, нежели на разведчиков. Часов себе трофейных нахватали полные карманы. Не стыдно барахольничеством заниматься? А?! — корил командир, отчего бойцам становилось не по себе. — Значит, так! Канистру с керосином не трогать до моего особого распоряжения. Часы, что забрали у убитых фашистов, вечером сдать мне. И если впредь увижу, что занимаетесь мародерством, расстреляю на месте лично, без суда и следствия. Всем понятно?! — строго спросил не на шутку разгневанный Петрин.

— Понятно, — пробубнили Федулеев и Быков.

— Я что, не ясно обрисовал ситуацию?! — недовольный ответом, возмутился командир.

— Так точно! Всем понятно! — приложив руки к шапкам, ответили по уставу бойцы.

— Вот так-то лучше будет, — сурово произнес Петрин и осмотрел обоих бойцов с ног до головы. Затем он открыл в землянке дверь и, заглядывая вовнутрь, заявил: — Это всех остальных тоже касается: привести оружие и себя в полный порядок, вечером приду проверю. Я в штаб, — сухо подытожил командир, просверливая людей колючим взглядом. Удовлетворенный назиданиями, Петрин, поправив форму и оружие, направился в штаб дивизиона.

— Что это с ним? — робко спросил Федулеев, кивком указывая на младшего сержанта в тот момент, когда тот уже удалился от землянки на приличное расстояние.

— А кто его знает, что с ним? Может, настроение плохое... — неуверенно ответил Быков, глядя на мешок, который вручил ему командир. С сожалением он посмотрел на свои часы, крутанул их еще раз в руках и потом, глубоко вздохнув, взялся за дело.

Смеясь и подшучивая друг над другом, остальные бойцы отделения принялись приводить свою форму и оружие в порядок.

Петрин числился командиром невысокого ранга, но был человеком чрезвычайно строгим и спуску своим подчиненным не давал. Люди его отделения были всегда подтянуты, опрятно одеты и вверенное им оружие содержали в чистоте и полной боевой готовности. Дисциплина в его маленьком подразделении была на должном уровне. Разведчики вроде и не сильно побаивались своего строгого командира, но уважали.

Выбравшись из траншей, Петрин пошел по скошенному полю ржи, изрытому воронками и обезображенному огромными плешинами выжженной стерни, до сих пор отдававшей запахом гари. Подбитую и сгоревшую технику с полей

убрали, но кое-где еще на израненной войной земле оставались небольшие детали и искореженные куски металла, оторванные разрывами снарядов. В августе здесь шли ожесточенные бои. Фронт продвинулся на запад, но местность, как и память, хранила свидетельства происходящих здесь смертельных схваток с врагом.

За перелеском показался знакомый фольварк, и в голове Николая опять всплыли недавние события.

«Вечером схожу к пану, надо будет забрать у него одного поросенка, раз уж уговор меж нами такой был, — подумал он, вспоминая обещания Вадзинского. — Второго заберу позже... — В глубине ума мелькнула какая-то тень сомнения в этой затее, но она тут же исчезла. — Надо будет порадовать Батю свеженькой поросятиной. Я думаю, такой командир, как он, заслуживает этого», — рассуждал Николай, прокручивая в голове намеченную операцию, и задумался о лучшем времени для похода на хутор.

Дмитров был действительно чутким и отзывчивым человеком, болевшим душой за каждого своего подчиненного. Его любили и уважали в полку как командиры, так и простые солдаты и при малейшей возможности старались как могли отвечать своему Бате взаимностью.

После вечерней поверки, когда уже стало темнеть, Петрин, положив в заштопанный Быковым мешок канистру с керосином, отправился на хутор к Вадзинскому. Позднего появления русского разведчика на своем подворье пан не ожидал, но, несмотря на это, незваного гостя встретил любезно.

— *Dobry wieczór, panie kapralu, dobry wieczór* (Добрый вечер, господин капрал, добрый вечер), — с улыбкой встретил Николая пан, когда тот вошел на хозяйский двор. — *Proszę wejść do domu. Żona nakryje stół. Mam dobrą wódkę i smaczną kielbasę. Proszę, panie...* (Пожалуйста, проходите в дом. Жена стол накроет. У меня водка хорошая есть, и колбаса вкусная тоже есть. Пожалуйста, господин...) —

искренне раскланивался Вадзинский, приглашая гостя к столу.

Петрин теплым приемом хозяина был польщен. «Рад я, пан, посидеть с тобой за столом, водочки выпить и закусь, но вот только не место да и не время для такого мероприятия», — тягостно вздохнув, подумал Петрин.

— Спасибо, пан Вадзинский, за приглашение, только у меня времени мало, — не без сожаления отверг предложение хозяина Николай. — Позволь, я сразу перейду к делу. В прошлый раз у нас с тобой, пан, уговор был, если ты согласишься, по поводу того, что ты сможешь мне двух поросят отдать. Помнишь такой разговор?

— *Tak, tak! Pamiętam. Przyszedłeś po prosięta? Chodź ze mną, weź je teraz. Chodźmy do* (Да, да! Я помню. Ты пришел за поросятами? Пойдем со мной, возьмешь их сейчас. Пойдем), — без малейшего сожаления признал их прежний уговор Вадзинский. — *Proszę, panie kapralu* (Прошу, господин капрал), — приглашал он Петрина, указывая рукой в сторону свинарника.

— Подожди, пан, — придерживая за рукав куртки, остановил его Николай. — Я не с пустыми руками к тебе пришел, — неожиданно для хозяина заявил Петрин. — Вот тебе канистра керосина. Это за первого поросенка, а когда за вторым приду, принесу тебе еще немецкие часы, четыре штуки, — показал на пальцах их количество Николай, — и несколько коробков спичек.

Вадзинский от такого поворота событий потерял дар речи и обомлел. Он был совершенно уверен в том, что красноармейцы его животных заберут как плату за его трусость и преступный обман, в результате которого погиб Сашка Орлов. И Вадзинский неоспоримо был с этим согласен. Но чего он совершенно не ожидал, так это того, что Николай его поросят по-честному хочет обменять на так необходимые в домашнем хозяйстве товары: керосин, спички, а еще и часы, которые можно будет продать на базаре! От такой

неожиданности он впал в оторопь. Но уже через несколько секунд Вадзинский смог вновь прийти в себя, и на его лице засияла улыбка, глаза загорелись сверкающими огоньками. До глубины души он был тронут поступком русского разведчика.

— Убери это сразу с глаз подальше, — посоветовал хозяину Николай, вытаскивая из мешка незатейливую поклажу. — Канистру можешь себе оставить, она на хозяйстве тебе еще пригодится, — добавил Петрин, заметив, как пан засуетился из-за необходимости поиска свободной тары.

— *Dziękuję, panie kapralu... Dziękuję bardzo... niech Bóg was błogosławi* (Спасибо, господин капрал... Большое спасибо... благослови вас Бог), — приговаривал оторопевший Вадзинский.

В суете и спешке он направился сначала в дом, потом, поменяв свое решение, быстрым шагом понес канистру в мастерскую. Его радости не было предела, он действительно был приятно удивлен и немного растерян. Справившись с волнением, пан наконец оставил канистру в одном из подсобных помещений подворья, сопровождая суету тихим бормотанием.

— *Teraz wezmę lampę* (Сейчас возьму лампу), — комментировал свои намерения Вадзинский. Повозившись внутри помещения, он вышел оттуда, держа в руках зажженную керосиновую лампу. — *Chodź, panie kapralu. Mam dobre prosięta. Teraz wybierzemy dla ciebie najlepszą świnkę* (Пойдемте, господин капрал. У меня есть хорошие поросята. Сейчас выберем тебе наилучшего поросенка), — восторженно приговаривал пан, ведя Петрина к своему свинарнику.

Из открытых дверей освещенного лампой помещения в лицо ударил знакомый запах запаренного зерна, овощей и свиного навоза. Встревоженные появлением людей, взрослые свиньи и поросята, всполошившись, начали обеспокоенно похрюкивать. Закрыв за собой дверь, Вадзинский стал высматривать на потолке специальный крюк. Повесив

отработанным движением на него свою трехлинейную лампу, он повернулся к отделению, где располагались поросята. Петрин, в свою очередь, обратил внимание на образцовую чистоту и порядок в просторном и теплом помещении. Во всем чувствовалась трудовая хозяйская жилка поляка. «Молодец пан, хороший ты хозяин», — похвалил Николай про себя Вадзинского.

— *Wybierz, panie kapralu, który ci się spodoba* (Выбирай, господин капрал, который тебе понравится), — любезно предложил Вадзинский, обводя рукой черно-белых поросят разного возраста.

— Да мне большие не нужны, — предупредил Николай. — Двухмесячного возраста, не старше, — пояснил он, показывая руками величину животного. — Вот такие, — указал он на загон.

В отгороженном вольере, сбившись в дальнем углу, беспокойно хрюкая, суетились полтора десятка самых маленьких поросят.

— *Pokaż, co wybierasz* (Показывай, какого выбираешь), — предложил хозяин на выбор любое животное.

— Это ты уже, пан, сам смотри. Какого отдашь, такого я и заберу. Не переживай, я не обижусь, — заявил Петрин, понимая, сколько труда вкладывает человек в то, чтобы содержать такое хозяйство.

Вадзинский открыл загон и в привычной для отлова позе после неоднократных усилий поймал самого крупного кабанчика, который своим визгом переполошил все поголовье. Он дико верещал, сопротивлялся, вырывался из рук, отчего его с трудом удалось засунуть в узкую горловину мешка. Барахтаясь и кувыркаясь в ограниченном пространстве, поросенок несколько успокоился, но все равно изредка продолжал свершать робкие попытки вырваться на свободу. Выйдя из помещения, пан, вполголоса комментируя свои действия, прикрыл за собой скрипучую дверь. Проверяя надежность ее закрытия, он не спеша осветил лампой весь

дверной проем и только потом пошел провожать Петрина. У самых ворот, задерживаясь, Вадзинский спросил:

— *Po drugą świnkę, panie kapralu, kiedy przyjdiesz?* (За вторым поросенком, господин капрал, когда придешь?)

— Через два дня найду, пан.

— *Dobrze, dobrze. Przyjdź, poczekam* (Хорошо, хорошо. Приходи, буду ждать), — заверил его пан. После крепких рукопожатий они расстались.

Распрощавшись с поляком, Петрин сразу же отправился к штабной кухне. Вручив живого поросенка повару, Николай строго наказал ему, что это подарок только для Бати, а не для сытых рож тыловой «гвардии».

— Я не поленюсь, проверю! Если узнаю, что сами к этому делу приложились, живыми в котле сварю! — не церемонясь, строго пригрозил он служителю кухни. — Через два дня еще одного принесу, — добавил Николай, припечатав ладонью по спине старшего повара.

Моисеев терпеливо перенес предупредительный удар между лопаток и, выслушав слова разведчика, сконфузился, но перечить Петрину не стал. Крутой нрав Николая он хорошо знал.

Минуло двое суток с того дня, когда Петрин провернул первую операцию с молочным поросенком. Как было обговорено, с наступлением темноты он стал собираться. Захватив с собой трофейные часы, мешок, в который Николай кинул с десятков коробков спичек, он вновь отправился к уже знакомому фольварку. Этот визит для Вадзинского, в отличие от предыдущего, не был неожиданным: заметив в темноте знакомую фигуру, пан сам выдвинулся навстречу гостю. Обмен произошел по той же схеме, что и в прошлый раз. Каждый был доволен сделкой, и вопросов по этому поводу ни у кого из них не возникало.

Ночь для пана Вадзинского прошла тихо, без происшествий. А вот раннее утро не задалось. Еще до рассвета, тепло одевшись, он по обычаю вышел во двор. Крепкий морозец

сковал влажную землю, небольшие лужи покрылись ровным слоем гладкого льда; изо рта в морозный воздух вырывался легкий парок. Надев рукавицы, пан приступил к хозяйским делам. Едва стало светать, как во дворе неожиданно появился Сомиков. Эту подозрительную личность Вадзинский запомнил еще с прошлого раза, когда у него на подворье произошла перестрелка. Очень неприятным показался ему этот человек. «Хорошего ждать от него уж точно ничего не стоит», — подумал пан, завидев на своем подворье нежеланного гостя.

— *Dzień dobry, panie żołnierzu* (День добрый, господин солдат), — с благими пожеланиями направился к Сергею Вадзинский.

Сомиков демонстративно проигнорировал приветствие поляка, строго окидывая взглядом панский двор.

— Младший сержант приходил к тебе за поросятами? — задал он вопрос в таком тоне, как будто прибыл сюда с миссией произвести допрос.

С первых секунд Сомиков определил себе роль хозяина положения. Поставив перед собой карабин и властно опираясь на него, он дал Вадзинскому понять, что быстро уходить отсюда не собирается.

— *Może, pan wejdzie do domu?* (Может, господин войдет в дом?) — пригласил гостя Вадзинский. — *Zjemy śniadanie, a potem porozmawiamy o interesach* (Позавтракаем, а потом поговорим о делах), — вежливо предложил поляк, понимая, что легко отделаться от этого человека не получится.

— Я тебе вопрос задал, ты что, меня не услышал? — сдвигая брови к переносице, строго заявил Сомиков. — Или ты, пан, еще не понял, что я не вареники к тебе жрать пришел? — продолжил он давить на хозяина. Лицо Сомикова было напряженным, взгляд — нагло-напористым и озлобленным.

В этой ситуации Вадзинский почувствовал себя нагим и совершенно беззащитным ребенком. Он не понимал, кто этот человек, какими полномочиями он наделен и что мог-

ло последовать за его визитом. От неизвестности и напряжения пан почувствовал, как по телу пробежали мелкие мурашки, а на широком лбу появились росинки пота.

— *Tak, pan kapral przyszedł dwa razy* (Да, господин капрал приходил два раза), — вынужден был признаться Вадзинский.

— Когда он последний раз приходил? — прищуривая глаза и заметно оживившись, заинтересовался Сомиков.

— *Ostatni r-r-raz w-wczoraj wieczorem* (Последний р-р-раз в-вчера вечером), — пояснил, заикаясь, пан.

— Значит, он два раза приходил и каждый раз отбирал у тебя поросенка? Так?! — наседал русский солдат, все ближе приближаясь к пану.

— *Nie, pan kapral nie wybrany prosiqt. Ja obiecałem mu* (Нет, господин капрал не отбирал поросят. Я обещал ему), — отрицал хозяин подворья, качая головой.

— Меня не интересует, что ты ему обещал. Это уже хорошо, что он забрал у тебя поросят!.. — задумываясь и хитро улыбаясь, рассуждал вслух Сомиков.

Вадзинский догадывался, что этот русский солдат затевает что-то нехорошее, но что, понять пока не мог. Стоя в напряжении, он наблюдал за каждым словом и движением Сомикова.

— Значит, так, пан! — немного призадумавшись, продолжил Сергей. — Собирайся... После того как я уйду, пойдешь в штаб нашего полка.

— *Ale po co musisz iść do sztab?* (Но для чего мне идти в штаб?) — вздрогнув от недоумения, спросил Вадзинский.

— Ты меня слушай и вопросов лишних не задавай! — распорядился Сомиков, изображая из себя строгого командира. — Пойдешь в Каменец, найдешь наш штаб, он находится на окраине села, в большом особняке с балконом, — обрисовывал дом Сергей, — тебя туда не пустят. Но ты каральному скажи, что тебе срочно нужен командир полка. Скажи, что у тебя к нему серьезный разговор есть.

— *A po co mi komandir, co mogę tu powiedzieć?* (А зачем мне командир, что я могу ему сказать?) — стал возражать поляк, не желая ввязываться в непонятную авантюру.

— Я что, тебе объяснять должен?! — не унимался Сомиков. — Здесь вопросы буду задавать я! — Сомиков понимал, что еще немного, и он дождет пана. А потом Вадзинский сделает то, что он затеял. — Так вот, как встретишься с подполковником, то пожалуешься ему на то, что один из его сержантов украл у тебя двух поросят.

— *Pan kapral nie ukradł. Pan kapral przyniósł mi kerosin i zapaliki...* (Господин капрал не украл. Господин капрал принес мне керосин и спички...) — эмоционально жестикулируя, Вадзинский старался объяснить, что Петрин поступил честно. Никакого воровства или тем более грабежа не было. Все было по справедливости.

— Керосин и спички! — воскликнул вдруг Сомиков. — А вот за эти дела, пан!.. У тебя может быть серьезный разговор с нашим капитаном из Смерша! И если тебя из дома заберут под арестом, то домой, пан, ты вернешься не скоро, если вообще вернешься. Ты же капитана знаешь?! Он у тебя уже был, как только наши войска сюда пришли, и разговаривал с тобой. Не так ли?!

— *Tak, kapitan był* (Да, капитан был), — сникнув, согласился поляк.

Он понял, что не нужно было говорить про керосин и спички. А что в таком случае нужно было сказать, он тоже не понимал. «Про часы лучше промолчать, а то он их попросту отберет», — подумал Вадзинский, переминаясь с ноги на ногу. Страх за свою жизнь и судьбу детей вновь стал тяготить, и он, осознавая это, понимал, что теперь должен делать то, что скажет этот человек. Сомиков, заметив смятение хозяина усадьбы, приободрился.

— Так вот! — уже напористее наседавал русский солдат. — Если не хочешь, чтобы я рассказал капитану про смерть нашего разведчика, которого немцы убили у тебя во дворе,

и о ваших делишках с керосином и спичками, то тогда пойдешь и скажешь подполковнику о том, что Петрин украл у тебя двух поросят. И не вздумай мне крутить, — предупредил Сергей, тыча указательным пальцем Вадзинскому в грудь, — я шуток не люблю! Вмиг у меня под арестом окажешься! Так что теперь, пан, не за капрала, а за себя и за детей своих побеспокойся. Ты меня понял?

— *Tak, rozumiem* (Да, понял), — невольно соглашаясь, едва выдавил из себя Вадзинский. Он понимал, на какую подлость и мерзость толкает его этот красноармеец, но страх за свою жизнь и за судьбу детей был сильнее.

— Буду ждать тебя в штабе. Если не придешь, имей в виду: ни тебя, ни твою семью я в покое не оставлю, — припугнул его в очередной раз Сомиков. От сознания, что половина его подлого плана воплощена в жизнь, Сомиков ликовал. Он вальяжно закинул за спину карабин, торжествующим взглядом измерил подавленного Вадзинского и, нагло ухмыльнувшись ему в лицо, отправился в Каменец.

Через час с небольшим у здания штаба артполка появилась мрачная фигура Вадзинского. Его невозможно было узнать: взор поляка беспокойно метался из стороны в сторону, лицо бледное; как затравленный зверь, он уныло и как будто ища защиту озирался вокруг. В таком виде Вадзинский более походил на жертву, шедшую на заклание. В его глазах с легкостью можно было прочесть горечь, печаль, страх.

— Стой! Куда прешь?! Сюда нельзя, — остановил его красноармеец на подходе к крутым ступенькам здания. Караульный — щуплый курносый боец с легким румянцем на щеках и каким-то детским, совсем не присущим военному человеку взглядом. По разговору, осанке, состоянию формы было видно, что призван он из сельской местности и на фронт прибыл совсем недавно.

— *Dzień dobry, panie strażniku. Muszę zobaczyć pana pułkownika* (Добрый день, господин караульный. Мне нужно

увидеть господина полковника), — нерешительно сказал Вадзинский.

— Нет тут никакого полковника! — с недовольной гримасой громко крикнул в ответ солдат. — Кто тебе сказал, что здесь есть полковник?! Иди отсюда! Ходят тут всякие... — бойко и бесцеремонно отвергнул просьбу поляка солдат, стараясь быстрее отогнать от штаба незваного гостя.

— *Mat do pana pułkownika ważną sprawę* (У меня к господину полковнику важное дело), — глядя в землю, продолжал добиваться своего Вадзинский.

— Я вот сейчас как пальну из ружья! Тогда будет тебе «справа»!.. — возмущался караульный. — Вот же бестолочь! Откуда ты только взялся на мою голову?! — недовольно буркнул себе под нос молодой боец, в беспокойстве поправляя оружие.

— *Mat do pana pułkownika prośbę...* (У меня к господину полковнику просьба...) — настойчиво требовал поляк.

— Тебе что, пан, непонятно?! — пуще прежнего закричал возмущенный караульный. — Я же тебе русским языком сказал: нет здесь никакого полковника! И генералов тут тоже нету!

Было сразу заметно, что молодой солдат в такой ситуации впервые и не знает, как правильно себя вести. Теряясь, он старался как можно скорее отвязаться от надоедливой незнакомца. Но ему повезло. В этот момент двери здания открылись; облаченный в хорошо сидевшую на невысокой фигуре шинель, Дмитров в сопровождении Лосина вышел на широкое крыльцо штаба. Смотря на забавную сцену, происходящую прямо перед его глазами, подполковник едва сдерживал себя от смеха.

— Александр Александрович, кто додумался этого чудака в караул поставить? — вполголоса обратился он к своему начальнику штаба.

— Не знаю, Сергей Фёдорович. Наверное, людей не хватает, вот его на пост и поставили, — улыбаясь, ответил Лосин.

— Да уж!.. «Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно», — процитировал подполковник Лермонтова. — Он едва с простым поляком справляется, а настоящий диверсант и карабин у него запросто заберет, и без особого труда заставит показать, в каких кабинетах мы с вами при штабе находимся. Александр Александрович, распорядитесь, чтобы Семёнова больше в караул при штабе не назначали.

— Есть, товарищ подполковник, будет исполнено, — заверил своего командира майор, также еле сдерживая себя от смеха.

— Товарищ караульный, что здесь за шум, что нужно этому человеку? — мягким, спокойным голосом спросил Дмитров.

— Товарищ подполковник... — растерянно и неуклюже старался доложить Семёнов. То отдавая честь, то сдвигая спадающую на глаза шапку, то поправляя ремень винтовки, он пытался донести до командира полка суть дела. — Товарищ подполковник... тут... вот... понимаете... пан как ошалелый в штаб рвется и все какого-то полковника требует. А я его не пропускаю! — заикаясь, сдвинув к переносице брови, докладывал Семёнов, представляя себя при этом бдительным часовым. — Задержал я его, товарищ подполковник, и говорю, что нет тут у нас полковников! А он, как баран бестолковый, все равно прет!.. — От волнения и страха перед командиром лицо молодого солдата стало багрово-красным. Изю всех сил он старался продемонстрировать командиру полка свою стойкость и неприступность. Только вот со стороны это выглядело смешно и нелепо. Наблюдая эту картину, тяжело было сдерживать себя от смеха.

— *Dzień dobry. Jestem podpułkownik Dmitrow, pan czegoś potrzebuje?* (Добрый день. Я подполковник Дмитров, пан чего-то хотел?) — сдерживая эмоции, обратился к Вадзинскому подполковник.

За период пребывания артполка на территории Польши Дмитрову часто приходилось общаться и с жителями, и с представителями местной власти. Для пользы службы и для своего общего развития Сергей Фёдорович смог сравнительно сносно научиться разговаривать по-польски.

— *Dzień dobry, panie podpułkowniku, muszę z panem porozmawiać* (Добрый день, господин подполковник, мне нужно с вами поговорить), — объяснил причину своего появления Вадзинский.

Целью визита местного поляка стали интересоваться другие офицеры штаба. Некоторые из них, надевая шинелей, стали выходить на крыльцо, пытаясь вникнуть в суть дела. Вокруг здания стали собираться любопытные люди.

Стоя в сторонке, с трепетом в душе наблюдал за происходящими событиями Сомиков. «Так, пан!.. Пришел-таки! — ликовал он, хитро улыбаясь. — Теперь, Коля, мы посмотрим, кто из нас останется на коне! Я тебя на место быстро поставлю!» Сергей с нетерпением ожидал скорого возмездия.

Приметив собирающихся возле штаба людей, сюда быстрым шагом поспешил и Петрин. Но, когда Николай увидел в центре событий Вадзинского, сразу почувствовал что-то неладное. Замедляя шаг, он подошел к крыльцу и встал по левую руку от поляка. Сердце беспокойно колотилось, а в висках чувствовался его частый и резкий ритм. Пан, увлеченный беседой с командиром, Николая пока не замечал.

— *Jak się pan nazywa?* (Как, пан, вас зовут?) — последовал следующий вопрос подполковника.

— *Nazywam się pan Wadziński* (Меня зовут пан Вадзинский), — отрекомендовался поляк. — *Wacław Wadziński* (Вацлав Вадзинский), — тихо добавил он.

— *Słucham pana Wadzińskiego* (Слушаю пана Вадзинского), — вежливо сказал Дмитров.

Когда возникла необходимость пояснить суть своего визита, поляк нервно задергал плечами, стыдливо отводя

взгляд. Здесь он и заметил стоящего рядом с ним Петрина. Кровь резким толчком ударила в голову, багровой краской залилось лицо, во рту пересохло, а невыносимо тяжелый язык прилип к нёбу. Осознавая свое бесчестие и одновременно безысходность, пан потерял дар речи. «Кем я стану, когда оклеветшу и предам капрала?! — такая тягостная мысль обрушилась на него как большая каменная скала. — А что будет со мной и с моей семьей, если я этого не сделаю? Ведь тот человек меня в покое точно не оставит, от него можно ожидать всего чего угодно». Так размышлял про себя Вадзинский, боясь увидеть среди толпы лицо Сомикова.

— *Pan Wadziński chce powiedzieć coś ważnego?* (Пан Вадзинский хочет сказать что-то важное?) — спросил Дмитров, заметив смятение поляка.

— *Panie podpułkowniku, jeden z was kapral ukradł mi dwie świnki* (Господин подполковник, один ваш капрал украл у меня двух поросят), — через силу выдавил из себя Вадзинский.

Петрин, стоявший от него всего в нескольких метрах, вздрогнул. Он все мог предположить, но того, что пан придет в штаб с обвинениями в его адрес, — совершенно не ожидал. Николай старался угостить свежей поросятиной своего командира, но при этом приложил все усилия, чтобы никак не навредить поляку. И, что самое важное, Вадзинский был доволен сделкой. «Что могло произойти за эту прошедшую ночь?!» — недоумевал Петрин.

Произнесенные поляком слова насторожили не только Петрина. Дмитров и Лосин также всполошились, переглянувшись между собой. Вкус запеченного на углях молочного поросенка, что повар приготовил на завтрак, еще оставался на языке. А двумя днями ранее был еще один, тогда в трапезе принимал участие и политрук. Но повар клятвенно заверил, что поросята вовсе не украдены, а приобретены честным путем.

«Неужели наши люди занялись воровством или, хуже того, мародерством? — подумал Дмитров. — Этого еще не хватало!» Он на несколько секунд сник, но потом оправился, и на его лицо опять набежала улыбка. Оправившись от нахлынувших мыслей, подполковник спросил поляка:

— *Może pan widział, kto to zrobił?* (Может, пан видел, кто это сделал?)

Вадзинский стоял и никак не решался ответить на вопрос Дмитрова и уж тем более не решался ткнуть пальцем в невинного человека. Его молчание несколько затянулось, а гнетущая тишина на какое-то мгновение нависла над небольшой площадью перед штабом. Едва подняв взгляд, пан все-таки увидел среди солдат ненавистную и устрашающую фигуру Сомикова. Вздвогнув, после короткой паузы он произнес:

— *Tak, panie podpułkowniku* (Да, господин подполковник), — еле слышно произнес поляк, — *oto ten człowiek* (вот этот человек), — не поднимая глаз, он указал рукой на Петрина.

Не руку пана, а руку костлявой смерти увидел перед своим лицом Николай. В один миг седым туманом перед ним заплыла вся улица и лица рядом стоящих людей, звон в голове был такой силы, что, сникнув, Петрин закрыл глаза.

— Не может быть! — вполголоса возмутился Лосин, стоя рядом с подполковником. — Я Кольку хорошо знаю. Он честный и порядочный человек. На сто процентов уверен, что Петрин не мог так поступить. Тут, Сергей Фёдорович, что-то не так! — высказал свои мысли майор.

— И я знаю Петрина как честного и толкового разведчика, — присоединился к обсуждению подошедший политрук. Поправляя ремень и кобуру, капитан, прищурившись, стал внимательно разглядывать поляка. Потом в толпе он заметил и Петрина. — Николай Петрин — младший сержант третьего дивизиона, он командир отделения разведки седьмой батареи, — уточнил Краснобоков.

— Да знаю я Николая, он толковый разведчик, — выразил свое мнение и Дмитров.

Недовольный гомон стал слышаться и среди солдат:

— Свои же польские жулики, наверное, у пана поросят сперли, а он решил все на Кольку свалить... Чего этот пшек вообще сюда приперся?.. У таких буржуев, как этот, давно надо все отобрать, а он еще жаловаться пришел!

В сторонке ото всех стоял Сомиков. Нервно потирая руки, он больше всех ожидал долгожданной развязки.

— *Pan na pewno rozpoznał tego człowieka? Może inny żołnierz ukradł prosięta?* (Господин точно узнал этого человека? Может, другой солдат украл поросят?) — просил уточнить Дмитров, сомневаясь в утверждениях поляка.

Вадзинский опять на несколько секунд задержался с ответом. С трудом он находил в себе силы, чтобы осознанно оговорить человека.

— *To na pewno on, panie podpułkowniku* (Это точно он, господин подполковник), — прохрипел Вадзинский пересохшим горлом. На небольшой площади опять повисла пауза.

— И что, Василий Павлович, будем делать? — обратился подполковник к Краснобокову, не понимая, как разобраться в этой запутанной истории.

— Будем разбираться, Сергей Фёдорович, но не сейчас. Только я почему-то поляку не верю, — последовал ответ поллитрука. — Надо проверить, так ли все на самом деле, — предложил он.

— А что пану-то сказать? Ему же какой-никакой, а ответ надо давать, — вздохнув, подметил Лосин. Совещаясь между собой вполголоса, офицеры недоуменно покачивали головами.

— Ответ пану давать придется... — вздохнув, согласился со словами начальника штаба Дмитров. Он потер замерзшие руки и, повернувшись к Вадзинскому, обратился к нему с извинениями: — *Przepraszam, panie Wadziński, że tak się stało. Ale nie mogę ci zwrócić prosiąt, nie mamy świń w jednostce*

wojskowej, i nie mam za nie nic do zapłacenia. Aresztujemy kaprala i wsadzimy go do więzienia (Мне жаль, господин Вадзинский, что так произошло. Но я не могу вам вернуть поросят, у нас в воинской части свиней нет, и мне нечем за них заплатить. А капрала мы арестуем и посадим его в тюрьму), — вежливо отказал Вадзинскому в возмещении ущерба Дмитров, обещав при этом обязательно наказать Петрина за воровство. — В штрафную роту его отправим, — добавил на русском языке подполковник.

Услышав окончательный вердикт Бати, Петрин содрогнулся.

«Смерть Сашки Орлова на моей совести!.. Теперь обвинен в воровстве!.. Штрафная рота!.. Какой позор! — корил себя за все беды Николай. — Что я в письме напишу родителям, как я буду смотреть им в глаза, если останусь жив, и как буду смотреть в глаза своим землякам?! Какой стыд! Нет! Так жить я не смогу. Зачем мне такая жизнь?!»

Петрин расстегнул ворот ватной куртки. От ужасных страданий ему стало невыносимо жарко. Поправив на плече автомат, Николай медленно стал удаляться за здание штаба. Люди с сочувствием и сожалением смотрели ему вслед.

— *Rozumiem, panie podpułkowniku... Rozumiem...* (Понимаю, господин подполковник... Понимаю...) — согласился со словами командира Вадзинский и, немного подумав, вернулся, чтобы идти домой.

— Да! Вот такая, Василий Павлович, история у нас произошла... — поджимая губы, обратился к политруку Дмитров.

— Нехорошая история, Сергей Фёдорович, нехорошая, — согласился с подполковником Краснобоков. — Надо... — хотел сказать что-то политрук, как где-то поблизости прогремел выстрел. — Это еще что такое?! — возмутился Краснобоков.

Все, кто присутствовал рядом, насторожились, а потом рванули бегом за здание штаба.

Вадзинский уже на несколько метров успел отойти от крыльца, когда за своей спиной услышал выстрел из пистолета. Вздвогнув, он замер. Неожиданный хлопок показался ему выстрелом в спину. Он даже почувствовал боль между лопаток, отчего невольно прогнулся в спине. Но потом, робко повернувшись назад, увидел людей, бегущих за дом, в котором находился штаб. Сгорая от любопытства, он со всех ног рванул в ту же сторону. Осторожно пробираясь среди солдат, Вадзинский незаметно для себя приблизился к месту происшествия. В луже собственной крови с полусогнутыми в коленях ногами лежало тело Петрина. Рядом лежали его окровавленная шапка, ППШ и вывалившийся из рук немецкий пистолет «вальтер».

— Эх! Колька, Колька... Сынок!!! Ну что же ты наделал? А?! — как крик души вырвались из груди Дмитрова горестные слова, когда он увидел эту ужасающую картину. — Ведь я эти слова про штрафную роту не для тебя — для пана сказал! Разве бы я стал чинить над тобой трибунал?! — словно оправдываясь и укоряя себя за нелепую оплошность, причитал Батя. Сморщив лоб и прикрывая глаза, он сокрушенно качал головой. Однополчане, собравшиеся вокруг тела Петрина, сняв шапки, стояли молча.

Увидев мертвое тело Николая, Вадзинский застыл и не мог сдвинуться с места. От ужаса он потерял дар речи и, словно задыхаясь, стал хвататься за грудь. Но потом, придя в сознание, оправился и тут же поспешил прочь. Только вот быстро идти не получалось. Еле волоча ноги, пан Вадзинский побрел домой.

Как в густом тумане он шел к своему фольварку, не замечая прохожих и не отвечая на приветствия знакомых ему людей. Проходя мимо, они в недоумении оборачивались. Вадзинскому едва хватило сил, чтобы добраться до своего подворья. Обессиленный, он рухнул на деревянную скамью, где так часто отдыхал от тяжелого труда на своем хозяйстве, и, уронив голову на грудь, взревел как дикий зверь. События

последних дней каруселью крутились в его голове: внезапно возникшие во дворе немецкие разведчики, смерть Сашки Орлова на ступеньках подвала, самоубийство Петрина и постоянно мелькающее перед глазами омерзительное лицо Сомикова. Широко расставив ноги и обхватив руками голову, пан от стыда, душевной боли, слабости и безысходности рыдал как младенец.

— *Panie Boże! Jak oczyścić duszę z takiego grzechu?! Co ja zrobiłem?! Jak tam teraz z tym żyć?! (Господи Боже! Как мне очистить душу от такого греха?! Что я наделал?! Как мне теперь с этим жить?!)* — захлебываясь слезами, причитал Вадзинский. — *Niech ta wojna będzie przeklęta! Boże, kiedy to się skończy?.. (Будь проклята эта война! Господи, когда же она закончится?..)* — всхлипывая в мольбе, вопрошал он у Бога.

Наемные рабочие и домашняя прислуга с недоумением смотрели на хозяина, не понимая, что с ним могло произойти. Лишь малолетние дети, увидев во дворе рыдающего родителя, рванули к нему со всех ног. Чтобы пожалеть родного человека, детвора приступила к нему, прижимаясь и крепко обнимая отца со всех сторон. Живительным бальзамом на душу явилась их искренняя и непорочная любовь. Она была той отдушиной, тем оправданием, для чего пан Вадзинский жил и как мог старался оградить своих деток от бед и всякой напасти. Прижимая к себе детей и расцеловывая каждого, Вацлав Вадзинский расслабился, находя в них свое утешение и покой.

ХАЛУПКИ

Двенадцатого января сорок пятого года в четыре часа пятьдесят минут по всей линии нашей обороны заговорили «катюши». Под залпы «сталинских органов» полковой артиллерии и минометов пошла в атаку и наша пехота.

К семи часам утра штурмовые батальоны заняли первые траншеи немецкой обороны. Противник, посчитавший, что началось общее наступление, открыл шквальный артминометный огонь, вскрыв таким образом всю систему своего огня. Уточнив координаты батарей противника, наши артиллеристы нанесли сокрушительный удар на всю глубину его обороны. Канонада грохотала более часа. Стволы пушек и гаубиц раскалились докрасна; над орудийными стволами волнами колебался горячий воздух. Так началась Висло-Одерская наступательная операция.

По замыслам Ставки верховного главнокомандования, войскам Первого Украинского и Первого Белорусского фронтов ставилась боевая задача разбить и уничтожить основные части противника, входящие в состав группы армий «А». Разгром неприятеля намечался на территории Польши, а в дальнейшем, захватив плацдарм за Одером, требовалось закрепить успех в непосредственной близости к столице рейха, создавая тем самым все условия для решительного броска на Берлин. По всей глубине запланированного продвижения между Вислой и Одером (а это расстояние составляло около трехсот километров) противник подготовил семь эшелонированных оборонительных рубежей. Задача была

не из легких, но для достижения полной победы над врагом ее требовалось выполнить.

Едва успели отгremеть последние выстрелы, как поступил новый приказ, согласно которому к четырем часам после полудня Пятьсот тридцатая стрелковая дивизия маршем должна была выступить по маршруту Курозвенки — Колен-та. Занимая место во втором эшелоне наступающих войск, полки дивизии начали движение маршевым порядком.

Шел второй день наступательной операции. Середина января сорок пятого года ознаменовалась не только нашим наступлением, но и пасмурной погодой с периодическими снегопадами, что заставляло бойцов заботиться о теплой и сухой одежде. Первым делом на привале Анатолий сменил портянки, а потом отправился к походной кухне, где уже гремели посудой его однополчане. Запахи выхлопных газов, солдатской еды и дым полевой кухни висели в сыром и промозглом воздухе. Это редкий случай, когда на марше можно было поесть из кухонного котла, в основном приходилось довольствоваться сухим пайком. С котелком походного супа Дружинин подошел к повозке Ефима. Мирно расположившись у подводы, его друзья обедали, слушая очередной рассказ Васьки, и только старшина Мельниченко стоял в стороне, безразлично перемешивая содержимое своего котелка. Больно было на него смотреть; несколько дней кряду он пребывал в унынии, проявляя равнодушие ко всему происходящему вокруг.

— Убьют меня, товарищи, или тяжело ранят, — томимый душевными муками, проговорил он своим бойцам, выплескивая несъеденный суп на обочину дороги.

— Не зазывай беду, товарищ старшина. Хлопцев наших девчата ждут на родине, а нас с тобой — жены с детишками, — подбадривал его Солянок, помешивая в котелке ложкой горячую похлебку. — Галина Ивановна-то небось заждалась? Да и мы фашиста гоним уже к его границе, а ты кручинишься по надуманному поводу.

— Семья-то ждет. Только я места себе не нахожу. Спать не могу! Есть не могу! Никогда так отвратительно себя не чувствовал...

— А ты, Тимофей Иванович, спиртным хандру прогнать не пытался? — стараясь поднять настроение старшине, со смехом спросил Дырявко.

— Была, Лёня, вчера грешная мысль, но, ты знаешь, пить тоже не хочется. Кошки на душе скребутся, да мысли дурные в голову лезут. Неделю целую не могу письма написать ни жене, ни матери.

— А я вот от сестры на днях письмо получил. Она у меня умница! В пединституте учится, — глядя на приближающегося Сомикова, поспешил поделиться радостью Солянок. — Пишет она: «Киев теперь пленные немцы восстанавливают...» — не успел он закончить свое предложение, как, вмешавшись в разговор, на полуслове его речь оборвал Сомиков.

— Слушай, Вась, ты же мне адрес своей сестры дать обещал!.. Или ты не хочешь, чтобы я твоим зятем стал? — не то с вопросом, не то с требованием обратился он к Ваське с наигранной веселостью на лице, вероятно, предполагая, что сможет в этой компании продолжить незатейливый разговор.

— Так я же еще ответ от нее не получил, хочет она переписываться с тобой или нет. Ты же вчера со всех ног рванул куда-то, когда я тебе хотел об этом сказать, или ты, Серёга, думаешь, что я без ее ведома адрес тебе диктовать буду? — возмутился Солянок, на самом деле не очень желавший видеть этого осведомителя в роли своего зятя.

Но нахальный Сомиков, настаивая на своем, частенько обращался к Василию с этой просьбой.

— Ты что, думал, политрук меня ждать будет, пока я с тобой беседы разводить буду? Видел, он посыльного лично за мной прислал?! — с гордостью сказал Сергей, умышленно подмечая этот факт.

— А особиста у политрука не было случайно? — с усмешкой задал ему вопрос Лаврушин, аккуратно протирая свой карабин лоскутом ткани.

— Ты, Лёша, с оружием осторожнее обращайся, — сделал Сомиков замечание Лаврушину, глядя на него с опаской. — Я коммунист, и политруку есть о чем со мной поговорить. В наступление идем все-таки! — заносчиво заявил Сомиков, подчеркивая, что он не простой рядовой боец, а тот, с кем командование полка делится секретами. — А вот что касается особистов, то у них сейчас забот полон рот. Возможных диверсантов контрразведчики выискивают, как-никак по территории, ранее занятой врагом, передвигаемся. Ладно, пойду я котелок помою, — заторопился Сомиков, понимая, что здесь его не очень жалуют.

— Брешет как сивый мерин! Все дела он знает, кто кого выискивает и вылавливает! Опять на кого-нибудь стучать к политруку ходил, а заодно и особиста проведал. Вот старшина наш тоже коммунист, как и многие сержанты из нашего полка, но они так часто к политруку не бегают, — высказался с презрением Лаврушин.

— Гул слышите? По-моему, это самолеты с запада летят, — вдруг насторожившись, обратился к присутствующим Дружинин.

— Воздух?! — раздался чей-то возглас.

— Не паникуй! Это наши штурмовики возвращаются, — уточнил Мельниченко, озираясь на летящие с запада самолеты.

— Наши, наши... вот чего наши так низко летают?! Мне всегда кажется, что они верхушки деревьев или крыши домов крыльями зацепят! — возмутился вдруг все это время молчавший Мельник. Сидя на повозке, он недовольным взглядом провожал низко летящие над землей «илы».

— Это удивительно, что они вообще сегодня летают. Видишь, облачность какая?.. Оттого так низко и летят, да и мало их. Нелетная погода, — пояснил старшина. — Ты, Лёша,

в следующий раз у Макара Чудры спроси, почему наши самолеты так низко летают, тогда он про твои сомнительные вопросы быстро куда следует донесет, — с улыбкой на лице посоветовал возмущенному Мельнику Трощенко.

Отставив в сторону свой котелок, Ефим в первую очередь потчевал своих подопечных. Надев на морды лошадей торбы, он заботливо кормил их фуражом. Ласково похлопывая коней по загривку, Ефим по-хозяйски осматривал и упряжь.

— Так и что, пусть спросит, может, и самолеты летать выше будут. А то не так давно ему наш штурмовик крылом чуть шапку с головы не сбил, вот он и возмущается, — смеясь, продолжил шутить Солянок.

— Да черт с ними, с самолетами, — вступил в незатейливую беседу Прусов, — нашли время о них разговаривать. Я вот про Макара Чудру хотел сказать. У него, по-моему, тридцать или уже сорок адресов есть тех девчат, с кем он переписывается! Ему по три, а то и по четыре письма в день приходит! А он еще и к тебе, Вася, цепляется, чтобы ты ему адрес своей сестры дал. Не слишком ли жирно ему будет? А?! — возмущался Прусов, отбивая при этом носками своих ботинок намерзшую на колеса повозки грязь. — Мне, конечно, не жалко, пусть твоя сестренка переписывается с кем-нибудь из наших ребят, но меньше всего хотелось бы, чтобы она с этим стукачом переписку вела.

— Да я недели две тому назад в разговоре с кем-то упомянул, что у меня сестренка учится в Киеве, а этот прохиндей краем уха услышал, вот с тех пор и надоедает теперь, чтобы я ему адрес Ольги дал. Пристал как банный лист, пока от него нет.

— Вот и ты, Васёк, к своему, возможно, будущему родственнику не по-доброму относишься. А ведь он шпионов помогает разоблачать, потому и особист к нему с уважением относится. И у политрука он в почете, — стараясь продолжить веселый разговор, обратился к Ваське Дружинин. Он

по-товарищески положил ему руку на плечо и с серьезной миной на лице продолжил: — Вот представь себе, Вася: ты после войны будешь учетчиком в колхозе работать, а твой зять — партийным работником. Потом его в район переведут, а ты председателем колхоза станешь, все в вашем селе вам только завидовать будут.

— Святые угодники! Кто же это безграмотного Сомикова в партийные работники возьмет?! — сдвинув брови, выпалил Васька. — Скорее внештатным сотрудником НКВД наш Макар Чудра служить будет, — глядя в сторону Сомикова, продолжал прогнозировать его будущее Василий.

— Слушай, Вась! А у тебя сестренка красивая? — перебил вдруг шуточный разговор Прусов, неспроста заинтересовавшись внешностью сестры своего боевого товарища.

— Еще бы!.. Конечно! Она у меня красавица! — расплылся в улыбке Василий, вспоминая черты лица своей младшей сестры. — Стоп! Стоп! Так вот оно что! А я-то думаю: что это ты, тезка, на Макара Чудру бочку-то покатыл?! У тебя, оказывается, на мою сестренку свои планы есть, — рассмеялся Солянок.

— Конечно, Вася! Ну, сам посуди: если у тебя сестра красавица, так зачем мне где-то невесту себе искать?!

Прусов смеялся вместе со всеми.

— А тебе, Прусов, лишь бы красавица была, — протяжно и недовольно пробубнил Коробков.

Сидя на краю повозки, Коробков с особым наслаждением тщательно пережевывал пищу. С осторожностью откусывая от ломтя солдатского хлеба небольшие кусочки, Афанасий продолжал медленно орудовать ложкой в своем котелке. Солянок как-то по-особенному взглянул на Коробкова и, повернувшись лицом к Дырявко, неожиданно спросил друга:

— Вот скажи мне, Лёня, тебе какие женщины нравятся?

— Не знаю, Вась... Стройные, наверно, красивые. А какие еще женщины могут нравиться мужчинам? — пожимая плечами, ответил вопросом на вопрос Дырявко.

— А вот Афанасию нравятся работающие. И даже не женщины, а, я бы сказал, бабы. Ему надо, чтобы жена работала у него на хозяйстве и днем и ночью как заведенная, — возбужденно объяснял Солянок, изображая рукой круговые движения, какие делали шоферы, заводя двигатель рукояткой, — то с ведрами на огороде, то с вилами на сеновале, а то и с лопатой на навозной куче. Вот скажи мне: ну зачем ему при таком взгляде на жизнь красавица нужна?! Она же от непосильного труда у такого мужа, как Афанасий, вскорости в бабу-ягу превратится. Даже если ему и достанется самая выносливая женщина и будет она красоты неписаной, то от безмерной работы в поле и на хозяйстве у Коробкова через пару лет сторбится и будет выглядеть как девяностолетняя старуха, — лучился улыбкой Солянок.

— А зачем мне красавица?.. Мне с лица воду не пить, — спокойно рассуждал Афанасий, продолжая жевать. — В доме важно, чтобы жена работающая была. Она и хорошей хозяйкой должна быть, и женой надежной, — безмятежно рассуждал Коробков.

— А-а-а, ну да! Прости... И как это я сразу не догадался!.. Это ты, Афанасий, правильно сказал: такая жена надежной будет. И действительно! Кто ж на такое чудо-юдо позарится? Нет! На такое страшилище сосед не соблазнится, даже Кощей Бессмертный не решится украсть!.. Это точно! Ну, правда, если сосед и украдет, то только в исключительном случае — в огород, на чучело! — куражился Васька.

— Ну что ты, Василий, к нему прицепился? Афанасий у нас крестьянин от сохи, уравновешенный, работающий, будущий порядочный семьянин. Вот и жена ему под стать нужна — хозяйственная. Афанасию что нужно? Нужно, чтобы супруга детишками занималась, по дому хлопотала и мужу во всех делах помогала, — подметил спокойно Лаврушин, пытаясь поддержать Коробкова.

— А вот тебе, Лёша, какие женщины нравятся? — спросил Афанасий.

Солянок залился смехом.

— Ну ты, Афанасий, даешь! Нашел у кого спросить! За чем тут глупые вопросы задавать? Лаврушину покладистые, нескандальные нравятся, — ответил Васька за своего друга. — Лёшка у нас самец известный, такому женщина нужна уравновешенная. Она должна дома сидеть и детишек ему одного за другим рожать. А пока жена каждый год с животом ходить будет, Лёшка всех баб в ближайшей округе сможет осеменить. Настоящий бык-производитель!

Смех грянул над их небольшой компанией.

— Ну, Верочка не из покладистых... Молчать, глядя на его блудливые дела, она не будет, — поспешил подметить характер Вороной Дырявко.

— Это, Лёня, ты точно сказал: Верочка быстро с его лахудрами разберется, — добавил Троценко, накрывая пологом оружие и амуницию в своей повозке.

— Закончить прием пищи! Строиться в походную колонну! — прозвучала команда, прервавшая веселую беседу.

Походный строй начал движение, продолжая месить на дороге свежевываший снег. Все двигалось в одном сплошном потоке. Ряды «фордов», ЗИСов, полуторок и «студебеккеров» шли справа от пешей колонны. В бесконечной лавине машин, лязгая гусеницами, с ревом проходили танки, обдавая идущих людей дымом дизельных двигателей. Пешим приходилось идти параллельно с гужевым транспортом, все дальше и дальше продвигаясь на запад. Крики командиров различных подразделений стрелковой дивизии, шум солдатских разговоров и матерные окрики ездовых, заглушаемые гулом различной техники, сопровождали колонну, которая медленно приближалась к границам Германии.

К концу дня заметно похолодало. Снежная жижа, перемишиваемая колесами, стала замерзать, сосульками свисая с повозок и кузовов автомобилей. Усиливающийся морозец щекотал пальцы рук, ледяными струйками пробираясь к телу через несколько слоев одежды. Предвечерние сумерки

постепенно сменяла непроглядная ночь. На небе ни луны, ни звезд.

Уже час, как стемнело, а походная колонна еще была в движении по лесистой местности Келецкого воеводства. Густая черная ночь окутала местность так, что, вглядываясь в лицо рядом идущего, с трудом можно было узнать знакомого бойца своего взвода. Колонна дивизии растянулась, подразделения перемешались. Орудийные тягачи, танки и часть пехоты ушли далеко вперед, исчезли из вида габаритные огни на щитках орудий. Часть оставшейся колонны, состоявшей из пеших красноармейцев стрелкового полка, артиллеристов, нескольких автомобилей и конных повозок с имуществом, вышла на широкое шоссе и повернула вправо. Впереди заблестели редкие огни населенного пункта.

— О! Может, в этой деревне и заночуем?.. А то ноги уже от ходьбы гудят, — слышались возгласы из рядов впереди идущих.

— Взвод, стой!.. Не расходиться! Всем оставаться на своих местах! — по цепочке передавались распоряжения командиров, когда часть полка оказалась на широкой улице населенного пункта.

Люди разбились на небольшие группы, не удаляясь от места остановки своих подразделений. Раскуривая самокрутку, Троценко осветил свое лицо огнем зажженной спички, тем самым дал возможность узнать его в темноте.

— Ну что, Ефим, к ночлегу готов? Ты как думаешь, здесь заночуем или нас дальше погонят? — спросил Дружинин, подходя к повозке.

— А, Толя, ты? — освещая лицо товарища, произнес Троценко. — Да не видно ни зги. Ползем в этой крошечной тьме как слепые котята, на ощупь. Куда в такой темени идти-то? — возмущался Ефим. — А к ночлегу, Толя, я всегда готов. Думаю, наверное, здесь и заночуем. Ну а ты как, устал от ходьбы?

— Да так, подустал маленько, как всегда на марше, да и есть очень хочется.

— Согласен. Перекусить не мешало бы. Вот хорошо, что ты не куришь, молодец! Забот меньше, да и здоровье свое не гробишь, — раскашлявшись при затыжке, прохрипел Ефим. — На-ка вот, сухарь погрызи. Сегодня в обед у старшины разжился, — сказал Ефим, сунув ему в руку кусок черствого хлеба. Анатолий с жадностью принялся его грызть, пытаясь утолить голод. — А я вот никак курить не брошу, все до войны пытался, да как-то не получалось, а сейчас только мысли остались, а желания что-то нет.

— Так! Никому не расходиться, сейчас определимся с жильем, выставят посты, и, как только командиры определятся с ночлегом, быстренько организуем ужин, — сообщил подошедший Мельниченко.

— А есть-то что будем, товарищ старшина? Как там у нас с ужином? — изнывая от голода, спросил Анатолий.

— Я же говорю, ужин будет после того, как с ночлегом определимся. Кухня малость отстает, — пояснил Мельниченко, поглядывая на дорогу так, будто в этой кромешной мгле он пытался разглядеть своих поваров. Неожиданно, стоящая в пятидесяти метрах на дороге полуторка завелась. Водитель захлопнув дверцу кабины куда-то удалился. Теперь, в тусклом свете фар можно было различать лица однополчан.

— Вот вечно у нас повара отстают, — нервно развел руками Дружинин. — А может, нам Василий ужин организует из сухого пайка, товарищ старшина?

— Успокойся, Толя. Сейчас все будет в порядке. Ну не уследил я, моя вина, что не остался с кухней, чтобы подогнать поваров своих нерасторопных, — оправдывался Мельниченко перед бойцами. — Сейчас, братцы, все исправим, — добавил он, похлопывая рукавицей по спине Дружинина.

— А зачем торопиться, товарищ старшина? Может, ужин нам польская вдова уже приготовила, что в крайней хате живет? — подталкивая старшину локтем, решил побалагурить Солянок. Незаметно Васька кивком указал старшине

на Семёнова. — У нее и перекусим, и не будет надобности кухню ждать, — добавил он, располагаясь рядом.

— Может, и приготовила, если наш комдив заранее ее предупредил, что ты с друзьями по старой памяти к ней на ужин нагрянешь, — серьезно ответил старшина. Понимая, что Васька решил разыграть наивного Семёнова, Мельниченко, отбросив прочь свои тягостные мысли, решил ему подыграть.

Семёнов был призван в армию из далекого приморского села и прибыл в полк в конце октября сорок четвертого года. Человеком Тимофей был ярким, приметным, совсем еще юным. Шинель на нем была явно не по размеру, воротник слишком велик, а широкие голенища сапог неуклюже болтались вокруг тощих, еще мальчишеских ног. Сухощавому и угловатому Тимофею едва исполнилось восемнадцать лет. От остальных своих сверстников он отличался своей простотой и деревенским воспитанием. Его инфантильность, прямота в выражениях и нестандартный ход мыслей могли развеселить даже унылого собеседника. Солянок в таких случаях не упускал возможности повеселиться. Подтрунивая над ним, он менялся в лице и с деловитым и серьезным видом старался научить жизни новобранца, не скупясь при этом на выдуманные на ходу назидания. Вроде бы Семёнов и понимал, что Солянок просто куражится над ним, но раз за разом его как магнитом тянуло к Ваське, и он ничего не мог с собой поделать. Видеть их вместе для однополчан было одно удовольствие. Они дополняли друг друга: наивный Семёнов и балагур Васька.

— А ты что, Вась, с самим командиром дивизии знаком? — заинтересовался услышанным разговором любопытный Семёнов, подавая лишний повод шутнику подурачиться.

— Да-а-а, — вальяжно протянул Васька, опираясь локтем на боковину повозки. — С Григорием Ивановичем мы еще с Финской войны знакомы. Целый год кашу из одного ко-

телка ели. Хороший мужик. Сколько мы вместе за год службы финнов уложили! У-у-ух, не сосчитать, — важничал Василий.

— А что, и вдову комдив тоже знает? — допытывался Семёнов. Изнемогая от любопытства, он старался как можно ближе подступиться к Солянку.

— Конечно знает: эта панночка поваром у нас в полку была. Сам товарищ Калинин лично ее к нам на кухню поставил, — продолжал на ходу придумывать историю Солянок. Утомленные красноармейцы стали забывать про усталость, посмеиваясь над очередной Васькиной байкой.

— А панночка эта красивая? — заинтересовался Тимофей.

— Святые угодники! Я смотрю, ты, Тимоша, к женщинам стал интерес проявлять! Молодец! Вот уж не ожидал! — удивился Василий. — А с чего это ты вдруг про женскую красоту заговорил?

— А я... про свою соседку вспомнил. Пред самым началом войны она из соседнего района со своими родителями к нам в село переехала, красивая девушка такая. Наши местные парни все, как один, за ней приударили, как будто с ума посходили!

— А она тебя, наверное, выбрала? Да?! — ерничал Солянок.

— Да ну тебя, Вася!.. Тоже скажешь! — смутился Семёнов, опустив голову. — Я совсем пацан тогда был и боялся даже подходить к ней, — добавил он, почувствовав, как от стыда загорелись кончики ушей.

— Так я не понял: она была красивая или такая страшная, что ты ее боялся? — не унимался Васька.

— Красивая такая... что страшно к ней подходить! Понимаешь?! Вдруг подойду, а она и разговаривать со мной не захочет? — искренне признался Тимофей, объясняя свою робость перед женским полом.

— Так скажи мне на милость, в чем тут проблема, если дама с тобой не захочет разговаривать? Вот беда великая!

Развернулся и пошел к той, которая тебе в этом не откажет. Это тебе, друг мой, самолюбие не дает покоя: как это тебе — первому парню на деревне — какая-то приезжая красавица да откажет?! Боишься, что люди потом засмеют? Так, что ли? — допытывался Солянок.

— Ничего я не боюсь! Просто страшно, и все!

— Так если не тебе, тогда кому из местных героев отдала свое сердце твоя новоявленная соседка? — со смехом спросил Солянок.

— А дело в том, Вася, что не понятно кому!.. — оживленно стал рассказывать Тимофей. — То один с ней гулял, то другой, а через неделю третий до дома провожал. Вечно из-за нее парни между собой драки устраивали.

— Понятно. Хороша девица, нечего сказать! Хорошо и то, Тимоша, что ты так и не решился к ней подойти. Дай бог ей терпеливого мужа. А вот наша повариха не такая. То же женщина красивая, но порядочная. Из-за нее красноармейцы не дрались.

— А она что, правда здесь живет? — не переставал проявлять свой интерес Тимофей.

— Да. Вот именно здесь, в этом селе, та самая польская вдова и живет, — продолжал свою невероятную историю Солянок. — Сюда она сразу после Финской войны уехала...

Надежду на кратковременное веселье нарушило появление Штейна.

— Ну что, Тимофей Иванович! Придется, наверное, нам сухим пайком обойтись, если кухня вовремя не прибудет, — обратился к старшине командир взвода, услышавший краем уха небылицу, которую сочинял Солянок.

— Да, товарищ командир, придется, — согласился Мельниченко, отходя от повозки.

— Что, Вася, пойдем ужин готовить в дом к местной вдове. Я с ней и договориться уже успел, — посмеиваясь, сказал Штейн.

Люди громко рассмеялись, восхищаясь находчивостью своего командира, быстро сориентировавшегося в шуточной теме.

— Не унывай, связь! Кухня ваша уже на подходе, — неожиданно сообщил бойцам подъехавший на своем ЗиСе Кривичев. — Обогнал я ее по дороге; дымит трубой — значит, ужин будет. Ждите, минут через пять подъедет, — громко крикнул Платонович, чтобы его голос не заглушил звук работающего двигателя.

В душах бойцов затеплилась надежда на скорый ужин. Оставалось терпеливо ждать, коротая время в разговорах, нужной команды. Время на усиливающемся холоде неимоверно тянулось, а пустота в желудке в преддверии ужина все больше тяготила, отчего Дружинин старался о еде не думать. Но, как он ни пытался забыть о пище, слушая разные истории, с этим делом получалось плохо: желудок урчал, требуя подкрепления. В этот самый момент, Анатолий обратил внимание на отсутствие в непроглядной темноте посторонних звуков. Замолкли двигатели машин, не стало слышно голоса людей, на какой-то миг над селом нависла мертвая тишина.

— Холодновато, однако, — сказал в момент затянувшейся паузы все это время молчавший Коробков. — Хотя в Сибири морозы сейчас, наверное, посильнее будут...

Следующие слова Алексея заглушил неожиданный свист, а затем взрыв мины. За первой последовали хлопки второй, третьей...

Всполохи взрывов слепили глаза, на мгновение вырывали из темноты фигуры бойцов, сельских домов и техники. Видно было, как в мерцающем свете мечутся растерянные люди. Стрельба из всех видов оружия, свист трассирующих пуль, яркие вспышки разрывающихся снарядов — все в мгновение ока перемешалось с криками раненых, командами офицеров, которые в кромешной тьме пытались разобраться, куда и как вывести из-под огня людей и технику.

В очередном всполохе Анатолий увидел, как взрывной волной подбросило вверх старшину Мельниченко, сорвав с его головы шапку. Перепуганные внезапным боем лошади без ездовых рвались в галоп. Бешено срываясь с места, животные переворачивали повозки с имуществом, сбивали с ног растерянных бойцов. В этой суматохе Анатолий понял, что они попали под перекрестный огонь невидимого в темноте врага. Единственно правильный выход — быстрее вырваться из зоны обстрела. Только мелькнула такая мысль, как чья-то рука с силой рванула его за воротник шинели.

— Прыгай в повозку, Толя! Быстрее! — крикнул ему Трощенко.

Одним прыжком он вскочил на повозку Ефима, и через доли секунды лошади неистово понесли их прочь из-под свинцового града огня. Телега, прыгая на кочках, неслась наугад по незнакомой местности, поднимая вихрь снега, а сидящие в ней бойцы, прорываясь из окружения, надеялись на чудесное спасение.

Тумаков тремя прыжками преодолел небольшое расстояние до своей машины. Сходу запрыгнув в кабину «студебеккера», он тут же стал его разворачивать. Первый снаряд ударил в лафет орудия, отчего гаубицу перевернуло и машину резко дернуло назад; разрывом снаряда разворотило левый борт. Двигатель заглох. В тот же миг рядом с кабиной разорвался второй вражеский снаряд, двумя осколками смертельно ранив отчаянного водителя. Взрывной волной Трофимовича выбросило из кабины; сраженный осколками, он упал рядом со своей машиной, окрашивая снег алой кровью.

— Уходим из-под обстрела! Уходим! — кричал своим бойцам сержант Тёмин, удаляясь с группой солдат из центра села к его окраине. За одной из хат с соломенной крышей он заметил в темноте силуэт немецкого бронетранспортера. Решение пришло мгновенно: вытащив из-за пояса гранату, Тёмин прицельно метнул ее в стреляющих из броневика фа-

шистов. Взрывом убило командира группы Гюнтера и пулеметный расчет бронемашин. Тяжелораненый водитель упал на руль; машина, дернувшись, заглохла. Стреляя на ходу из карабина, Тёмин смертельно ранил немецкого лейтенанта. Пешие немецкие солдаты залегли. Этих нескольких секунд, оказавшихся драгоценными, сержанту хватило, чтобы свою небольшую группу и ездовых с двумя повозками вывести из-под обстрела, пока залегла вражеская пехота.

Офицеры и солдаты штаба артполка, застигнутые неожиданным налетом отдельной группы, с боем стали прорываться сквозь цепи наступающего врага. Трудно было ориентироваться в этом кромешном аду, чтобы понять, где слабое место в атакующих рядах противника. Необходимо было быстрее прорваться и вывести людей из-под огня, вытаскивая при этом из окружения штабные документы и полковое знамя.

— Но! Но! Родные! Но! — покрикивал Трощенко, управляя парой своих лошадей. Он то пригибался при взрывах, то приподнимался на краю телеги, пристально глядя в ночную мглу, надеясь что-либо в ней рассмотреть.

Звуки боя удалялись, и через несколько минут повозка остановилась. Обескураженных внезапным боем людей лошади вывезли на окраину леса. Остановившись, бойцы прыгнули с повозки, оглядываясь на отдаленные звуки утихающего боя. Ефим, оценивая обстановку, слушал однополчан, наперебой рассказывающих о случившемся. Через пару минут в нескольких метрах от стихийной стоянки слышались посторонние звуки.

— Тс-с, тихо! — громким шепотом предупредил Трощенко возбужденно говорящих товарищей.

Напрягая слух, он понял, что недалеко от них остановилась еще одна неизвестная группа людей. Слышался разговор, но установить, кто именно находится там, из присутствующих пока никто не решался. Ни сержантов, ни тем

более офицеров среди солдат не было, а вокруг густая, непроглядная ночь.

«Придется принимать какое-то решение и брать командование на себя... — стал рассуждать Трощенко, оценивая обстановку. — Но для начала нужно узнать, что там за люди рядом с нами. Если это свои — объединиться. Если враг — дать бой или отойти дальше в лес».

— Держи-ка, Тимоша, лошадей наготове, да смотри не вздумай их привязывать, — наказал он Семёнову, размышляя, кого взять с собой в разведку.

В висках монотонно стучало, перед глазами еще мелькали вспышки внезапного обстрела, это мешало ему сосредоточиться. Только Трощенко сделал пару шагов от повозки, как между деревьев мелькнула чья-то тень.

— Стой!.. — крикнул Ефим. Вскинув оружие, он успел передернуть затвор.

— Свои! Свои! Ефим! Не стреляй, свои! — послышались голоса. В одном из них он признал лейтенанта Штейна.

Убедившись в безопасности, командир взвода с Витковым вышли из-за деревьев.

— Мы тут недалеко остановились, услышали, что здесь кто-то есть, и пришли на разведку, а ты, Ефим, сразу стрелять собрался, — сказал Штейн, вглядываясь в лица красноармейцев. — Анатолий, ты? — узнав бойца своего взвода, обратился он к Дружинину.

— Так точно, товарищ лейтенант, это я, — отозвался Анатолий, обрадованный появлением своего командира.

— Не ранен? А оружие твое где? Как я понял, в повозке осталось?

— Я в порядке, не ранен, а карабин и аппарат с катушкой в повозке у Акима Топчака остались.

— Я вас всех, кто оружие на марше в повозках оставляет, теперь под трибунал буду отправлять, — процедил Штейн. — Сколько раз предупредить можно, что в боевой обстановке личное оружие должно быть всегда при себе?

Независимо от того, на передовой ты находишься или на марше, оружие должно быть под рукой. Это война! Как вам еще объяснять надо?! — не унимался раздраженный командир.

Анатолий стоял перед лейтенантом, вытянувшись в струну. Лицо от стыда горело, и ему казалось, что он в этой крошечной тьме светит им, как керосиновым фонарем.

— Ладно, — вздохнул Штейн, переводя дух, — чего теперь об этом... — Ты с Трощенко сюда прорвался? — спросил у Анатолия лейтенант уже без эмоций.

— Да, товарищ лейтенант, с Ефимом. Его лошади нас сюда вынесли, — еще не успокоившись от произошедшей взбучки, ответил Анатолий. — Что будем делать, товарищ лейтенант?

— А ты как думаешь? — ответил вопросом на вопрос Штейн, поглядывая в сторону села, откуда доносились слабые звуки коротких очередей и одиночных выстрелов; пожары освещали ночное небо красным светом.

— Не знаю... — ответил Дружинин, пожимая плечами.

— Вот и я не знаю, — вздохнул Штейн. «Интересно, штаб полка прорвался из окружения, неужели ребята не успели?.. Что же я рядом-то не был? А?!» — беспокоился в своих мыслях лейтенант, сожалея, что оказался беспомощным при неожиданном налете врага.

— Поди теперь, Толя, разберись в этой темени, где наши, вырвавшиеся из-под обстрела, где немцы, сколько их и сколько людей наших положили эти суки? — негодовал лейтенант. — Ефим! Трощенко! — позвал он неожиданно спасителя Анатолия.

— Я, товарищ лейтенант, — отозвался Ефим.

Пригнувшись, Трощенко подошел к офицеру.

— Там, справа от нашей группы, где мы располагались, видимо, еще несколько наших бойцов остановилось, но мы с Иваном сначала к вам выдвинулись. Бери с собой Виткова, сходите к ним. Он знает направление, куда идти надо. Раз-

узнайте, есть ли среди них офицеры, сколько всего бойцов и сколько раненых. И еще! Не забудьте посчитать, сколько у нас оружия, боеприпасов и лошадей.

— Есть! Будет исполнено, товарищ лейтенант, — козырнул Трощенко, понимая, сколько всего нужно посчитать и запомнить. — Пошли, Ваня, давай показывай дорогу, — обратился он к Виткову. Через миг поисковики скрылись в кромешной темноте ночи.

Над головами качались макушки сосен и елей. Холодало. От усиливающегося мороза Анатолия стало знобить. Томило и понимание того, что в лесу придется провести бессонную ночь, в лучшем случае без боя, а о худшем и думать не хотелось. Люди терпеливо суетились возле лейтенанта, единственного офицера и рассудительного командира в одной из групп, кому удалось вырваться из этой мясорубки.

Возвратившись через двадцать минут с задания, Трощенко подошел к Штейну.

— Разрешите доложить, товарищ лейтенант? — обратился Ефим, подсаживаясь на корточки рядом с офицером, наблюдавшим за пожарами в селе.

— Давай, Ефим! Говори, что там у нас.

— Значит, так: офицеров среди солдат нет. Там только сержант Тёмин из вашего взвода с бойцами своего отделения. Ранены двое, оба легко, их уже перевязали. Бойцов всего четырнадцать.

— Так, Саня Тёмин там! Живой, значит. Это хорошо... Что с вооружением и лошадьми?

— Если считать с моей, то всего четыре повозки, по паре лошадей в каждой, в одной из повозок фураж. Слава богу, лошадок есть чем покормить. Ну а в остальных трех — телефонные аппараты, катушки, в общем, имущество. И еще я Дружинину его карабин принес. Толя! Карабин свой возьми, я его из повозки Акима Ивановича забрал, — подал товарищу оружие Трощенко. — Оружие есть у всех, но патронов по две обоймы только у пятерых — у остальных вообще

по одной. Да... чуть не забыл, вот здесь, товарищ командир, метрах в пятидесяти от нас, чуть правее, дорога идет от села через лес, — указал Ефим в сторону просеки. — Вот как-то так, — закончил свой доклад Трощенко.

Штейн, потерев щетину и оглядываясь по сторонам, обдумывал план дальнейших мероприятий. Вариантов было немного.

— Что теперь будем делать? — горестно спросил Витков. — Будем наблюдать, как там людей наших убивают, а утром и нас всех перебьют?

Ваня Витков — парень среднего роста, крепкого телосложения, светловолосый. На фронте Иван не новичок, призван из Пензенской области, воюет в полку с декабря сорок первого года. По характеру взбалмошный, с причудами; было совершенно непонятно, чего он хочет. Порой отстаивает свою точку зрения и, понимая, что неправ, через время говорит совершенно противоположное. В разговорах любил противоречить, спор был его любимым делом. Не было во взводе того человека, с кем бы он всегда соглашался. Но службу свою знал хорошо и выполнял ее с полной отдачей сил.

— Прекрати паниковать, Ваня! — вспыхнул Трощенко.

— Я не паникую, Ефим. Только как помочь тем, кто не смог уйти из-под обстрела, или раненым?..

— Бери свой карабин и иди в атаку на танки с бронетранспортерами, если тебе одного раза сегодня мало показалось! Кстати, гранат ни у кого из наших нет... — съязвил Трощенко, понимая свое бессилие пред врагом, в лапах которого оказались их раненые однополчане и те, кто не смог вырваться из окружения.

— Значит, так! — прервал начатый спор лейтенант. — Если дорога рядом, думаю, нам всем лучше будет собраться в этом районе; отойдем от окраины леса и будем дислоцироваться здесь, — указывал в сторону просеки Штейн.

Он раскрыл свою планшетку и, повернувшись спиной к полыхающему селу, осветил фонариком на карту. Тонкие

лучики света, отражаясь от прозрачного целлулоида, играли зайчиками на его шинели и на лице.

— Вот она, дорога... Давай, Ефим, дуй с Дружининым к нашим! Аккуратно, без шума подтяните сюда обе группы. По возможности внимательней осмотритесь, может, еще кого удастся обнаружить. Расположимся на этой позиции, а потом будем действовать по обстановке. Анатолий, отправляйся с Трощенко, и осторожнее там, — поручил своим людям Штейн, складывая полевую сумку.

* * *

Шел второй день наступления. Наши войска быстрым темпом приближались к границам Германии. Весь фронт был растянут на много километров и ровной линии не имел. Как часто происходило в таких ситуациях, передовые части войск так же, как и идущие во втором эшелоне или те, кого перебрасывали с одного участка фронта на другой, нарывались на остатки немецких частей, которые пытались вырваться из окружения. Пятьсот тридцатая стрелковая дивизия шла во втором эшелоне наступающих войск Тринадцатой армии. Именно ее подразделениям, продвигавшимся по разным маршрутам, и пришлось в этот раз столкнуться с окруженными фашистами.

Яростно оскалив зубы, враг, уподобившись смертельно раненному зверю, отчаянно сопротивлялся. Фашисты, обремененные поражением, готовы были казнить любого, кто встречался у них на пути.

Попавшие в окружение бойцы Семнадцатой танковой дивизии вермахта и солдаты из охранного батальона вместе прорывались к своим частям, отступившим далеко на запад. Окруженные гитлеровцы стремились выйти на шоссе. К вечеру окруженцы подошли к польской деревушке Халупки. Вдоль деревни шла прямая дорога на Кельце, идя по которой можно было соединиться с частями Шестнадцатой танковой дивизии вермахта. Но атаковать открыто было делом

бессмысленным: численность группы была невелика, люди измотаны в боях, а боекомплект на исходе. Тогда Гюнтер принял решение: дожидаться полной темноты и напасть, когда маршевые колонны прервутся, а в селе останется на ночь лишь небольшое подразделение противника.

Майор Гюнтер, командир танкового батальона, по праву взял командование на себя. Старше его по званию и должности в выходящей из окружения группе никого не было. В подчинении майора остались двадцать два танка, двенадцать бронетранспортеров и чуть более ста автомашин.

Остатки роты из охранного полка возглавлял обер-лейтенант Степан Гмыря. Его командира роты убило в первый день наступления Красной армии, и теперь подразделением командовал он сам. В распоряжении Гмыри осталось шесть бронетранспортеров и двадцать пять грузовиков. Два абсолютно разных подразделения, попав в клещи к войскам Тринадцатой армии, теперь имели одну цель: как можно скорее прорваться к своим.

Слившись с группой Фридриха Гюнтера, Гмыря вынужден был подчиняться старшему по званию, хотя это ему было совсем не по душе.

Степан Гмыря был ветераном борьбы за самостоятельность; еще с тридцатых годов он упорно боролся за свободную Украину сначала с поляками, а потом и с советской властью. Но в июне сорок первого года к власти пришли фашисты, и Степан очень надеялся на то, что именно немцы принесут долгожданную свободу его любимой родине. Вступив в ряды добровольцев вермахта, Гмыря после прохождения курсантской школы получил чин лейтенанта и успешно служил нацистскому лидеру, как он считал, для блага Украины. К его великому сожалению, ожидания не оправдались: в планы Гитлера не входила свободная и независимая Украина, как, впрочем, и вся остальная Европа.

С начала зимы сорок третьего года события на фронте изменились, и теперь «непобедимая» германская машина

сначала от Волги, а потом, летом, и от Курска покати­лась к своим границам. Воодушевленные наступлением Красной армии, активизировались партизаны и местное население — это Степана и многих его сторонников приводило в состояние истерии. Озлобившись и понимая свое бессилие, они еще активнее стали учинять расправы над неугодными и ненавистными сторонниками коммунистических идей. Степану не раз приходилось участвовать в акциях по наведению германского порядка. Безупречным выполнением приказов и железной дисциплиной в своем подразделении Гмыря заслужил доверие со стороны своих непосредственных командиров. Его педантичности по отношению к службе могли позавидовать даже самые исполнительные немецкие офицеры. Именно эти заслуги повлияли на повышение его воинского звания и должности. Он был назначен заместителем командира роты.

Как в июле сорок четвертого гитлеровцы ни сопротивлялись, территорию Украины им пришлось оставить. Вместе с отступающими немецкими частями Степан покинул родину, теряя в душе надежды на свое скорое возвращение. И чем дальше, тем ненавистней становилась ему служба там, где он вынужден был подчиняться другим национальным интересам. Тяжелые годы жизни наложили на него свой собственный отпечаток: еще молодой, но уже седовласый Степан стал чувствовать усталость от совместной с Гитлером войны против Советов. Задумываясь над ее бессмыслием, Гмыря постепенно не по годам стал походить на хмурого и раздраженного старика.

Оказавшись в Польше, Степан стал вынашивать планы, чтобы вместе с самыми надежными людьми из своей роты любыми путями уйти назад, на родину. Там, на родной земле, он планировал продолжить борьбу за свою свободную Украину, но уже без чьей-либо помощи, самостоятельно. Для реализации намеченного плана было готово все: документы, необходимая форма, надежные люди; оставалось

выбрать подходящий для этого ответственного мероприятия момент. Висло-Одерская наступательная операция советских войск должна была дать такой шанс. Но Степан не мог и предположить, что наступление Советов будет таким стремительным.

Спешно отступая, его рота, потрепанная в боях с наступающей Красной армией, встретила с подразделением Гюнтера. Фридрих Гюнтер с презрением относился к восточным добровольцам и при необходимости общения с ними мало скрывал свою неприязнь. Но и Степан за годы службы в вермахте взрастил в себе не лучшие чувства ко всему немецкому. Вот в этой обстановке и встретились два человека — с враждебностью друг к другу, но с одной целью. Высокомерие Фридриха взяло верх, учитывая его звание; да и Степан особо этому не противился, ведь задача была одна: вырваться из окружения с наименьшими потерями и с нанесением наибольшего ущерба Советам.

Отлично владея немецким и хорошо зная тактику партизанской войны, Гмыря без труда понял план Гюнтера. Он отогнал свои грузовики на безопасное расстояние и распределил бойцов по выгодным позициям. Нападение планировалось на разрозненные подразделения, находящиеся на марше. Проверенная в многолетней боевой обстановке, рота Степана действовала четко и слаженно, как звенья единого механизма. Дисциплина в роте была железной: каждый взвод и отделение знали свои задачи, и никто из подчиненных не смел перечить своему командиру. Сказывался его непререкаемый авторитет. Только вот произнесенное Гюнтером название села, в котором они организовывали засаду, ввело Степана в некую оторопь; по телу пробежала мелкая, но приятная дрожь. Оказалось, название населенного пункта было ему хорошо знакомо: здесь жила подруга его жены, а точнее, его давняя и тайная любовь.

Еще при сватовстве, когда родители привезли Степана в дом его будущей невесты, он обратил внимание на ее сем-

надцатилетнюю подругу, польку по отцу. Большие красивые глаза Марьяны так завораживающе и заманчиво блестели из-под черных изогнутых бровей, что он раз за разом стал ловить себя на мысли, которая заставляла его бросать взгляд не на будущую жену, а на ее подругу. С тех самых дней Степан помнил ее манящие голубые глаза и забыть их никак не мог. Через год отец выдал Марьяну замуж за поляка; распрощавшись с родными, она уехала с мужем в район города Кельце, откуда потом регулярно писала письма его жене. Еще через год началась Вторая мировая война, и связь с Марьяной неожиданно прервалась. Но когда майор, глядя на карту, произнес: «*Dorf Chalupki*» (село Халупки), Степан тут же вспомнил конверты, обратным адресом на которых было это название. «Не придется ли мне поменять свои планы?» — мелькнула шальная мысль в его голове. Гмыря был человек осторожный и скрытный, а потому, по правилам конспирации, этой информацией он ни с кем делиться не стал.

Терпеливо выждав подходящий момент, немецкая группа обхватила с флангов и ударила в тыл зашедшие в село разрозненные подразделения артиллерийского и стрелкового полков. Нападение было неожиданным и скоротечным.

ЖЕСТОКАЯ СМЕРТЬ

В центре и на юго-западной окраине села Халупки полыхали в пожарах дома. Посреди улицы горела повозка с имуществом и две подбитые автомашины, освещая качающимся светом все, что осталось после обстрела. Отброшенный взрывной волной Мельниченко, потеряв сознание, лежал на едва покрытой снегом мерзлой земле. В ста пятидесяти метрах правее корчился от боли раненный в бедро Маршенко. Поперек улицы с открытой дверцей и изрешеченным кузовом, дымя горящим колесом, стоял «студебеккер»; рядом с машиной лежал убитый осколками снаряда водитель Тумаков. Хрипя и путаясь в упряжке, рядом с перевернутой повозкой топталась на месте раненая лошадь, безнадежно пытающаяся вырваться на свободу. В центре села стояла разбитая снарядом полуторка. Вокруг машины взрывом раскидано имущество: разбитые ящики с гвоздями, мотки колючей проволоки, инструмент, полевые палатки. На обочине дороги, между полуторкой и перевернутой конной повозкой, издавая глухой стон и хватаясь за голову, покачиваясь, сидел Колесниченко. Имущество с разбитого транспорта взрывами разбросало по изрытой воронками дороге, превратив улицу в сплошной хаос. Убедившись, что активного сопротивления после артиллерийского налета не последует, солдаты вермахта стали выходить на улицы польского села. Увидев приближающихся немецких солдат и услышав родную украинскую и немецкую речь, Маршенко изо всех сил старался скорее

подползти к своему карабину, который лежал от него всего в нескольких метрах.

— Только бы успеть! Только бы успеть доползти! Главное, живым не попасться этим живодерам, — шептал Тихон, пробираясь к оружию.

Дурную мысль о плене он всегда старался гнать прочь, прежде чем мог представить себя в этой роли. Казалось, что если подобное и может произойти, то с кем-то другим, не с ним. И вот сегодня ничто не предвещало беды, все как обычно: марш, село, предстоящий ужин, ночлег. И тут...

«А может, это просто дурной сон? Может, я сейчас проснусь?» — безнадежно утешал себя Маршенко. Но сон не кончался. Раненная осколком правая нога беспомощно волочилась, оставляя на снегу едва заметный кровавый след. Больше всего Тихон боялся, истекая кровью, окончательно потерять силы, а потом и сознание.

— Пусть умереть, но только не в муках, — шептал он, приближаясь к своему оружию. — Немного осталось... Вот сейчас... Все! — облегченно выдохнул Тихон, подтягивая к себе карабин.

Надежно сжимая оружие в руках, он настороженно ожидал приближающегося врага. Выбрав фигуру, Маршенко прицелился. Щелчок — осечка. Тут со спины он услышал быстро приближающиеся шаги, медлить было нельзя. Тарасюк, увидевший раненого красноармейца, решил опередить всех, чтобы лично наказать раненого врага. Тихон понял, что времени перезарядить карабин уже нет. Одна надежда на резкий и неожиданный бросок. Как только Тарасюк приблизился к нему на доступное расстояние и нагнулся, Маршенко с разворота, всей своей богатырской мощью нанес прицельный удар в голову коллаборациониста. Встречный удар прикладом в область виска сделал свое дело: Тарасюк, издав рев умирающего зверя, стал заваливаться набок.

— Ты смотри, хороший удар получился! — удивился Тихон, когда тело Богдана Тарасюка рухнуло наземь. — Так,

один уже есть! Ну, кто теперь следующий? — прошептал Тихон. — Если бы не раненая нога, я не дал бы вам возможности приблизиться и на сто метров, мрази продажные, — процедил сквозь зубы Маршенко, перезаряжая карабин.

Едва он повернул голову в пол-оборота, как мысль обовралась. От сильного удара в голову Тихон потерял сознание, и какая-то волна понесла его далеко-далеко, в совсем еще раннее детство, в тот летний день и поздний вечер, когда он играл со своими старшими братьями и соседскими детьми на сеновале. Кто-то из детей тогда толкнул его, и он, сорвавшись с большой высоты, кубарем покатился вниз, расцарапав себе в кровь лицо и коленки. От нестерпимой боли и жгучей обиды на старших, обливаясь горькими слезами, Тихон заплакал. Среди шума и детских криков мать услышала голос родного сына. Отбросив свои домашние дела, она подошла к нему и, взяв за руку, повела с собой на летнюю кухню. Жалея и причитая, мать гладила его по голове, вытирая своей рукой детские горькие слезы.

— *Ну все, все, заспокойся, заспокойся. Моя ти дитинко, мій ти хороший. Не плач, мій маленький, не плач. Нічого, скоро болячки твої заживуть, ти виростеш і будеш великим і сильним, як твій батько. Не плач, синку, нехай ці подряпини будуть найбільшим жалем в твоєму житті* (Ну все, все, успокойся, успокойся. Моя ты деточка, мой ты хороший. Не плачь, мой маленький, не плачь. Ничего, скоро болячки твои заживут, ты вырастешь и будешь большим и сильным, как твой папка. Не плачь, сынок, пусть эти царапины будут самым страшным горем в твоей жизни), — приговаривала мать, стараясь облегчить горе своего ребенка.

Утешая дитя, она наливала в посуду разогретую на печи воду. А потом в большом тазу отмывала его чумазое тело от пыли и грязи, поливая на голову из алюминиевого ковша.

— *Ось так, мій хороший. Отак. Усе добре. Бачиш, який ти чистенький, який гарненький? Моє ти дитячко* (Вот так, мой хороший. Вот так. Все хорошо. Видишь, какой ты чистень-

кий, какой хорошенький? Мое ты дитяtko), — причитала мать, обрабатывая ему разодранные коленки.

Немного успокоившись, Тихон еще продолжал шмыгать носом, глядя через плечо матери в открытую дверь. На дворе стало темнеть. Из открытых дверей летней кухни было видно, как в темно-голубом небе загорались первые искры мерцающих звезд; с улицы, на которой утихали звуки села, веяло приятной прохладой. Мать завернула Тихона в большое полотенце и занесла в дом. Заботливо уложив сына в кровать, она легла рядом, прижав его к своей горячей груди. Поглаживая малыша своей натруженной рукой по коротким, выгоревшим на солнце волосам, она нежно целовала его влажными губами. Стало так хорошо, тепло и сладко. Устроившись удобнее на кровати, мать тихо-тихо запела:

— Ой, у гаю при Дунаю
Соловей щебече.
Він свою всю пташину
До гніздечка кличе...

Ее тонкий и нежный голос вытягивал каждую нотку. Тяжелые веки Тихона закрывались, и он, уносимый песней к далекой и незнакомой реке, медленно погружался в сон.

Удар прикладом карабина нанес ему Любомир Коваль, ставший свидетелем смерти своего товарища.

— *Ось так! Заспокойся, кацап, зараз ти у нас за все відповіси* (Вот так! Успокойся, кацап, сейчас ты у нас за все ответишь), — расстроенный гибелью бойца своего подразделения, прикрикнул Любомир, переворачивая Тихона на спину. — *Пилип! Ты де?* (Филипп! Ты где?) — оглядываясь, обратился он к своему старшему брату. — *Іді сюди, я тут кацапа утихомирив, він нашого Богдана вбив. Зараз ми за це катувати його будемо* (Иди сюда, я здесь кацапа усмирил, он нашего Богдана убил. Сейчас мы за это казнить его будем), — позвал он на помощь Филиппа.

Но в это время своим волчьим взглядом Филипп заметил беспомощно сидевшего Колесниченко. Он ничего более не желал, только быстрее добраться до раненого красноармейца. Жажда расправы туманила разум. И Филипп, поддавшись звериному инстинкту, не собирался никому отдавать свою добычу. Николай страдал от полученной контузии. Как железными тисками, боль сдавливала голову. Того, что происходило вокруг, он не видел и не слышал. Только тяжкие стоны вырывались у него из груди, привлекая к себе стервятников. Преодолев короткое расстояние до Колесниченко несколькими прыжками, Филипп Коваль упер в грудь контуженого бойца штык своего карабина. В полумраке он едва разглядел окровавленное лицо раненого красноармейца. Филипп ткнул своим оружием Николаю под ребра, и тот беспомощно откинулся на спину, издавая стон.

— *Любомир, ти мене кликав? А я теж москаля знайшов, тільки він полуживий якийсь* (Любомир, ты меня звал? А я тоже москаля нашел, только он полуживой какой-то), — с удовольствием поделился радостью с братом Филипп. — *Тягнемо їх до тієї машини, що посеред вулиці стоїть* (Тащим их к той машине, что посреди улицы стоит), — оценив опытным взором обстановку, крикнул он Любомиру.

К затее присоединились и другие бойцы роты. Связав руки красноармейцев ремнями, они потащили их волоком к разбитой полуторке.

Очнувшись, Мельниченко открыл глаза. Ночную темень освещали пожары, но он не мог осознать, почему не может поднять головы и двигать конечностями. Онемевший язык отяжелел и при попытке что-то сказать лишь бесполезно мешался во рту. Безмолвно и недвижимо он вслушивался в приближающиеся звуки и голоса, стараясь разобраться, что с ним произошло и что происходит вокруг сейчас. От удара сапогом по ногам из груди старшины вырвался лишь непонятный звук.

— *О! Ще живий!* (О! Еще живой!) — воскликнул Кирилл Олияр, увидев бездвигательного контузией Мельниченко. — *Василь, йди сюди. Тут москаль живий виявився. Зараз ми йому пояснимо, що даремно він війну з нами затіяв* (Василий, иди сюда. Здесь москаль живой обнаружился. Сейчас мы ему объясним, что зря он войну с нами затеял), — позвал Олияр своего товарища для совместной расправы над старшиной.

Василий Дмитрук в роту пришел со своим старшим сыном Николаем. Как правило, он далеко от себя его не отпускал. Вот и сейчас парень был рядом. Вдвоем они подошли к возбужденному от предстоящей расправы Олияру.

— *Ну що тут у тебе, живий кацап, що ти з ним робиш зібрався?* (Ну что тут у тебя, живой кацап, что ты с ним делать собрался?) — спросил Василий, осматривая лежащего на земле Мельниченко.

— *Зараз ми перевіримо, як він любить свою радянську владу* (Сейчас мы проверим, как он любит свою советскую власть), — пробурчал Олияр, снимая с себя шинель. Сняв свою верхнюю одежду, Олияр расстегнул шинель Мельниченко и бесцеремонно стал вытаскивать документы из карманов его гимнастерки. — *О! Ти дивись... Цей москаль ще й комуняка! Таку гидоту я з задоволенням стратити буду — за всі біди, що ці сволоти нам заподіяли. Пішли свого хлопця, нехай він цвяхи мені принесе. Я бачив їх біля розбитої машини* (О! Ты смотри... Этот москаль еще и коммуняка! Такую гадость я с удовольствием казню буду — за все беды, что эти сволочи нам причинили. Пошли своего пацана, пусть он принесет мне гвозди. Я видел их возле разбитой машины), — велел Василию Олияр, вытаскивая из ножен свое оружие.

— *На що вони тобі?* (Зачем они тебе?) — удивился Василий, глядя на обезумевшего сослуживца, жаждущего скорейшей казни своего ненавистного врага.

— *Ти що, не бачиш — цей москаль ще й комуняка. Я цей червоний квиток йому в серце заб'ю* (Ты что, не видишь —

этот москаль еще и коммуняка. Я этот красный билет ему в сердце забью), — сверкая глазами, объяснял свой кровавый замысел Олияр, угрожающе манипулируя ножом.

— *Микола, давай, синку, біжи до підбитої машини, там біля неї цвяхи розкидані, принеси їх дядькові Кирилу. Він до Бога комуніста з довідкою відправляти буде* (Николай, давай, сынок, беги к подбитой машине, там возле нее гвозди раскиданы, принеси их дяде Кириллу. Он к Богу коммуниста со справкой отправлять будет), — обратился с просьбой к своему сыну Василий.

Николай Дмитрук — еще юнец, девятнадцати лет отроду. В роту Гмыри он пошел с отцом по мальчишеской наивности. Для него это было приключением, и поначалу даже все нравилось. Но, когда парень стал свидетелем расправ и казней, в мгновение ока романтика испарилась. По своей натуре человек не злой и не жестокий, издевательства над мирным населением и пленными Николай принять не мог. Но, как только своими мыслями он поделился с отцом, тот был взбешен слабостью своего отпрыска. Василий и без его слов знал и видел, с каким отвращением сын смотрел на жестокость и на тех, кто ее свершал. Но продолжал тешить себя надеждами, что со временем служба закалит парня. В засадах и нападениях Николай принимал активное участие, а вот на изуверства никогда не шел. Некоторым в подразделении это не нравилось, хотя все списывалось на молодость и отсутствие причин для мести. С каждым днем служба в вермахте Николаю становилась в тягость, а как уйти, он не знал, да и дороги назад уже не было.

Увидев нож в руках Олияра, Дмитрук-младший понял, что последует сейчас. Видеть это он не желал и, как только услышал просьбу сходить за гвоздями, немедленно удалился.

— *Тримай його на прицілі, а то раптом він очухається?* (Держи его на прицеле, а то вдруг он очухается?) — поручил Василию Олияр, сдергивая с Мельниченко шинель и ватную

куртку. Взгромоздившись как коршун на его грудь, он зловеще сверкал звериными глазами и брызгал слюной в ругательствах на советскую власть.

Мельниченко было тяжело дышать. Сознание вновь вернулось, и теперь он четко понимал, что с ним произошло, а самое страшное, представлял, что может произойти сейчас. Но сделать Тимофей ничего не мог — тело не слушалось. Мелькающий перед лицом нож устрашающе сверкал стальным лезвием, терзая его. Попав в лапы кровожадных националистов, он, коммунист, перед лицом врага оказался беспомощным как младенец. Страх, стоявший в глазах, и злоба от бессилия исказили его лицо до неузнаваемости. Только теперь Тимофей понял причину своих душевных мук, что преследовали его последние дни.

— *Ну що, старшина Червоної армії, почнемо?* (Ну что, старшина Красной армии, начнем?) — торжествуя, прокричал Олияр, повернув голову Мельниченко. — *Жаль, що собак нема, а то було б чим пригостити тварин* (Жаль, собак нет, а то было бы чем угостить животных), — схватив ухо старшины рукой, он одним движением отсек его своим острым как бритва ножом.

От резкой боли тело Тимофея дернулось, издавая стон. Олияр хладнокровно повернул голову старшины в другую сторону и отсек другое ухо, не реагируя на стоны своей жертвы. Причиненная боль притупилась, когда перед правым глазом Мельниченко как молния сверкнуло острие ножа.

«Только не это!..» — мелькнуло в голове Тимофея, когда пронзительная боль от переносицы, как ему показалось, стрелой ударила в заднюю стенку черепа. В попытке укрыть лицо руки инстинктивно согнулись в локтях.

— *Допоможи мені! Потримай йому руки!* (Помоги мне! Подержи ему руки!) — обратился к своему помощнику Олияр, все больше жаждая крови. — *Зараз я йому друге око виколю* (Сейчас я ему второй глаз выколю), — прошипел он, вонзив лезвие в левый глаз Мельниченко.

Тьма навечно нависла над старшиной. Испытывая невыносимые душевные и физические боли, он стал биться в судорогах, издавая нечеловеческие вопли. Но это еще больше раззадоривало его палача, который только наслаждался изуверствами.

— *Не радій, комуняка, це ще не все. Зараз ти в мене, безбожник, як справжній віруючий, з любов'ю і до втрати свідомості будеш Богу молитися* (Не радуйся, коммуняка, это еще не все. Сейчас ты у меня, безбожник, как настоящий верующий, с любовью и до потери сознания Богу молиться будешь), — хрипел Олияр, стоя над своей жертвой с окровавленными руками.

Не церемонясь, он поднял его руку и, положив на свое колено, с особой жестокостью вывернул в локтевом суставе. Адская боль пронзила все тело Тимофея, разрывая сердце на части.

— Господи! Прости! Спаси и помилуй! Неужто это мне за то, что я от тебя отрекся? — взмолился старшина, скрипя зубами.

Дмитрук-младший присел возле разбитой полуторки. Собирая с перепаханной минами земли гвозди, он наблюдал, как братья Ковали с друзьями волокли к машине двух красноармейцев — это были Тихон Маршенко и Николай Колесниченко.

— *Хома! Принесіть-ка швиденько сюди соломки, он з тієї хати* (Фома! Принесите-ка быстренько сюда соломы, вон из той хаты), — указывая на ближайший к ним двор, торопил своего рядового Филипп. Его все больше забавляла процедура предстоящей казни. Потирая рукой замерзшие уши, Коваль-старший сторал от нетерпения.

— *Зараз ми швиденько збігаємо* (Сейчас мы быстренько сбегает), — раздувая ноздри, посмеивался Скопан. Получив приказ принести солому, Фома сразу же догадался, что затеял его командир отделения. В таких мероприятиях он участвовал всегда с удовольствием.

Маршенко лежал на боку со связанными руками и видел, как зверски убивали раненых красноармейцев и как, спотыкаясь о разбросанное по улице имущество, к машине приближался Скопан. В темноте за спиной Фомы, одетого в длинную шинель, появлялись фигуры его сослуживцев, каждый нес в руках большую охапку соломы.

«Неужели нас хотят сжечь живьем?! Но я не хочу умирать! Мне всего девятнадцать лет! Нет! Это не должно произойти, ведь это же бесчеловечно! Такое варварство творилось только в Средневековье!» — негодовал Маршенко, будто во сне наблюдая за приготовлениями к их казни.

Рядом слышалось хриплое дыхание его тяжело контуженного товарища. Николай лежал на боку и беспомощно стонал. Волна ужаса и страха накрыла сознание Тихона. Все перемешалось в его голове: и прошедшая жизнь, такая короткая, и обида за то, что на произвол судьбы их бросили свои, и страх перед жестокой казнью, которую можно представить только в страшном сне.

— *О! Добре! Зараз ми розведемо багаття* (О! Хорошо! Сейчас мы костер разведем), — радовался Филипп, прикуривая сигарету. — *Кидайте солому під машину та бензином з бака гарненько полийте її, хлопці, щоб веселіше горіло* (Кидайте солому под машину да бензином из бака хорошенько полейте ее, ребята, чтоб веселей горело), — распоряжался Филипп Коваль на правах командира.

Возле полуторки собралась большая толпа солдат — кто поучаствовать, а кто посмотреть на казнь. Любомир со своим другом Панасом обыскали обоих красноармейцев, вытащив из гимнастерок документы и личные вещи. Погуляк прочитал фамилии и как-то загадочно посмотрел на Маршенко. Похлопав красноармейскими книжками по открытой ладони, он нагнулся к Тихону и язвительно спросил:

— *Ви ж українці?! Так нащо за радянську владу воюєте, невже вона вам вільність дала?* (Вы же украинцы?! Так зачем за советскую власть воюете, неужели она вам свободу дала?)

— Я служу тій Батьківщині, де народився і якій давав присягу на вірність. А коли фашисти напали, став на її захист від цієї нечисті, а не став, як ти з твоїми корінцями, німців на дорозі з хлібом та сіллю зустрічати. І не шкодую, що, взявши в руки зброю, очищаю цю землю від такої сволоти, як ви! (Я служу той Родине, где родился и которой давал присягу на верность. А когда фашисты напали, встал на ее защиту от этой нечисти, а не стал, как ты с твоими друзьями, немцев на дороге с хлебом и солью встречать. И не жалею, что, взяв руки оружие, очищаю эту землю от такой сволочи, как вы!) — съязвил Тихон, понимая, что легкой смерти от этого отребья ждаты все равно не стоит.

— Це від таких, як ти, зрадників Батьківщини ми зараз землю очищати будемо (Это от таких, как ты, предателей Родины мы сейчас землю очищать будем), — злобно процедил Погуляк. — Ти дивись! Який патріот радянський відиукався. Зараз ти у мене дізнаєшся, хто відданий своїй країні, а хто зрадник, підстилка москальська! (Ты смотри! Какой патриот советский выискался. Сейчас ты у меня узнаешь, кто предан своей стране, а кто предатель, подстилка москальская!)

Сгорая от ярости, он с разворота ударил Тихона носком сапога в живот, прекрасно понимая, что тот обречен и сдачи дать не сможет. Застонав, Маршенко замолк.

— А другий що мовчить? (А второй что молчит?) — обратил Погуляк свое внимание на Николая, толкнув его прикладом в грудь. — Він німий або що?! (Он что, немой?!)

— Ти очі найкраще розплющуй! Що, не бачиш, він тяжкопоранений і лежить без свідомості? (Ты глаза лучше открой! Что, не видишь, он тяжелораненый и лежит без сознания?) — отдышавшись после удара, прохрипел Маршенко. — На що до людини з дурними питаннями приставати, він все одно не зможе нічого казати (Зачем к человеку с глупыми вопросами приставать, он все равно не сможет ничего сказать), — добавил Тихон, взглянув при этом без страха в глаза неряшливого Панаса.

— Я у тебе, зрадник Батьківщини, забув запитати, кому можна ставити запитання, а кому не можна (Я у тебя, предатель Родины, забыл спросить, кому можно задавать вопросы, а кому нельзя), — кричал раздухарившийся Погуляк.

— *Що ти з ним, Панас, розмовляєш?! Які це українці? Якщо вони червоноармійську форму наділи — означає, вони зрадили свій народ. Справжні українці — ось тут!* (Что ты с ним, Панас, разговариваешь?! Какие это украинцы?.. Если они красноармейскую форму надели — значит, они предали свой народ! Настоящие украинцы — вот здесь!) — гордо расправляя плечи, кричал Любомир Коваль. Стоя в позе непримиримого борца с Советами, он указывал рукой на стоящих рядом друзей, которых он считал патриотами Украины. — *А вони зрадники!* (А они предатели!) — хорохорился Любомир.

Взбешенный Погуляк снял с лежащей рядом трехлинейки штык, бросил на заснеженную землю красноармейские книжки плененных бойцов и попытался проткнуть их острием штыка. Но грани колющего оружия с трудом разрывали страницы документов, не давая возможности прибить их к накатанной части дороги.

— *Допоможи!* (Помоги!) — раздраженно крикнул он Ковалю и в порыве ярости стал забивать штык прикладом своего карабина, пригвоздив документы к твердой обочине.

— *Ти що, божевільний? Приклад, дурень, зараз розіб'єш! Краще допоможи кацапів в кузов машини закинути та швидше багаття розпаліть. А то ми замерзнемо тут, поки ти будеш цих дохляків допитувати* (Ты что, ненормальный?! Приклад, дурень, сейчас разобьешь! Лучше помоги кацапов в кузов машины закинуть да побыстрее костер разожгите. А то мы замерзнем тут, пока ты будешь этих дохляков допрашивать), — негодовал Филипп Коваль, наблюдая за бессмысленной возней подчиненных.

Дабы не испытывать терпение командира, рядовые бойцы засуетились. Четверо из них, схватив беспомощного Ко-

лесниченко за конечности, раскачав, закинули его в кузов автомашины.

— *Зараз, москалі, ми вас швидко в машині підсмажемо... А то ви, напевно, замерзли?* (Сейчас, москали, мы вас быстро в машине поджарим... А то вы, наверно, замерзли?) — смеялся Погуляк. Отводя душу, он еще несколько раз ударил связанного Тихона ногой, в кровь разбив ему искаженное от безысходности лицо.

Наспех закрепив перекошенные борта, Погуляк со своими друзьями принялись кидать в кузов полуторки доски с раскуроченных кузовов других автомашин и разбитых повозок.

— *Тварі продажні! Ви всі будете прокляті! Ви не солдати, ви звірі! Ви все одно тут всі загинете. Вас як щурів усіх переб'ють!* (Твари продажные! Вы все будете прокляты! Вы не солдаты, вы звери! Вы все равно здесь все подохнете. Вас как крыс всех перебьют!) — отчаянно кричал свои последние слова Маршенко, лежа связанным в кузове полуторки.

Облитый бензином грузовик вспыхнул ярким пламенем. Горел разорванный тент, разгораясь, трещали доски изрешеченного осколками кузова, черный дым клубами стал подниматься в темное небо. Стонал в судорогах объятый пламенем Колесниченко, принимая в бессознательном состоянии страшную смерть. Отчаянные крики Тихона, безнадежно пытающегося вырваться из огня, заглушали радостные возгласы коллаборационистов. Те, в свою очередь веселясь, наблюдали за тем, как мучились красноармейцы, умирая в жестоких муках.

— *Ось добре, смаженими москалями стало пахнути* (Вот хорошо, жареными москалями запахло), — слышались возгласы.

— *Усі в пеклі згорите, кляті комуністи* (Все в огне сгорите, проклятые коммунисты), — одобрительно вторили им другие.

Через несколько минут у объятой пламенем полуторки с треском упал изрешеченный осколками подгоревший борт. Лежавшее в кузове тело Колесниченко упало на землю и, полая огнем, на несколько метров откатилось от горячей машины. Увидев такую картину, Филипп, раздраженный тем, что нарушились его планы, яростно стал кричать на своих солдат:

— *Ви що, не могли нормально в кузові цього москаля покласти, що тепер він, як належить ворогові, згоріти не може?! І до машини тепер не підійдеш, щоб його знову туди закинуть!* (Вы что, не могли нормально в кузове этого москаля положить, что теперь он, как положено врагу, сгореть не может?! И к машине теперь не подойдешь, чтобы его опять туда закинуть!) — орал Коваль на своих солдат.

Проявляя недовольство, Филипп осматривал злобным взглядом тех, кто закидывал красноармейцев в кузов полуторки. Вдруг перед его взором внезапно возникла раненая лошадь. Ее выбитый осколком глаз ужасающе кровоточил, а упряжь от разбитой телеги нелепо волочилась за несчастным животным.

— *Прив'яжіть москаля до цього коня, і нехай він віднесе його туди, куди буде дивитися його єдине око* (Привяжите москаля к этой лошади, и пусть она унесет его туда, куда будет смотреть ее единственный глаз), — в ярости распорядился Филипп.

Погуляк и Скопан первыми откликнулись на его приказ. Чертыхаясь на неудобства, они стали перевязывать еще дымящееся тело Колесниченко колючей поволокой, разматывая ее с катушки. Еще несколько бойцов Ковалья активно помогали своим друзьям, одобряя план своего командира.

— *Зачекайте, я зараз збігаю. Я швиденько* (Подождите, я сейчас сбегаяю. Я быстренько), — обратился с неожиданной просьбой к своим друзьям Панас, неуклюже удаляясь в сторону.

— *Куди побіг цей божевільний?* (Куда побежал этот сумасшедший?) — спросил Филипп, наблюдая за действиями своего бойца.

— *А хто його знає, може, обо... вся?* (А кто его знает, может обо... лся?) — смеясь, ответил Любомир своему старшему брату, постукивая от холода подошвами сапог друг о друга.

— *Надійніше прив'яжуть, щоб він цього разу не зірвався* (Надежнее привязывайте, чтобы он в этот раз не сорвался), — наказывал подчиненным Филипп, когда его люди крепили к упряжке раненой лошади обмотанное колючей проволокой тело Колесниченко. С ведром в руках прибежал запыхавшийся Погуляк.

— *Що ти там притягнув у відрі* (Что ты там притащил в ведре)? — обратился командир к задыхающемуся от бега Панасу.

— *Підпалити треба цього москаля. Що толку, що кінь його просто так по землі тягти буде?* (Поджечь надо этого москаля. Что толку, что лошадь его просто так по земле тянуть будет?) — с задором сказал Погуляк.

Не успел Филипп и рта открыть, как Панас с размаха выплеснул из ведра бензин на скрученное проволокой тело Колесниченко. От тлеющей ватной куртки бензин вспыхнул ярким пламенем; повстанцы, стоящие рядом, отпрянули, а несчастное животное, испуганное вспышкой огня, рвануло с места. Преследуемая пламенем, лошадь понеслась прочь, унося полыхающее тело Колесниченко, которое, подпрыгивая на ухабах, все дальше и дальше удалялось от центра села.

Когда красноармейцев стали бросать в кузов машины, Дмитрук-младший ушел, не желая видеть людские муки. Он достаточно насмотрелся на это еще до сегодняшней ночи. Не хотел Дмитрук представлять себе и то, что сейчас вытворял над контуженым старшиной Кирилл Олияр.

Картина была ужасной. Озверевший Олияр, надрезав живую плоть, пытался вывернуть ногу старшины в коленном суставе.

— Он як комуністична кров хльостає (Вон как коммунистическая кровь хлещет), — цинично удивлялся Олияр, вытирая окровавленное лицо рукавом кителя. — *Чим більше її проллете, тим менше вас залишиться* (Чем больше ее прольете, тем меньше вас останется), — обратился он к измученному от пыток Мельниченко. — *Василь, допоможи мені суглоби йому вивернути* (Василий, помоги мне суставы ему вывернуть), — просил Олияр помощи.

Вдвоем они рванули ногу Тихона вверх, упершись сапогами ему в колено. Нога с пронзительным хрустом вывернулась, и Мельниченко, тихо застонав, потерял сознание. От услышанного звука Николай Дмитрук вздрогнул. Ему крайне неприятно было видеть то, что в этом безумстве принимал участие его отец. Он молча подошел к Олияру, отдал ему гвозди и ушел прочь, чтобы не видеть кровавой расправы.

— *А тепер я партійний квиток в твоє красноармійське серце заб'ю, щоб ти з ним на той світ подався* (А теперь я партийный билет в твое красноармейское сердце забью, чтоб ты с ним на тот свет отправился), — радостно воскликнул Олияр. — *Тримай!..* (Держи!..) — обратился он к Василию. — *Зараз він у нас справжнім комуністом стане* (Сейчас он у нас настоящим коммунистом станет), — Олияр положил на грудь Мельниченко его партийный билет.

Василий Дмитрук взялся приставлять гвозди, а Олияр ударами приклада стал один за другим забивать их в грудь старшины; его тело содрогалось от каждого удара.

— *Ти дивись, який живучий! Напевно, радянська влада сили йому дає?!* (Ты смотри, какой живучий! Наверно, советская власть силы ему дает?!) — удивился Дмитрук, глядя на вздрагивающее тело старшины.

— *Ось, інша справа, нехай помучиться. Буде знати, що даремно він червоноармійську форму одягнув. І інші москалі нехай знають, що їх чекає* (Вот, другое дело, пускай помучается. Будет знать, что напрасно он красноармейскую форму

надел. И другие москали пусть знают, что их ждет), — торжествуя, комментировал свою расправу Олияр, намереваясь в сегодняшней поставит точку.

Он со своим верным помощником вывернул у безжизненного тела Мельниченко второй коленный сустав и, подняв с земли шинель, как мясник с колхозной бойни, пошел смывать с себя кровь.

— *Ну ти сьогодні, Кириле, в ударі, що на тебе найшло?* (Ну ты сегодня, Кирилл, в ударе! Что на тебя нашло?) — спросил Иван Гриб, поливая холодной водой окровавленные руки Олияра.

— *Я цим гадам до кінця свого життя буду мстити за те, що вони мого батька й молодших братів заарештували — і де вони зараз, досі ніхто не знає. А ще ці чортові комуністи дві родини з нашого села з будинків серед зими витягли і відправили до Сибіру, разом з дружинами та дітьми малими* (Я этим гадам до конца своей жизни мстить буду за то, что они моего отца и младших братьев арестовали — и где они сейчас, до сих пор никто не знает. А еще эти чертовы коммунисты две семьи из нашего села из своих домов вытащили и среди зимы в Сибирь выслали, вместе с женами да детьми малыыми).

— *Так це ж наші, українські комуністи все творили, не москалі. І не цей старшина їх арештовував та у вагони заганяв* (Так это же наши, украинские коммунисты все творили, не москали! И не этот старшина их арестовывал да в вагоны загонял).

— *А мені тепер все одно, хто там був і кого не було. Наказали б цьому, і він би їх багнетом підганяв, коли вони в вагони сідали. Для мене всі, хто з Радами заразом, — особисті вороги. А якщо хто ще й комуніст, то йому взагалі пощади не буде. Так що ти, Иван, знай, чому я до москалів такий недобрый* (А мне теперь все равно, кто там был и кого не было. Приказали бы этому, и он бы их штыком подгонял, когда они в вагоны садились. Для меня все, кто с Со-

ветами заодно, — личные враги. А если кто еще и коммунист, то ему вообще пощады не будет. Так что ты, Иван, знай, почему я к москалям такой недобрый), — жестко ответил Кирилл. В его сверкающих глазах даже в темени можно было видеть звериную злость.

— *А я що? Я так... просто запитаю. Я розумію* (А я что? Я так... просто спросил. Я понимаю), — постарался оправдаться за свой неудобный вопрос Иван Гриб.

Собирая оставшиеся трофеи в свои машины и бронетранспортеры, гитлеровцы стали собираться в центре села. Гмыря нервно курил одну сигарету за другой, ожидая результата своей разведки. Отправленная группа в первую очередь обследовала указанный им фольварк, за которым он теперь наблюдал со стороны. Время невыносимо тянулось, отчего сердце лихорадочно колотилось в его груди. Наконец Гмыря увидел торопящихся к нему с докладом разведчиков. Не выдержав напряжения, он сам пошел им навстречу.

— *Ну, що там?* (Ну, что там?) — с трепетом в душе спросил Степан.

— *Паночка з прислугою в хаті, більше нікого немає. Ми все добре перевірили* (Панночка с прислугой в доме, больше никого нет. Мы все хорошо проверили), — ничего не подозревая, докладывал старший группы. — *Зараз інші хати перевіряємо, як закінчимо, доповімо* (Сейчас остальные дома проверяем, как закончим, доложим), — отчитался он, глядя в блестящие глаза разволновавшегося командира.

Затянувшаяся расправа бойцов Гмыри с ранеными красноармейцами стала раздражать капитана Мейера. Он теперь исполнял обязанности командира, замещая погибшего в бою Гюнтера. Уложив трофеи, его солдаты и офицеры собрались возле танков и бронетранспортеров, ожидая команды. Нервы капитана были на пределе. Он никак не мог решиться: оставаться на ночлег в селе или, не задерживаясь, пробиваться к своим?

Наконец вернулась разведка. Ничего утешительного для себя Мейер не услышал. Трасса Халупки — Кельце полностью контролировалась советскими войсками. Уходить ночью другой дорогой по незнакомой местности было не менее опасно, чем прорываться по шоссе. Люди, измотанные в боях, сильно устали. Они не спали двое суток, чувствовалось нервное напряжение. Бойцам требовался отдых. Еще раз обдумывая сложившуюся обстановку, Мейер решил остаться на ночь в населенном пункте. «Надо дать возможность людям отдохнуть и ранним утром с бойцами из охранного полка вместе прорываться из окружения», — решил Гельмут. Он дал распоряжение Степану выставить караульных и остановиться на ночлег здесь, в Халупках. Услышав команду капитана, Гмыря облегченно вздохнул. С довольным лицом он повернулся к Зозуле.

— *Броніслав, розпорядись, щоб виставили пости, і, як звільнишся, пішли зі мною* (Бронислав, распорядись, чтобы выставили посты, и, как освободишься, пойдём со мной), — как-то тихо и взволнованно обратился к своему другу и недавно назначенному заместителю Степан.

Отдав команду подчиненным, Бронислав зашагал с Гмырей к фольварку, который вот уже несколько часов кряду не давал его командиру покоя.

— *Капітан вирішив заночувати тут, у селі. Не найкраща ідея. Ради воювати навчилися. Якщо вчасно не піти, вранці вони можуть накрити і нас, і німців. Я вирішив так: караул все одно буде з наших людей, виставимо пости і через годину-півтори, як все заспокоїться, потихеньку підемо з села. У німців свій шлях, у нас — свій. Документи, червоноармійська форма і цивільний одяг у нас є, будемо невеликими групами пробиратися на батьківщину* (Капитан решил заночевать здесь, в селе. Не самая подходящая идея. Советы воевать научились. Если вовремя не уйти, утром они могут накрыть и нас, и немцев. Я решил так: караул все равно будет из наших людей, выставим посты и через час-полтора, ко-

гда все успокоится, потихоньку уйдем из села. У немцев свой путь, у нас — свой. Документы, красноармейская форма и гражданская одежда у нас есть. Будем небольшими группами пробираться на родину), — делился Степан своими дальнейшими планами. За разговорами они подошли к старинному фольварку.

Крытый оранжевой черепицей добротный дом имел на обширном дворе многочисленные хозяйские постройки. От крестьянских хат, стоящих поодаль и в большинстве своем крытых соломой, он отличался своим величием. Из открытой двери на незваных гостей пахнуло теплом домашнего очага. При ярком свете ламп гостей встретила молодая красивая женщина лет двадцати с небольшим. Бросалось в глаза то, что она сильно взволнованна. Было очевидно, что панночка перепугана произошедшим в селе переполохом. События нынешнего вечера быстро менялись. То должны были на ночлег остаться советские солдаты, то неожиданно началась стрельба, то так же внезапно в дом ввалились бойцы вермахта. Мысли путались в ее голове, и она не знала, что может произойти сейчас. Но что-то еще весь сегодняшний день пани Новак не давало покоя. Но что?

Муж Марьяны Новак был человеком деловым и хозяйственным. Еще в тридцать девятом году, сразу после нападения Германии на Польшу, он в один из сентябрьских дней уехал по делам в Варшаву, а назад домой так и не вернулся. Никто больше пана Новака ни живым, ни мертвым не видел. Что с ним могло произойти, для всех так и осталось загадкой. Слухи, как всегда, ходили разные, но так слухами и остались.

Бог им не дал детей, и теперь Марьяна проживала одна с прислугой в небольшой усадьбе, купленной молодоженам после свадьбы родителями мужа. Супруга своего она не любила, а была выдана замуж по велению родителей; так тогда было принято. В первые дни исчезновения мужа пани Новак каждый раз вздрагивала при любом постороннем звуке

в ожидании своего благоверного, но со временем чувства притупились, и она окончательно потеряла надежду на его возвращение. А вот сегодня ее душа по-особенному трепетала. Женщину не обманешь! Своим недремлющим и нежным сердцем она чувствует ту свою единственную любовь и во времени, и на расстоянии. Оно нервно билось, когда пришел молодой офицер Красной армии по поводу ночлега своих бойцов. В страхе беспокойно билось, когда начался обстрел; колотилось как сумасшедшее, когда зашли разведчики Гмыри, но сейчас оно не билось, оно вылетало из молодой груди, хотя даже при хорошем освещении Марьяна не смогла сразу разглядеть и узнать вошедших в ее дом людей.

«Чорт візьми, вона, як і раніше, прекрасна! (Черт возьми, она по-прежнему прекрасна!)» — взволнованно подумал Степан, не отрывая взгляда от лица своей возлюбленной.

— *Ну здрастуй, Марічка* (Ну здравствуй, Маричка), — выдохнул наконец он, проходя в центр комнаты.

Марьяна вздрогнула, услышав до боли знакомый голос. Ее нежные пальцы стали нервно перебирать шелковую ленту, аккуратно заплетенную в тугую косу.

— *Добрий вечір, Степан!* (Добрый вечер, Степан!) — ображаясь на глазах, радостно воскликнула Марьяна. — *А я знала, що ти мене знайдеш* (А я знала, что ты меня найдешь), — двигаясь навстречу, радостно выпалила она и повела бровью так, что тело Степана будто стрелой пронзило напряжением в тысячу вольт. — *Проходьте, проходьте, прошу вас, сідайте* (Проходите, проходите, прошу вас, присаживайтесь), — принялась приглашать гостей хозяйка на украинском языке с легким польским акцентом, искоса глядя при этом на Зозулю, который с первых секунд визита почувствовал себя как-то неловко.

«Не до добра це, зовсім не до добра (Не к добру это, совсем не к добру)», — забеспокоившись, подумал Бронислав, глядя на ослепленного любовью командира, лицо которого как

начищенный медный пятак светилось от счастья. Это сразу бросалось в глаза.

— Я, напевно, піду, Степан. Треба швидше зібрати трофеї і готуватися до відходу (Я, наверное, пойду, Степан. Надо побыстрее собрать трофеи и готовиться к отходу), — заторопился Зозуля, чтобы оставить влюбленных наедине.

— Не квапся, сїдай. Може, господарка нас добрим вином пригостити хоче. А ти йти зібрався (Не торопись, присядь. Может, хозяйка нас хорошим вином угостить хочет. А ты уходишь собрался), — загадочно обратился к нему Гмыря, взволнованно теребя кожаные перчатки. Глянув на Марьяну из-под бровей, он заранее ждал от нее положительный отклик.

— Чому ж не пригостити бажаних гостей гарним вином? Для хороших людей у хаті напій і міцніше знайдеться (Отчего же не угостить желанных гостей хорошим вином? Для хороших людей в доме напитков и покрепче найдется), — сверкнув огоньками глаз, весело произнесла молодая хозяйка, торопясь за бутылью крепкого спиртного.

С годами тело Марьяны приобрело красивые женственные формы. Многим мужчинам своего села пани Новак будоражила воображение и регулярно ловила на себе томные взгляды односельчан. Невозможно было равнодушно пройти мимо такой красивой женщины, не обратив на нее внимания. Нередко таким ротозеям попадало от их ревнивых жен. Для достижения своей цели она поспешила незамедлительно применить это секретное оружие женщин. Заранее одетый наряд подчеркивал точеные изгибы ее безупречной фигуры, и для того, чтобы усилить этот эффект, Марьяна совершала такие движения бедрами, что при очередном повороте Степан и сам не понял как, но принял решение, что ночевать его рота остается здесь, в Халупках. Не успел Бронислав присесть на стул, как был ошарашен внезапными переменами в намеченных ранее планах.

— *Ночувати ми залишаємося в селі. Будемо йти завтра рано вранці* (Ночевать мы остаемся в селе. Будем уходить завтра ранним утром), — поднявшись, распорядился Гмыря, расстегивая пуговицы своего кожаного плаща.

— *Степан! Це ризиковано! Ми завтра не встигнемо піти, нас червоні накриють! Ти ж сам казав про це* (Степан! Это рискованно! Мы завтра не успеем уйти, нас красные накроют! Ты же сам говорил про это), — оторопев, стал возражать Зозуля, понимая опасность решения, принятого командиром в порыве любовной страсти. — *Не мені, Степан, тобі поради давати, але в нашій справі головне — вчасно піти, ти ж знаєш!* (Не мне, Степан, тебе советы давать, но в нашем деле главное — вовремя уйти, ты же знаешь!) — вставая со стула, продолжал настаивать Бронислав, пытаюсь хоть как-то отрезвить опьяненного любовью друга. «*Ох, не до добра це усе* (Ох, не к добру все это)», — вновь подумал Бронислав.

— *Німці залишаються до ранку в селі, залишаємося і ми. Виставляйте посилені дозори з усіх боків, хлопців своїх розподіли по крайніх хатах, ближче до фольварку. З села ми підемо раніше німців і до них більше ніколи не повернемося. Відійдемо подалі від села та будемо повертатися в Україну. Усе! Я так вирішив!* (Немцы остаются в селе до утра, остаемся и мы. Выставляйте усиленные дозоры со всех сторон, людей своих распредели по крайним хатам, ближе к фольварку. Из села мы выйдем раньше немцев и к ним больше никогда не вернемся. Отойдем подальше от села и будем возвращаться на Украину. Всё! Я так решил!) — повелевал Степан таким тоном, что Бронислав не пытался более возражать.

— *Та зрозумів я, зрозумів* (Да понял я, понял), — ответил Бронислав, выходя из теплой хаты в холодную ночь января.

* * *

Прошло полчаса, когда группа из четырнадцати солдат и одного офицера собралась на лесной поляне, за которой узкая дорога уходила через извилистую просеку на восток.

— Ну что, товарищи красноармейцы, дозорных выставили, дальше будем действовать согласно обстановке, — потирая руки, обратился к своим подчиненным Штейн. — Поспать, товарищи, сегодня вряд ли кому посчастливится, — добавил лейтенант.

— Конечно, товарищ лейтенант, не сидеть же сложа руки, — последовал ответ Тёмина. Никто из людей о ночлеге и не думал, надо было действовать сейчас.

— Тогда так! В первую очередь надо организовать разведку для поиска штаба и для сбора данных о противнике, ну и, конечно, наладить связь, — делился планами Штейн. Спрыгивая с повозки, он вспомнил далекий сорок второй год.

Дело было на берегах Дона. Тогда Григорий Анисимович исполнял обязанности начальника разведки дивизиона и ему, молодому лейтенанту, надо было организовывать операцию по обнаружению вражеских огневых точек. Операцию он выполнил успешно, за что в дальнейшем и был представлен к награде.

— Василий! Прусов! Рация твоя здесь? — спросил Штейн, высматривая в темноте радиста.

— Так точно, товарищ лейтенант, со мной. Сейчас, еще немного времени — и связь наладим, — решительным голосом ответил проворный Прусов, поправляя антенну своей радиостанции. — Не переживайте, один момент, и мы ее настроим, — уверил он своего командира.

Прусов хорошо знал свое дело. Радистов, равных ему, в полку не было.

— Ты мне, Вася, сразу организуй связь со штабом полка и с дивизионами. С дивизией свяжемся только в том случае, если с полком связаться не получится, — велел ему лейтенант, обдумывая ход следующих мероприятий.

— Я думаю, товарищ командир, на разведку к деревне надо будет отправить Лаврушина, Ефима и Дружинина. От зоркого глаза Лёшки вряд ли что ускользнет. Должный

опыт разведчика при выходе из окружения у него есть. Ефим ему в помощь, а Дружинин будет связь держать. Так мы сами будем в курсе событий, да и можно об обстановке в штаб докладывать, — предложил Тёмин, с опаской поглядывая на пожары в селе.

— Тогда так и сделаем, — поддержал лейтенант предложение своего сержанта. — Толя, бери телефон, катушку и с Алексеем и Ефимом — к селу на разведку. Здесь с вами связь будет держать Витков. Ваня, тебе все понятно? — обратился к Виткову Штейн.

— Так точно, товарищ командир, я все понял, — откликнулся Витков, вытаскивая из недр подводы свой телефонный аппарат.

— Значит, так... Лёша, ты будешь старший группы. Сменишь должность телефониста на разведчика. Тем более опыт у тебя уже есть. Вспомни, как в сорок третьем с офицерами штаба артиллерии дивизии из окружения выходил. Помнишь?!

— Еще бы... Конечно помню, товарищ командир.

— Тогда с вами еще Мельник пойдет в помощь, он тоже парень глазастый. Смотрите в оба, ничего без внимания не оставляйте. Главное, узнать, сколько у них бронетехники, орудий, какие калибры и сколько автомашин. Если повезет, посчитайте и количество солдат. И помните: они там тоже не лыком шиты и свои посты наверняка давно выставили. Поэтому не нарвитесь на них, сами погибнете и дело завалите. По-глупому на рожон не лезьте, — раздавал команды Штейн, не строго, но по-отечески, с заботой.

— Может, «языка» взять? — робко предложил Мельник, сжимая в руках свой карабин.

— Я тебе возьму «языка»! — взорвался лейтенант, глядя на осмелевшего связиста. — Ты сам в плен не попадись, тоже мне, профессиональный разведчик. Я же ясно сказал: на рожон не лезть! — требовал командир. — А то точно у меня по шее получишь! Все, что увидели, услышали, — через

Анатолия по телефону передали! На этом все! Никакой самодетельности. И еще, Лёша, тебе, как старшему: Дружинина близко к селу не подтягивайте. Пусть он от вас в ста пятидесяти, максимум двухстах метрах находится, чтобы по телефону свободно говорить мог. А то придется ему под носом у врага шепотом ваши сообщения нам передавать, — объяснял новоявленным разведчикам Штейн. — Саня, проверь их экипировку и отправляй. Да! И дозоры проверяй, пока нас здесь немцы не перебили, как куропаток, — строго указал командир на меры предосторожности.

— Есть, товарищ лейтенант, будет исполнено, — козырнул Тёмин, отправляясь исполнять приказ.

Люди, получившие задание, незамедлительно приступили к своим обязанностям.

— Так, теперь ваша группа, Ваня, — обратился Штейн к Топчаку. — Ты с Лёней Дырявко и Семёновым отправишься на поиски штаба.

— Есть отправиться на поиски штаба, — козырнул Топчак, соблюдая военную выправку.

— Если будут на пути попадаться наши бойцы, отправляйте их к штабу, если, конечно, его обнаружите. Если нет, тогда людей направляйте к нам. Действуйте по обстоятельствам. В основном все наши группы на восток прорывались. Мы сейчас на востоке от деревни и находимся. Думаю, надо начать с юго-восточной стороны. Оттуда, — показал направление Штейн. — Обследуете этот участок и, как управитесь, придете доложите мне, а потом уже пойдете на северо-восточную окраину. Двигайтесь по лесу осторожно, не заблудитесь в ночи и, самое главное, по глупости не нарвитесь на неприятеля. Задача понятна? — обратился лейтенант к Топчаку.

— Так точно, товарищ командир, — заверил Иван.

Лицо Топчака было сосредоточенно. Он со знанием дела осмотрел свое оружие. Глядя на него, Дырявко с Семёновым тоже проверили свои карабины на боеспособность.

— Ну все, отправляйтесь, — велел командир.

— Есть, — ответили бойцы и, развернувшись кругом, отправились на задание.

«Где же офицеры штаба, разведчики, цело ли знамя полка? — без конца прокручивал в голове мысли Штейн. — Думаю, что прорвались... Не может же быть такого, чтобы все погибли или попали в плен, — переживал он за судьбу полка и однополчан. — Ладно, чего гадать, надеюсь, Топчак с ребятами все вскоре выяснят».

— Саня, держи на контроле телефонную связь с Ефимом. Я возле радики буду, — отдал Штейн распоряжение Тёмину, наблюдая, как Прусов сосредоточенно настраивает радию.

Через час Дружинин по телефону передавал первые результаты разведки своей группы. Прусов установил надежную связь со штабом полка и с дивизионами, а Топчак со своей группой вышли на офицеров штаба и разведчиков, расположившихся в лесу юго-восточнее деревни Халупки. Развернув штаб прямо в лесу, командир с офицерами артполка готовили на утро операцию по ликвидации гитлеровской боевой группы, захватившей село. Ближе к полуночи в штабе дивизии связисты беспокоили командование новыми данными, передавая их в штаб корпуса. Прошло не более часа времени, как батальон мотоциклистов и рота танков из резерва штаба корпуса выдвинулись на боевую операцию.

* * *

Гмыря нежился в теплой постели своей голубоглазой Марьяны, за всю ночь так и не сомкнув ни на минуту глаз. Ласки его возлюбленной так заморозили и помutilи его разум, что он напрочь забыл про свой долг перед Родиной, который возложил на себя еще много лет тому назад.

— *Ти знаєш, а я тебе полюбила ще з того першого дня, коли ти свататися до своєї майбутньої дружини приїжджав. Я ще тоді загадала, що ти все одно будеш моїм!* (Ты знаешь, а я

тебя полюбила еще с того первого дня, когда ты свататься к своей будущей жене приезжал. Я уже тогда загадала, что ты все равно моим будешь!) — шептала Марьяна, положив голову ему на грудь. — *А ти на мене теж тоді поглядав, я ж бачила!* (А ведь ты на меня тоже тогда посматривал, я же видела!) — глядя в уставшие глаза Степана, хитро улыбалась истосковавшаяся по мужской ласке Марьяна.

— *Звичайно дивився, бо ти мені подобалася більше, ніж моя наречена, і якби не воля батьків, то я б на тобі одружився. Ось і сьогодні, як дізнався, що в твоє село прибули, за першої ж нагоди до тебе поспішив. А як побачив, так відразу зрозумів, що відразу піти від тебе не зможу* (Конечно смотрел, потому что ты мне нравилась больше, чем моя невеста, и если бы не воля родителей, то я б на тебе женился. Вот и сегодня, как узнал, что в твое село прибыли, при первой возможности к тебе поспешил. А как увидел, так сразу понял, что сразу уйти от тебя не смогу).

— *А ти забереш мене звідси? Я ж без тебе нудитися буду. Ну, скажи, що забереш!* (А ты заберешь меня отсюда? Я же без тебя скучать буду. Ну, скажи, что заберешь!) — начала настаивать Марьяна, переживая за свое будущее. — *Візьми мене в свій загін, я без тебе жити тепер не зможу. Я всі ці роки тільки про тебе і думала, кожен день тебе чекала. Мріяла: раптом ти зараз до мене прийдеши?! Мені щовечора здавалося, що двері зараз відкриються — і ти з порога увійдеши в мій будинок. Ти не уявляєш, як важко одній жити. Жити і кожен день чекати. Я прошу тебе: візьми мене з собою* (Возьми меня в свой отряд, я без тебя жить теперь не смогу. Я все эти годы только о тебе и думала, каждый день тебя ждала. Мечтала: а вдруг ты сейчас придешь?! Мне каждый вечер казалось, что вот сейчас дверь откроется — и ты с порога войдешь в мой дом. Ты не представляешь, как это трудно — одной жить. Жить и каждый день ждать. Я прошу тебя: возьми меня с собой), — умоляла его Марьяна, уставшая на чужбине от тоски и одиночества.

— *З собою я тебе не візьму. Не могу. Це небезпечно. Не жіноча це справа — по лісах шастати. А як влаштуюся на батьківщині, знайду спосіб, як звідси тебе забрати* (С собой я тебя не возьму. Не могу. Это опасно. Не женское это дело — по лесам шастать. А как устроюсь на родине, найду способ, как отсюда тебя забрать), — возразил Степан, скидывая одеяло. — *Гаразд, час мені збиратися, нам треба йти* (Ладно, мне пора собираться, уходите нам надо), — заявил он, сменив тон.

Беседа на эту тему не клеилась. В доверчивых, широко раскрытых глазах Марьяны показались капельки слез. Она устала ждать. И вот через столько лет ожиданий в душе затеплилась какая-то надежда, но теперь и она медленно увядала. Зная крутой нрав Степана, Марьяна больше ничего не предлагала и не приставала со своими просьбами. Поднявшись с постели, она принялась собирать возлюбленного в дорогу.

Январская ночь обдавала холодом. Выйдя на морозный воздух, Степан закурил, наблюдая, как осторожно собираются в дорогу бойцы его роты. Важно было сделать это втайне от Мейера. Подошел Бронислав, поздоровавшись, он сообщил, что дорога свободна и они могут выдвигаться в путь.

— *Тоді з Богом* (Тогда с Богом), — махнул рукой Гмыря и повернулся, чтобы попрощаться с любимой. Она, еще тайя в себе робкие надежды, стояла на крыльце в наспех накинутом на плечи пальто. Улыбаясь сквозь слезы, Марьяна прильнула к его груди. Обняв, Степан расцеловал ее заплаканное лицо и, пообещав вернуться, пошел к своим грузовикам, стоявшим на большом расстоянии от села.

— *Коханий мій, повертайся. Бережи тебе Бог. Я буду чекати тебе* (Любимый мой, возвращайся. Храни тебя Бог. Я буду ждать тебя), — шептала Марьяна, перекрестив Степана вслед. Стоя у дверей своего дома и дрожа от холода, она долго наблюдала, как стоявшие вдалеке машины, оку-

танные парами выхлопных газов, стали медленно удаляться.

Светало. Степан еще ощущал на своих руках запах нежного тела своей любимой, когда увидел едущий им навстречу дозорный мотоцикл. В развороте мотоциклист резко затормозил. Двигатель раздражающе ревел. Разведчик, не переставая, продолжал рывками накручивать акселератор.

— *Танки! Радянські танки попереду!* (Танки! Советские танки впереди!) — кричал он взахлеб, глядя на командира перепуганными глазами. Что-то пытался сказать и пулеметчик. Он то и дело приподнимался в мотоциклетной люльке, стараясь подтвердить слова своего товарища.

— *Не кричи як скажений! Передові дозори, розвідка, секретити! Куди дивилися, чорт візьми?!* (Не ори как бешеный! Передовые дозоры, разведка, секреты! Куда смотрели, черт возьми?!) — возмущался Гмыря, не понимая, как могло такое произойти.

— *Вони іншою дорогою в тил їм вийшли і на нас нарвалися* (Они другой дорогой в тыл им вышли и на нас нарвались), — испуганно говорил дозорный, то сбрасывая, то увеличивая обороты двигателя своего мотоцикла.

— *Та заглуши ти свій драндулет!* (Да заглуши ты свой драндулет!) — крикнул взбешенный новостью Степан, кинув свою перчатку в лицо мотоциклисту. Двигатель заглох. — *Так, а ви що?* (Ну, а вы что?)

— *А що ми проти танків?! Вони з кулеметів як врізали! Так хто живий — в куці, а ми до вас* (А что мы против танков?! Они из пулеметов как врезали! Так кто живой — в кусты, а мы к вам), — продолжал возбужденно говорить дозорный, постоянно оглядываясь назад.

С тыла растянувшейся колонны послышался шум, потом и выстрелы. Машины и бронетранспортеры встали. Выпрыгивая из кузовов, бойцы стали занимать позиции.

— *А позаду що, теж танки?* (А сзади что, тоже танки?) — злобно кричал Гмыря, осознавая свою ошибку.

— *Мотоциклісти з кулеметами! Мотоциклісти!* (Мотоциклисты с пулеметами! Мотоциклисты!) — последовал предупредительный крик по колонне.

— *Я так і знав! Я це відчував! Адже я ж попереджав!* (Я так и знал! Я это чувствовал! Ведь я же предупреждал!) — бурчал себе под нос Бронислав, отдавая команды. «Эх, Степан, Степан!» — упрекал он за глупый ночлег командира, наблюдая, как в рядах роты началась бессмысленная суматоха.

Бронислав не новичок в армии и прекрасно понимал, что нельзя оставаться надолго там, где совершили налет. Вот теперь расплата за просчет: окружение, а возможно, плен или смерть. С левой стороны колонны была открытая низина, в центре которой находилось озеро. За озером чернел густой лес. Оценивая обстановку, Степан принял еще одно роковое в своей жизни решение.

— *Поки основні сили Рад підтягнуться, ми під прикриттям мінометів кидком підемо в той ліс* (Пока основные силы Советов подтянутся, мы под прикрытием минометов броском уйдем в тот лес), — распорядился он, указывая командирам в сторону озера.

— *Не встигнемо, Степан, ми вже запізналися. Нас просто до озера притиснуть: бачиш, як Ради тиснуть?* (Не успеем, Степан, мы уже опоздали. Нас просто к озеру прижмут: видишь, как Советы давят?) — возражал Бронислав, пригибаясь от свистящих пуль. — *Тут в цей ліс йти треба! Ось він, поруч. Навіщо крізь відкрите поле бігти?!* (Здесь в этот лес уходить надо! Вот он, рядом. Зачем через открытое поле бежать?!) — продолжал спорить Зозуля, видя просчет в принятом командиром решении.

Гмыря замешкался. В душе он ругал себя за то, что оставил роту на ночь в селе, и проклинал Советы за то, что застали их на марше, но своего решения не поменял.

— *Я сказав, до озера йдемо! Значить, до озера!* (Я сказал, к озеру уходим! Значит, к озеру!) — закричал в ярости Степан, краснея от злости. — *Ти бачиш, москалі з цього лісу*

на нас йдуть, значить, вони його обклали. Тому й кажу вам: всім до озера відходити! До озера! (Ты видишь, москали из этого леса на нас идут, значит, они его обложили. Потому и говорю вам: всем к озеру отходить! К озеру!)

Его бойцы из спасительного леса ринулись на открытую местность. Малочисленные минометные расчеты и бронетехнику Гмыри советские танкисты подавили с ходу, не дав им сделать ни единого прицельного выстрела. Свершать такой маневр было глупо, роту прижимали с трех сторон, и должную оборону бойцы занять уже не могли. Беспорядочное отступление вскоре превратилось в паническое бегство. Коллаборационистов умышленно гнали вниз по ложбине. Мотоциклисты, поливая свинцом из пулеметов, сгоняли солдат охранной роты вермахта к озеру, не оставляя в живых даже тех, кто пытался сдаться в плен. Когда первые бойцы Гмыри темными пятнами зачернели на льду озера, танки выпустили несколько фугасных снарядов по припорошенной снегом тонкой ледяной глади, отчего на поверхность фонтанами хлынули потоки ледяной воды.

Кирилл Олияр, прекрасно понимая безысходность своего положения, не прицеливаясь, отчаянно палил из пулемета, срывая в проклятиях голос. Безуспешно он старался забрать с собой на тот свет кого-нибудь из своих заклятых врагов. Отчаяние — это последняя стадия обороны или атаки, но, как правило, исход один: смерть. Получив пулю, которая разорвала ему половину черепа, он упал рядом со своим дымящимся пулеметом.

Отстреливаясь, Дмитрук-старший вдруг увидел, как его сын поднял руки, пытаясь сдаться на милость врагу, увидел он и то, как безжалостно Николая скосила пулеметная очередь.

— *Микола! Синку!* (Коля! Сынок!) — отчаянно закричал Василий, со всех ног бросаясь к родному человеку. — *Що ти наробив? Синку ти мій рідний. Навіщо, Микола?!* (Что ты наделал? Сынок ты мой родной. Зачем, Коля?!) — надрываясь

до хрипоты, кричал Василий, глядя, как у него на глазах погибало его дитя. — *Так ти же ще хлопчик, який і життя-то ще не бачив* (Ведь ты еще мальчишка, который и жизни-то не видел), — в отчаянии кричал Дмитрук-старший, хватаясь за голову.

В тот же миг его что-то сильно толкнуло в плечо — раскаленная пуля пронзила тело, и Василий, не издав ни единого звука, упал на берег незнакомого озера.

Ледяная вода уже наполнила сапоги, когда Гмыря со своим заместителем и верным другом Зозулей отступали, безнадежно отстреливаясь от окруживших их Советов. Пулеметчики мотоциклетного батальона безжалостно косили его роту как косой. Пуля вонзилась Степану в бедро, заставив упасть на колени.

«За що я боровся? За що погубив хлопців, які пішли зі мною на цю боротьбу? Скільки я зла створив на своїй землі! Скільки горя приніс людям за своє життя! Хіба правильно я жив?.. (За что я боролся? За что погубил ребят, которые пошли со мной на эту борьбу? Сколько я зла сотворил на своей земле! Сколько горя невинным людям принес за свою жизнь! Разве правильно я жил?..)» — посыпались один за другим вопросы в голове Степана, когда он взглянул в огромное небо с единственным маленьким облачком в его синеве. С силой вторая пуля ударила его в грудь, опрокидывая тело назад. Рядом упал насмерть сраженный адъютант и его верный друг Бронислав Зозуля.

— *Вибачте мене, хлопці, що занастив вас! Пробач мене, рідна Україна! Пробач мене, Господи, якщо зможеш!* (Простите меня, хлопцы, что погубил вас! Прости меня, родная Украина! Прости меня, Господи, если сможешь!) — падая на спину, шептал Степан.

Опрокинувшись навзничь, он упал на осколки льда, и серая, мутная вода скрыла его в ледящем холоде озера. В чистом утреннем небе, расплываясь, одинокое облачко постепенно растаяло, не оставив от себя и следа.

Кто-то из повстанцев пробовал плыть в ледяной воде и через некоторое время бесследно пропадал из виду; кто-то, пытаясь сдаться, падал под градом свинцовых пуль, но ни раненых, ни тем более живых из роты Гмыри не осталось.

Перед рассветом, разбуженные близким боем, люди Мейера обнаружили отсутствие караульных, состоявших из группы охранного батальона. Это обстоятельство вызвало у капитана определенную тревогу, и он дал команду на быстрые сборы. Выстроившись в походную колонну, остатки его группы вышли на западную окраину села. Пропустив вражескую разведку, артиллеристы Семьсот девятнадцатого артполка терпеливо выжидали, когда танки и бронетранспортеры Мейера выйдут на удобную для стрельбы позицию. Колонна тронулась. Когда она достигла отмеченного рубежа, первые снаряды ударили в борта вражеской бронетехники. Три батареи артполка, организовав ночью засаду, расстреляли в упор вражескую колону, а часть немецкой пехоты окружили и уничтожили наши бойцы, отомстив врагу за смерть своих боевых товарищей. Из уничтоженной группы лишь двадцать пленных немецких солдат под конвоем было отправлено в штаб дивизии.

* * *

Мельник замер, когда увидел, что рядом со своим разбитым «студебеккером» в замерзшей луже крови лежит убитый Тумаков. Трофимович был прекрасным человеком, великолепным шофером и, самое главное, лучшим другом Васьки. «Как теперь отреагирует Солянок, когда я сообщу ему об увиденном?» — подумал Алексей, направляясь с недоброй вестью к своему товарищу.

Осторожно шагая по разбитой ночным боем улице, Дружинин вместе с Ефимом Трощенко подошли к дымящемуся остову полуторки. В нескольких метрах от машины Анатолий заметил торчащий в земле штык трехлинейки. Подой-

дя, он увидел проткнутые штыком красноармейские книжки. С трудом выдернув колющее оружие из мерзлой земли, Анатолий взял в руки документы бойцов. Сердце защемило.

— Это же книжки Маршенко и Колесниченко, — крикнул он Трощенко, узнавая фамилии однополчан.

— Толя, посмотри, — сдавленно проговорил Ефим, указывая кивком в сторону сгоревшей машины.

Анатолий увидел среди черного железного остова обгоревшее тело.

— Живьем сожгли, твари, — с дрожью в голосе сказал Трощенко. — Убитых они не казнят. Мучительную смерть принял кто-то из наших друзей, — ударил кулаком по обгоревшему остову Ефим, осматривая то, что осталось от машины. — Здесь только один погибший. Но кто из них сожжен? И где тогда второй? — оглядывался Ефим, ища среди убитых тело второго товарища.

Закрыв глаза, Дружинин на секунду представил себе, что, если бы не Ефим, он мог обугленным трупом лежать рядом, а его друзья смотрели бы на его обгоревшее до неузнаваемости тело. От недосыпания и нахлынувших чувств голова закружилась.

— Ефим! Идите сюда, здесь нашего старшину казнили, — позвал каким-то бесцветным голосом Штейн.

Анатолий выбросил штык и, положив в карман документы погибших ребят, пошел вместе с Трощенко к лейтенанту и Прусову. Леденящая душу картина предстала перед его взором. На земле в луже замерзшей крови с отпечатками в ней немецких сапог лежал с изувеченным до неузнаваемости лицом Мельниченко. Суставы рук и ног старшины зверски вывернуты, к груди гвоздями прибит его партийный билет.

В замешательстве все застыли.

— Не зря он несколько дней в предчувствиях томился, — сказал Тёмин через минуту. — Сердцем чувствовал, как ему умереть придется. Не дай бог никому в таких муках погиб-

нуть, — стиснув зубы, Тёмин присел на корточки возле погибшего друга.

Словно сквозь туман он видел, как, скрывая утреннее солнце, небо вновь затягивают серые тучи.

— Скоты подлые! Не зря вас в озере потопили, как когда-то Александр Невский потопил ливонцев на Ладожском озере. В аду вы все гореть будете, мрази поганые! — надрылся в проклятиях Прусов. — Как можно так издеваться над живыми людьми, какой тварью нужно быть, чтобы вот так изуверски казнить раненых? Я не пойму, у этих людей что, сердца нет? Или они не люди, а звери в человеческом облики? — недоумевал радист.

— Смогут ли сгореть в аду эти утопленные в озере твари, Вася, неизвестно. А вот то, что кого-то из наших друзей, Маршенко или Николая Колесниченко, они в машине живьем сожгли, это уже факт, — указывая на сгоревший остов полуторки, с горечью сказал Анатолий. Еще раз невольно взглянув на истерзанное лицо Мельниченко, он вздрогнул, представив себе, в каких муках тому пришлось умереть. — Возьмите, товарищ лейтенант, красноармейские книжки ребят, — с трудом проговорил Дружинин, протягивая документы Штейну, — штыком их к земле пригвоздили — героизмовали, — вздыхая, подметил он.

Подошел Мельник. Увидев изувеченное тело старшины, он застыл, и его лицо исказилось гримасой боли. У ног погибшего на корточках сидел Солянок, Алексей стоял рядом и никак не решался сказать ему о гибели Тумакова. После минутного молчания он положил руку на плечо сидевшего друга и дрожащим голосом произнес:

— Вась, там Трофимович возле своей машины убитый лежит.

Солянок, изменившись в лице, резко встал.

— Подбитая с гаубицей машина — Трофимовича?! — оторопел он и быстрым шагом пошел к «студебеккеру».

Остальные бойцы поспешили за ним.

— Его же здесь вчера не было! — недоумевал Васька. Не хотелось ему верить в слова Мельника. «Мало ли, может, он ошибся».

— Он приехал незадолго перед налетом, а задержался, потому что помогал товарищу машину чинить! — объяснял на ходу Мельник. — Я успел с ним вчера лишь парой слов перекинуться, и все. Потом обстрел начался. Мне удалось заметить, как он в кабину запрыгнул и стал машину разворачивать, тут два снаряда, один за другим, и шарахнули. Как его убило, я не видел, но то, что возле машины снаряды разорвались, одним глазом узрел. Ну а потом — сами знаете... спасался кто как может, — поведал о вчерашнем вечере Мельник.

Подходя к «студебеккеру», Солянок невольно замедлил шаг, будто пытался оттянуть тот момент, когда пред его глазами вдруг возникнет лицо погибшего друга. Васька видел посреди улицы подбитую технику, но разве он мог среди этого хаоса узнать «студебеккер» Тумакова? Техника была изувечена до неузнаваемости.

Бойцы подошли к телу погибшего товарища и встали перед ним в скорби и душевной боли.

— Накрыло тебя, брат, в самом начале налета, причем двумя осколками одновременно. А для смерти и одного из них было бы достаточно... В неравном бою встретил ты свою смерть, — скорбя по погибшему другу, тихо проговорил Васька, заботливо поправляя окровавленный бушлат Тумакова.

Два вражеских осколка, в голову и в грудь, сразили наполнив их друга еще в первые минуты боя. И теперь он в луже собственной крови безмолвно лежал с застывшей на лице улыбкой, а ветер раздувал его темные, слегка седеющие волосы.

— Трофимович даже смерть с улыбкой на лице принял, — подметил Трощенко.

— Прощай, дружище! Прости, что в последние минуты твоей жизни не был рядом с тобой. Прости... Ты был настоя-

щим солдатом и настоящим другом. Я обязательно напишу письмо твоей жене, Ульяне Сергеевне, что имел честь служить с тобой в одном полку и быть тебе другом, — с болью в сердце промолвил Солянок эти слова, стоя над телом погибшего друга.

По сохранившейся записке из текстолитового пенала вскоре определили, что сожженное тело в полуторке принадлежит Маршенку, но куда пропал Колесниченко, никто не знал.

— Надо еще раз пройти и внимательнее посмотреть, может, где-то среди убитых Николая удастся обнаружить, — настаивал Штейн, переживая за судьбу своего бойца.

И люди вновь занялись поисками, осматривая все улицы и дворы села, заглядывая в лица погибших солдат. Но, как связисты ни старались, ни живым, ни мертвым Колесниченко найти не удалось.

— Если и найдут тело Николая, то похоронят как неизвестного. Смертник-то он с собой не носил, говорил, что примета плохая, — уточнил Тёмин. — А в списках о безвозвратных потерях в графе запишут три слова: пропал без вести. Вот и все! Сгинул друг наш, и вряд ли мы теперь выясним, что с ним произошло. И если погиб, то, как смерть свою принял, тоже не узнаем. А может, это и лучше? — сожалел сержант, опираясь на свой карабин.

Ближе к полудню бойцы взвода связи, попрощавшись со своими погибшими друзьями, стали группироваться с другими подразделениями своего полка и, выстроившись в походную колонну, вновь зашагали на запад: кто навстречу победе, а кто навстречу своей смерти.

ХОЛОДНЫЕ ВОДЫ ОДЕРА

Двадцать третьего января Тринадцатая армия Первого Украинского фронта вышла на государственную границу Германии в районе населенных пунктов Шрейсбердорф, Балдовиц, Гросс-Вартерберг и Шлайзе. Входящая в ее состав Пятьсот тридцатая стрелковая дивизия к двадцать седьмому января своим авангардным полком подошла к главному водному рубежу — реке Одер. Попытка командира Тысяча сто шестьдесят седьмого полка форсировать реку в районе крупного населенного пункта Грозен успеха не принесла.

В течение дня немецкие бомбардировщики неоднократно наносили бомбовые удары по расположению атакующих частей. Враг пытался сковать наши силы и не дать советским войскам возможности сходу форсировать водную преграду. Разведке пришлось немало потрудиться, чтобы изучить местность, оборону противника и расположение его огневых средств.

После сбора разведанных, ранним утром двадцать восьмого января подразделения второго батальона в районе одного километра севернее местечка Мальч пошли на рискованный шаг: сбив немецкую группу прикрытия на восточном берегу, бойцы приступили к форсированию реки подручными средствами. Переправившись, люди закрепились на западном берегу и отчаянно отбивали бесчисленные контратаки противника, который пытался скинуть наших солдат с захваченного плацдарма.

Ранним утром Штейн через посыльного передал приказ: сержанту Тёмину с двумя бойцами связи срочно явиться в штаб. Через несколько минут после полученного приказа Тёмин, Лаврушин и Дружинин стояли в комнате связистов, ожидая своего командира взвода и его дальнейших распоряжений.

Немцы обстреливали Мальч с западного берега. Оглушительные взрывы гремели, озаряя черепичные крыши домов в разных кварталах города. Постепенно темп обстрела стал спадать, наступила подозрительная тишина. Она и была подозрительной, потому что через пару минут снова послышался противный свист и бесконечное число очередей разрывов. На втором этаже каменного здания командир полка собирал своих офицеров на совещание.

Неожиданно в помещение вошел Штейн. Наблюдение за сбором офицерского состава пришлось отложить.

— Товарищ лейтенант, сержант Тёмин с двумя бойцами связи по вашему приказанию прибыли, — доложил Сашка, резко вскидывая руку к виску.

— Очень хорошо. Значит, дело обстоит так! Сегодня ночью один батальон нашей пехоты переправился на западный берег реки, — сосредоточенно и без прелюдий начал Штейн, присаживаясь на стул. — С ними на тот берег переправились наши разведчики и наблюдатели. Находятся они сейчас вот здесь, — указал место на карте лейтенант, разложив ее на столе. — А вот связи, чтобы поддержать ребят огнем наших гаубиц, у нас нет. Вот такое вот дело, — с сожалением причмокнул Штейн.

— Мы, товарищ лейтенант, задачу поняли, — прервал речь командира Тёмин. — Раз надо обеспечить людей связью, значит, надо, — понимающе отозвался Сашка.

— Я, Саня, не сомневаюсь, что вы и без объяснений меня поймете. Только задача, братцы, не из легких, — поджав губы, выдохнул лейтенант. — Понимаете... то, что вода холодная, это полбеда, большей помехой вам при форсировании

реки будет лед. Это он будет вам создавать определенные трудности. Здесь кровь из носу нужна лодка! Вот только где ее взять?! — приподняв брови, озабоченно промолвил Штейн.

— Да уж, задачка... — согласился Дружинин.

— Придется пошарить по окрестностям, — посоветовал Лаврушин. — Раз есть река, значит, где-то и лодки должны быть, — рассуждал Лёшка.

— Оно-то понятно. Только для поиска этой лодки нужно время, а тут каждая минута дорога, — торопил события лейтенант. — Ладно... другого выхода у нас все равно нет, — вздохнул Штейн, смиряясь с обстановкой. — Смотри, Саня! Берег на нашей, восточной, стороне пологий, значит, как Лёшка сказал, есть вероятность, что где-то можно лодку найти. Не думаю, что все плавсредства немцы на тот берег перетащили. Слишком спешно они отсюда сматывались. Если удастся ее раздобыть, то на лодке вам будет сподручнее. И еще хочу вам посоветовать: чтобы облегчить себе задачу, возьмите у старшины топор. Это на тот случай, если придется колоть лед. Он, кстати, по реке сплошным потоком идет. А значит, колоть его чем-то все равно придется, как ни крути. Не зубами же вам его грызть! Ну что, задача понятна? — спросил он еще раз, осматривая своих людей.

— Так точно, товарищ лейтенант, задача ясна. Разрешите выполнять? — козырнул Тёмин, вытянувшись по стойке смирно.

— Тогда слушайте второй боевой приказ, — вдруг заявил командир.

Бойцы насторожились. Что же еще?

— Приказываю, чтобы встретили меня на том берегу живые и без ранений, — улыбнулся Штейн и протянул руку вперед.

— Есть остаться живыми, — в три голоса ответили друзья, смеясь. Обменявшись с командиром рукопожатиями, группа выдвинулась к реке.

Отделение полковой разведки патрулировало пологий, изрытый воронками берег. На мерзлом песчаном грунте искореженная немецкая техника: два бронетранспортера, сгоревший легковой автомобиль, несколько перевернутых мотоциклов и два разбитых разрывами грузовика — «опель» и «мерседес-бенц». Среди техники — разбросанные взрывами оружие, снаряжение, вещи, распластанные в неуклюжих позах трупы немецких солдат. Справа от берега загрохотали глухие выстрелы наших 120-миллиметровых гаубиц. Очевидно, наблюдатели нащупали немецкую батарею, которая обстреливала Мальч.

Переправа еще не налажена. В предутренних сумерках было видно, как по реке сплошным потоком шел лед. В ста пятидесяти метрах справа от того места, где Дружинин с друзьями спустились к берегу, Лаврушин обнаружил рыбацкую лодку.

— Повезло... — радостно произнес Анатолий, когда они втроем по колено в воде подтягивали ее к месту переправы. — Вот повезет ли дальше? — переживал он.

— Повезет и дальше, если мы будем хорошо соображать и быстрее перебирать ногами, — торопил Тёмин, разворачивая корму шлюпки.

С востока забрезжил рассвет — надо торопиться. Дружинин выскочил на берег, подбирая оставленную катушку с проводом и телефон. Все необходимое погружено. Анатолий, толкая найденное плавсредство дальше от берега, зашел в реку выше колен. Обмотки, ватные штаны промокли, в ботинки затекла ледяная вода, она обжигала ноги круче раскаленного металла. Тёмин сел за весла. На удивление, он умело управлял лодкой, отдавая при этом команды. Лаврушин стал топором колоть большие глыбы льда, а Анатолий с катушкой за спиной отталкивал их руками. От студеной воды и обжигающего холодом льда немели пальцы рук. Плывущие по реке сплошным потоком ледяные глыбы бились о борт, попадали под весла, мешали продвижению впе-

ред; шлюпку сносило вниз по течению. Бойцы уже выбивались из сил, а лодка едва достигла середины реки. Рассвело. Только сейчас Дружинин, повернув голову, заметил, что еще три лодки на разном расстоянии друг от друга переправлялись на западный берег.

— Вон, справа от нас, пехота и наши дивизионные связисты тоже свои линии на левый берег тянут, — поспешил сообщить друзьям Анатолий, окрыленный тем, что не одни они форсируют реку для обеспечения батальона связью.

Убедившись в правоте его слов, друзья воспряли духом. В это время с противоположного берега наши плавсредства заметили немецкие наблюдатели. Из дзота по плывущим лодкам открыли огонь вражеские пулеметы. В сторону переправляющихся на западный берег бойцов полетел свинцовый веер пулеметных очередей. Пули шлепались в воду то спереди, то сзади. Со временем трассеры стали пролетать на опасном расстоянии. Свинцовая очередь вспорола лед справа. Через мгновение следующая чередя пуль пронеслась совсем рядом, да так, что одна из них чиркнула по краю правого борта, расщепив древесину.

— Пристрелялись, сволочи... — негодуя, выругался Лёшка, размахисто орудуя топором. Мелкие куски льда, отлетая от металлического лезвия, больно били ему в лицо, попадали в глаза и рот. Продолжая отчаянно грести, Тёмин, напрягая мышцы, всем телом упорно налегал на весла. Анатолий, проворно отталкивая холодные куски льда, отматывал от катушки провод. Немецкие пулеметчики, не жалея патронов, увеличивали шквал огня. Еще две пули снова попали в правый борт, одна из них пробила его насквозь.

— Мать их за ногу! — выругался Дружинин, глядя на тонкую струйку ледяной воды, которая потекла в лодку. — Хрен тут живым доберешься до другого берега. Так и потонем в водах немецкой реки, как моряки славного крейсера «Варяг», — грустно шутил Анатолий, пытаясь заткнуть пробойную рукавицей.

— Ничего, Толя! Потонем, но проклятому врагу не сдадимся, — стараясь подбодрить друга, сказал Тёмин.

— Это точно, Саня! Помирать — так с музыкой! — поддержал слова сержанта Лаврушин.

— Так что, друзья-товарищи, может, тогда споем?! — спросил Анатолий, заручившись поддержкой боевых друзей.

— Споем! — согласился Тёмин.

— Конечно, споем, — поддержал инициативу Лаврушин. — Запевай, Толя, — предложил Лёшка.

С силой оттолкнув от лодки очередную льдину, Дружинин, набрав в грудь побольше воздуха, затянул:

— Наверх, о товарищи, все по местам!

Последний парад наступает!

Врагу не сдается наш гордый «Варяг»,

Пощады никто не желает!..¹

С песней и на душе стало теплей, и работа пошла уверенней. Так крепче чувствовалась поддержка боевых друзей. А надежное плечо друга в бою дорогого стоит!

Следующей пулеметной очередью вновь зацепило край борта, и отлетевшая от него щепка ударила Дружинину в лицо, расцарапав висок. По щеке потекла теплая струйка крови. Чем ближе приближалась лодка к левому берегу, тем отчетливей стучали вражеские пулеметы. Трассера вее-ром летели через все холодное пространство воды, сплошь покрытой ледяными глыбами. С шипением пули вонзались в лед, кроша его на мелкие части. Свинцовый град приблизился настолько, что сплошной гул порой заглушал посторонние звуки. Но вопреки смертельной опасности

¹ Песня «Врагу не сдается наш гордый „Варяг“» на стихи австрийского поэта Рудольфа Грейнца (в переводе Е. М. Студенской).

вдоль ледяного холода немецкой реки лилась русская песня...

Свистит, и гремит, и грохочет кругом
Гром пушек, шипенье снаряда.
И стал наш бессмертный, наш гордый «Варяг»
Подобьем кромешного ада!

До песчаного берега оставались считанные метры. Еще немного — и вот она, благословенная земля. Вновь свинцовая очередь, просвистев мимо Анатолия, с треском прошла доски. Только теперь щепки полетели уже от кормы.

Наконец изрешеченная пулями и на третью часть наполненная водой лодка своим носом уперлась в твердый золотистый песок. Под шквальным огнем друзья попытались прорваться на спасительный грунт долгожданного берега. Но, пристрелявшись, фашистские пулеметчики не давали и головы поднять, не то чтобы передвигаться вперед. Казалось, что все: их судьба решена — живыми на берег уже не выбраться. Промокшие насквозь от холодной речной воды и собственного пота связисты укрывались за корпусом изрешеченной лодки, которую качала то и дело наплывающая волна.

А в это самое время на восточном берегу реки уже кипела работа по вызволению связистов из западни. Командир первого дивизиона капитан Хейфич, понимая, в какое положение попали наши люди, дал команду на уничтожение вражеского дзота. Артиллеристы третьей батареи выдвинули на прямую наводку две 122-миллиметровые гаубицы. Каждый орудийный номер — на своем месте. Стволы орудий медленно перемещаются к жерлу вражеского дзота. Наводчики терпеливо выбирают мертвые ходы механизмов. Батарейцы терпеливо ждут команды.

— Огонь!.. Огонь!.. — один за другим прокричали командиры, и орудия, сверкнув пламенем, окутались дымом. На другом берегу реки, рядом с немецким дзотом, прогре-

мели первые разрывы снарядов. Еще несколько выстрелов — и прямым попаданием огневую точку противника разносит в щепки. От разрыва в воздух взлетели земля, доски, бревна. Огневая точка врага полностью уничтожена. Обстрел со стороны противника прекратился, и Тёмин, вздохнув, повел свою группу к наблюдательному пункту, протягивая долгожданную линию связи.

* * *

После форсирования реки Одер частям Пятьсот тридцатой стрелковой дивизии пришлось штурмовать стены города Штейнау, где фашистов буквально пришлось выбивать из массивных зданий костела и других помещений старинного монастыря.

За овладение городом Штейнау указом Президиума Верховного Совета СССР от 05.04.1945 года Семьсот девятнадцатый артполк награжден орденом Красной Звезды.

Вечером седьмого февраля части Двадцать четвертого стрелкового корпуса достигли населенного пункта Люббен. Полки Пятьсот тридцатой стрелковой дивизии к этому немецкому городу подошли с восточной и северо-восточной сторон.

Утром следующего дня, в восемь часов тридцать минут, перед решительным штурмом городских кварталов началась массированная артподготовка. Отбивая у врага улицу за улицей, штурмовые батальоны стали уверенно продвигаться вперед. На одном из многоэтажных зданий, отбитых у противника, разведчики установили наблюдательный пункт; сюда срочно требовалось протянуть связь.

К десяти часам дня к Штейну прибежал Бейтурсиков. Задыхаясь от бега, разведчик протянул офицеру записку.

— Товарищ лейтенант, вам донесение от Французского, — тяжело дыша, сообщил Илемесс.

Под гул канонады лейтенант, развернув бумагу, внимательно прочитал приказ своего непосредственного командира: *«Немедленно обеспечьте наблюдательный пункт связью! Место расположения НП укажет разведчик»*.

«Что ж, придется снимать по одному человеку с разных постов», — решил Штейн, почесывая затылок. Для исполнения приказа лейтенант вызвал к себе Лаврушина и Сомикова. Бои в городских кварталах имели свою специфику, так же как и обеспечение атакующих подразделений связью. Для оперативного решения поставленных задач в таких условиях Штейн старался отправлять своих людей парами. Так было надежней, хотя бойцов во взводе, как всегда, не хватало.

Через несколько минут тягостных ожиданий на наблюдательном пункте шестой батареи появились его телефонисты. Сначала прибыл Лаврушин, потом и Сомиков.

— Здесь, вот в этом доме, наши разведчики установили наблюдательный пункт, — громко проинформировал лейтенант своих подчиненных, указывая дом на карте своей планшетки. — Илемесс вам покажет, где конкретно он находится. Я вам это объясняю на тот случай, если вдруг с ним что-то случится, чтобы вы знали, куда надо протянуть линию.

Лаврушин, хмуря брови и наклоняя голову то вправо, то влево, сосредоточенно всматривался в карту города, в уме прокладывая будущий маршрут.

— Это недалеко отсюда, всего в четырех кварталах! — почти прокричал Бейтурсиков. Ружейно-пулеметная стрельба, гром пушечных выстрелов и разрывы снарядов заглушали голоса говорящих. Грохот стоял неимоверный. — Вот в этом направлении нам надо идти, — сказал разведчик, показывая при этом, куда следовало тянуть связь.

— Старайтесь идти по левой стороне... Правую немец сильно обстреливает, — заботливо советовал своим людям Штейн.

— Все понятно, командир. Не переживайте. Задачу постараемся выполнить! — заверил лейтенанта Лаврушин.

Поправляя на плече ремень телефонного аппарата, он бросил свой взгляд на Сомикова. Его напарник, стоя с катушкой в руках, был растерян, хотя виду, что он не уверен в себе, не подавал. «Повезло мне сегодня с товарищем... — подумал про себя Лёшка, глядя на сконфуженного Сомикова. — Ладно... черт не выдаст, свинья не съест». Вздыхнув, Лёшка перекинул взгляд на лейтенанта.

Штейн прекрасно понимал настроение Лаврушина: идти на задание с трусливым Сомиковым Лёшке было совсем не по нутру. Но куда деваться? Хочешь или нет, с этим приходится мириться. «Слава богу, Бейтурсиков рядом, до наблюдательного пункта должны добраться. А назад Лёшка как-нибудь прорвется, он не из таких передрыг выбирался», — рассуждал про себя лейтенант.

— Ну что, орлы, готовы?.. — подбадривая людей, спросил Штейн.

— Так точно! Готовы, товарищ лейтенант, — смело ответил Бейтурсиков. — Что, Лёша, вперед?! — подмигнул весело Илемесс и по-товарищески хлопнул Лаврушина по плечу.

С Лёшкой Илемесс дружил давно, он знал его как смелого и надежного человека, с ним он был готов идти хоть в самое пекло. А вот Сергея Илемесс игнорировал умышленно. Зная дешевую натуру Сомикова, он не скрывал к нему своего пренебрежения.

Так как маршрут Бейтурсиков хорошо знал, право идти первым он оставил за собой. За ним уверенно выдвинулся Лаврушин; Сомиков, сматывая с катушки провод, послушно шел последним. Под грохот канонады Илемесс по совету Штейна старался идти прижимаясь к левой стороне улицы. Подбирая время между разрывами мин и снарядов, группа осторожно, минуя один дом за другим, незаметно для противника пробиралась к зданию наблюдательного пункта. На всей восточной стороне города бой шел, не утихая ни

на минуту. То там, то здесь велись перестрелки с немецкими подразделениями, закрепившимися в отдельных домах. Уничтожая фашистов с фаустпатронами, засевших в подвалах и на первых этажах зданий, а также подавляя огневые точки врага, наша пехота при поддержке танков, самоходных орудий и артиллерии уверенно продвигалась к центру города.

До заданной точки наши герои добрались сравнительно быстро. Наладив связь, Лаврушин и Сомиков тут же выдвинулись в обратную дорогу. Враг упорно сопротивлялся. Отступая и потом перегруппировываясь, немцы отчаянно бросались в контратаки, вынуждая наши подразделения в отдельных местах отступать на прежние позиции. На городских улицах шла ожесточенная перестрелка. Миновав от здания наблюдательного пункта всего несколько домов, связисты должны были повернуть вправо. Теперь Лёшка шел впереди. Неожиданно он увидел группу немецких пехотинцев, которую возглавляли два офицера. Фашисты, заметив советских солдат, открыли огонь; отстреливаясь, бойцам пришлось отступать. Сомиков, испугавшись встречи с противником, рванул что есть мочи назад. Бежал он так, что Лаврушин едва поспевал за обезумевшим напарником. Лёшка понимал, что, убегая со страху куда глаза глядят, Сергей запросто мог снова нарваться на неприятеля. Охваченного страхом напарника пришлось схватить за рукав шинели и остановить грубым рывком.

— Ты куда прешь, черт возьми?.. Что, совсем очумел?! — крикнул ему в лицо Лаврушин, стараясь привести безумца в чувство. — Ты хоть по сторонам смотришь, куда бежишь, или нет? Мы же опять на фрицев можем напороться!

— А к-к-куда б-бежать-то надо? — сверкая ошалелыми глазами и заикаясь, спросил Сомиков. Вид у него был жалкий: лицо перекошено, в постоянно бегающих глазах — растерянность и ничем не прикрытый страх. Ушанка на голове сдвинута низко на лоб, да так, что почти не видно глаз. На-

ушники шапки развязаны, левый опущен вниз, на правом нелепо болтается скрученная буравчиком тесемка.

— Да уж!.. — вздохнув, произнес Лаврушин. «Ну и наградил же меня Штейн напарничком!» — подумал Лёшка, глядя на жалкое подобие красноармейца в лице Сомикова. Но для раздумий времени не было — надо действовать. Осматриваясь и оценивая обстановку, Лаврушин решил обойти врага по дворам левее.

— Значит, так!.. Слушай меня внимательно! — решительно сказал Лаврушин. — Не будем терять времени, обойдем противника с этой стороны, — заявил Лёшка, указывая рукой направление, куда он собирался выдвинуться.

— А-ага, я п-п-понял, — робко согласился Сомиков, поправляя свою шапку, которая окончательно закрыла ему глаза. — А это не опасно, Лёша? — еле слышно спросил он, понимая, что теперь только Лаврушин сможет вытащить его из этого ада.

— Не опаснее, чем на войне, — сухо ответил Лёшка, — давай вперед! И от меня ни на шаг не отставать, — в приказном тоне заявил Лаврушин, зная, что с таким типом, как Сомиков, иначе никак нельзя.

Отклоняясь от прежнего маршрута левее, связисты осторожно стали продвигаться по тесным городским улочкам. В раскрытых окнах одного из полуподвалов Лёшка успел заметить перебинтованных красноармейцев и нескольких санитаров, спующих между ранеными бойцами. Знакомых лиц разглядеть не удалось. Кроме наших стрелковых полков на улицах города вели бой подразделения Триста девяносто пятой стрелковой дивизии.

«Наверное, это наши соседи», — подумал Лёшка. Осматриваясь и запоминая важные для себя детали, он старался правильно ориентироваться, чтобы не сбиться с маршрута в незнакомом городе. Только Лаврушин остановился на одном из перекрестков, чтобы осторожно проверить обстановку за углом дома, как после протяжного воя снаряда на ши-

рокой улице послышался женский вопль, потом сразу взрыв и истошный крик ребенка. Осторожно Лёшка выглянул из-за угла; кирпичной пылью и дымом заволокло все уличное пространство. Когда дымка немного развеялась, он увидел, что под разрыв снаряда попали немецкая женщина и ребенок. Видимо, при обстреле девочка, испугавшись воя снаряда, побежала на другую сторону дороги. Но под удар взрывной волны угодили обе. Мать и ее несовершеннолетняя дочь теперь лежали на разных сторонах улицы.

Не задумываясь, в первую очередь Лёшка рванул к ребенку. На разбитой брусчатке тротуара лежала девочка лет двенадцати. Она была в бесчувственном состоянии. Светлые волосы растрепаны взрывом, на лице кровь. Ткань серого пальто в области груди и на левом рукаве разорвана осколками снаряда; одежда медленно пропитывается кровью. Лёшка подхватил девочку, как пушинку, своими сильными руками и быстрым шагом направился к тому дому, в подвале которого видел медиков. В это время пришла в чувство мать девочки. Поднимаясь с тротуара, женщина увидела, как ее дочь уносит куда-то советский солдат. Ужас охватил бедную мать, когда она увидела такую картину. За долгие годы войны Луиза Бергер наслушалась предостаточно пропаганды о совершенно диких и звероподобных ордах русских. Воображая себе то, что может сейчас свершить с ее малолетней дочерью это русское чудовище, она издала такой дикий вопль, который заставил Лёшку обернуться. Лицо Лаврушина, как сфотографировав, женщина запомнила на всю свою жизнь.

— *Berta-a-a!* (Берта-а-а!) — с искаженным от страха лицом прокричала мать, и только вой подлетающего снаряда и последующий взрыв смогли заглушить ее душераздирающий крик. Укрывая девочку своим телом, Лёшка еще сильнее прижал ребенка к себе. Не успел он скрыться за углом дома, как грянул новый разрыв. Кирпичной крошкой Лаврушину посеколо лицо и правую руку. Кровь мелкими каплями выступила на его раненом теле. Взрывной волной Луизу

Бергер вновь откинуло к стене дома, и она уже во второй раз потеряла сознание.

— Ты куда эту немецкую шлюху потащил?! — крикнул Лаврушину удивленный и перепуганный Сомиков. Замерев от страха, он все это время с открытым ртом наблюдал за действиями своего напарника. Ему не терпелось быстрее вырваться из зоны активных боев. Оказывать помощь раненым, тем более немецким гражданам, вовсе не входило в его планы.

— Я девочку заберу, а ты, Серёга, женщине помоги! — все, что успел крикнуть Лёшка. Спеша помочь раненому ребенку, он еще надеялся на порядочность и милосердие Сомикова. В это самое время звуки уличного боя стали нарастать: немцы в этом районе города вновь предприняли робкую попытку контратаки. Но в такие минуты только Лаврушин мог подумать о милосердии, у Сомикова таких мыслей и быть не могло.

— Да ну тебя к черту! — крикнул в ответ на Лёшкино предложение Сергей. Услышав нарастающую стрельбу, он махнул рукой и со всех ног рванул в тыл, в сторону штаба полка, где было не так опасно и не так страшно, как здесь.

Отыскав нужный вход, Лаврушин, осторожно ступая по крутым ступеням, спустился в полуподвал. В помещении — стоны, просьбы людей о помощи, порой крики, суета санитаров и раненых. В полумрачном удушливом воздухе стоял запах пороха, крови и медикаментов.

— Слушай, браток, помоги. Там, на улице, осколками от снаряда вот эту девочку ранило, — с порога обратился Лёшка к первому попавшемуся навстречу санитару. Тот, проходя мимо с носилками в руках, даже не отреагировал на его просьбу. Лёшка подумал, что человек очень занят, и отвлекать его более не счит нужным. В беспорядочной суматохе он стал продвигаться вглубь помещения.

— Сержант, помоги! Ребенка... девочку ранило, — заметив следующего санитаря, обратился к нему Лаврушин.

— Тут своих солдат спасти не успеваем, а ты немку сюда притащил! — услышал Лёшка недовольный отклик. — Ты еще всех раненых фрицев к нам приведи. И заставь нас, чтобы мы бросили своих людей и этим гадам помощь стали оказывать, — цинично ответил санитар, продолжая заниматься своими делами.

Повидавший в своей жизни боль, страдания и бесчисленное количество смертей, сержант стоял перед ним в окровавленной форме с совершенно равнодушным лицом. В его изнеможенных глазах не было злобы или ненависти, но бездушный ответ возмутил Лаврушина.

— Это же ребенок! — взорвался гневом Лёшка. — Ты что, медицина, совсем здесь озверел?! — Не будь заняты руки, Лёшка вцепился бы ему в глотку или вlepил бы кулаком в челюсть. Но ребенка на пол не бросишь. — У тебя совесть есть или ты ее на польской границе оставил? — пытался пристыдить он бездушного санитаря.

— Что здесь происходит?.. Что за шум?! — прозвучал вдруг за спиной Лаврушина строгий вопрос.

Повернувшись кругом, Лёшка увидел перед собой смугловатого на лицо капитана медицинской службы. Капитану было лет тридцать. Он смотрел на Лаврушина черными как смоль глазами. Обратив внимание на возникшую в помещении перепалку, офицер подошел, чтобы во всем разобраться.

— Здравия желаю, товарищ капитан! — поприветствовал офицера Лаврушин. — Тут вот ребенок ранен. Девочка под обстрел попала. Ей помощь срочно нужна! — как из пулемета выпалил Лёшка. — А этот, — кивнул он на сержанта, — не может понять, что это не фашист, а ребенок, — как мог пытался объяснить свою правоту Лаврушин. Офицер ментально изменился в лице.

— Так, Коренев!.. Быстро окажите помощь ребенку! — строго распорядился капитан, измерив сержанта пренебрежительным взглядом.

— Есть, — виновато и как-то вяло ответил санитар, пытаясь отложить свои дела.

— Товарищ капитан, можно я займусь ребенком? — неожиданно из-за плеча офицера обратилась к нему небольшого роста девушка-старшина. Не дожидаясь разрешения, она подошла к Лаврушину, чтобы принять ребенка-подростка из его рук. — Я сама, товарищ капитан... Это все-таки девочка, — пояснила она.

— Хорошо, Зоя, займитесь... — согласился с решением старшины капитан.

Лаврушин посмотрел на маленькую рыжеволосую, с конопушками на щеках и носу старшину, и в его груди потеплело. Вроде бы с первого взгляда — хрупкая, неказистая, с мало-выразительным лицом девчушка, а сколько в ее теплых голубых глазах доброты!.. Лёшка как будто утонул в этом омуте.

— Я вам помогу, товарищ старшина, вы только укажите, куда ее отнести и положить, — заторопился, опомнившись от нахлынувших чувств, Лёшка.

— Пойдемте, я вас провожу, — охотно согласилась Зоя и повела Лаврушина в отдельную комнату.

— Здесь положите девочку, — показала на длинный стол старшина, подкладывая ей под голову медицинскую сумку. — Алевтина Андреевна, займитесь ребенком, — по-хозяйски обратилась Зоя к пожилой санитарке. Распорядившись, она повернулась лицом к Лаврушину. — У вас кровь на лице и руках. Как я поняла, вы тоже ранены? — тонким приятным голосом спросила старшина.

Зоя влажным ватным тампоном стала аккуратно обрабатывать Лёшке лицо.

— Нет, нет... Ну что вы! Это ерунда, так, мелочи, — попытался протестовать Лаврушин. — Это кирпичной крошкой мне лицо и руку посекло. Какое это ранение? — как будто оправдываясь, отнекивался Лёшка.

Но он и сам не заметил, как попал под невидимую власть этой невероятно обаятельной девчушки. И она, за-

владев им, уверенными движениями стала оказывать необходимую помощь.

— Даже такие незначительные царапины могут вызвать воспаление и в дальнейшем доставить вам массу неприятностей, — коротко проинформировала его Зоя о последствиях таких ранений.

Лёшка покорно стоял перед фельдшерницей и больше не пытался противиться.

— А вот теперь все! Можете идти, — сказала Зоя, закончив незатейливую процедуру, и одарила Лаврушина удивительно милой улыбкой.

Он был необыкновенно рад этой встрече. На всю оставшуюся жизнь Лёшка запомнил лицо Зои и часто потом вспоминал этот день и час.

Оставив ребенка на попечение медикам и успокоившись, Лаврушин стал пробираться к выходу. У ступенек, которые вели наверх, он вдруг услышал уже знакомый голос:

— Рядовой... товарищ солдат. Подождите.

Лёшка обернулся и увидел перед собой того самого капитана, который первым откликнулся на его просьбу.

— Как тебя зовут, солдат? — с легкой улыбкой на смуглом лице спросил офицер. Только теперь Лёшка обратил внимание на его ровные, ослепительной белизны зубы.

— Рядовой Алексей Лаврушин, — как положено по-военному, доложил Лёшка.

— Спасибо тебе, Алексей Лаврушин.

— Простите, товарищ капитан... А за что? — удивился Лёшка, пожимая плечами.

— За что?.. — несколько изменившись в лице, переспросил капитан. — А за человечность! — Заложив руки назад, капитан на секунду потупил свой взор, а потом, подняв голову, спросил: — Давно на фронте?

— С конца сорок второго, — ответил Лёшка, пропуская санитаров, заносящих в подвал раненого бойца.

Мягко положив свою руку Лаврушину на предплечье, капитан вежливо предложил ему отойти в сторону, чтобы освободить проход.

— Вот за то и спасибо, что за это время здесь, на фронте, ты не озлобился, не очерствел душой, — продолжил офицер. — Видя все злодеяния, что вытворяли фашисты на нашей земле, большинство людей, само собой, ощущает непреодолимую жажду мести. Неотвратимое желание отомстить врагу за те страдания и боль, что он причинил нашему многонациональному народу. И это, казалось бы, справедливо. Фашизм необходимо напрочь уничтожить, искоренить эту идеологию из ума одурманенных пропагандой людей. Но вместе с тем нельзя нам самим превращаться в бездушных и безразличных особей, безучастных к судьбе простых мирных людей: к женщинам, старикам и особенно к детям. Попадая в жернова войны и сгорая в этом адском огне людских страданий, трудно сохранить в себе те простые чувства, что присущи нормальному человеку. Не каждый в силах совладать с собой — это очень трудно. Вот и говорю тебе, Алексей Лаврушин, спасибо за то, что, пройдя через все муки ада, теряя друзей и близких, ты сохранил в себе достойное звание человека. Спасибо за то, что не бросил эту немецкую девочку умирать там, на улице, а доставил ее сюда. Вот за эти духовные ценности и хочу поблагодарить тебя, — прищурился и улыбнувшись, выразил свое уважение капитан.

Лёшка был удивлен и польщен признанием офицера. Он как-то и не задумывался над философскими постулатами нашей жизни — это и без философии было у него глубоко под сердцем с самого рождения. По-другому поступить он все равно бы не смог.

Лаврушин засмутился, ему даже стало как-то неловко. О высоких материях с ним никто ранее не рассуждал. Удивил его капитан причудливыми умозаключениями и ходом витиеватых мыслей. Как-то не по-военному он рассуждал.

Невольно возникло желание и дальше поговорить о мировоззрении и еще о чем-то возвышенном, уж очень располагал к такой беседе незнакомый ему офицер. Только служба есть служба, и, как бы ни был интересен встретившийся человек, с ним приходится расставаться.

— Спасибо и вам, товарищ капитан, за приятную беседу, но мне пора идти, — с сожалением произнес Лёшка. — Надеюсь, с девочкой все будет в порядке...

— Не переживайте. О девочке мы побеспокоимся, — заверил его капитан. — Зоя у нас надежный специалист, она хорошо знает свое дело.

Только сейчас Лаврушин вспомнил про мать девочки и про Сомикова, которого просил ей помочь.

— Мать девочки тоже под обстрел попала... Она там, на другой стороне улицы, мой товарищ должен был ей помочь.

— Постарайтесь ее доставить сюда, — сказал офицер. — Лучше, чтобы мать с дочерью были рядом.

Когда Лёшка прибыл к месту, куда переместился штаб полка, возле здания собралась достаточно большая группа офицеров. Заместитель командующего артиллерией дивизии ставил офицерам артполка приоритетные задачи. Окруженный свитой непосредственных подчиненных и автоматчиков, полковник вел себя несколько надменно.

Дмитров, Лосин, Ротмас и еще несколько командиров по очереди отвечали на вопросы заносчивого полковника, информируя его о действиях своих подразделений. Стараясь остаться незамеченным, Лаврушин попытался пройти в помещение медслужбы, здание как раз находилось рядом. Сегодня ожидался волнительный для него момент: Верочку вчерашним днем комиссовали по беременности, и она с минуты на минуту должна была отправиться в тыл, на родину. Со всех ног он торопился, чтобы успеть попрощаться с любимой и, если удастся, проводить ее в дорогу.

Только Лёшка поравнялся со зданием штаба, как со спины услышал уже знакомый истошный крик:

— *Herr Offizier, Herr Offizier! Ich brauche Ihre Hilfe!* (Господин офицер, господин офицер! Мне нужна ваша помощь!) — это, срывая голос, кричала Луиза Бергер. На бегу, широко раскинув руки, она взывала о помощи, обращаясь к стоявшему в кругу офицеров полковнику Буланову. (В вычурном одеянии, в папаше, напыщенный и высокомерный, он, исконный штабник, выделялся своим видом из окружавших его боевых командиров). Вид у несчастной матери был ужасающий: головного убора не было, волосы взъерошены, в глазах слезы, лицо перепачкано кровью и копотью. Серое пальто немки наполовину расстегнуто. — *Dieser Soldat hat meine Tochter gestohlen, er hat meine Berta gestohlen!* (Этот солдат украл мою дочь, он украл мою Берту!) — захлебываясь слезами, жаловалась полковнику обезумевшая мать.

Рыдая, она указывала рукой на Лёшку. Не понимая немецкого языка, офицеры стояли молча, недоуменно переглядываясь друг с другом. Немка со всех ног рванула к Лаврушину. Вцепившись ему в ворот шинели, она продолжила голосить:

— *Sag mir, wo sie ist, was hast du ihr angetan?!* (Отвечай, где она, что ты с ней сделал?!) — неистово требовала ответа отчаявшаяся мать. Лаврушин был ошарашен таким напором. Аккуратно сдерживая женщину, чтобы не причинить ей боль, он едва справлялся с той яростью, с которой накинулась на него фрау Бергер.

В это самое время из дверей медслужбы со скромным багажом в сопровождении Путининой вышла Воронина. В оторопи она стояла на высоком крыльце здания в серой шинели, которая обтягивала ее слегка выпирающий живот. Окончательно справив все необходимые документы и собрав личные вещи, Верочка собралась в дорогу. Только вот картина для прощаний с любимым была совсем неподходящей.

— Вера, я тебе сейчас все объясню, — старался оправдаться Лёшка, удерживая разъяренную немку.

— Сергей Фёдорович, потрудитесь дать разъяснение, что здесь происходит?! — со строгостью в голосе обратился к Дмитрову полковник, наблюдая за стремительными событиями, происходящими у крыльца штаба.

— Я сам ничего не могу понять, — пожимая плечами, ответил Дмитров. — Сейчас разберемся... — постарался он успокоить Буланова.

— Да нет уж, позвольте, я сам, — раздраженно заявил полковник. В его голосе по-прежнему звучало пренебрежение. — Рядовой!.. А ну-ка, подойдите с этой женщиной ко мне, — сурово потребовал Буланов, обращаясь к Лаврушину.

Вместе с вцепившейся в него немкой Лёшка подошел к дивизионному командиру.

— Товарищ полковник... — попытался доложить Лаврушин.

— *Herr Offizier, dieser Soldat hat meine Tochter gestohlen. Hilf mir!* (Господин офицер, этот солдат украл мою дочь! Помогите мне!) — перебивая Лаврушина, кричала фрау Бергер.

— Что этой женщине нужно, кто-нибудь из вас может мне объяснить? — негодовал заместитель командующего артиллерией, обращаясь к офицерам. Его, как и всех остальных, раздражала совершенно неуместная и непонятная неразбериха.

— Товарищ полковник, фрау утверждает, что этот рядовой украл у нее дочь, — пояснил один из его младших офицеров, немного владеющий немецким языком.

— *Meine Berta, meine kleine Berta. Sie ist noch ein Kind, was hat er ihr angetan?* (Моя Берта, моя маленькая Берта. Она еще ребенок, что он с ней сделал?) — продолжала голосить фрау, мешая разобраться в ситуации.

— Этого еще не хватало! — возмутился Буланов. — Сергей Фёдорович, что у вас тут творится? Что это за балаган?! И успокойте, пожалуйста, женщину! Ничего невозможно по-

нять из-за ее истерики! — потребовал полковник. Заметно было, что он нервничал.

Ротмас и Лосин, взяв под руки обезумевшую мать, отвели ее в сторону. Лейтенант, владеющий немецким языком, пояснил женщине, что сейчас командование во всем разберется и ей обязательно помогут. Женщина кивнула и затихла.

— Товарищ полковник, разрешите доложить, — во второй раз обратился к Буланову освободившийся от заседающей немки Лаврушин. Поправив форму, он хотел объяснить полковнику суть возникшего переполоха. Вот только в этом беспорядке Лёшка не заметил стоявшего недалеко Сомикова.

Сомиков вроде и недалекого ума человек, но он особенно остро чувствовал тех людей, кто мог в нужный момент повернуть ситуацию в его пользу. Заметив на площади Лёшку и самовлюбленного полковника, у Сомикова вмиг родилась подлая идея отомстить Лаврушину за все обиды, что он ему причинил. Кроме того, в его душе кипела не дающая покоя зависть. Зависть за то, что с Верочкой отношения были именно у Лёшки, а не у него, за то, что у Лаврушина больше друзей, а у него их не было вообще, и за то, что Лёшка смелее и находчивее. Вот только сегодня он — Сергей Сомиков, — испугавшись немцев, со страха побежал сломя голову неизвестно куда, и только Лаврушин смог его остановить. Струсив уже во второй раз, он бросил в бессознательном состоянии фрау Бергер, хотя мог бы ей и помочь. А вот Лёшка раненую девочку в медсанбат доставил! И здесь все лавры ему, Лаврушину, а он, Сомиков Сергей, этим похвастаться не может.

Гнусная мысль в его голове созрела сразу, но он никак не мог набраться смелости претворить ее в жизнь. Мучаясь в сомнениях, нервно кусая губы, Сомиков после недолгих раздумий все-таки решился.

Превозмогая страх, он сделал шаг вперед и с дрожью в голосе обратился к Буланову:

— Товарищ полковник, разрешите обратиться? — и тут же продолжил: — Кого вы собираетесь слушать, товарищ полковник?! Он же насильничал девчонку, да и все дела! Вы только посмотрите на его лицо и руки. Видите, они поцарапаны! — неожиданно для всех заявил Сергей.

Его слова оглушительным ударом грома прогремели как для самого Лаврушина, так и для стоящей у дверей медслужбы Верочки. Лёшка, не ожидая такого поворота, стоял в состоянии замешательства. Теряясь, он смотрел то на свои исцарапанные руки, то на собравшихся офицеров, то на обескураженную Верочку. Но это обстоятельство только придало уверенности Сомикову.

— Что, Лёша, сопротивлялась немецкая девка, да?! Вон как она тебя всего исцарапала, — куражась, цедил сквозь зубы Сомиков. Его лицо от гнусной затеи отвратительно исказилось. Глаза демонически блестели, тонкие губы, выговаривая слова, словно шипели. — А она ничего так, молоденькая... неиспорченная была? Да?! — издеваясь, подливал он маслице в разгорающийся огонь. Его коварству могли позавидовать разве что дьяволы в преисподней.

— Ты чего такое говоришь, Серёга?! Она же совсем ребенок! — взорвался Лаврушин. — Ты же прекрасно знаешь, я ее в медсанбат отнес. Девочку ранило осколками снаряда, ей нужна была помощь! — пытался объясниться Лёшка, смотря на Сомикова разъяренным взглядом. Не будь здесь полкового и дивизионного начальства, он разорвал бы его на куски за такую клевету и подлость.

— Да неужели?! — демонстративно поднял брови Сомиков. — Где находится наш медсанбат, а где ты эту девку нашел? И самое главное — с ней здесь тебя никто не видел! Что ты на это скажешь?! Кому ты, Лёша, эти сказки рассказывать хочешь? — не унимался Сомиков, не давая Лаврушину ответить. — Он же у нас, товарищ полковник, бабник еще тот! Вон, взгляните на ту беременную красавицу, — указал Сомиков пальцем на Воронину.

Люди, присутствующие на небольшой площади, перевели взгляд на стоящую у дверей медслужбы Верочку. Смутьившись оттого, что на нее обратило внимание большое количество людей, Верочка, выравнивая спину, безуспешно попыталась подтянуть свой слегка выпирающий животик.

— Это его рук дело, и не только рук! Всё! Комиссовали девку по беременности!

Лёшка смотрел на Сомикова и удивлялся, какие метаморфозы могли произойти во всей сущности этого человека: из жалкого никчемного ничтожества, которое он представлял чуть более двух часов назад, Сергей превратился в бойкого обвинителя, который, совершенно бессовестно клеветца и обливая грязью, оговаривал своего сослуживца.

Полковое командование прекрасно знало Лаврушина, и им совсем не верилось в то, что пытался доказать Сомиков. Но руководил всем, что происходило здесь и сейчас, полковник Буланов. Оставалось только терпеливо ждать, чтобы потом, в более спокойной обстановке, можно было до конца во всем разобраться.

— Товарищ полковник!.. — в очередной раз попытался возразить Лёшка.

Но тот и слушать не пожелал его доводы. Окинув Лаврушина пренебрежительным взглядом, Буланов остановил его жестом руки, грубо оборвав на полуслове:

— Помолчите, рядовой!.. Я не желаю слушать ваших оправданий, — сказал как отрубил дивизионный начальник и, демонстрируя свое негодование, нервно передернул плечами. — Ну и дела у вас в подразделении, Сергей Фёдорович, — недовольным голосом укорил он Дмитрова, — не боевой полк, а дом терпимости какой-то.

— Товарищ полковник, в этом деле надо будет основательно разобраться, прежде чем вменять человеку вину. Дело в том, что я хорошо знаю рядового Лаврушина и не думаю, что он мог так поступить, — вступился за Лёшку Батя.

Стоящий рядом с Дмитриевым Штейн, понимая, что это происки Сомикова, собственноручно был готов придушить негодяя на месте. Но обстановка этого не позволяла. Осталось терпеть и ждать.

— Значит, так, товарищ подполковник! — прищурившись, заявил заместитель командующего артиллерией. — Пусть ваши сотрудники Смерша во всем разберутся, а до выяснения обстоятельств этого красноармейца под арест, — распорядился он, резким кивком указав охранявшим его людям на Лаврушина.

Старший лейтенант с двумя автоматчиками подошли к обескураженному событиями Лёшке.

— Сдать оружие, рядовой! — строго предъявил Лаврушину офицер и протянул руку.

Лёшка, сверкая от обиды глазами, стал снимать с плеча карабин. Когда он посмотрел на торжествующее лицо Сомикова, в его сознании мелькнуло неотвратимое желание пристрелить мерзавца. Пристрелить, чтобы избавить от него этот мир навсегда.

— Не дури, Лёша! — крикнул ему Штейн, понимая, что он задумал.

Понял Лёшкину затею и подошедший арестовывать его лейтенант.

— Не вздумай свершить глупость, рядовой!.. — крикнул дивизионный офицер, предостерегая его от необдуманного поступка. Стоящие рядом с лейтенантом автоматчики насторожились.

С сожалением взглянув на Штейна, Лёшка оставил свою затею. Тягостно вздохнув, он отдал оружие лейтенанту. Понимая безвыходность ситуации, Лёшка снял с пояса ремень и вместе с под сумком и патронами покорно передал все дивизионному офицеру. Провожая взглядом арестованного Лаврушина, мужчины стояли в абсолютном молчании; рыдали только женщины. Верочка, уткнувшись в плечо Путиной, заливалась слезами, вздрагивая всем телом.

— Неужели это правда, как он так мог? Подлец, насильник, я же ему верила! Какой позор! Не хочу больше его видеть! — всхлипывая, причитала Вера.

Анна как могла успокаивала подругу, убеждая ее, что во всем надо разобраться. В рыданиях не могла успокоиться и фрау Бергер. Она прекрасно понимала, что про место, где сейчас находится ее дочь, и о том, что с ней произошло, знает только этот русский солдат. Но его уводили под арестом — а дальше что?! Переживая за судьбу своего ребенка, мать вновь с мольбой бросилась к ногам полковника.

— *Herr Offizier! Lass dieser Soldaten zeigen, wo meine Berta ist! Er muss mich zu ihr bringen. Ich will sie sehen!* (Господин офицер! Пусть этот солдат покажет, где моя Берта! Он должен отвести меня к ней. Я хочу ее видеть!) — надрывалась женщина в истошном крике.

— Сергей Фёдорович, разберитесь, пожалуйста, с фрау и обо всем мне потом доложите, — с той же строгостью в голосе велел Буланов и, попрощавшись, направился к своей машине.

— Есть доложить о расследовании, — нехотя ответил Дмитрий, приложив руку к шапке.

Едва полковник удалился, как двухметрового роста Штейн, срываясь со своего места, подобно разъяренному тигру, подскочил к Сомикову. Схватив мерзавца за ворот шинели, он встряхнул его так, что тот едва мог дышать, а не то чтобы говорить.

— Ты что тут наплел, мразь поганая?! — кричал лейтенант, тряся его, как грушу в момент сбора урожая. — Я тебя собственными руками задушу за твое паскудство! Тебя давно нужно было к твоим праотцам отправить за все твои мерзкие делишки! — в ярости кричал Штейн, вытряхивая из него душу.

— Григорий Анисимович, держите себя в руках, — вежливо обратился к Штейну Батя, пытаясь сдержать гнев своего офицера. Он и сам всем сердцем ненавидел Сомикова,

но в данном случае эмоции следовало придержать. — Это не самый лучший метод, чтобы выяснить все обстоятельства дела, — ровным и совершенно не раздраженным голосом советовал Штейну подполковник. — Григорий Анисимович, оставьте его, пожалуйста, — настоятельно, но вежливо требовал Дмитров.

Отпустив мерзавца, Штейн, кипя гневом, продолжал просверливать его злобным взглядом. Сомиков, как только оправился от встряски, тут же стал роптать на своего командира:

— Товарищ подполковник, обратите внимание, как обращается со своими подчиненными мой непосредственный командир! — заявил он еще дрожащим от взбучки голосом. — К тому же я коммунист... — попытался он предъявить свою жалобу на лейтенанта. Но Дмитров не желал слушать его претензии. Важнее было как можно быстрее снять с Лаврушина обвинения и освободить его из-под стражи.

— Я вас, товарищ Сомиков, самого под трибунал отправлю, как только выяснится, что вы оклеветали своего товарища. А это, я больше чем уверен, выяснится! Вот тогда я посмотрю, на кого вы будете жаловаться, — строго намекнул ему не на шутку разгневанный командир полка. Его терпению тоже пришел конец.

— А чем это я его оклеветал? — вдруг заявил Сомиков с совершенно наивным взглядом. Понимая, что Батя вовсе не намерен шутить и за свою ложь он может жестоко поплатиться, Сомиков тут же перевоплотился в невинную овечку.

— Не вы ли заявили полковнику Буланову, что Лаврушин, как вы выразились, «снасильничал девчонку», а теперь стоите тут и выкручиваетесь как юла? — последовал вопрос Дмитрова.

— Товарищ подполковник, а что я еще мог подумать, когда он потащил ее, бесчувственную, бог знает куда?! Да еще и вернулся оттуда к зданию штаба весь поцарапанный, — тут же ловко изворачивался Сомиков, изощряясь в выду-

манных оправданиях. — Вот что я еще мог про него подумать?! Нас ведь строго-настрога всех предупреждали — и вы лично, и политрук полка — о строгом пресечении издевательств и насилия над мирным населением Германии. Вот я и проявил бдительность, подумав, что он насильничал девочку. Он же у нас в полку ходок известный! — тщательно подбирая мелкие детали, Сомиков как мог старался аргументировать свой омерзительный поступок.

Дмитров, морща лоб, смотрел на это жалкое создание с грешным желанием в душе отправить его куда подальше. Без интереса он слушал лукавую речь Сомикова, которая лишний раз подтверждала его бездуховную натуру и гадкий, низменный характер, отчего на душе стало так противно и мерзко!

— Так вы хотите сказать, что не знаете, в какой медсанбат он ее доставил, и где он находится, показать тоже не сможете? — с удивлением спросил Батя.

— Нет, товарищ подполковник, понятия не имею, — пожимая плечами и трясая головой, отнекивался Сомиков. — Потому я и подумал, что он ее того... — добавил Сергей, продолжая изображать невинность.

— Да он, товарищ подполковник, со страху и дороги на наблюдательный пункт не помнит, а не то что медсанбат сможет найти, — с гневом охарактеризовал негодяя Штейн. Во всем облике лейтенанта было видно жгучее желание пристрелить подлеца. — Он со страху, пока линию прокладывали и возвращались назад, полные штаны навалил, а вы, Сергей Фёдорович, его о каком-то медсанбате спрашиваете, — добавил лейтенант не без насмешки.

Когда Лаврушина повели под арестом в штаб полка, Верочка, плача навзрыд, смотрела ему вслед как в последний раз. Все смешалось в ее голове: и воспоминания их жарких встреч, и необходимый отъезд, и этот случай с Лёшкой, прогремевший как гром среди ясного неба. Путались и мысли, и чувства: то негодование, то сомнение, то тревога, то оби-

да. Лицо Верочки исказилось, глаза припухли от слез, губы безжалостно дрожали. Но, несмотря на напряжение, она все же нашла в себе силы для того, чтобы взять себя в руки. Несколько успокоившись, Вера подошла к машине, где, то и дело посматривая на часы, ее ожидал Кривичев. По времени Фёдор Платонович уже давно должен был быть в пути, но долгие сборы демобилизованной Ворониной его задерживали. Боясь получить взыскание за беспричинную проволочку в отбытии, шофер заметно нервничал.

— Давай свои вещички, я уложу их в кузов, — предложил он Ворониной, принимая ее скромную поклажу.

Утирая слезы, Верочка молча протянула небольшой чемоданчик и вещмешок Платоновичу. Поднявшись на ступеньку кабины, Кривичев устроил вещи так, чтобы их при езде по ухабам не раскидало по кузову.

— До свидания, Анечка... — все, что успела сказать Вера, повернувшись к Путининой, и тут же вновь разрыдалась.

— Ну все, все, Вера, успокойся, хватит уже... Все будет хорошо. Я не верю, что Лёшка на такое способен. Думаю, что скоро все прояснится, — обнимая, как могла утешала ее Анна, — садись в машину. Вам ехать пора, а то Платонович нагоняй от командиров получит за задержку с отъездом, — торопила она свою расстроенную подругу.

— Да, это уж точно! Мы уже давно должны быть в пути, — подтвердил слова Путининой Кривичев. — Все, девка, успокойся! Во всем сначала разобраться надо, прежде чем парня в таких грехах обвинять. Я думаю, скоро выяснят детали и отпустят твоего жениха. А нам ехать надо. Нечего тут мокроту разводять. Слезами делу не поможешь, — строго сказал Платонович, открывая пассажирскую дверь.

— Слышать про него ничего не хочу и видеть его тоже не хочу! — рыдая, причитала Верочка. — Ничего больше мне про него не говорите, — захлебываясь слезами, твердила она о своем.

— О, как ты осерчала!.. — удивился Платонович, подавая ей руку. Взяв бережно беременную Верочку под локоть, он помог ей забраться в кабину, затем, обойдя машину и тяжело вздохнув, сам уселся за руль. — Ничего, девка, как узнаешь, что парень ни при чем, да и время пройдет, сама потом остынешь, — едва слышно проговорил Платонович.

Устроившись удобнее на сиденье, он принялся запускать мотор. Загудев двигателем, потрепанный в боях ЗИС тронулся в путь. Машина везла Верочку в штаб дивизии, а затем ей предстояло ехать дальше, дальше и дальше от линии фронта и от тех мест, где были война, боль, страх, страдания, разочарования и, конечно, любовь.

Первое, что сделал Дмитров, как только отбыло дивизионное начальство, поручил Лосину до выяснения обстоятельств разместить в медслужбе полка фрау Бергер, а затем вместе со Штейном подполковник отправился к уполномоченному контрразведки полка капитану Гарнину.

Фёдору Никитовичу Гарнину чуть больше сорока лет. Темно-русые волосы зачесаны назад, лицо слегка вытянуто, взгляд твердый и уверенный. Характером капитан был спокойный, уравновешенный. В работе своей знал толк, выполнял ее честно, но без фанатизма. В каждом отдельном случае разбирался тщательно и до мелочей.

— Здравия желаю, товарищ капитан, — поприветствовал с порога Дмитров хозяина кабинета и, не дожидаясь ответа на приветствие, продолжил: — Не так часто к тебе, Фёдор Никитович, обращаюсь с просьбами, но в этом случае вопрос безотлагательный, — заявил Дмитров, заходя в достаточно просторное помещение. Следом за подполковником в кабинет вошел Штейн.

— Здравия желаю, Сергей Фёдорович, — ответил на приветствие Гарнин и, выйдя из-за стола, пожал ему руку. Поприветствовав командира полка, он подошел к Штейну. Пожав руку лейтенанту, Гарнин вежливо предложил офицерам присесть.

— Я по поводу Лаврушина Алексея, — продолжил разговор Дмитрий, усаживаясь на стул. Штейн расположился за столом напротив.

— Я и сам, товарищ подполковник, в большом сомнении, что Лаврушин смог так поступить, но и отпустить его не имею права, сами понимаете, приказ заместителя командующего артиллерией.

— Да я не о том хочу вас попросить, товарищ капитан, — эмоционально уточнил Дмитрий, — нам с ним поговорить срочно нужно. Алексей утверждает, что он девочку этой немки в санчасть доставил, чтобы медики помощь ей смогли оказать. А медсанбат, видимо, одного из наших стрелковых полков, а может, и полков наших соседей из Триста девяносто пятой стрелковой дивизии. Если это так, а скорее всего, по-другому и быть не может, то надо срочно этот медсанбат найти, пока он не сменил место своей дислокации. Нам самим необходимо найти и подтвердить у тамошней медицины тот факт, что Лаврушин доставил им раненого ребенка. Не верится в то, что про него этот подлец Сомиков наплел. Теперь эта сволочь утверждает, что он всего-навсего только подозревал насилие и проявил, так сказать, бдительность. Ох и мразь же!.. — возмущаясь, Дмитрий покачал головой. — Вы же понимаете, Фёдор Никитович, если мы с вами это по горячим следам не выясним и не подтвердим, потом намного сложнее будет доказать правоту Лаврушина, — топясь, излагал свое мнение Дмитрий.

В порыве желания помочь своему связисту, высказываясь, Батя то вставал со стула, то снова садился, его лицо было сосредоточенно, в теле чувствовалось напряжение. Во всем его облике было видно, с какой заботой и вниманием он относился к каждому своему солдату.

Слушая чужую оценку личности Макара Чудры, Фёдор Никитович промолчал. Это был его штатный информатор, и он знал Сомикова как облупленного. Гарнин, как никто

другой, понимал, с какой мерзостью ему приходится иметь дело, но выбор был небольшим: кто-то должен был выполнять эту грязную работу. Найти порядочного человека, который согласился бы доносить на своих сослуживцев, было делом провальным и практически невыполнимым, потому и приходилось терпеть и пользоваться услугами вот таких подлецов и подхалимов.

— Поговорить с Лаврушиным, конечно, можно, как я вам в этом могу отказать, да я и сам только что собирался этим заняться, — оживился Гарнин, понимая, что Дмитров вовсе не собирался требовать освободить Лёшку из-под стражи. Приоткрыв входную дверь, он громко выкрикнул в коридор: — Солодилов! Приведи ко мне в кабинет арестованного.

— Есть привести арестованного, — откликнулся охрипшим голосом сержант.

Послышались звуки отпирающихся замков. Через минуту в кабинет завели Лаврушина. Арестованный в сопровождении автоматчика предстал пред офицерами без наград, без ремня, руки заведены назад. Держался Лёшка мужественно, но обида в его глазах была заметна.

— Товарищ подполковник... — не сдерживаясь, с порога обратился Лёшка к командиру полка.

— Не спеши, Лёша, садись. Давай рассказывай все по порядку, — прерывая его речь, предложил Гарнин, указывая ему на стул.

— Ты эту девочку в какой медсанбат доставил? — задал вопрос Дмитров, едва Лёшка успел сесть на стул. — Номер их полка у фельдшеров или санитаров не спросил? — решил уточнить Батя.

— Да я как-то над этим, товарищ подполковник, и не задумывался, — растерянно ответил Лёшка, в недоумении осматривая своих командиров. — Девочку мне тамошний капитан медслужбы помог устроить. Он дал команду, чтобы ей оказали помощь, — торопился доложить Лёшка хоть ка-

кие-то детали. — И еще старшина там была, молоденькая такая, фельдшерица с веснушками на носу и щеках, — сообщил он, дотрагиваясь пальцами до лица и стараясь подробнее описать внешность понравившейся ему старшины.

— Да это все, Лёша, мелочи. Номер полка нам нужно знать, чтобы как можно быстрее этот медсанбат найти, — разочарованно вздохнул Гарнин, вставая со стула.

— У нас же как получилось, — снова заговорил Лёшка, — когда мы с Сомиковым назад стали возвращаться, на небольшую немецкую группу нарвались. Завязалась перестрелка, и нам, чтобы не рисковать, пришлось отступить. Немцев человек пятнадцать было, среди них два офицера. А потом, чтобы второй раз на фрицев не напороться, мы приняли решение обойти этот квартал левее. Вот там в одном из подвалов я медсанбат и приметил, туда же и раненую девочку доставил, — коротко рассказал Лёшка о происшествии и замолчал. На несколько секунд в помещении нависла тишина.

— Да... ну и история, — первым после короткой паузы заговорил Гарнин. — Теперь, Сергей Фёдорович, у нас один выход. Придется находить этот самый медсанбат по Лёшкиным ориентирам, если он за это время никуда не съехал, — заявил он, причмокивая.

— Ну что ж, как я понял, другого выхода у нас, товарищ капитан, действительно нет, — подтвердил слова уполномоченного Дмитров. Опираясь на край стола, Батя встал и, заложив руки за спину, прошелся по кабинету.

— Давай, Лёша, показывай, — обратился к Лёшке Штейн, протягивая ему свою планшетку с картой города, — где это здание находится и как его найти. У нас времени мало, надо засветло это дело проверить, — торопил его с ответом лейтенант. Поправив ворот гимнастерки, Лёшка начал подробно описывать маршрут, по которому они возвращались с задания, и на карте указал то здание, в полуподвале которого находился медсанбат.

Для поиска девочки и помещения медсанбата Гарнин выделил из своего отдела молодого лейтенанта и двух автоматчиков. Но поисковую группу, по распоряжению командира полка, все равно возглавил более опытный в боях лейтенант Штейн. Не теряя времени, захватив с собой фрау Бергер, группа выдвинулась на задание. Лёшка очень хорошо и подробно описал маршрут своего движения. Изредка пользуясь картой, Штейн достаточно быстро нашел это здание, в полуподвале которого еще по-прежнему находилась санчасть стрелкового полка Триста девяносто пятой стрелковой дивизии. С удивлением встретил Штейна и его группу капитан, который беседовал ранее с Лаврушиным. Он с первых минут подтвердил тот факт, что Лёшка действительно здесь был и оставил им раненого ребенка. Девочка к этому времени пришла в себя; ей сделали перевязку, напоили сладким чаем, и теперь она с нетерпением ждала свою мать. Радости не было предела, когда они наконец встретились, — навзрыд плакали обе. Зоя, с умилением наблюдая эту сцену, тоже прослезилась. Трудно было остаться равнодушным, уж очень трогательной была их встреча.

Доставив фрау Бергер с дочерью домой, группа вернулась в расположение штаба полка. Получив подтверждение о невиновности Лаврушина, об этом недоразумении доложили в штаб артиллерии дивизии, и Лёшку выпустили из-под стражи. Забрав свои личные вещи, документы и оружие, он, отблагодарив командование за чуткое внимание к нему, вышел на крыльцо.

На городских улицах утихал дневной бой, реже, чем ранее, рвались снаряды, и не так часто слышалась ружейно-пулеметная стрельба. Вздохнув полной грудью, Лёшка наконец расслабился.

— Что, Лёша, свобода?! — с улыбкой спросил его Штейн, выйдя из дверей штаба.

Следом за лейтенантом на улицу вышли Батя и Лосин.

— Глубже, Лёша, вдыхай воздух свободы, — шутя посоветовал ему Батя, услышав краем уха вопрос Штейна. Вся компания разразилась смехом.

— Ты вот что, Лёша, давай возвращайся-ка на свой пост. А то Дружинину без тебя там совсем несладко, — добавил лейтенант, похлопывая Лаврушина по плечу.

— Есть отправиться на свой пост, — выправившись и приставляя руку к шапке, ответил Лёшка. Развернувшись кругом, он уверенным шагом направился к передовой.

Не успел Лаврушин пройти и пары шагов, как из-за угла штаба появился Сомиков. В этот день он нес службу на коммутаторной. И надо же было такому случиться — в самый неподходящий момент он попался на глаза еще не остывшему от обиды Лаврушину. Завидев своего недруга, Лёшка ошетинился, как дикий зверь перед атакой; бесполезно было его останавливать. Да этого никто и не собирался делать. Хватило всего нескольких прыжков, чтобы Лёшка оказался перед лицом оторопевшего от страха Сомикова. Не раздумывая и без всяких слов он нанес своему обидчику резкий и сокрушительный джеб. Тело Сомикова как срубленный дуб рухнуло наземь, и он, оказавшись в глубоком нокауте, лежал неподвижно, так, будто его насмерть сразила вражеская пуля.

Стоящие на крыльце офицеры во главе с Батей так же безмолвно наблюдали эту картину, ни одним действием или словом не останавливая неожиданных Лёшкиных действий. Хотя неожиданной его реакцию и не назовешь, скорее она была закономерной. Повернувшись кругом, Лёшка, приложив руку к шапке, обратился к Бате:

— Прошу прощения, товарищ подполковник, не смог сдержаться. Можете меня вторично арестовать. Готов понести самое строгое наказание за свой поступок, — заявил он с каким-то облегчением в голосе.

Дмитров, стоя на крыльце, не промолвил ни слова. Не сдвинувшись ни на шаг со своего места, он лишь махнул

ему рукой в сторону поста, куда Лаврушину следовало идти. Понимая своего командира полка без слов, Лёшка улыбнулся и, вытянувшись в струну, отдал ему честь.

— Благодарю вас, товарищ подполковник! Разрешите идти? — на всякий случай переспросил он.

— Иди, Лёша, — коротко ответил Батя.

Утром следующего дня на площади у здания штаба артполка вновь появилась фрау Бергер. Держа мать за руку, рядом с ней шла Берта. Правая рука девочки через плечо подвязана бинтом, красивое лицо слегка исцарапано. На площади стояли грузовые машины, конные повозки, суетились люди. В кузова машин и подводы солдаты под окрики командиров в спешке загружали имущество и штабные документы. Штаб менял место своей дислокации.

— Стойте, фрау, сюда нельзя! — остановил женщину с ребенком бдительный караульный.

— *Guten Tag, Herr Soldat. Wie kann ich Ihren Kommandanten sehen?* (Здравствуйте, господин солдат. Как мне увидеть вашего командира?) — остановившись, спросила немка. Ее губы задрожали, на глазах появились капельки слез.

— Я, фрау, все равно вас не понимаю. Тут вам находиться никак нельзя. Отойдите отсюда, — вежливо, но настойчиво требовал солдат, держа на всякий случай перед собой карабин. Такое поведение караульного еще больше расстроило женщину.

— *Der gestern festgenommene Soldat muss dringend freigelassen werden. Es ist nicht seine Schuld. Ich habe mich geirrt!* (Солдата, задержанного вчера, нужно срочно освободить. Он не виноват. Я ошиблась!) — возбужденно говорила немка в надежде, что ее услышат и поймут.

Не приближаясь к спящим людям, она, захлебываясь слезами, стала метаться с ребенком то вправо, то влево вдоль невидимой запретной линии, которую ей не дозволено было переступить, и неистово искала глазами того, кто

мог бы ей помочь. Голубоглазая Берта, покорно следуя за матерью, с легким страхом и любопытством разглядывала советских солдат. Крепко держась за руку, она старалась ни на шаг не отстать от своей матери. Не понимая немецкого языка, солдаты с недоумением смотрели на непонятно чего требующую женщину с ребенком. Недоумевая, люди продолжали заниматься своими делами.

— Что она говорит?.. Чего эта немка хочет?.. — посыпались на караульного вопросы, ставя его в тупик.

— Да откуда я могу знать, что ей надо?! Я что вам, переводчик?! — огрызнулся солдат, недовольный тем, что в самый неподходящий момент создалась совершенно неудобная для него ситуация. На счастье караульного из штаба в сопровождении капитана Хейфича вышел Лосин.

— О! Надо же... Вчерашняя фрау объявилась, — сообщил он Хейфичу, повернувшись к нему вполоборота, — это та немка, из-за которой сначала арестовали, а потом отпустили Лаврушина.

— А что ей сейчас надо? — удивился Хейфич.

— Сейчас узнаем. Ты же у нас немного немецким владеешь, не так ли? — обратился к нему Лосин в надежде выяснить обстоятельства ее визита. — Вот и спроси, что ей опять потребовалось.

— А как ее зовут, ты не помнишь?

— По-моему, фрау Бергер. Да, точно, фрау Бергер, — подтвердил Лосин. — Сейчас я ее позову. — Фрау Бергер! Комм гер, — сходя с крыльца, на ломаном немецком громко крикнул майор.

Увидев офицеров, женщина оживилась. В ее глазах затеплилась надежда.

— *Guten Tag, Frau Berger* (Здравствуйте, фрау Бергер), — обратился к немецкой женщине Хейфич. — *Was wolen Sie? Kann ich Ihnen helfen?* (Чего вы хотите? Могу ли я вам чем-нибудь помочь?) — вежливо спросил ее капитан.

— *Guten Morgen, meine Herren Offiziere. Der gestern festgenommene Soldat muss dringend freigelassen werden. Es ist nicht seine Schuld!* (Доброе утро, господа офицеры. Солдата, задержанного вчера, нужно срочно освободить. Он не виноват!) — громко повторила прежде сказанные слова женщина, стараясь быть услышанной. Преодолевая нервное напряжение, она периодически поправляла берет. — *Ihr Soldat hat meine Tochter gerettet und sie haben ihn ins Gefängnis gesteckt! Das ist nicht richtig! Das ist meine Schuld! Ich möchte mich bei ihm entschuldigen. Ich möchte ihm danken. Lass ihn gehen, er ist nicht schuld!* (Ваш солдат спас мою дочь, а его посадили в тюрьму! Это неправильно! В этом я виновата! Я хочу перед ним извиниться. Я хочу сказать ему спасибо. Отпустите его, он не виноват!) — настоятельно требовала фрау, проявляя беспокойство о Лаврушине.

Ей было крайне неприятно осознавать то, что по ее вине мог несправедливо понести наказание вполне порядочный и благородный человек, оказавший необходимую помощь ее раненой дочери. Переживая за дальнейшую судьбу Лёшки, она пришла ходатайствовать перед командованием, чтобы его выпустили из-под стражи, а заодно попросить у него прощения за неумышленный наговор и поблагодарить за спасение Берты.

— *Beruhige dich Frau. Alles ist gut* (Успокойтесь, женщина. Все хорошо), — стал утешать ее равнодушный к чужой беде Хейфич.

— Что она хочет? — спросил Лосин.

— Фрау переживает за Лаврушина, — стал объяснять Хейфич, — боится, что он по ее вине может понести незаслуженное наказание.

— Передай фрау, пусть не переживает. Его уже выпустили из-под стражи, — попросил перевести его слова Лосин.

— *Ihr Soldat ist frei. Alles ist gut. Geh nach Hause. Er ist frei* (Ваш солдат свободен. Все хорошо. Иди домой. Он свободен), — Хейфич улыбнулся.

— *Ja? Ist das wahr?! (Да? Это правда?!)* — радостно воскликнула немка, вытирая слезы. — *Wurde er dem Gefängnis entlassen? Das ist gut. Sehr gut. Danke. Sag ihm danke. Möge Gott ihn bewahren* (Он вышел из тюрьмы? Это хорошо. Очень хорошо. Спасибо. Скажите ему спасибо. Да хранит его Бог), — всхлипывая и вновь заливаясь слезами, только уже от радости, твердила фрау Бергер.

Закрывая борта, машины стали разъезжаться. Конные подводки под крики ездовых медленно трогались в путь, людская суета у здания штаба стала стихать. А фрау Бергер все продолжала стоять, держа за руку свою БERTУ. Провожая взглядом уезжающий транспорт, она еще надеялась увидеть среди солдат Лаврушина, чтобы на прощание с благодарностью помахать ему вслед рукой.

* * *

Эта очередная подлость Макара Чудры, в результате которой Лаврушин едва не угодил под суд, была той окончательной точкой, после которой от Сомикова отвернулись все. Многие и здороваться перестали, а не то чтобы вступать с ним в разговор. Понимая, что из-за грани, которую он переступил, возврата уже не будет, Сомиков стал осторожничать, опасаясь выстрела в спину, обособился, и теперь его чаще можно было видеть одного, нежели в компании однополчан.

После демобилизации по причине беременности и скоротечного отъезда Воронина окончательно пропала и не выходила на связь. Верочка решила прекратить с Лаврушиным всяческие отношения, но почему, для всех так и осталось загадкой. То ли поводом стал этот злосчастный случай, который умышленно устроил Сомиков в день ее отъезда, то ли это решение было принято ею намного раньше — никто не знал. Письма, которые Лёшка отправлял с периодичной регулярностью на домашний адрес ее родителей, оставались для него безответными. Лёшка долго терзался в догадках,

мучился, страдал в неведении: где Верочка, что с ней? Ему как отцу хотелось бы знать, кто явился на свет Божий — сын или дочь... Но все эти вопросы как для него самого, так и для остальных однополчан остались нераскрытой тайной на долгие-долгие годы.

НА БЕРЛИН!

Двенадцатого апреля, согласно приказу командующего артиллерией Пятьсот тридцатой дивизии, полк, в котором служил Дружинин, был переброшен из района Мускау на новый участок. Дивизионы переместились на двенадцать километров севернее этого небольшого немецкого городка. За короткий срок командирам необходимо было изучить новый участок обороны противника, особенности расположения его огневых средств, а также методы их использования. Вся ответственность целиком и полностью легла на разведку. От кропотливой работы этой службы зависел успех будущей операции.

Между нашими частями и подразделениями противника протекала река Нейсе, шириною примерно в тридцать метров. На данном участке одновременно с прорывом обороны противника необходимо было произвести форсирование водной преграды, захват плацдарма и дальнейшее его расширение на западном берегу реки. Такая задача требовала надежного подавления огневых средств противника как на переднем рубеже обороны, так и во второй линии траншей. Берега реки с обеих сторон были низкие, поросшие хвойными деревьями. И лишь на расстоянии трехсот — четырехсот метров от берегов по обе стороны реки прибрежная зона резко поднималась (до двенадцати метров) над уровнем воды. Возвышенная территория этой зоны образовывала долину шириной семьсот — восемьсот метров.

Лесистая местность прибрежной зоны позволяла фашистам тщательно маскировать свою огневую систему. Офицеры артполка вместе с разведкой внимательно и придирчиво, до каждого метра изучали передний край обороны противника, стараясь вникнуть в мельчайшие детали. Тщательно обследуя берега реки, разведгруппам второго дивизиона удалось найти два брода. Дно реки в этих местах было твердым — песок с гравием. Это в какой-то степени вселяло надежду на более успешное форсирование водной преграды. На данных участках при наступлении командованием была запланирована переправа орудий вслед за штурмовыми группами пехоты. Одновременно с проведением разведки переднего края противника в ночное время велись работы по подготовке огневых позиций в районе первых траншей. Но сами орудия на заготовленные заранее позиции были доставлены в ночь перед наступлением.

Берлинская наступательная операция Первого Украинского фронта началась шестнадцатого апреля тысяча девятьсот сорок пятого года. В шесть часов пятнадцать минут заговорили стволы советской артиллерии всех калибров. Заключительным аккордом этого оркестра стали басистые залпы «сталинских органов». Как разъяренные стаи диких зверей снаряды один за другим срывались с установок бесствольных систем полевой реактивной артиллерии, тяжелым и смертоносным градом сваливаясь на немецкие траншеи. Для маскировки наступающих частей почти на четырехсоткилометровом участке всего фронта была поставлена дымовая завеса.

В шесть часов пятьдесят минут передовые части начали форсировать реку Нейсе. На штурмовые орудия возлагалась задача пробить проходы в проволочных заграждениях в том случае, если этого не произойдет в процессе общей артподготовки. С поставленной задачей артиллеристы справились весьма успешно. Когда штурмовые отряды двинулись вперед, огневые точки врага бездействовали. Это

способствовало успешному форсированию реки и захвату плацдарма на ее западном берегу. Противник был деморализован и оказывал слабое сопротивление. Через два часа под натиском наших наступающих подразделений немецкие части отступили на вторую линию своих траншей, неся при этом большие потери. Так, к исходу дня немецкие части отошли на пятнадцать километров в западном направлении на заранее подготовленные позиции в районе деревни Дубрауцке.

Наступление на реке Нейсе происходило вне населенных пунктов, что давало возможность нашим подразделениям с малыми потерями совершить прорыв вражеской обороны.

Аналогичная ситуация сложилась и при форсировании реки Квейс. Преследуя отступающего врага, полки Пятьсот тридцатой стрелковой дивизии восемнадцатого апреля заняли город Рейтен. На следующий день наши части с боями вышли на восточный берег реки Шпрее, в район населенных пунктов Кауше, Волькенберг и Гросс-Буков. К этому времени германскому командованию удалось подтянуть из глубины обороны свои резервы, и противник, перегруппировавшись, стал отчаянно сопротивляться. Здесь, при форсировании реки Шпрее, в ожесточенных боях погиб начальник штаба полка майор Лосин.

Вечером, когда затихла канонада, а в штабе продолжалась будничная суэта, подполковник Дмитров по своему обычаю пересматривал оперативные сводки подразделений. На глаза командиру попался пожелтевший лист бумаги, который нельзя было прикрепить к каким-либо сводкам или отчетам. Очевидно, кто-то из офицеров штаба, пребывая в эпистолярном настроении, еще в сентябре сорок третьего года простым карандашом написал эти строки:

«Ставится задача сбросить противника в Днепр. Отчетливо вырисовывается правый берег, видны и воды Днепра.

В упорном бою сопротивление противника сломлено, и части 530 стрелковой дивизии, поддерживаемые артиллерийским огнем 719 артполка, выходят на берег. Вспоминается Николай Васильевич Гоголь, вспоминается Тарас Бульба, вспоминаются и слова Гоголя из другого произведения: «Чуден Днепр при тихой погоде...»¹ И кто-то из воинов-артиллеристов добавляет: «Чуден даже во время боя».

Например, в отличие от мирного времени, сейчас, в сентябре, мы на другом Днепре. Вот стоит флотилия лодок, виднеются легковые автомобили, распластанные немцы, тонущий катер и барахтающиеся, тонущие фрицы тут и там; водяные столбы от разрывов снарядов 719 артполка. Командир третьего дивизиона старший лейтенант Лосин первый вышел на берег Днепра, первый потопил огнем своих батарей шесть лодок противника. Он первый вызвался форсировать Днепр. Величайший прорыв наступления, велика моральная сила бойцов и офицеров полка. Стрелки восхищены работой артиллерии».

Эти строки посвящались ему, Лосину. Он был храбрый и мужественный офицер, воевал не за награды — за свою землю, защищая свою семью, своих женщин, стариков, детей. Сашка справедливо дослужился до звания майора и, как опытный и талантливый командир, был назначен на должность начальника штаба полка. Тяжела была утрата. Горько и больно было сознавать, что его уже нет в живых. Горько и то, что война не щадила ни рядовых, ни офицеров.

Сергей Фёдорович вложил лист в папку оперативных сводок полка и понес ее писарю. Солдат встал, ожидая услышать замечания в свой адрес.

¹ Гоголь Н. В. Вечера на хуторе близ Диканьки. М.: Эксмо, 2021. С. 197.

— Подшейте этот лист к делу. Пусть эти строки войдут в историю, — с грустью в глазах сказал Дмитров и вышел на улицу.

Больше всех был огорчен смертью своего боевого друга Ротмас. За долгие годы войны они с Лосиным не просто сдружились, они сроднились. Корил себя Прокофий Митрофанович, что при последней встрече ему пришлось срочно отбыть в свой дивизион, так и не успев как следует попрощаться с другом. И вот теперь Ротмас отправлялся со своим полком на Берлин — а Сашка Лосин навсегда остался покоиться на офицерском кладбище немецкого города Зорау.

Ближе к полуночи наши части с боями взяли деревню Гросс-Буков. Южнее этого населенного пункта противник с трех сторон был окружен частями трех стрелковых дивизий, а с западной стороны его заблокировали наши танки. По ошибочной оценке разведки предполагалось, что в окружение попала незначительная группировка противника составом четыреста — пятьсот штыков и восемь — десять единиц бронетехники.

Утром двадцатого апреля немцы предприняли первую попытку вырваться из окружения. Свершив неожиданный рывок, они вышли на огневые позиции седьмой батареи. Боевые расчеты капитана Бирюкина встретили противника шквальным огнем прямой наводки. Бой завязался не на жизнь, а на смерть. Когда немецкие пехотинцы ворвались на огневые рубежи батареи, расчеты, отчаянно отстаивая свои орудия, вступили с фашистами в рукопашную. На помощь огневикам пришла наша пехота, решительной атакой противника удалось отбросить на прежние позиции. В этом неравном бою погибло девять человек из числа боевых расчетов.

Утром следующего дня немцы вновь пошли на прорыв. На этот раз местом для отчаянного удара противник выбрал небольшую деревушку Кауше. Сосредоточив в этом районе

свыше одного полка пехоты, около тридцати танков и большое количество зенитной и полевой артиллерии, фашисты во второй раз предприняли попытку отчаянного выхода из окружения. При поддержке танков и артиллерии немецкая пехота стремительным броском смяла боевые порядки наших стрелковых батальонов, сходу овладев деревней.

Когда немецкие подразделения добрались до окраин населенного пункта Ной-Петерсхайн, передовые отряды противника вышли на позиции четвертой пушечной и шестой гаубичной батарей. Боевые расчеты огнем своих орудий стали отчаянно прореживать ряды немецкой пехоты и бронетехники. Завязался кровавый бой. Наши огневики вынуждены были ввязаться в смертельную рукопашную схватку с превосходящими силами прорывающегося из окружения врага. Люди отчаянно отстреливались из стрелкового оружия, с гранатами в руках погибали под гусеницами вражеских танков, но не отходили от орудий и не сдавали своих огневых рубежей. Гусеницами немецких танков были раздавлены три 105-миллиметровых трофейных орудия четвертой батареи и две 122-миллиметровые гаубицы шестой батареи.

В этой жестокой схватке нашими артиллеристами было уничтожено до двухсот гитлеровских солдат и офицеров, подбито девять танков, два бронетранспортера и свыше сорока автомашин противника. Прорваться фашистам из окружения так и не удалось. Ближе к вечеру, понимая свое безвыходное положение, враг стал сдаваться. В плен в этот день было взято более двух тысяч немецких солдат и офицеров.

* * *

Вечером этого дня дивизия готовилась сдавать свои рубежи обороны. Подразделениям артполка через непосредственных командиров передали приказ о подготовке к очередному маршу. Дивизионы к этому времени были уже

на месте. На передовой остались лишь один стрелковый батальон с находящейся при нем пушечной батареей да батарея, прикрывающая штаб полка, на огневых рубежах которой находился Дружинин.

Внимание Анатолия привлекло появление дыма прямо перед траншеями переднего края. На позициях установилась напряженная и гнетущая тишина. Вскоре по цепочке стала передаваться наводящая ужас команда: «Газы!» Среди пехотинцев началась суматоха. Люди со слабыми нервами в страхе перед жуткой смертью в беспорядке стали покидать свои позиции. Вскоре паника охватила и людей из артполка. Дрогнувших перед страхом смерти было немного, но они были. Рука Дружинина безуспешно стала выискивать в подсумке надежное средство химзащиты. Но, кроме запасного куска кабеля, обнаружить в пустом подсумке ничего не удалось. Только теперь он вспомнил, что беспечно бросил свой противогаз в повозке Трощенко. Жуткая горечь сожаления овладела им.

«Ну вот зачем я оставил его в повозке? — задал себе вопрос Дружинин, сожалея о содеянном. — Неужели он мне настолько мешал, чтобы я так опрометчиво мог оставить столь необходимое сейчас средство химзащиты? И что теперь? Смерть по собственной глупости?!» Глядя на паническое бегство некоторых пехотинцев, можно было и самому предаться чувству страха и сбегать отыскать повозку Трощенко. Но он на боевом посту, и команды на разрешение покинуть этот пост не поступало. А значит, он, старший связист штабной батареи красноармеец Анатолий Дружинин, должен до конца выполнить свой воинский долг и оставаться на позиции, несмотря на смертельную опасность, которая грозит ему по причине собственной беспечности. Набравшись мужества, Дружинин попытался включить процесс самообладания. Но, наблюдая за тем, как бойцы его подразделения, готовясь ко встрече с газовой атакой, вытаскивают из подсумков свои противогазы, он

еще больше стал клясть себя за свою неосмотрительность. Мысленно прощаясь с жизнью, Анатолий в мольбе стал упрашивать своих друзей:

— Братцы! Друзья мои боевые! Об одном слезно прошу, не бросайте тело мое брэнное после смерти. Я не прошу копать для меня могилу двухметровой глубины. Хоть на метр, хоть на полметра, но прикопайте, чтобы воронье глаза мои безжизненные не выклеывало да зверье кишки по полю не таскало. И матушке моей с сестренками напишите, что сгинул я на земле немецкой не трусом или предателем, а погиб на боевом посту — хоть и по халатности своей, но и не со страху и не в панике сбежавши в тыл! — так слезно умолял он товарищей.

— Да прекрати ты, Толя, паниковать! Может, все и обойдется, — успокаивал его Солянок. — Что ты себя заранее хоронить собрался? Может, это вовсе и не газы, а просто дымовая завеса. А ты паникуешь! — продолжал утешать Дружинина Васька, внимательно всматриваясь вместе с оставшимися в боевых порядках людьми в приближающееся облако серовато-белого дыма.

— Вам легко рассуждать с противогАЗами в руках, а мне и с поста не уйти, и защититься от газов нечем, — продолжал голосить Анатолий.

Мимо с ужасом на лицах пробежали пехотинцы и их однопольчане, у кого не выдерживали нервы. Тщетно командиры подразделений пытались вернуть людей на свои места. Убегающих становилось все больше. Вытянутое по фронту облако, своеобразно раскручиваясь по спирали, медленно приближалось к передовой. Над нашей линией обороны нависла гнетущая тишина. Время как будто замерло и остановилось. Но вот через несколько минут тягостных ожиданий наблюдатели вновь прокричали: «Отбой газам!»

— Отбой газам! — по цепочке стали передавать спасительную команду.

От сердца Анатолия отлегло. Васька, как всегда, был прав: оповещение было ложным. Противник для маскировки смены своих боевых позиций организовал дымовую завесу, которую и приняли за газовую атаку, о возможности применения которой предупреждали ранее. Люди, переводя дух, вздохнули полной грудью. Те, кто уже успел облачиться в противогазы, стали снимать средства химзащиты, пряча их в под сумки. После короткого молчания стали слышны разговоры, крики младших офицеров, материвших своих подчиненных, смех, зазвучали шутки. Командиры подразделений осыпали ругательствами тех, кто, предавшись панике, сбежал, оставив свои посты. Над теми, кто струсил, а теперь возвращался в свои траншеи, смеялись и подтрунивали оставшиеся на постах товарищи. А командиры в ругательствах грозились предать трусов трибуналу. Все это теперь было и смешно, и горько. Не упустил возможности пошутить над Дружининым и Васька, вспоминая, как Анатолий собрался умирать, пораженный немецкими газами.

— Товарищ старшина, а у вас на хозяйстве запасные шаровары имеются?!

— А что случилось? — ничего не подозревая, спросил заботливый старшина. Люди посмеивались.

— А то ведь Дружинину свои портки не мешало бы и сменить. После газовой атаки врага они у него уже никуда не годятся, — обратился к Щербатову Солянок, складывая свой противогаз в сумку. — Обделался он малёха, товарищ старшина, когда команду «Газы!» услышал. Противогаз-то свой Анатолий в повозке у Ефима Трощенко оставил! Вот и разволновался наш герой, да так шибко, что в штаны наделал, — пояснил Солянок без тени улыбки на лице.

Сам Дружинин, довольный тем, что остался жив, теперь без всяких обид вместе со всеми смеялся над шуткой своего друга.

— Ты знаешь, Вася! Тут и с противогоазом в подсумке обделаешься, когда такую картину увидишь. Я сам, грешным делом, подумал, что конец, — оглядываясь по сторонам с явным желанием перекреститься, произнес Щербатов. — Но, слава богу, все обошлось. А ты, Васёк, не обратил внимания на странный запашок от того места, где наш Тимофей стоит? — усмехнулся старшина, подмигнув Ваське. — По моему, у нашего Семёнова шаровары тоже мокрые.

— А-а-а!.. Так вот, оказывается, откуда пахнет! — нахмутив брови, заявил Васька. — Ты, Тимоша, как газы-то пережил?.. У тебя все в порядке? — обратился он с серьезной миной к Семёнову. Взяв Тимофея за рукав гимнастерки и разворачивая на месте, он стал рассматривать его со всех сторон.

— А я чё?! Я ничё! И не надо меня разглядывать! Все у меня нормально! И штаны у меня вовсе не мокрые, — протестовал Семёнов, но на всякий случай свои шаровары он все-таки осмотрел.

— Ты, Тимоша, хорошенько посмотри и не стесняйся, — смеялся Васька. — Такое дело с любым из нас может произойти. Ежели что, то на пару с Дружининым ночью свои портки и постираете, чтобы днем ваши голые задницы немцы в бинокли не увидели, — действительно обратился он к Семёнову.

— Ладно тебе, Вася, шутки шутить! Сухие у меня штаны, и не испугался я вовсе! Нас еще на курсах новобранцев енттому делу учили — как себя при газовой атаке вести... — утверждал Семёнов, оправившись от испуга.

— Енттому делу тебя учили!.. Это тебе, Тимофей, не курсы в глубоком тылу! А самая что ни на есть передовая. И немец — он хоть газы, хоть дерьмо в самый неподходящий момент применить против нашего брата может. Так что ты, дружок, ко всему должен быть готов — это война, а не ученья, — пытался наставить на путь истинный молодого бойца Васька.

— Это какое еще такое дерьмо немец применить может?! — негодовал Семёнов ввиду своей неопытности и непонимания Васькиных шуток.

— А вот то самое что ни на есть обыкновенное дерьмо враг может использовать! Такие атаки, кстати, часто немцы на разных фронтах успешно применяют. И делают они это, между прочим, с превеликим успехом. Если ты не знаком с практикой таких артналетов, но очень интересуешься, то я могу тебя и просветить.

— Ну, расскажи, что это за чудо-оружие такое, — пребывая в смутной неуверенности, согласился Тимофей.

— Это не чудо, Тимоша, а самое настоящее оружие массового поражения. И заведует у немцев этим оружием специальный отряд, обозначенный под кодовым номером Г-202, — нахмутив брови, начал свою очередную байку Солянок. — Это тебе не шурум-бурум, так как состоит подразделение в личном подчинении не у кого-нибудь, а у самого Геббельса! Понятно?! — произнес Васька, поднимая указательный палец вверх. — Непосредственную цель атаки назначает только он лично. И происходит весь процесс зарядки в строжайшей секретности. Охрана усиленная — не подступиться! Заряжают, значит, эти супостаты в снарядах свои испражнения, да еще и не жалеют этой гадости — побольше, побольше стараются туда этого «добра» запихать, — вдохновенно рассказывал Васька, изображая руками заправку снарядов. — Ну а потом, когда все проверено, пристрелка плановых огней произведена и орудия к стрельбе готовы, враг этими заряженными боеприпасами и открывает беглый огонь по нашим позициям. Вот тут наших доблестных солдат этой мерзостью и накрывает. Ты, Тимоша, еще молод и даже представить себе не можешь, какое это смертоносное оружие. Чтобы тебе было известно, оно даже запрещено Женевским протоколом от тысяча девятьсот двадцать пятого года. Только фашистам плевать на Женевскую конвенцию. И они до сих пор грешат этим

делом. А ведь это оружие в десятки, если не в сотни раз страшнее газа зарин. Пятьдесят процентов личного состава, попавшего под такие атаки, погибает сразу или просто теряет сознание. А оставшиеся в живых, задыхаясь от зловонья да чтобы не погибнуть, надевают противогазы и спешат побыстрее от этого дерьма отмыться. Вот тогда немцы быстренько в атаку на нас, голых, как тараканы и прут. Ну а нам только и остается, что с голыми задницами в тыл бежать. Тебе еще при таких мерзких атаках не приходилось присутствовать, но ты заранее знай, что и такую подлость враг свершить тоже может. На то он и враг! А он не дремлет! Не то что ты на посту, — закручивая самокрутку, призывал к бдительности Солянок, а люди посмеивались, слушая Васькину небылицу.

— Ну ты, Вася, как всегда!.. Как придумаешь чего-нибудь, так хоть стой, хоть падай. Такого не бывает.. Я еще нигде не видел, чтобы немцы го..ом стреляли! — нахмутив брови, возразил Семёнов.

— Святые угодники!.. Ты посмотри на него! Еще один вояка отыскался! Ты, Тимофей, нигде еще и не воевал, чтобы про такое адское оружие слышать! Потому и не знаешь. А я вот под такую атаку еще в Финскую попадал. Финны — они тоже засранцы еще те. Бывало, как пальнут, так если жив и останешься, то потом хоть отмывайся, хоть не отмывайся — все одно: от тебя еще недели две их дерьмом вонять будет. Это с недавнего времени они наши союзники. И теперь вместе с нами против Гитлера воюют. А в тридцать девятом нам против этих самых финнов воевать приходилось, — продолжал деловито Солянок, — уж я-то их знаю!..

— А разве финны теперь наши союзники? — удивленно спросил Семёнов, оглядывая окружающих. Казалось, он ожидал от них поддержки.

— Да, Тимоша! Ты с каждым разом меня удивляешь все больше и больше. Наверное, придется тебя отправить на собеседование к политруку, если ты капитана на политзаняти-

ях совсем не слушаешь. А ведь он для таких несознательных бойцов, как ты, специально объясняет не только обстановку на фронтах, но и политическую ситуацию в мире, — стыдил Тимофея Солянок. Дымя раскуренной сигаркой, Васька настолько вошел в роль политработника, что теперь, важно расхаживая перед Семёновым, он жестикулировал, в точности подражая политруку полка.

— И чего это я мог не услышать? — удивлялся Семёнов.

— Если вы, Тимофей, не в курсе событий в мире, то это лишний раз говорит о вашей политической несознательности и низких идейно-нравственных качествах. В свою очередь я, как старший товарищ, должен с полной ответственностью возложить на себя обязанность наставника и учителя. И немедленно принять все надлежащие для этого меры. Ведь не только беззаветный героизм и дисциплина могут спасти положение на фронте. Важной частью в нашей неизбежной победе над врагом является именно политическая сознательность каждого красноармейца! Я подчеркиваю — каждого! А вот в это самое время, когда наши доблестные части Рабоче-крестьянской Красной армии стоят у самого логова ненавистного всему миру врага, некоторые несознательные бойцы игнорируют политические занятия, которые регулярно проводят наши политработники, а также партийные и комсомольские активисты, — разошелся не на шутку в своей пламенной речи Васька, размахивая при этом жестким кулаком. Подражая пылкому оратору, выступающему с высокой трибуны, он нещадно крушил идейно отстающий элемент. — И это в такой ответственный для истории момент...

— Да... чего ты, Вася, опять ерунду говоришь?! — оборвал его на полуслове разволнованный не на шутку Тимофей. Он никак не мог понять, шутит Солянок или говорит уже вполне серьезно. Ведь вопрос стоит о политической сознательности! — Да я ни одного политзанятия не пропустил! Чего это я гнорирую?! — испуганно протестовал Семёнов.

— Так это дела вовсе и не меняет. Значит, вы умышленно или непреднамеренно (в этом еще нужно будет разобраться) не вникаете в суть политической обстановки как в стране, так и во всем мире в целом. А капиталисты в тесном сотрудничестве с фашизмом и всякой политической нечистью пользуются безответственностью и низким уровнем социалистического сознания таких нерадивых бойцов, как ты. Используя такой несознательный элемент, они внедряют в наши ряды провокаторов и диверсантов. А те в свою очередь ведут свою подлую пропаганду среди наших бойцов, подрывая тем самым моральный дух советского солдата. И как следствие, то здесь, то там на фронте появляются то трусы, то дезертиры. А потом мы удивляемся: откуда они берутся?! А вот он вам — пример налицо! — нахмутив брови, указывал на Семёнова окружающим их бойцам Васька.

Тимофей, сраженный таким обвинением, продолжал стоять в недоумении; он не знал, как вести себя в этой ситуации. Лицо Семёнова от страха стало бледным, губы нервно начали трястись. Солянок понял, что он всерьез напугал наивного Тимофея своей пламенной речью, ему стало жаль этого молодого и неопытного бойца. Изменившись в лице, Васька решил, что накал страстей надо все-таки снизить.

— Вот ты, Тимоша, говоришь, что присутствовал на всех политзанятиях. Так? — спросил его Солянок уже не столь строго.

— Да. К-конечно, — заикаясь, ответил не на шутку испуганный Тимофей. Уж больно убедительна была Васькина речь.

— Тогда как же ты мог не слышать, что страны, ранее воевавшие с Гитлером против Советского Союза (Италия, Румыния, Болгария и Финляндия), объявили войну своему бывшему союзнику? Газеты, Тимофей, надо читать! И в первую очередь нашу дивизионную газету под названием «Ворошиловский стрелок». А ты, товарищ Семёнов, наверное, считаешь, что корреспонденция предназначена

исключительно для закрутки сигарок? И о том, что проводились переговоры о перемирии между тремя нашими союзными государствами и правительствами этих стран, что я тебе перечислил, замполит наш тоже говорил. Нужно просто было его внимательно слушать. Но ты, наверное, в этот момент мечтал о своей красавице соседке. И воображал, как ты сразу после нашей победы на вашем колхозном сеновале штурмом будешь брать эту неприступную, как Измаил, крепость. Пребывая в этом сладострастном порыве, трудно услышать слова политрука. Куда уж тут до международной политики, если у тебя женщина на уме? Правильно?! А раньше я в тебе, Тимоша, как-то не замечал признаки женолюбца. Но, видимо, ошибался, — резюмировал Васька, смеясь и грозя при этом пальцем.

Отлегло от сердца и у Семёнова. Наконец он понял, что это не серьёзный разговор, а очередная Васькина шутка. Обрадовавшись такому обстоятельству, теперь и он смеялся вместе со всеми.

— Да ничего я не думал... А ты что, Вася, действительно в Финскую воевал? — спросил Семёнов, когда люди успокоились от смеха.

— Ага, воевал! Ты слушай его больше! Так он тебе расскажет и как в Русско-японскую Ляоян оборонял, и как с турками в Крыму сражался! А если ты, олух, развесивши уши будешь и дальше его слушать, так он тебе может и о своем участии в Отечественной войне тысяча восемьсот двенадцатого года рассказать. Ты только рот шире разевай, — не выдержав, вспылил старшина, понимая, что если вовремя Ваську не остановить, то он до вечера будет свои байки Семёнову рассказывать, а полк в это время готовился к маршу.

Фронт продвигался на запад, и Семьсот девятнадцатый арtpолк, оставляя прежние позиции, маршем выдвинулся вперед по дорогам Германии.

В одном из населенных пунктов в разрушенных артобстрелом немецких складах разведчики разжились несколькими ящичками папирос. Часть ящиков разделили между однополчанами, а один в качестве подарка преподнесли командиру полка. Папиросы бойцы положили в командирский «виллис», из которого уже через час они бесследно исчезли. Конечно же, люди и без проведения следственных мероприятий догадывались, кто мог их украсть. Но доказательств тому не имелось: не пойман — не вор.

Шкода не раз был замечен в воровстве личных вещей у однополчан, за что периодически и получал по заслугам.

Геннадий Сафонов родом из Чувашии. Он был небольшого роста, мешковатый, с круглым лицом и маленькими серыми, постоянно бегающими глазами. Носил гимнастерку с вечно засаленными рукавами, шаровары не по росту с грязными обмотками до колен, а на ногах ботинки, которые никогда не видели сапожной щетки. Выглядел Сафонов совсем не военным человеком. Вороватая натура вынуждала его заниматься кражами если не часов и зажигалок, то всякого рода мелочей, которые для такого человека представляли особую ценность. И если безделушка привлекала его внимание, то Сафонов прилагал всяческие усилия для того, чтобы ее стащить. За свою плутоватую натуру он и получил прозвище Шкода. Мелкие шалости ему как-то прощались, ведь они были пустяками. Но терпению приходил конец. Люди были крайне возмущены, узнав о пропаже папирос из «виллиса» комполка. За такую наглость воришку требовалось как следует проучить.

— Этот подлец совсем обнаглел, — негодовал Прусов, — надо же — у Бати посмел подарок стащить!

— Ну что, братцы, разоблачим воришку? — предложил Штейн, собрав своих бойцов возле дома, в котором расположился его взвод.

— Да, но только надо все это предварительно обмозговать. И повернуть дело так, чтобы Шкода и не заподозрил, что мы затеяли, — присаживаясь на крыльцо, высказал свое мнение Лаврушин.

— Конечно, надо наконец вывести жулика на чистую воду и проучить как положено, а то так отделается то пинком, то подзатыльником, а по-серьезному никто его и не наказывал. Вот он и обнаглел, — возмущался Топчак, вспоминая, как Сафонов еще зимой стащил у него трофейную зажигалку.

Бойцы предложение командира одобрили и стали уже придумывать наказание. Но воображаемые экзекуции Штейн настоятельно отверг, предлагая конкретное мероприятие.

— Значит, сделаем так! Первым делом по очереди каждый будет подходить и просить у Сафонова закурить. А как только у него папиросы закончатся, он обязательно пойдет к своему тайнику. Здесь и надо будет незаметно проследить, где он прячет украденное, — озираясь по сторонам, таинственно предложил командир. — Так вот, первый начнет просить у него закурить Ваня Топчак, потом остальные. А вот проследят, где он свои запасы прячет... — Штейн призадумался, выискивая глазами подходящие для этого дела кандидатуры, — Солянок и Лаврушин, — наконец выбрал он. — Анатолий, ты на всякий случай ребят подстрахуешь, — добавил спокойно лейтенант, подмигнув при этом Дружинину. — Ну что, всем все ясно?

— Понятно, товарищ лейтенант, — ответил за всех Анатолий.

— Тогда расходимся, — скомандовал Штейн, отправляясь по своим делам.

План разработан, осталось его претворить в жизнь. Как и договорились, Топчак первым отправился на задание и, настигнув Сафонова возле санчасти, выпросил у него одну папиросу, чтобы закурить сейчас, и одну про запас. Черты-

хаясь, Ваня пожаловался, что свои папиросы он по неосторожности промочил. Ближе к обеду Дружинин заметил, что, закуривая последнюю папиросу, Шкода, смяв очередную пачку и оглядываясь по сторонам, выбросил ее под колеса стоящего рядом «форда». Дав условный знак Ваське и Лаврушину, он отправился к Петрину помочь починить катушку, так как Игнат еще утром к нему обращался за помощью. Василий с Лёшкой еще долго выслеживали вороватого Сафонова, пока тот, уже после обеда, не привел-таки их к своему «схрону».

Тайник воришка устроил в развалинах бывшей немецкой казармы. Как шкодливого кота Лаврушин тащил жулика за ворот гимнастерки, а Солянок гордо шел рядом, с ящиком трофейных папирос — тех, что Сафонов стащил из командирского «виллиса». Уверенная походка Лёшки составляла резкий контраст с неуклюжей фигурой Шкоды. Люди как по команде стали стекаться к штабу. На крыльцо вышел командный состав, наблюдая, как солдаты, собравшись на небольшой площади, ждут, каким образом командир накажет воришку.

— Ну и внешний вид! — заметил Дмитров, глядя на Шкоду.

Гимнастерка у Сафонова сзади собрана как попало, ремень перекошен, ботинки и обмотки до самых колен перепачканы красной кирпичной пылью и грязью. Чумазое лицо беспомощно, как у ребенка. Люди смотрели на это ничтожество, сокрушенно качая головами. Предложения стали поступать разные, от физической расправы до расстрела. Сконфуженный от стыда, Шкода вспотел. Он стоял с багрово-красным лицом, переминаясь с ноги на ногу, теребя в трясущихся руках потрепанную шапку. Пауза затянулась. Понимая, что Батя не станет применять к Сафонову жестких мер, в центр вышел Топчак. Принимая эстафету от Лаврушина, Иван взял за шиворот воришку, отчего и без того маленького роста Шкода, казалось, стал ничтожно мал. Бога-

тырская рука Топчака держала за шиворот Сафонова, как побитого пса.

— Товарищ подполковник, мы понимаем, что вам за ящик трофейных папирос не хочется этого жулика под трибунал отправлять. И не надо! У нас с ним свои счета есть. Он у своих однополчан много чего украл, за что мы его Шкодой и прозвали. У нас к вам, товарищ подполковник, одна просьба: разрешите, мы сами его накажем, — обратился с просьбой к Дмитрову Иван.

— Да, товарищ подполковник! Мы сами с ним разберемся. Казнить его, конечно, никто не будет. Можно мы, с вашего позволения, с ним малость «поиграем», чтоб и ему наказание было да и мы за все его воровские деяния душу отвели? — под смех однополчан предложил Лаврушин.

С разных сторон посыпались шутки. Вздрагивая всем телом, засмеялся и Дмитров.

— И куда, Лёша, мне потом девать это чудо после ваших процедур? В нашем же полку его не оставишь, — смеялся Батя, отвечая на шутку Лаврушина. Смех как гром грянул на пощади. — Не надо, товарищи, — отвергнул подполковник Лёшкино предложение, — у нас здесь боевой артиллерийский полк, а не Содом и Гоморра, — успокоившись от смеха, заявил Батя. — Я думаю, Сафонов исправится, просто надо дать ему шанс. Надеюсь, он поймет и осознает свою вину, — снисходительно обратился Дмитров к воришке, — пусть пообещает, что не будет больше воровством заниматься, да и идет себе с миром. Оставьте его... — махнул рукой подполковник и, улыбаясь, направился к дверям штаба.

Шкода, продолжая мять в руках шапку, что-то стал бубнить себе под нос, распинаясь в обещаниях, но его уже никто не слушал. Батя с офицерами стали заходить в здание штаба полка, чтобы заняться насущными делами, а люди, не удовлетворенные помилованием, стали расходиться. Лёшка от досады, что потратил полдня своего времени

на слезку за Шкодой, так и не дождавшись справедливого наказания для него, развернул мазурика за шиворот и, со злостью матюгнувшись, дал ему смачного пинка под зад. Наблюдая за этой сценой, Васька Кузнецкий рассмеялся, и его искренний детский смех поднял настроение бойцам. Жизнерадостный Солянок, в отличие от своего друга Лаврушина, особо не расстроился. Раскурив трофейную папиросу, он устроился на ступеньках широкого крыльца, наслаждаясь теплом весеннего дня. Здесь к нему в недоумении обратился Семёнов.

— Ты знаешь, Вася?! Я вот что-то не пойму, а как это Лаврушин собирался играть с Сафоновым? — присаживаясь рядом, задал он неожиданный вопрос.

Бойцы, увидев вместе Семёнова и Ваську, сообразили, что сейчас будет над чем посмеяться. У крыльца тут же собралась небольшая группа, куда устремились и Дружинин в обнимку с Кузнецким.

Понятно, что еще не искушенному в разного рода соблазнах Семёнову не было ничего известно о греховных играх. С раннего детства это слово было знакомо ему как совершенно невинное занятие. Игра — приятное развлечение, а соответственно, в его сознании оно никак не увязывалось с наказанием.

Смачно затянувшись, Васька выдохнул большой клуб дыма и деловито обратился к Семёнову с вопросом:

— А ты что, Тимоша, не знаешь, в какие «игры» в таких случаях играют?

— Нет, не знаю, — пребывая в смятении, ответил Семёнов, с сомнением поглядывая на хихикающих солдат.

— Святые угодники! Ну ты, Тимофей, даешь! Не думал я, что ты не посвящен в такого рода деликатные дела. Что же, тогда слушай! — с деловым видом распорядился Васька. Для пущей важности он встал и, проведя пальцами по ремню, продолжил: — Ты знаешь, Тимофей, очень неприятно, когда в коллективе появляется такой мазурик, как Шкода, который

начинает творить разные подлости среди своих товарищей. Обидно и досадно, когда у людей начинают пропадать часы, зажигалки и прочие личные вещи. И ведь свершает свои подлые делишки эта мразь тайком, исподтишка. Обнаружить и поймать с поличным такую гадину очень тяжело. Он о-о-очень осторожен, — прищурившись, покачал указательным пальцем Васька. — Но если постараться, вот как сегодня, то можно эту сволочь на чистую воду и вывести. И вот когда такую суку ловят с поличным на воровстве или других пакостных делах, тогда первым делом хорошенько бьют. Ну, это делается для того, чтобы довести подлеца до определенной кондиции. Затем его заводят в какое-нибудь помещение, подальше от посторонних глаз, где еще раз проводят с ним профилактическую беседу. Хотя это не принципиально, можно и без профилактики. А потом уже приступают непосредственно к «игре». Сама «игра» особых сложностей тоже не представляет. Заключается она в том, что в первую очередь с жулика публично снимают штаны и нагибают ему голову до самой земли. Вот в таком непристойном виде, сверкая своим голым задом, он и остается стоять посреди комнаты. Ну а потом желающие по очереди начинают подходить и искать у него драгоценности. Кто первый найдет — тот и выиграл. Вот такая, значит, забавная «игра», — без излишних эмоций растолковывал наивному Семёнову Солянок. И произносил он эти слова настолько серьезно, что при этом не дрогнул ни единым мускулом на лице.

С трудом сдерживая себя от смеха, Анатолий несколько раз прыснул, прикрывая ладонью рот. Стоявший рядом с ним Васька Кузнецкий, в отличие от него, так твердо сдерживать себя не мог. Хватаясь за живот, мальчишка корчился от раздражающего смеха. Хохот среди солдат нарастал, хотя каждый понимал, что дальше будет еще интересней, но, созерцая такую сцену, сдержаться от смеха было невозможно.

— А какие могут быть драгоценности в заднице у Сафонова? Он что там, золото, что ли, прячет?! — нерешительно

спросил Тимофей. Взрыв смеха сотряс улицу. — Вот еще чего! Стал бы я этим постыдным делом заниматься! — нахмурив брови, возмущился молодой боец, презрительно отвернув лицо.

Стоявшие рядом люди заливались смехом. Громче всех пронзительно смеялись Кузнецкий и Ваня Топчак, заражая всех остальных и еще больше раззадоривая Ваську.

— Да, Тимоша! Молод ты еще, потому ничего и не ведаешь про драгоценности. И в каких местах их искать надо, тоже не знаешь. Ты с такими вопросами лучше к Лаврушину как-нибудь обратись, у него в этом деле бога-атый опыт. Он тебе на эту тему целую лекцию прочитать может. А лучше будет, наверное, если ты с ним на практические занятия к местным немкам сходишь, пока у нас короткая передышка.

— Опять ты, Вася, ерунду всякую говоришь. Куда это я с Лёшкой идти должен? И золото у немок бог знает где выискивать?! Не дай бог, еще и Смерш нас с этими драгоценностями поймает! Так и под трибунал загреметь немудрено.

— Ну, в этом деле, Тимоша, нужно быть осторожным, чтобы не попасться, — заботливо советовал Солянок.

— Да и вообще, что-то ты, по-моему, загибаешь с этими ценностями-драгоценностями, — недовольным голосом пробубнил Тимофей, сомневаясь в искренности Васькиных слов.

Бойцы хохотали над шутником Васькой и наивным Тимофеем, передышка позволяла дать волю веселью. Не так уж и много было его у солдат, вот они от души и смеялись, сполна отдаваясь эмоциям.

В дружеских беседах Лаврушин неоднократно рассказывал о своих веселых довоенных приключениях, связанных с любовными похождениями. Люди еще долго смеялись над амурными историями своего боевого товарища, но для шутника Васьки это был повод при каждом удобном случае отметить пристрастия друга особой строкой. Лёшка, конечно,

на шутки не обижался, ведь Солянок делал это деликатно, без посвящения посторонних в детали.

— Вот ты, Вася, мне голову морочишь! А я просто понять не могу: если мы собрались Шкоду наказать, то причем тут игра с какими-то драгоценностями? — настаивал на подробностях неудовлетворенный Васькиным ответом Тимофей.

— Понимаете ли, уважаемый Тимофей Семёнович?! Как вам наконец-то все это правильно пояснить, человеку простому и безразличному к продолжению рода человеческого? — жестикулируя, продолжал Солянок, выхаживая взад-вперед возле ступенек. — Вот какой-то ты, Тимофей, безжизненный! Нет в тебе этой неистовой энергии огня!.. Инстинкта самца или охотника, потому ты и не можешь познать всю истину зачатия жизни. А для того, чтобы понять, тебе надо хоть мало-мальски, да на кого-нибудь разозлиться. Ну вот, допустим, на женщин — за то, что они тебе отказывают. Так вот, разозлившись, ты должен пойти и всем доказать, что зря они тебе отказывают. Правильно? — говорил абы что Васька, стараясь запутать Семёнова и еще больше развеселить своих боевых друзей.

— В чем они мне отказывают? — растерялся Тимофей.

— Вот видишь! Ты даже не знаешь, — философствовал Васька, стараясь как можно дольше продлить беседу. — Хороший ты малый, Тимоша, душевный и без зла на сердце. А гордые дамы видят это и, виляя хвостом прямо перед твоим носом, как бы издеваются над тобой.

— Да при чем тут, Вася, доброта моя?! Никто надо мной не издевается! И вообще, я у тебя про игру спросил, а ты какую-то ахинею о хвостах несешь, — рассердился не на шутку Семёнов.

— Вот! Вот! Это уже по-взрослому! Вижу злость твою недетскую. А что касается сущности твоего вопроса, то могу тебе прямо пред лицом твоих товарищей сказать: что, Библию-то ты, видимо, не читал? А ведь даже в Священном Пи-

сании об «играх» хоть немного, но тоже кое-что прописано. Я сам, конечно, как положено советскому бойцу, человек неверующий. Но некоторые главы, а вернее, стихи из Священного Писания, по причине своего всестороннего образования при случае мог бы и процитировать. Поэтому ради твоего же блага могу на досуге и тебя просветить. Так вот... Сам процесс поиска драгоценностей, в смысле «игра», — процедура совсем не безобидная! Но! Это только для таких вороватых мужиков, как наш Шкода. А вот что касается женщин, тут история несколько другая, — не сдерживая улыбку, старался пояснить Василий, глядя при этом на смеющегося в толпе Лаврушина. — Да ты, Тимофей, не переживай, а попросту ложись на своего боевого товарища. Ведь он в этих делах большой профессионал! А профессионалам, друг мой, доверять надо, потому и предлагаю тебе поход к немкам. Тогда, может быть, ты и поймешь, что значит «игра»!

Васька, понимая пошлость раскручиваемой темы, старался как-то обойти ее острые углы, но с азартом вовлекшегося в дурачество, с этим делом получалось плохо. Каламбурия, он так запутал мысли своего собеседника, что ничего не понимающий Семёнов стоял и не знал, как себя вести при такой откровенной беседе и что говорить. Неоднократно открывая рот, он пытался возразить, но никак не мог прервать пламенную речь оратора. А Солянок, в свою очередь, понимая смятение Тимофея, не унимался:

— Жаль мне тебя, Тимоша, ей-богу, до глубины души жаль, что ты терзаешь себя в сомнениях и не доверяешься более опытному в жизни боевым товарищам. Поэтому с полной ответственностью могу посоветовать: сходи, Тимофей, сходи, не пожалеешь; и «игры» состоятся, да и немки вам еще спасибо скажут. Ну, само собой, может, и драгоценностями наградят. А самое главное, будет что тебе после войны односельчанам в своем родном колхозе рассказать. У нас ведь на фронте что? Сплошное однообразие! Бои, походы,

походы да снова бои — и удивить народ нечем. А так, смотришь, и ты о своих связях с женским населением ненавистной нам Германии слово замолвишь: как ты всеобщую нашу ненависть к врагу со всей своей мужской сознательностью не куда попало, а в нужное место выплеснул! А вот тут тебе сразу и почет, и уважение!

— Что за бред сивой кобылы?! Я так и знал, что ты, Вася, путного ничего не скажешь! Удачу зацепить я должен! Понял я, куда ты клонишь. И не надо мне было вокруг да около про немок рассказывать. Кто это со Шкодой в такие игры играть будет? Стыдоба, да и только! Лучше бы я, Вася, у тебя ничего не спрашивал, — выражая свое недовольство, высказался Тимофей, отмахиваясь.

— Вот вожусь я с тобой, Тимоша, как с дитем малым, и ругаю себя, что до сих пор не могу в тебе мужское твое начало разбудить. И смешно мне от этого, и плакать порой хочется, что никак ты науку эту жизненно важную постичь не можешь. И как мне прикажешь в глаза своим боевым товарищам смотреть? Я же для тебя как наставник, как старший товарищ... Можно сказать, как отец родной! Ведь я тебя не куда-нибудь, а на такое важное и нужное в твоей жизни задание отправляю, доверяя драгоценную жизнь твою в руки самого надежного и проверенного в боях товарища! А ты опять на дыбы встаешь, как жеребенок необъезженный. Только ты вопрос про «игру» задал — ну вот, думаю, наконец-то созрел наш пострел, осталось только в нужное русло его направить. Ан нет. Он опять за свое: «стыдоба, да и только»!.. Конечно, стыдно. И воровать стыдно, и быть наказанным... А за что Лаврушину-то стыдиться? За то, что жулика наказать требовал? Так это для его же блага, чтобы тот жил и, держась за...

— А-а-а! Брехалка, брехалка! — не выдержав, взорвался в возмущениях Тимофей. — Вертишь ты, Вася, своим языком, что корова хвостом. Еще чего придумал!.. Избавь бог, чтобы я у тебя еще чего-нибудь спросил!

— Да не торопись, Тимоша, дай я тебе до конца все объясню, — заливался смехом Солянок.

— Хватит тебе уже!.. Наговорил ты мне здесь, Василий, семь верст до небес про ценности какие-то. Тьфу, гадость какая! — громко сплюнул Тимофей и пошел прочь от развеселившейся компании.

* * *

Сопrotивляясь, враг отступал. С боями части Пятисот тридцатой стрелковой дивизии к двадцать восьмому апреля приблизились к пригороду Берлина — деревне Ванзее. Населенный пункт находился на острове с одноименным названием между рекой Хафель и небольшими протоками озер. Здесь на сравнительно маленьком клочке земли сосредоточились несколько разношерстных батальонов противника (свыше десяти тысяч человек) с тремя десятками танков и самоходных орудий. К концу дня после непродолжительной артподготовки нашими стрелковыми батальонами при поддержке частей Десятого гвардейского танкового корпуса началось форсирование канала. Заблокированные на острове фашисты отчаянно сопротивлялись, пытались скинуть наши подразделения с занятого плацдарма. В последующие дни подоспевшие на помощь другие части и соединения Тринадцатой армии стали теснить врага с других направлений, вынуждая его сложить оружие.

Немецкое командование, зажатое со своими подразделениями в стальные клещи советских войск, прекрасно понимало безысходность ситуации. Выбор для них был небольшим: сдаться в плен или, собрав все свои силы в один большой кулак, идти на прорыв. После короткого совещания в штабе противника немецкими генералами было принято решение прорываться из окружения.

В ночь с первого на второе мая фашисты небольшой группой свершили отвлекающий удар в западной части острова, а основными силами с северной стороны наладили пе-

реправу через канал и, сконцентрировавшись на небольшом участке, пошли на прорыв.

Наш сорванец Васька Кузнецкий как раз в эту ночь оказался здесь, на острие предстоящих событий. Ночевать он должен был, как всегда, при штабе, ведь командование полка да и все рядовые бойцы своего воспитанника берегли, стараясь держать мальчишку подальше от передовой. Только в этот раз он обманул адъютанта Бати, решив заночевать с артиллеристами. (Пацан — что еще можно сказать?) Второго мая к двум часам пополуночи караульные подняли тревогу.

— Тревога! Тревога, братцы!.. Немцы!.. Немцы пошли в атаку!.. — послышались со всех сторон оклики, заглушаемые стрельбой.

Сходу смяв наше боевое охранение, фашисты ринулись на позиции десятой батареи. Люди, срываясь с мест, открыли огонь по врагу. Разбуженный неожиданной стрельбой, Васька, схватив на ходу чье-то оружие, тоже выскочил из блиндажа.

— Где немцы?! — крикнул мальчишка, осматриваясь в темноте.

— С фронта прямо на наши пушки прут! — услышал он от кого-то короткий, но убедительный ответ.

В пылу стрельбы, свиста пуль и осколков, разрыва гранат, крика команд и воплей раненых он по траншеям бесстрашно рванул на огневой рубеж. Устроившись за щитом третьего орудия, Васька занял удобную для отражения атаки позицию и короткими очередями из ППШ стал прицельно вести огонь по появляющимся из-за бруствера фашистам. Бой завязался жестокий. Враг рискнул на отчаянный шаг — дрались фашисты отчаянно, с полной решимостью прорваться из окружения. Ближе к утру наши батальоны восстановили положение и, вытеснив врага со своих огневых рубежей, прижали противника к водной преграде. Стрельба не прекращалась несколько часов кряду.

Только к середине дня, понимая безысходность ситуации, фашисты прекратили сопротивление и, сложив оружие, стали сдаваться в плен. Наступила долгожданная тишина. Люди после ожесточенной схватки приводили себя в порядок. То тут, то там слышались шутки, смех, потянуло запахом солдатской махорки. В центре внимания оказался Васька Кузнецкий. Еще бы — герой! Когда стали осматривать бруствер в районе третьего орудия, насчитали возле него пятерых мертвых фашистских солдат — это явно Васькина работа. Однополчане отчаянного мальчишку хвалили за решительность, хлопали по спине и плечам, дружески трепали шапку на голове, удивлялись его смелости и отваге. О героизме воспитанника доложили командованию. Васька был рад признанию старших своих товарищей, но не возгордился. Подвигом своим мальчишка не хвастался и нос не задирает.

ВЫСТРЕЛЫ В ЧЕХОСЛОВАКИИ

Чехословакия — родная сестра Германии. Переходя границу, сразу и не заметишь, что ты в другом государстве. Такие же кирпичные двух- и трехэтажные дома с черепичными или железными крышами. Асфальтированные или выложенные булыжником дороги. Чистые и ухоженные улицы. В общем, если не скажут, что это Чехословакия, сам и не поймешь.

До чешской столицы, со слов отцов-командиров, оставалось пройти еще километров сорок. Колонна от места своего ночлега пропылила всего верст пять и уже успела растянуться, когда вдруг как из-под земли появилась двуколка уполномоченного контрразведки полка Фёдора Никитовича Гарнина.

— Победа! Победа! Войне конец! Германия капитулировала! Победа!!! — размахивая вожжами, громко кричал сотрудник Смерша.

— Неужто война закончилась?! — восклицая, удивился Ваня Топчак.

— Какой еще конец, товарищ капитан?! Вон, канонада то и дело громыкает, а вы говорите — победа?! — как всегда, не удержался возразить Дружинин, показывая рукой в ту сторону, откуда доносились звуки артиллерии.

— Это наши части добивают тех, кто сдаваться не хочет, — с радостью ответил капитан, продолжая дальше оглашать новость.

— Неужели на самом деле война закончилась? Ведь артиллерия бьет, не я один слышу — все слышат! А он о победе кричит? — глядя на друзей, спросил Топчак, ища в глазах товарищей одобрительный ответ.

— А ты, Ваня, у Сомикова узнай, он и с политруком, и с особистом из одной кружки чай пьет, он-то точно тебе скажет, конец войне или нет, — смеясь, посоветовал ему Солянок.

— Просто для Макара Чудры личный посыльный из Генштаба с пакетом еще не прибыл, а как только он его получит, так сразу нам во всю глотку новость и огласит, — хохотал Дружинин.

— А где он, кстати? Что-то я его давненько не видел, — осматривал походный строй Дырявко, пытаюсь увидеть лицо Сомикова. Но его попытки не увенчались успехом.

— Он сегодня дежурный при штабе, вот позади нас где-то и шагает, — пояснил Тёмин.

— Тогда надо Трощенко к нему послать. Ты, Ефим, давай распрягай своих кобыл и скачи к нему. Он где-то не так далеко от нас. Расспроси о достоверности информации, пока мы все тут от любопытства не умерли. А телегу свою потом заберешь. Сейчас нам такая новость важнее, чем твое барахло в повозке, — настоятельно советовал своему другу Ваня Топчак.

— Ты, Ваня, сам быстрее добежишь до него, пока я лошадей распрягать буду, отдай вещмешок Шкоде и беги. Правда, когда вернешься, мешок пустым будет, но это не беда, ты же сам сказал, для нас новость о победе важнее сдержимого твоего сидора, — смеялся Трощенко.

Новость хоть и не была официально подтверждена, но все понимали, что победа не за горами. Раз до Берлина дошли, а теперь на помощь чешским друзьям дивизию завернули, то, значит, скоро должен этот день наступить. Но когда он наступит, никто не знал. А тут — вдруг, неожиданно-негаданно.

— Видимо, прав особист, переломили мы хребет Гитлеру! — торжествуя, заявил Лаврушин.

— Ну что вы, братцы, на самом-то деле в смутных сомнениях себя терзаете?! Неужели в победу нашу не верите? Я же вам говорил, скоро заживем мирной жизнью, будем вино пить, спать в теплой постели, будем женщин любить, а сколько их у Лаврушина будет — не сосчитать, что звезд на небе. Да что там за Лёшку говорить, у нас теперь у всех, кто в живых остался, работы будет непочатый край. Заходи хоть в село, хоть в город любой — женщины из каждого дома тебя сами в гости зазывать будут. Вы даже не представляете, какие мы счастливые, что до победы дожили! На нас теперь, славяне, кто в живых остался, лежит святая миссия продолжения рода человеческого и в Европе, и тем более на родине! Сколько людей война уничтожила! Надо восполнять численность населения. А это дело важное и ответственное! — поднимал настроение бойцам Солянок, оглядывая своих друзей, как всегда, с искренней и широкой улыбкой на лице.

По колонне пошли разговоры, споры, смех. Радость переполняла сердца бойцов. Ведь они ждали эту победу, верили в нее, за нее проливали кровь и клали на ее алтарь свои молодые жизни...

Европа есть Европа — не успеешь выйти из одного населенного пункта, заходишь в другой. Вот и вновь — окраина небольшого городка Хомутова. Чехи встречают советских солдат как истинных освободителей: с объятиями, цветами, сладостями, вином и прочими угощениями. Приветствия продолжились и на улицах города, каждый житель зазывал бойцов к себе в гости, считая за честь угостить освободителя. Днем, как правило, нигде не останавливались, за исключением обеда и ночлега, но на сей раз поступила команда не расходиться и ждать дальнейших распоряжений. Люди томились в ожидании подтверждения главной в их жизни новости. И подтверждение пришло...

— Да, братцы, победа! Победа, братцы! — специально немного выдержав паузу, наконец прокричал бойцам подошедший Штейн. Разнесся мощный возглас «Ура-а-а!». Что тут началось — описать невозможно: стрельба, объятия друзей, смех, слезы радости, все смешалось во всеобщем ликования и безудержном веселье.

Взводу связи штабной батареи выделили отдельно стоящее здание, где люди в одной из комнат сложили оружие, в другую наскоро покидали вещи и вышли на улицу наслаждаться радостью, переполнявшей солдатские души. Чехословакия, одаривая победителей, встречала их буйством красок и ароматов пробуждающейся после зимы природы. Весеннее солнце обнимало и ласкало теплом, цвели белым и розовым цветом сады, все вокруг благоухало; цвело и на душе у каждого солдата. Отражение победы легко можно было прочесть на их лицах. В сердце был праздник, которого они ждали каждый день. И вот он наконец пришел!

— Ну что, братцы, отметим победу?! — потирая ладони, задал вопрос Штейн, обращаясь к своим бойцам.

— Конечно, товарищ лейтенант! — хором прокричал весь взвод, ожидавший, когда же командир задаст этот вопрос.

— Тогда так! Мы с Топчаком и Ефимом едем на пивоваренный завод за водкой, я узнал, он отсюда неподалеку находится. А вы тут парочку гусей раздобудьте. Ну что, Василий Михайлович, запечешь нам гусей в честь святой нашей победы? — обратился он к Солянку, фасонисто запрокидывая на затылок фуражку.

— Какой разговор, товарищ лейтенант?! Все будет сделано по высшему разряду, были бы гуси, а мы их мигом закажем, — ответил командиру Васька с не сходящей с лица улыбкой. — Да в честь святой нашей победы я хоть заказать, хоть сплясать готов вот прямо сейчас! Анатолий Степанович, ну что, спляшем?! — обратился он к Дружинину, хлопнув в ладоши.

— А давай! — крикнул с радостью в ответ Анатолий, кидая на брусчатку свою пилотку.

Свистнув, Васька стал, притопывая, вступать в пляс. С лихой удалю подключился и Анатолий, вспоминая, как еще в детстве, самостоятельно обучаясь бойкому танцу, отбивал чечетку на сусликовых кургашках, когда пас скот в эльтонской степи.

— Эх, яблочко, — скосив рот, запел Трощенко.

— Да на тарелочке, — вторил запевале Кузнецов.

— Надоела мне жена, пойду к девочке, — подхватил задорную песню третьим голосом Бейтурсыков.

Спешно накидывая на плечи ремни инструмента, к развеселившейся компании подбежал полковой музыкант Яшка. Он ловко развернул меха, и голоса поющих пополнились аккомпанементом аккордеона.

Импровизированный танец тут же оцепили кольцом бойцы, подбадривая и аплодируя в такт поющим. Солянок, уперев руки в бока, насвистывая, как забубенный пролетарий, понесся по кругу вприсядку. К задорному танцу подключился и Прусов, изображая руками подъем по канату. Анатолий, прихлопывая в ладоши, отбивал каблуками ритм на чешской брусчатке, стараясь не отставать от своих товарищей. Неожиданно в образовавшийся круг вихрем ворвался Газизьян. Лихо размахивая руками, он в совершенно диком танце выписывал ногами немислимые фигуры.

— Ну Армен, ну дает! Ай да молодец! — восхищались однопольчане.

— Давай, Толя! Не подводи связистов! — кричал кто-то, подбадривая Дружинина.

В танец вскоре вступили другие бойцы, кого от нахлынувших чувств ноги сами несли в пляс. Круг участников зажигательного танца ширился.

Штейн с Топчаком и Трощенко уехали на пивоварню, а остальные бойцы взвода, выскочив из круга, занялись тем, чтобы во всеоружии отметить праздник. Коротков с Игна-

том отправились за гусями, а Солянок стал заготавливать все необходимое к приготовлению птицы на огне. Дырявко, возбужденный радостной вестью, решил на всякий случай разжиться спиртным на месте путем налаживания тесного контакта с местным населением.

— А не попробовать ли мне раздобыть спиртное, не выходя за пределы местного поселения? Вдруг они водку с винокурни не привезут? И как тогда быть?! А, Василий Михайлович? — прищурился, обратился он к другу. — Надо же предусмотреть и такой вариант. Правильно? — заявил Лёня, поднимая вверх указательный палец.

И тут Солянок резко изменился в лице. Какая-то непреодолимая печаль вдруг овладела им.

— Зачем тебе, Лёня, куда-то ходить? Я думаю, нам будет достаточно того, что Штейн с ребятами привезут. Не ходи, Лёня! Зачем?! Не стоит! Что-то мне тревожно на душе стало от твоей затеи! — искренне, без чудачества сказал Васька, глядя на друга пронзительно-тоскливым взглядом.

— Вася! Василий Михайлович! Что с тобой?! — удивился Дырявко такой перемене в настроении своего боевого товарища. Раньше видеть Ваську таким никому и никогда не приходилось. Это на несколько секунд насторожило Лёню. Он подошел, обнял друга и, глядя ему в глаза, стал успокаивать: — Я смотрю, ты не на шутку растревожился, дружище. Что с тобой? Ты не пугай меня. Я буквально на несколько минут отлучусь. Что за это время может со мной случиться? Война, Вась, уже закончилась! Да и немцев здесь в ближайшей округе не было и нет. А чехи... Так смотри, как они нас встречают — как родных, — убеждал друга Дырявко, пытаясь развеять внезапно возникшую у него тревогу.

— Что-то я действительно беспричинно впал в меланхолию. Даже сам себе удивляюсь, — засмеялся Солянок, похлопывая друга по плечу. — Сходи, Лёня, сходи. Как раз хлопцы гусей принесли, вот мы делом и займемся, а ты за это время винца раздобудешь.

Тревога прошла, и Лёня, глядя в небольшое зеркало, висевшее на стене, аккуратно поправил пилотку. На всякий случай он проверил в кармане своих шаровар пистолет и, выправившись по-военному, повернулся к Ваське.

— Может, вашбродь, разрешите водкой побаловать? А то скучновато как-то без ентого дела-то! А?

— Так, адъютант Дырявко, немедленно отправляйтесь на поиски спиртного. И без ентого дела в расположение полка не возвращайтесь, — изображая старшего по званию, выпалил приказ Солянок, козырнув правой рукой, в которой держал сосновое полено.

Смех друзей раззадорил шутников, и они продолжили веселиться. Поправляя гимнастерку, Лёня строевым шагом, нарочито прихрамывая, направился к выходу, напевая «Яблочко». У дверей он повернулся кругом, лихо щелкнул каблуками и, отдавая честь двумя пальцами у виска, обратился к мнимому командиру:

— Разрешите итить, вашбродь?!

— Пшел прочь, бездельник! И чтоб мене мигом, одна нога, значит, здесь, а другая — тожить тута.

— Будет сполнено, вашбродь, — не переставая козырять, Лёня вновь развернулся кругом, щелкнул каблуками и, продолжая прихрамывать, вышел из помещения под всеобщий смех.

Смех и шутки звучали отовсюду, солдаты не могли нарадоваться окончанию войны. Бьющая через края радость победы наполнила улицы Хомутова. Все местное население — и стар и млад — вышло встречать победителей, а те, в свою очередь, были рады такому приему. Чехи ликовали! Бойцы стали приводить себя в порядок; начищать обувь, вытаскивать из вещмешков чистое белье, аккуратно размещать на гимнастерках боевые награды. Пока Солянок колдовал у огня, его друзья в самой большой комнате соорудили стол, выставив на него нехитрую посуду и столовые приборы. Неизвестно откуда появился патефон. Зазвучала музыка.

В помещении — дым коромыслом, шумные разговоры. В ожидании праздничного обеда время томительно тянулось. Чтобы как-то занять себя, Дружинин решил выйти на улицу.

На площади, в нескольких метрах от здания, где обустроился взвод, прямо возле танка собралась толпа наших солдат и местных жителей. На башенное орудие тридцатьчетверки с помощью членов экипажа забрался танкист. Он профессионально пробежал пальцами по клавишам трофейного аккордеона и, поправив ремни, запел...

— Гоп со смыком — это буду я,
Слушайте, товарищи-друзья.
Расскажу я вам, ребята,
Свою бытность дипломатом
И какие там были дела, —

под смех публики звонким голосом голосил наводчик, лихо заменяя матюги в тексте на слова в рифму и подходящие по смыслу. Несколько пехотинцев и чешских девушек тут же стали беззаботно выплясывать под веселую песню аккордеониста.

— Если бы нам Гитлера поймать, ха-ха!
Мы б его сумели наказать.
Привязали б его к пушке... —

эмоционально напевал задористый танкист.

Анатолий несколько минут постоял на площади вместе с присутствующими, посмеялся над текстом песни и собрался уже уходить. Но тут к нему подошел доброжелательный чешский паренек с явным желанием познакомиться и поговорить.

— *Dobrý den. Jmenuji se Lukáš, a jak se jmenuješ?* (Добрый день. Меня Лукаш зовут, а тебя как?) — первым обратился к нему чех.

Анатолию и самому было интересно пообщаться с кем-нибудь из местного населения, только на это он не решался из-за языкового барьера. Но с первых фраз парня появились надежды, что они должны все-таки друг друга понять, и Анатолий смело сделал шаг навстречу:

— А меня Толя зовут, — представился он, пожимая пареньку руку.

И тут же к разговору присоединились сверстники Лукаша и те, кто постарше, парни и девчата; Анатолий и сам не заметил, как возле него образовалась небольшая группа. Кто знакомился, кто протягивал угощения, посыпались вопросы, шутки, смех. Такая встреча вроде и была неожиданной, но их дружественная и теплая беседа затянулась минут на двадцать. За этот короткий период Анатолий довольно быстро научился понимать чешских друзей. В процессе общения он уяснил для себя то, что в чешском языке, как и во всех остальных языках славянской языковой группы, хоть и не без труда, но разобраться можно. Этот разговор в компании молодых людей был ему и приятен, и одновременно полезен. Только вот покинуть веселую компанию оказалось делом совсем не простым: каждый из присутствующих приглашал к себе в дом, предлагались сладости, угощения, вино. С большим трудом Анатолию удалось объяснить, что у него служба и ему пора идти.

После стихийного общения с чешскими друзьями Дружинин вернулся в помещение, где все с нетерпением ждали торжества по случаю победы. Скоро должен был прибыть с пивоварни Штейн...

* * *

Как с корабля на бал, в комнату ввалился возбужденный Дырявко, выставляя на стол большую бутылку вина.

— Ну, вот и я с трофеями! — заявил Лёня. — Не успел я, значит, на улице и шагу ступить, а тут меня соседи наши в дом к себе приглашают. Какие все-таки гостеприимные

эти чехи! — радостно комментировал он результаты своего похода за спиртным. Дырявко продолжал доставать из карманов печенье, конфеты и другие угощения. — Только захожу я в их хоромы — меня сразу за стол. А там!.. Вы, братцы, представить себе не можете. Их жертвенник ломится от яств, — горячо и с восторгом рассказывал Лёня, вытаскивая вместе с угощениями и свой пистолет, который мешал ему выложить содержимое карманов на стол.

И в этот момент как гром среди ясного неба в помещении прогремел выстрел. Выстрелил тот самый пистолет ТТ, что был в правой руке Дырявко. Сидевшего за столом как раз напротив Лёни Ваську качнуло назад, и он, покосившись, стал медленно сползать со стула.

— Вася, ты чего? Ты чего, Вася?! — закричал подскочивший Лаврушин, пытаясь поднять друга на ноги.

— Эх... Лёня, Лёня! Что ты наделал?! Ведь война-то уже закончилась, а ты меня тяжело ранил, — проговорил Солянок, зажимая рукой рану.

Выпавший из рук Дырявко пистолет загремел, ударившись о деревянный пол помещения. Лёня, опомнившись от произошедшей случайности, сам подскочил к другу, помогая Лаврушину и Виткову. Втроем они стали укладывать раненого Ваську на диван, с которого одним движением руки Дружинин смел прямо на пол чешские журналы. Коробков резко сдернул с пластинки головку звукоснимателя. Музыка оборвалась.

— Аккуратней его кладите! Аккуратней! Санитара сюда, скорей! — крикнул Анатолий заходящему в комнату Пруссову. С улицы люди, услышав выстрел, поспешили в помещение. Все как один собрались у дивана, на котором лежал Солянок. С края его губ по щеке потекла тонкая струйка крови.

— Братцы! Неужели все?! А я так пожить после войны хотел! — проговорил он, оглядывая однополчан безнадежным взглядом. — Так хотел!.. А теперь ухожу. Все! Чувствую, братцы, ухожу... — сказал свои последние слова Солянок.

Его голова с рук Дружинина безжизненно опустилась набок, и он перестал дышать.

— Твою мать! — прогремел на всю комнату голос Дырявко. — Как это я?! Как?! Вот почему он просил меня никуда не ходить! Ведь он же все чувствовал! А я?! Сто лет мне нужно было это вино!.. А тут еще этот ТТ. На кой... он мне сдался?!

Лёня отошел от дивана и со злостью пнул ногой лежавший на полу пистолет. Обхватив голову руками, он метался из угла в угол, издавая звериный рык. Все стояли в молчаливом недоумении, не понимая, как такое могло произойти. Дырявко в отчаянии метнулся в комнату, где лежало оружие. В попытке покончить с собой он стал хвататься за карабин. Понимая, что сейчас может произойти еще она трагедия, люди бросились к Леониду, не давая ему возможности свершить самоубийство. Прибежали Прусов с санитаркой. Но они прибыли, когда тело Васьки было уже безжизненным. Проверя пульс, Путинина приложила пальцы его к руке.

— Не успели, — тихо прошептала она.

С пивоварни вернулись Топчак, Трощенко и Штейн. Видя, что в их отсутствие что-то произошло, Штейн быстрым шагом прошел в комнату.

— Что случилось? Почему кровь? Что с Василием? — сумбурно задавал один за другим вопросы Штейн, подойдя к дивану, на котором лежало тело его бойца. Окинув всех пытливым взглядом, он, не выдержав молчания людей, прокричал: — Кто-нибудь скажет мне наконец, что здесь произошло?!

— Это я! Я, товарищ лейтенант, застрелил его! Я собственными руками друга своего убил! Не врага на поле боя, а лучшего парня на земле. Он так мечтал после войны мирной жизнью пожить. Ведь я обещал после демобилизации к нему в гости приехать, а теперь... Что я скажу его матери?! Жене?! Детям?! И война-то уже закончилась. А я его

по непростительной опрометчивости, по нелепости из пистолета — будь он неладен!.. Судите меня, братцы, судом трибунала. Как я с этим грузом жить теперь буду?! Застрелите меня! Я все равно жить не хочу!

Вскочив со стула, Лёня вновь метнулся к комнате с оружием, где стоявшие наготове друзья остановили его. Штейн понял, что произошла глупая и нелепая трагедия, которую разрешать придется только ему.

— Успокойся! Садись, — указывая Лёне на стул, предложил Штейн, располагаясь напротив. — Давай рассказывай по порядку, как все произошло, только без истерики, — совершенно спокойно предложил командир.

— Понимаете, товарищ лейтенант, как вы уехали, я решил на месте спиртное раздобыть. Это на тот случай, если вдруг у вас ничего не получится. Вышел я на улицу, а тут соседи наши меня к себе в гости позвали. Ну вот зашел я, значит, к ним, они с радостью, как положено, на стол винцо поставили, закусочки. Я с ними грамм двести для приличия выпил, чтоб хозяев не обидеть. Посидел чуток, поболтали, язык-то у них с нашим схожий. А когда засобирался уходить, хозяйка от щедрот, значит, мне в дорогу винца дала, ну и конфет с печеньем полные карманы насовала. Пришел я сюда, вино поставил, а содержимое из карманов стал на стол выкладывать. Вытаскиваю я из карманов гостинцы, а заодно и пистолет, чтобы не мешал, и тут... — Лёня замолк на несколько секунд, а потом, после короткой паузы, дрожащим голосом продолжил: — Спусковой крючок я не то пальцем, не то конфетой в спешке зацепил. На предохранитель надо было... Да ну его к черту!.. Ну, в общем, он неожиданно и пальнул. А Васька как раз напротив меня за столом сидел. Вот и сказ весь. А теперь, товарищ лейтенант, ведите меня в особый отдел, или давайте я сам туда пойду, но для меня не только война — жизнь моя закончилась.

В помещении повисла тишина. Все ждали, какое решение примет командир. Теперь судьба Лёни зависела от него.

— ...Значит, так, — посидев несколько секунд в полной тишине, сказал Штейн. Он поднялся, расправил плечи и поправил ремни. Вместе с ним, как по команде «Смирно!», выправились все, кто присутствовал. — Что здесь произошло — никому ни слова. Посторонние, надеюсь, ничего о произошедшем не знают?

— Нет, посторонних никого не было. Санитарка наша только в курсе событий, но она, товарищ лейтенант, свой человек, вы ее знаете, — пояснил Лаврушин, глядя на Путинину.

— Я, братцы, ничего не слышала. Что и как здесь все произошло, я ничего не знаю, — постаралась заверить присутствующих Анна.

— Самое главное, чтобы Макар Чудра не пронюхал о происшедшем! — обратился к людям командир.

— Его здесь нет, он, слава богу, с Семёновым на посту, а о том, что на самом деле здесь было, ему вряд ли кто расскажет, — заверил Тёмин.

— Тогда сделаем так... что сказать особисту, я еще расскажу тебе, Леонид, Лаврушину и Петрину. Мы с вами об этом в другой комнате поговорим, — обратился Штейн к бойцам. — Ну а потом я в штаб полка, доложить о происшествии. А вы здесь все лишнее приберите, — глядя на спиртное, сказал командир. — Раз так случилось — это трагедия для всех нас, — обратился вновь к Дырявко лейтенант. — Тем более что война закончилась, а тут такое... Конструкция пистолета ТТ, Лёня, такова, что он очень опасен в обращении — это один из его недостатков. Существует даже приказ о запрете его ношения с патроном в патроннике. Также ты знаешь, что существует и другой приказ, согласно которому ты не имеешь права на ношение такого оружия. Его ты должен был сдать на склад артиллерийского снабжения полка. Я понимаю, что это твоя вина. Но я понимаю и другое: что не с умыслом и не со зла ты друга своего застрелил. Знаю и то, что ни тебе, ни нам от этого лучше

не будет, если особый отдел твоим делом займется. Я считаю, не стоит усугублять и без того неприятную ситуацию. Тем более что теперь уже ничего не изменишь. Да и Васька тебе бы этого не пожелал, останься он в живых. Пусть произошедшее останется здесь, между нами. А Василия, друга нашего, похороним, как положено, по-солдатски, со всеми почестями проводим в последний путь. Мы с хлопцами, когда на пивоварню ездили, цех столярный видели недалеко от нас. Там гроб Василию и закажем. Миша! Кондратьев! — обратился он к командиру отделения. — С Ефимом съездите, закажите гроб. И поторопите там чехов, нам до вечера поспеть с похоронами надо, — отдал свои распоряжения Штейн и вновь повернулся к Дырявко. — Жизнь, Лёня, штука такая, что не знаешь, как она завтра сложится. Сколько друзей потеряли на дорогах войны? Не сосчитать. Думаю, Васька тебя все равно бы простил, хотя его уже и нет с нами. Себя застрелить — дело немудреное, только это еще одной смертью больше будет. А значит, родным твоим горе, да и нам не мед. Так что лучше жить, Лёня, чем прибавлять число погибших. Дурь эту из головы своей выкинь. Понимаю, что тяжело, но своей смертью друга не воскресишь. Давай вместе как-то с этим жить будем.

После беседы в отдельной комнате с Лёней, Петриным и Лаврушиным Штейн забрал пистолет, Васькины документы, награды и ушел в штаб. А бойцы вместо подготовки к празднику стали готовиться к похоронам. Момент всеобщего ликования и радости вдруг оборвала трагическая случайность, которая свергла ребят в состояние скорби.

— Вот и отметили победу, — выдохнув, произнес Витков, присаживаясь на стул.

— Перестань скулить, и без тебя тошно, — злобно толкнув его локтем в бок, сделал замечание Тёмин. — Иди-ка, Ваня, лучше хлопцам помоги могилу справить, все польза хоть какая-то от тебя будет, — велел Виткову сержант, не желая слушать сентиментальности.

Во второй половине дня бойцы выстроились перед свежевырытой могилой. Весь полк собрался проводить в последний путь своего однополчанина. Новый комполка попросил Штейна, чтобы он, как непосредственный командир, сказал последние слова о погибшем. Лейтенант, аккуратно продвигаясь среди людей, вышел к изголовью покойного.

— Друзья! Товарищи! Однополчане! — волнуясь, начал дрожащим голосом Штейн. — Сегодня мы провожаем в последний путь нашего боевого друга — рядового Василия Михайловича Солянка. Не надо много слов, чтобы рассказать, какой он был боец и товарищ. Вы все его хорошо знали. Он прошел всю войну, от ее начала и до самого конца, не опозорив честь и достоинство советского солдата. Это был надежный и преданный друг, который в тяжелую минуту мог подставить свое плечо и в трудный момент поддержать и словом, и делом. Это был веселый и жизнерадостный человек. Это был герой! Я не побоюсь этого слова, потому что, выполняя свою нелегкую работу на фронте, он проявлял самое что ни на есть настоящие образцы подвига и героизма. Не считаясь с риском для жизни, под вражескими обстрелами и бомбежками он при необходимости бежал, шел, полз по минным полям, по колючей проволоке, под смертельным градом пуль и осколков для того, чтобы исправить повреждения и наладить связь. Он любил жизнь и, как никто другой, ценил ее. Василий и нас научил ценить и радоваться ей в любую, даже самую трудную минуту. В моменты передышек он находил время для шуток, чтобы поднять нам настроение, чтобы мы хоть на миг могли забыть про тяжелые бои и усталость. Васька с самого начала войны больше всех верил в нашу победу и вселял эту надежду в нас. И мы с верой в его слова дошли до этой победы! Дошел и он! Но судьба распорядилась иначе. И вот теперь мы стоим перед могилой, чтобы проводить его со всеми солдатскими почестями в последний путь. Мне больно и горько говорить сейчас эти слова. Но я обязан их сказать: спи спокойно, дорогой наш

друг. Пусть эта чешская земля будет тебе пухом... — губы Штейна задрожали, и он прервал свою речь.

Простояв несколько секунд в тишине, люди стали по очереди подходить, чтобы попрощаться со своим однополчанином. Затем гроб опустили на дно могилы и, предав тело друга земле, отсалютовали, не жалея патронов. Так проводили они в последний путь своего боевого товарища.

Скромный могильный холм влажной земли с надписью на табличке, пилотка да стакан чешской водки с коркой солдатского хлеба свидетельствовали, что здесь покоится советский солдат Василий Михайлович Солянок. Остался их боевой друг лежать навечно в чешской земле, далеко-далеко от родины, где его еще продолжали ждать жена, дети, родные.

Как ни пытался Дружинин сдерживать себя от эмоций, с этим у него ничего не получалось: ком, подкативший к горлу, спер дыхание, на глаза набежали слезы. Не скрывали слез и его друзья, еще долго стоявшие у могилы, где оставался лежать навечно верный товарищ, весельчак и балагур Васька. Никто больше так вкусно не приготовит им тушеного зайца, жареного гуся и гречку с американской тушенкой. Друзья будут разные, но такого уже не будет никогда.

Теплым майским вечером, сидя за длинным столом, солдаты взвода связи штабной батареи, не чокаясь, выпивали и слушали, как, отмечая победу, веселятся другие подразделения полка. Радость была общей, но в этой комнате она омрачена нелепой гибелью их боевого друга.

Под вечер зашли Бейтурсиков, Трощенко и Кузнецов. Друзья молча присели за стол, выпили по сто граммов, закурили. Яшка, скрестив руки на стоявшем рядом аккордеоне, сидел и смотрел в одну точку бессмысленным взглядом. Закутив окурки, Бейтурсиков положил руку на плечо задумавшегося музыканта и, слегка хлопнув его по спине, тихо сказал:

— Давай, Яша, Васькину любимую...

Аккордеон залился переливами, и Бейтурсиков запел:

— Бьется в тесной печурке огонь...

Слова песни подхватили Трощенко и Кузнецов, наполнив помещение звучанием безупречных голосов.

...На поленьях смола, как слеза,
И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.

Любимая песня Васьки — как гимн — исполнялась в его честь. Снова ком подкатил к горлу, и глаза Дружинина наполнились слезами. Без конца в памяти мелькали сцены Васькиных шуточных рассказов. Вспомнились и его слова там, под Жеребками, от которых Анатолий воспрял духом, он запомнил их на всю свою жизнь. Сердце рвалось на части. Какой день, какая радость — а его друг этого уже никогда не увидит... Он прошел всю войну, дожил до победы, а пережить ее не смог. Не смог досыта ей насладиться, поделиться этой радостью с друзьями, с теми, кто в этот час ему был особенно дорог. Пусто было в помещении и пусто в душе — некому было заполнить этот вакуум, который всегда заполняла добрая и жизнерадостная энергия друга Васьки.

Не выдержав нахлынувшей боли, Анатолий вышел на улицу. Душили слезы, стало трудно дышать. Срывая пуговицы, он расстегнул ворот гимнастерки. За всю войну ему никогда не было так горько и больно. От навалившегося бесилия захотелось закричать в это чистое ночное небо что есть мочи — громко, громко! И Дружинин, выплескивая всю горечь страданий и боль потерь за эти долгие полтора года тяжелых походов и ожесточенных боев, безутешно разрыдался. Вздрагивая всем телом, он то и дело вытирал ладонями мокрые от слез глаза.

«Если останусь в живых, женюсь, и у меня дети родятся. Запрещу им не только о войне говорить — думать запрещу! Я за всех за них, сколько у меня их будет, досыта навоевался. На войне я понял, как дорого стоит мир, и дороже его на белом свете более ничего нет!» — рассуждал Анатолий, закрывая лицо руками.

* * *

На следующий день полки дивизии вновь выдвинулись на марш и к концу дня прибыли в чешскую столицу Прагу.

Как прошли предыдущие день и ночь в городе, Дружинин после трагедии в Хомутове не помнил. Все его сознание было как в тумане. Зато утро с самого рассвета как для него, так и для всех советских солдат, что пребывали в этот период в Чехословакии, началось с непрекращающихся торжеств в честь победителей. Чехи продолжали ликовать, радуясь освобождению от фашизма. Среди многочисленного народа на площади неизвестно откуда возле Анатолия вдруг возникла девушка лет шестнадцати. С милой и обаятельной улыбкой она не подошла, а словно подлетела птицей и протянула ему для знакомства свою тонкую, как крыло лебедя, руку.

— *Dobrý den. Jmenuji se Katarina, a jak se jmenuješ, vojáku?* (Добрый день. Меня зовут Катарина, а как тебя зовут, солдат?) — выпалила девушка, смутив своим непринужденным, но совершенно неожиданным напором. Анатолий был обескуражен внезапной встречей, да так, что потерял дар речи. Девушка, в свою очередь, подумала, что русский солдат попросту не понял чешского языка, и тут же предприняла следующую попытку.

— *Ivan, Petr* (Иван, Пётр...) — прищурившись, с акцентом Катарина стала перечислять мужские имена, продолжая держать руку протянутой. Только теперь Дружинин понял, что, приветствуя, чешская красавица хочет с ним познакомиться, — столь внезапным было ее намеренье.

— День добрый. Нет, нет, меня Анатолий зовут, Толя, — представился наконец Дружинин.

В этот же момент в его натруженных руках, огрубевших от нелегкой солдатской работы, вдруг оказались тонкие нежные девичьи пальчики! Они были необыкновенно красивыми и теплыми. Анатолий даже вздрогнул от такого чудесного прикосновения. Он испугался того, что одним своим неловким движением может причинить этому хрупкому созданию боль или, хуже того, страдание.

— *Ó, Tolyo! máš medaile, jsi hrdina!* (О, Толя! У тебя есть медали, ты герой!) — воскликнула Катарина, глядя на награды Дружинина. — *Můžu se jich dotknout?* (Можно их потрогать?) — с нескрываемым любопытством попросила она, пытаясь коснуться пальцами наград.

— Конечно можно! — без раздумий, хотя и со смущением ответил Анатолий и из-за скромности добавил: — Да какой я герой?.. Медали и даже ордена у всех наших ребят есть.

Но, откровенно говоря, на душе было приятно, что его скромной личностью могут интересоваться даже чешские девушки. Катарина подошла настолько близко, что Дружинин почувствовал тонкий аромат ее нежных духов и только сейчас обратил внимание на нарядное платье с разноцветной вышивкой и кружевами. С первых секунд встречи его сразила необыкновенная свежесть этой юной красавицы. Белое в красочных узорах платье, очевидно сшитое по заказу, облегло тонкую фигуру и острую девичью грудь. Тонкий аккуратный носик, ровные, будто нарисованные умелым художником черные брови, озорной взгляд небесно-голубых глаз под сводом длинных ресниц намекали, что у девушки открытый и искренний нрав. Овальной формы чувственные губы таили в себе улыбку и невообразимую нежность. Светлая, будто восковая кожа ее лица, шеи и рук, казалось, была прозрачной.

Потупив свой взор, Дружинин затаил дыхание. Эта девушка предстала как ангел Божий, сошедший к нему в это

майское утро с чистого, без единого облачка пражского неба. Анатолий был потрясен и растерян. Немного оправившись от нахлынувших чувств, он понял, что несколько секунд подряд не может оторвать от Катаринины глаз. После долгих переживаний по случаю нелепой гибели Васьки она действительно была для него как ангел небесный. Оказавшись рядом с Катарининой, Дружинин забыл про все на свете. Некоторое время они стояли молча, разглядывая друг друга: Анатолий — наряд и облик простой и наивной девчушки с улиц чешской столицы, и Катарина — награды и лицо понаравившегося ей русского солдата, принесшего свободу ее родине.

Однополчане Дружинина сразу обратили внимание на интерес этой девочки к Анатолию, и тут же в его адрес полетели шутки:

— Молодец, Толя! Смотри-ка, уже и невесту себе приметил!.. Давай, Толя, не робей, может, и женишься на ней... Может, и свадьбу здесь сыграем?! А чего дело в долгий ящик откладывать, война-то закончилась!

Анатолий на друзей не обижался, ведь их юмор был добрым и без насмешек. Не отвечая на шутки товарищей, он только скромно улыбался, наслаждаясь присутствием рядом с ним юной красавицы. С нескрываемой ревностью и завистью наблюдал за этой сценой и Сомиков. Но в этот раз в адрес Дружинина язвительных слов бросать не решался; в его памяти еще были свежи события на подворье Вадзинского. На всю свою жизнь Сергей запомнил саперную лопатку Дружинина, которая едва не рассекла его голову пополам, и крепкие пальцы Анатолия, которые как тиски в тот трагический для него ноябрьский день сжимали ему горло. Сомиков даже вздрогнул от воспоминаний, невольно поглаживая рукой шею.

Катарина в это время внимательно рассматривала награды на груди Дружинина, перебирая их в своих нежных руках.

— *Co se píše na medailích?* (Что написано на медалях?) — по-детски, с любопытством крутя головой, спросила девушка.

— Здесь написано: за отвагу, — без гордости и хвастовства ответил Дружинин, продолжая любоваться ее красотой.

— *Za odvah!* (За отвагу!) — вдруг воскликнула Катарина. — *Bojoval jsi statečně, jsi hrdina!* (Ты храбро сражался, ты герой!) — восторженно добавила она.

— Да никакой я не герой — это обычная солдатская медаль. За героизм медалью «Золотая Звезда» награждают. Вот кто имеет такую награду, тот и есть настоящий герой, — как мог Дружинин пытался объяснить различие наград, стараясь при этом не превозносить свои заслуги.

— *Ne, ne, jsi hrdina!* (Нет, нет, ты герой!) — громко возразила Катарина, не соглашаясь с его мнением. При этом она по-ребячески жестикулировала, пытаясь доказать свое.

Анатолия такое поведение девушки только рассмешило; и он, наблюдая за ней, все больше отвлекался от мирской суеты, продолжая при этом перебирать в памяти, кого Катарина своим поведением и внешностью ему напоминает.

— *Můj otec také bojoval proti fašistům, ale medaile nemá* (Мой отец тоже воевал против фашистов, но медалей у него нет), — сообщила Катарина о своем отце, выхаживая вокруг Дружинина. В ней было столько энергии, что от ее избытка девушка не находила себе места. — *Chceš sušenky?* (Хочешь печенье?) — вдруг спросила его Катарина. — *Hned to přinesu!* (Я сейчас принесу!) — не дожидаясь ответа, на ходу крикнула непоседа, бегом удаляясь от Анатолия.

«Вот егоза», — подумал Дружинин, глядя ей вслед.

Катарина вроде бы и была уже взрослой, но было в ней какое-то ребячество, что делало ее по-детски смешной и забавной. И в этот момент Дружинин наконец-то вспомнил, на кого она похожа. «Мую сестренку Валюшку, вот кого она мне напоминает!» — мелькнула в голове мысль, что непроизвольно заставила его засмеяться. Только теперь Анатолий

понял, почему она не вызывает у него мужских чувств. Такими же косичками, только уложенными немного иначе, и той же детской доверчивостью и непосредственностью Катарина напоминала ему младшую сестру Валентину. Поэтому в его сознании она ассоциировалась больше с сестрой, нежели с невестой.

Размышляя, Дружинин не заметил пролетевших минут; не успел он и опомниться, как перед его взором вновь возникла фигурка Катаринины с небольшой корзиной в руках.

— *Přinesla jsem ti dárky. Vzít jít!* (Я принесла тебе подарки. Бери, ешь!) — задыхаясь от бега, выпалила девчушка.

Она открыла накрытую полотенцем корзинку, наполненную сладостями и литровой банкой компота из крыжовника. Анатолий смотрел на все происходящее вокруг и не переставал удивляться тому, с каким чувством признательности чешский народ встречал героев, пытаясь отблагодарить каждого советского солдата за принесенную им свободу. Обделенных вниманием бойцов здесь попросту не было. Следуя примеру своих однополчан, Дружинин прямо на городской площади раскинул плащ-накидку, на которую можно было присесть. Катарина, подобно опытной хозяйке, расстелила на плотной ткани полотенце, аккуратно разложив на нем угощенья.

Весь этот длинный и счастливый день одиннадцатого мая Анатолий провел рядом с Катарининой, и она, будто преданная ему навек, не отходила от него ни на шаг. Только ближе к вечеру, когда уже стало темнеть, за девушкой пришел отец. Анатолий сразу обратил внимание на высокого роста мужчину в легком летнем костюме и элегантной шляпе. Появившись в столь позднее время, он среди множества гражданских лиц и военных, находившихся на площади, кого-то внимательно высматривал.

— *Tati!* (Папа!) — громко крикнула Катарина и бросилась ему навстречу. Взяв отца за руку, она подвела его к Анатолию, спеша сообщить: — *Tati, seznam se s mou kamarádkou*

Toliou. Je to hrdina, podívejte se na jeho medaile! (Папа, познакомься с моим другом Толей. Он герой, посмотри на его медали!) — возбужденно предложила она отцу познакомиться с ее новым другом-героем.

— Карел, — с улыбкой отрекомендовался Анатолию мужчина.

— Толя, — представился в свою очередь Дружинин, с волнением в груди ожидая, как же отец отреагирует на дружбу его несовершеннолетней дочери с русским солдатом.

— *Jsem Katarininin otec. Můžu si ji s dovolením vzít domů?* (Я отец Катаринины. Могу я, с вашего позволения, забрать ее домой?) — на удивление без строгости спросил чех.

— Конечно можно. Как я могу вам возражать?! Уже поздно, и Катарине пора идти домой, — согласился с заботливым родителем Анатолий.

Карел с умилением посмотрел на свою взрослеющую дочь и нежно обнял ее. Катарина с любовью припала к груди своего родителя. Дружинин, глядя на эту сцену, был тронут чувствами отца и дочери.

— *Brzy se stmívá. Je čas, abychom šli domů. Dobrou noc, Tolyo* (Скоро стемнеет. Нам нужно идти домой. Доброй ночи, Толя), — прощаясь, Карел протянул руку.

— До свиданья, — взаимностью ответил Дружинин и крепко пожал чеху его широкую ладонь.

— *Dobrou noc, Tolyo* (Доброй ночи, Толя), — стала прощаться Катарина. Она с милой улыбкой смотрела Анатолию в глаза, протягивая свою тонкую девичью руку.

— До свиданья, Катарина. Доброй ночи, — откланялся Анатолий, огорченный тем, что ей пора уходить. Жаль было расставаться с этой милой девчушкой: они за этот день как будто сроднились с ней. Но в то же время он понимал, что встреча временна и рано или поздно с Катариной придется расстаться.

Карел забрал из рук дочери корзинку, и они, взявшись за руки, стали удаляться. Катарина еще несколько раз обо-

рачивалась в пути. В этом скопище военных людей она без труда выискивала глазами Дружинина и в искренних прощаниях махала ему рукой. У Анатолия щемило сердце. Именно она, эта юная чешская девушка, вдохнула в него духовные и физические силы, чтобы после пережитых потрясений он смог вновь вернуться к прежней жизни.

* * *

Ранним утром следующего дня дивизия Дружинина отправилась из столицы Чехословакии на север, к границам Германии, а днем четырнадцатого мая его артполк сосредоточился в чешском городе Мост.

Солдат разместили на территории городского парка. Здесь в торжественной обстановке перед строем командование полка вручило бойцам и офицерам боевые награды, которые они заслужили, участвуя в Берлинской наступательной операции. Свой орден Славы третьей степени за бои под городом Трибель при форсировании реки Нейсе получил и Дружинин. Теперь на его груди кроме двух медалей «За отвагу» красовался еще и орден Славы.

«Жаль, Катарины рядом нет, увидев награду, она опять стала бы кричать, что я герой», — подумал Анатолий. Перед его взором возник образ юной красавицы и вспомнился тот недавний день, проведенный с ней в чешской столице. От нахлынувших воспоминаний на душе стало теплее, и Анатолий, довольный новой наградой, расплылся в улыбке.

Свою первую в жизни медаль «За отвагу» получил и Василий Кузнецкий. За тот ночной бой на острове Ванзее командование посчитало обязательным наградить своего воспитанника, ведь он по-настоящему проявил храбрость и героизм. Однополчане долго аплодировали ему, когда объявили награду. Васька от счастья был на седьмом небе.

После процедуры награждений и обеда командир полка дал людям возможность отдохнуть и заняться своими лич-

ными делами. Бойцы были рады предоставленному отдыху и, конечно, одержанной победе: не было слышно стрельбы, канонады, им все еще не верилось, что война уже закончилась. Люди небольшими группами разбрелись, слышались повсюду разговоры, шутки, смех.

Всю полковую технику с орудиями разместили на краю городского парка. Павел Касатонов, как и все шоферы, был этому рад, место для отдыха оказалось удачным: вокруг дерева, рядом небольшой пруд — где еще лучше можно было провести время? Только Павел расстелил плащ-палатку у своей машины, как за спиной услышал знакомый голос:

— Вот вы где, шоферы, место себе облюбовали! А я думаю, куда ты запропастился, — улыбаясь, обратился к нему Еланин. Скидывая с плеч оружие и вещмешок, Лёня стал устраиваться рядом со своим закадычным другом. — Хорошее вы себе место для отдыха подобрали, — оценивающе заявил он, оглядывая местность, где разместилась техника.

— Это замкомандира полка постарался, — пояснил Касатонов, радуясь, что друг теперь рядом и можно будет с ним спокойно поболтать, — располагайся, Лёня, удобней, время у нас есть, отдыхай, пока нам такую возможность командиры предоставили.

В тени парковых деревьев друзья, закрутив сигарки, стали хвалиться друг перед другом своими трофеями, которыми смогли обзавестись в период боев на территории Германии.

— Вот это добро, — демонстрировал Еланин ручные часы фирмы Zentra, — я нашел в немецком блиндаже в районе деревни Шенталь, — делился Лёня со своим другом солдатским приобретением. Касатонов с нескрываемым любопытством рассматривал часы товарища и изнемогал от нетерпения показать свои трофеи.

— А я вот эти часы Flora выменял у одного сапера на немецкие сапоги, мне они тоже по случаю достались, только вот размер был не мой, потому и пришлось поме-

няться. А вот эти, карманные, подобрал в разбитом немецком штабе в городе Потсдаме. Вообще-то мне везло с этим делом, смотри, вот эту зажигалку, — продолжил свой рассказ Павел, вытаскивая из кармана трофейную вещь, — я в брошенном немецком бронетранспортере нашел. Она под сиденье водителя завалилась, ее там до меня никто и не заметил, а мне, видишь, повезло.

— А мне еще от фрицев бритва досталась, — хвастался Еланин, показывая свое приобретение. — В ранце убитого фольксштурмовца позаимствовал, — подмигивая, сказал он.

Всякого рода бытовых мелочей у наших людей было предостаточно, трофеями солдаты делились, обменивались, и это никого не удивляло. Строго наказывали солдат за мародерство, а за найденные вещи в траншеях, подбитой технике или на развалинах немецких учреждений никто взысканий не налагал. Друзья так увлеклись своими делами, что не заметили, как со стороны с блестящими от зависти и воровского азарта глазами за ними внимательно наблюдает Сафонов.

Оценив солдатские трофеи, Шкода незамедлительно стал выстраивать планы, как нынешний ночлег разделить с этими людьми, чтобы получить возможность стащить часы, а если повезет, то что-то еще. Но тут была одна тонкость: Сафонова за годы службы в полку уже знали как воришку, и многие, не стесняясь, прогоняли его от себя куда подальше. Но и он изучил людей и прекрасно знал, у кого можно незаметно что-то стянуть, а к кому лучше не соваться — за такие дела могут и шею свернуть. Обнаружив, что Касатонов и Еланин являются обладателями большого количества солдатских ценностей, Сафонов постарался незаметно удалиться, но свой ночлег решил провести непременно рядом с ними.

«Они люди степенные, тихие и, обнаружив пропажу, вряд ли будут поднимать шум», — решил Шкода, стараясь держать эту пару всегда на виду.

Теплый и погожий день пролетел удивительно быстро.

Ближе к вечеру бойцов стали распределять на ночевку в дома местных жителей. Чехи с радостью брали на постой советских солдат, считая за честь пустить к себе в дом освободителей. Касатонова и Еланина старшина определил к пожилой чешской семье Копецку.

Ян и Петра жили в двухэтажном доме всего в двухстах метрах от того места, где разместился штаб артполка. Павла с Лёней супруги приняли к себе на постой с превеликим удовольствием. Их повзрослевшие дети уже давно обзавелись семьями, жили и работали они в Праге и домой к родителям приезжали редко. Места, где можно было разместить героев, у семьи было предостаточно.

— *Dobrý večer, pánové vojáci. Pojdte do našeho domu. Teď budete večeřet* (Здравствуйте, господа солдаты. Проходите в наш дом. Сейчас будем ужинать), — наперебой любезно приглашали хозяева.

— Добрый вечер, панове, добрый вечер, — приветствовали друзья пожилую пару, до глубины души тронутые теплым приемом.

— Спасибо большое, панове, но мы сыты, — вежливо отказывался от ужина Еланин.

— Мы уже поели, спасибо. Нам бы только переночевать у вас, — вторил своему другу Касатонов.

Недавний солдатский ужин был достаточно сытным, есть друзьям совсем не хотелось. Понимая, что русские солдаты от ужина отказываются, чехи порекомендовали помыться, прежде чем гости смогли бы пойти отдыхать.

— *V tom případě pojdte sem. Tady je koupelna. Zde se můžete umýt teplou vodou* (В таком случае проходите сюда. Вот ванная комната. Здесь вы можете умыться теплой водой), — предложила хозяйка, подходя к двери комнаты, что находилась недалеко от кухни. Друзья с удовольствием приняли такое предложение, и после того, как привели себя в порядок, им наконец предложили пройти к тому месту, где они должны были отдохнуть.

— *Pojďte dál, pánové vojáci. Ukážeme vám pokoje, kde budete spát* (Проходите, господа солдаты. Сейчас покажем вам комнаты, где вы будете спать), — указал хозяин рукой на лестничный марш.

Ян Копецку постоянно кланялся, демонстрируя гостям свое почтение. Это был мужчина высокого роста, на вид чуть более пятидесяти лет, с большим мясистым носом и короткостриженными седыми волосами.

Скрипучие ступеньки лестницы вели наверх. Касатонов и Еланин вместе с хозяевами поднялись на второй этаж.

— *Pojďte sem, prosím. Tady jsou vaše pokoje* (Проходите, пожалуйста, сюда. Вот ваши комнаты), — продолжала оказывать внимание гостям Петра.

Друзья с восхищением осматривали убранство жилища, заглядывая в комнаты, которые им любезно предлагали хозяева. В одной из спален стояло две кровати.

— Вот здесь, в этой комнате, мы, наверное, и расположимся, — нерешительно сказал Касатонов, обращаясь к пожилой паре. — Ты как, Лёня, не против?.. — оборачиваясь, спросил он у своего товарища.

— Конечно, Паша!.. В одной комнате спать будем. Вдвоем все-таки веселей и поговорить можно, — смеясь, согласился с другом Еланин.

Переглянувшись, чехи возражать не стали. Друзья с позволения хозяев зашли в комнату. Снимая с плеч оружие и вещмешки, они, осматриваясь, стали располагаться на постой. Муж с женой, не смея мешать гостям, незаметно удалились, но, как потом оказалось, ненадолго. Минут через десять в открытую дверь аккуратно постучались. На пороге в сопровождении мужа стояла пани Копецку с небольшим подносом в руках.

Петра Копецку — милая и красивая женщина пятидесяти лет. На удивление, к этому возрасту у нее еще сохранились стройная девичья фигура и приятная внешность. Петра была очень внимательна и любезна.

— *Můžu vás navštívit?* (Можно вас навестить?) — вежливо задала вопрос хозяйка. — *Tady máte, pánové vojáci, k večeři pivo a tlacenka* (Вот вам, господа солдаты, к ужину пиво и тлаченка), — любезно предложила Петра.

На отдающей серебряным блеском посуде стояли две кружки пива и тарелочка с национальной закуской. Лица друзей засияли улыбками, они были тронуты хлебосольством пожилой пары.

— Ну что вы... зачем... не стоит... К чему такое беспокойство?.. — наперебой затараторили бойцы, но отказаться в любезности своим хозяевам не посмели.

— *Hostit. Dobrou chuť. Naše pivo je nejlepší v celém městě* (Угощайтесь. Приятного аппетита. Наше пиво самое лучшее во всем городе), — с добрыми пожеланиями пани Копецку предлагала свое угощение, нахваливая пиво.

— *Ano, ano, naše pivo je nejlepší* (Да, да, наше пиво самое лучшее), — подтверждал слова своей жены Ян.

— Большое спасибо... спасибо, панове... — в благодарностях приняли угощение друзья, им было даже как-то неловко от такого внимания и гостеприимства.

Не желая мешать гостям, хозяева с поклонами удались. Только друзья взялись за кружки, чтобы сделать по первому глотку чешского пива, как внизу послышался сначала стук в дверь, а потом голос мужчины, разговаривающего на русском языке. Голос бойцам показался почему-то знакомым.

— Меня к вам наш старшина прислал, сказал, чтобы на ночь я в вашем доме остался, — вместо приветствий заявил незнакомец.

Переглянувшись между собой, пожимая при этом плечами, Ян и Петра были несколько удивлены. Старшина, что ранее обращался к ним, договаривался о ночлеге только для двоих солдат, тех, что в тот период находились рядом с ним. Было бы при нем трое — возражать они бы в тот час не стали. А вот теперь визит третьего человека показался

им каким-то странным. Да и сам солдат на первый взгляд оказался не очень приятным: маленького роста, неопрятен, небрит, с маленькими, постоянно бегающими глазами и одет в грязную форму явно не по его размеру. У хозяев совершенно не было желания пускать к себе на постой такого неряшливого человека. Но отказывать чехи не стали. Выискивать старшину, чтобы выяснить, действительно отправлял он к ним на постой этого бойца или нет, тоже было делом долгим и утомительным. Неудобств им солдат доставить не мог, место в доме было: на втором этаже одна из комнат пустовала. Немного смутившись, супруги все-таки решили на ночь оставить этого человека у себя. Вот только что их еще удивило — новоявленный гость от ваннх процедур наотрез отказался.

Касатонов и Еланин, увидев на площадке второго этажа физиономию Сафонова, крайне этому удивились. Насколько они были осведомлены, Шкода должен был быть определен на ночлег в другой дом и совсем с другими людьми. Но возражать этому не стали: мало ли что могло измениться в планах командиров...

Хозяева определили своего третьего постояльца в пустующую комнату и молча удалились. Судя по настроению супругов, этот человек был им малопрятен, но виду чехи старались не подавать. Не совсем устраивало такое соседство и наших друзей, уж очень неблагонадежным был этот тип. Тактичности ради и чтобы не обидеть гостя, хозяева и Сафонову в комнату доставили угощение. Но по сравнению с Еланиным и Касатоновым на благодарности по отношению к хозяевам Сафонов был скуп. Да и атмосфера в доме с его появлением стала заметно другой: каждый чувствовал себя как не в своей тарелке.

После выпитого пива с закуской Касатонов и Еланин стали устраиваться на ночлег. Зная пристрастия Шкоды, все свои ценные вещи друзья положили под подушки. Горловины вещмешков туго затянули узлами и тоже уложили рядом

с кроватями так, чтобы можно было услышать, если кто-то посторонний намеревался бы их взять. Укладываться спать решил и Сафонов. В скором времени в доме наступила полная тишина.

Проснулся Сафонов, когда на улице едва забрезжил рассвет. Медленно поднявшись с кровати, он, прислушиваясь к звукам, натянул галифе. Босиком, на цыпочках Шкода вышел из своих покоев и направился в соседнюю комнату, где спали его товарищи. Тихонько пробравшись в соседнюю спальню, Сафонов крадучись подобрался к кровати Касатонова (она была ближе к двери), присев на корточки, он затаился. Однополчане спали крепким утренним сном. Шкода знал это, потому и выбрал самое подходящее время для кражи. Едва дыша, жулик все это время, осматриваясь по сторонам, внимательно прислушивался к каждому шороху. То, что люди ценные вещи и личное оружие (пистолеты), как правило, кладут под подушки, жулик прекрасно знал. Стоящие возле кроватей вещмешки его не интересовали.

Убедившись, что все идет по плану, Сафонов, опираясь левой рукой на изголовье кровати, правую руку осторожно стал просовывать под подушку Касатонова; повернувшись к стене, Павел крепко спал. Медленно проталкивая маленькую руку между подушкой и матрасом, Сафонов наконец кончиками пальцев нащупал застежку; сердце воришки от предвкушения стало колотиться еще сильнее. Ухватившись надежно за ремешок, жулик потянул его на себя. Когда часы оказались в его руке, он опустил на колени и ловко засунул их в карман своих широких шаровар. Не задерживаясь ни на секунду, воришка потянулся рукой под подушку вторично в надежде нащупать там что-то еще. Вторая попытка тоже была успешной: в этот раз ему достались карманные часы с небольшой цепочкой. Третий раз жулик под подушку не полез.

Инстинктивно он положил руку на галифе Касатонова, они, аккуратно сложенные, лежали на стуле. Легонько по-

хлопав ладонью по одежде, Сафонов нащупал в кармане брюк металлический предмет. Улыбнувшись удаче, он вытащил из кармана зажигалку, и в тот же миг блестящая безделушка перекечевала в его карман. Сверкая огоньками своих маленьких плутоватых глаз, Сафонов перебрался к кровати Еланина. Кроме ручных и карманных часов под подушкой Леонида Шкода нащупал деньги. Их Лёня, накопив за несколько месяцев службы, планировал через денежный аттестат отправить матери. Пересчитывать деньги, чтобы убедиться, сколько ему досталось рублей, жулик не стал, боясь шелестом купюр разбудить их владельца.

Довольный своим уловом воришка, как мышь из норы, вышмыгнул из чужой спальни. Подойдя к своей кровати, Сафонов вытащил из карманов все, что ему удалось украсть в этот раз. С трепетом в душе он встал на колени и, разложив на постели свою добычу, стал любоваться ей, смотря на все горящими от счастья глазами. Дрожащей рукой Сафонов стал пересчитывать деньги. Сумма оказалась немалой — сто пятьдесят шесть рублей.

Все украденные вещи и деньги Шкода спрятал в своем вещмешке, уложив их на самое дно. Теперь его основной задачей было выйти из дома, пока спят обворованные им однополчане. О последствиях он уже не задумывался — удачная кража дурманила разум. Тихо, без лишнего шороха Сафонов оделся, закинул за спину свой сидор и, тихонько передернув затвор карабина, перекинул оружие через плечо.

«Это так, на всякий случай», — подумал он. Осторожно ступая по полу, Сафонов вышел из спальни. Его тонкий слух уловил негромкие звуки с первого этажа: чехи к этому времени уже проснулись и хлопотали по хозяйству. Стараясь оставаться незамеченным, жулик стал спускаться по лестнице. Под ногами предательски заскрипели ступени. Услышав посторонний звук, проснулся Еланин. Первым делом Лёня сунул свою руку под изголовье. От внезапной тревоги спер-

ло дыхание — что-то не так. Когда он резко откинул подушку, сразу обнаружил пропажу часов и денег.

— Ах ты мразь! — в негодовании выкрикнул Леонид. Хватаясь за карабин, он, не одевшись, выскочил из комнаты. Шлепая босыми ногами по полу, Еланин в ярости ворвался в комнату, где ночевал Сафонов. Только вот комната была уже пуста. От неожиданно возникшего шума проснулся Касатонов.

— Что случилось, Лёня?.. Что произошло? — с тревогой в голосе прохрипел спросонья Павел. По отработанной годами привычке он схватил в руки свой карабин и тоже выскочил из спальни. Сафонов уже приблизился к входной двери, когда услышал шум на втором этаже и быстрые шаги по скрипучей лестнице; с тревогой в сердце Шкода понял, что теперь ему несдобровать.

— А ну стой, сука! Назад! — передергивая затвор, крикнул Еланин в тот момент, когда Сафонов стоял всего в двух шагах от входных дверей.

Оружие в руках Еланина ничего хорошего жулику не сулило. Осознавая, что он разоблачен и теперь наказания не избежать, Сафонов от безысходности скинул с плеча заряженный заранее карабин. Едва прижав оружие к телу, Шкода выстрелил; приклад сильно ударил в плечо, но в пылу воровского азарта боли он не почувствовал. Еланина что-то сильно толкнуло в грудь; теряя равновесие, он ударился спиной о стену. Неожиданная слабость пронзила все мышцы как стрелой, и тело, словно набитое ватой, перестало выполнять команды. Еще не веря в то, что произошло за эти короткие секунды, Лёня стал падать на деревянные ступени, а выпавший из рук карабин с грохотом покатился по лестнице вниз.

— Лёня! — прокричал Касатонов, когда увидел, как пуля насмерть сразила его боевого друга. Он не мог поверить своим глазам. Пока Павел мешкал с оружием, Сафонов успел перезарядить свой карабин и тут же выстрелил второй

раз. Касатонов как скошенный упал на лестницу и покатился по ступеням вниз вслед за своим другом.

— *Co se stalo? Co je to za střelbu?!* (Что случилось? Что за стрельба?!) — прокричал хозяин дома, услышав шум и прогремевшие выстрелы. В один миг он выскочил из кухни в прихожую.

У края лестничного марша, истекая кровью, лежали тела Еланина и Касатонова. Ян Копецку от страха потерял дар речи, в растерянности он бросил взгляд на Сафонова; тот, глядя на хозяина озверевшим взглядом, совершенно бездушно и отрешенно передергивал затвор карабина. Жадность, толкнувшая Сафонова в очередной раз пойти на воровство, теперь породила в нем беспощадного убийцу. Одержимый безрассудным желанием безраздельно владеть незавидным бараклом, он превратился в жалкое ничтожество со звериным оскалом. Лицо безумца до неузнаваемости исказилось, вороватый взгляд маленьких глаз сверкал искрами молний, тонкие губы от напряжения перекошились, широкие ноздри, раздуваясь, выдыхали висевший в воздухе запах смерти.

Глядя на хозяина дома, Шкода понимал, что чех оказался очевидцем его преступлений. Окончательно теряя рассудок, он принял решение в живых такого свидетеля не оставлять. Ян без слов понял намеренья Сафонова и хотел что-то сказать, но не успел. В помещении прогремел третий выстрел, и Ян Копецку, откинутый ударом пули, упал в широком проходе, ведущем на кухню.

После внезапного переполоха так же внезапно в доме повисла мертвая тишина. Прихожая после стрельбы наполнилась дымом, в воздухе стоял стойкий запах пороховых газов. Разделавшись с хозяином дома, Шкода обратил внимание на открытые двери двух комнат. Что это за помещения, он не знал.

«А где хозяйка дома? Если она здесь, то, значит, могла все слышать. Оставлять такого свидетеля в живых никак нельзя», — решил про себя Сафонов, передергивая затвор

своего оружия. Держа карабин наперевес, в сизом мареве дыма Шкода медленно двинулся в сторону открытых дверей.

Петра все это время находилась на кухне. Услышав шум и выстрелы в доме, женщина до смерти испугалась, выходить вслед за мужем в прихожую ей было страшно. Вздрагивая всем телом при каждом выстреле, она только могла предполагать, какой кошмар происходил в ее доме. Страх одолел ее так, что перепуганная женщина не могла сдвинуться с места. Но вскоре выстрелы прекратились и воцарилась полная тишина. Только затишье для пани Копецку было тревожней стрельбы. После минутной паузы, которая ей показалась вечностью, безмятежность нарушил опасный звук передергиваемого затвора. Петра, стоявшая у края стола как завороченная, снова вздрогнула. Мягкие, еле слышные шаги стали медленно приближаться к помещению кухни.

«Если голосов ни Яна, ни тех двух солдат, что подняли шум, не слышно, скорее всего, они мертвы. Значит, приближающиеся шаги — это шаги убийцы», — подумала Петра, представляя в уме происходящие в доме события. Не издавая лишнего шороха, на цыпочках она быстрее молнии метнулась за открытую дверь. Спрятавшись, Петра затаила дыхание, моля Всевышнего спасти ее грешную душу. В это самое время Шкода, перешагнув через труп убитого им хозяина дома, подошел к кухне. Врожденным звериным чутьем он ощущал присутствие хозяйки в доме. Но, заглянув на кухню и окинув помещение беглым взглядом, Сафонов засомневался.

«Может быть, она в другой комнате или в полуподвале прячется?» — подумал Шкода. Петра, стоя за дверью всего в нескольких сантиметрах от убийцы, затаила дыхание. Дрожа от страха, женщина продолжала молиться. Постояв несколько секунд на пороге кухни, Сафонов для уверенности решил проверить следующее помещение — это была го-

стиная. Осмотрев пустующую комнату и убедившись в отсутствии там хозяйки, Шкода заглянул в ванную, спустился в полуподвал, но и там никого обнаружить не удалось. Торопясь и понимая, что нужно быстрее убираться с того места, где он за короткий утренний час успел натворить дел, Сафонов, закидывая карабин на плечо, направился к входной двери.

Как только Петра услышала удаляющиеся шаги и звук хлопнувшей двери, она с облегчением вздохнула, от сердца отлегло. Преодолевая страх, пани Копецку медленно вышла из-за двери. Робко и неуверенно она предприняла попытку выбраться из кухни. Первое, что пришлось увидеть несчастной женщине, — лежащее в луже крови мертвое тело мужа.

— Ян! — крик из уст Петры вырвался сам собой. Слезы брызнули из глаз, тело в истерике безудержно затряслось. Петра прикрыла рот ладонью. Справляясь с одолевающими эмоциями, женщина вошла в прихожую. Картина, представлявшая перед ней, была ужасной: воздух в помещении был наполнен запахом пороха со сладковатым привкусом крови; внизу, у лестничного марша, лежали убитые Сафоновым Еланин и Касатов. Тела солдат, облаченных в нижнее белье, сплошь забрызганы кровью. Такое жуткое зрелище трудно было представить себе даже в страшном сне. Преодолевая страх, женщина сообразила, что убийцу нужно немедленно задержать — но как? Отбросив прочь волнение и страх, Петра метнулась к черному входу. Сердце женщины неустанно колотилось, дыхание было частым, лихорадочная дрожь трясла все тело.

Когда Шкода оказался на улице, то двинулся в направлении штаба дивизиона. Он уже прошел несколько метров от дома Копецку, но что-то неожиданно его остановило.

«А зачем я иду в штаб? Ведь еще рано! — опомнился вдруг Сафонов. — А когда можно будет туда идти? Надо все обдумать, — путаясь в мыслях, с трудом соображал мерзавец. — Нет, с появлением в штабе надо немного по-

временить», — наконец определился он и развернулся назад.

Осторожно оглядываясь по сторонам, пани Копецку взглядом стала выискивать убийцу. Определить то направление, куда мог пойти русский солдат, было трудно; стараясь самой не попасться ему на глаза, женщина осторожно выглянула из-за угла своего дома. Совершенно неожиданно она увидела идущего по улице Сафонова. Затаив дыхание, Петра юркнула назад.

Шкода быстрым шагом шел в направлении городской площади. Хорошо зная свой город, Петра по параллельной улице незаметно следовала за Сафоновым. Через два квартала активного преследования женщине наконец повезло: навстречу ей вышли двое местных полицейских, что в утренний час патрулировали город. Петра со всех ног бросилась к ним как к спасителям. Взахлеб, заикаясь и путаясь в словах, пани Копецку стала рассказывать о трагедии, произошедшей в ее доме, и требовала немедленно задержать убийцу.

Полицейские на требование женщины отреагировали быстро. Чтобы избежать жертв при задержании, к ответственному мероприятию было подключено еще двое сотрудников местной полиции. Арестовали Шкоду в тот момент, когда он у красочной витрины магазина рассматривал обувь. До войны Сафонов работал в сельской артели сапожником. Толк в обуви он знал и поэтому, отвлекшись, засмотрелся на красивые женские туфли и модные мужские ботинки. Здесь ему и скрутили руки, забрали карабин и доставили в местное отделение полиции.

При утренней поверке личного состава в первом дивизионе обнаружилось отсутствие трех человек. Когда дневальный прибежал в штаб с чудовищным известием, полк подняли по тревоге. Так как Сафонова на месте обнаружить не удалось, его объявили пропавшим без вести. Отдельными группами начали поиск возможного убийцы

и исчезнувшего Сафонова. О ЧП немедленно доложили в штаб дивизии. Суматоха продолжалась недолго, пока не выяснилось, что Шкода арестован и находится в отделении местной полиции. Солдаты и командиры потеряли дар речи, когда узнали, кто на самом деле был убийцей хозяина дома и однополчан. Но еще труднее им было понять, как из-за воровства несчастных часов могли погибнуть три совершенно невинных человека. Смириться с бездушьем подлеца Сафонова никто не мог.

Суд военного трибунала был жестоким, но справедливым. На третий день пребывания полка в городе Мост за пределами городского кладбища с самого раннего утра Шкода под строгим присмотром автоматчиков копал себе могилу. Когда последний приют мерзавца был готов, полк по команде выстроился. К месту события собралось и большое количество горожан. Перед строем офицер военного трибунала огласил приговор, и автоматчики, встав на изготовку, привели его в исполнение. Грянули выстрелы, короткие ноги Шкоды подкосились, и он рухнул в выкопанную им самим могилу.

РОДИНА! ДОМОЙ...

Прошел месяц, как кончилась война. Всем бойцам надоела жизнь в палаточном лагере, где на чужбине проводились занятия по боевой, строевой и тактической подготовке. Хотелось домой: если и служить, то лучше уж на родине.

Наконец наступил тот день, когда был дан долгожданный приказ: маршем выдвигаться в направлении к нашей границе. Путь предстоял не из легких. В пешем порядке нужно было пройти по разрушенным войной городам и селам, по местам боевого пути своих частей, где остались безымянные могилы погибших друзей. В день приходилось проходить по тридцать пять — сорок километров. Уставшие люди порой засыпали прямо на ходу, удаляясь в сторону от своей колонны. Друзья останавливали задремавших, под смех и шутки возвращая их в строй. Многие из солдат, не выдерживая длительных маршей, останавливались отдохнуть на долгое время, отставая от своих частей. Дружинин боялся отстать и из последних сил старался держаться не только своего полка, но конкретно своего взвода.

Так в этом длительном походе в отставших от полка оказался Тимофей Семёнов. Тот самый наивный чудак, с кем любил подурачиться трагически погибший Васька Солянок. Через две недели пути Тимофей присел на обочине отдохнуть, да так потом его никто и не видел. Где он и что с ним произошло, так и осталось загадкой.

За плечами — три недели многокилометровых маршей. Ходьба по пыльным дорогам Европы под палящим солнцем утомляла людей, но они продолжали идти, еле перебирая уставшими от походов ногами. В один из июльских дней где-то далеко впереди зазвучала музыка. По колонне пошел шум, посыпались вопросы:

— Что это? Что за музыка? Что произошло?

— Граница наша! Мы на родине! Мы дома! — слышались радостные возгласы солдат.

Все стали поправлять на себе форму, подтягивать строй. Выправились. На глазах из уставших и изнуренных от бесконечной ходьбы людей они преобразились в лихих и бравых бойцов. Теперь их лица лучились улыбками. Музыка стихла. И потом вновь во всю мощь грянул марш «Священная война»!

Дрожь пробежала по телу Дружинина. Солдатики, чеканя шаг, прибывали к себе на родину — и она встречала их с музыкой! Смешанные чувства гордости и радости переполняли души людей. Родина все это время помнила и ждала своих победителей. На сердце было тепло и приятно до слез. Услышав знакомые ноты, Анатолий вспомнил Харьков сорок третьего, когда их с вокзала увозила теплушка, из которой звучал тот самый марш. Пред глазами возникли лица его товарищей, с кем он уезжал тогда за Днепр: рыжий балагур Сашка, баянист Семён... Сколько их осталось в живых из сорока юных мальчишек из той теплушки? Наверное, не более двадцати...

От границы прошли чуть больше суток, когда вдоль колонны, проезжая на двуколке, молодой офицер громко огласил объявление:

— Бойцы с десятилетним образованием, желающие стать офицерами Красной армии, имеют возможность поступить учиться в Киевское танковое училище. Желающих

прошу на ближайшем привале подойти к агитационной машине.

Шедший впереди Анатолия Лёня Дырявко поднял руку.

— Я желаю! — неожиданно для всех крикнул он офицеру.

— Хорошо. Подойдете на привале к машине, — сухо ответил офицер; проезжая далее вдоль колонны, он продолжал оглашать приглашение.

Связисты молчали. Они видели, как Лёня мучился, укоряя и терзая себя за гибель друга. Тот роковой день, казалось, навсегда изменил его. От энергичного, веселого и жизнерадостного Лёни Дырявко не осталось и следа. В один миг он превратился в вялого пессимиста, потерявшего интерес к жизни. Лёня замкнулся в себе, мало с кем разговаривал и уже никогда не улыбался. Его открытое и веселое лицо стало мрачным и хмурым. Взгляд потускнел. Больно было видеть, как он страдает. Ему казалось, что он видел в глазах своих друзей осуждение.

Как только объявили привал, Лёня молча удалился к агитационной машине.

Через полчаса обеденного привала там, где отдыхала группа бойцов стрелкового полка, прогремел оглушительный взрыв. Находящиеся рядом люди побежали к месту происшествия.

Оказалось, это разорвалась мина, которая чуть больше года пролежала в земле. По роковой случайности она рванула, нагретая костром, который бойцы разожгли, находясь на отдыхе. Люди погибли по пути домой, уже после войны. Кто-то из них прошел ее от начала до самого конца, а погиб от неразорвавшегося в свое время или оставленного случайно боеприпаса. Жутко! Этот взрыв прогремел как отголосок прошлого. Как эхо уже прошедшей войны, пожалуй, самой жестокой и кровопролитной. И это эхо еще долгие десятилетия будет забирать от нас человеческие жизни.

Погибших людей накрыли палаткой, и бойцы, отдавая последние почести, подходили с ними прощаться. Попро-

щаться подошел и Дырявко. Нелепая смерть, забравшая этих людей, еще раз напомнила ему гибель его лучшего друга. Отдав дань памяти погибшим бойцам, Лёня направился к своему взводу.

Небо затянуло черными тучами, оглушительные раскаты грома гремели вслед за блеском сверкающих молний. Анатолий, последовав примеру своих товарищей, облачился в плащ-накидку. С первыми теплыми каплями дождя подошел Дырявко. Взвод стоял молча. Каждый понимал трагичность происходящего. Пауза несколько затянулась. С неба полил проливной летний дождь. Лёня стоял с потеплевшими и влажными от слез глазами и, опасаясь срыва голоса, не решался начать разговор. Наконец, пересилив волнение, он выдал из себя мучительно тягостные слова:

— Ну вот и все, братцы! Расстаюсь я с вами, дорогие мои боевые друзья. — По его впалым щекам текли теплые струи дождя. Под струями ливня Лёня, будто не замечая непогоды, продолжал стоять в мокрой гимнастерке. — Тяжелыми и долгими дорогами войны я в одном строю с каждым из вас, кто мне по-особенному дорог, прошел по всей Европе до самого Берлина, а потом и до Праги. Мы замерзали в одном окопе, и там нам вместе приходилось прятаться от вражеских бомбежек и артобстрела. Все эти лихие годы каждый из вас делился со мной и горем, и радостью, а в самую трудную минуту делился солдатской махоркой и последним куском хлеба. Но поймите меня, братцы! Не могу я на вас смотреть как прежде. Потому что смотрю на свой родной взвод и вижу среди вас Ваську. Вижу так, будто он и не погиб вовсе по моей вине, а находится сейчас здесь, среди вас. Стоит вместе с вами в строю, смотрит на меня и, как всегда, смеется. Вот как мне теперь быть?! Демобилизации для нас пока не будет, и в другую часть меня вряд ли переведут. Потому я и решил поступить в училище. Может, там как-то утихнет моя боль о погибшем друге. Простите ли вы мне когда-нибудь мою вину или нет — не знаю.

Но вряд ли я сам себе прощу это. Вот пришел попросить у вас прощения за все, а заодно и попрощаться... — глаза его еще больше наполнялись слезами, да и остальным эта сцена до боли рвала душу.

Взвод, в котором служил Лёня, стал ему действительно родным. На фронте взвод — это небольшая семья, где все люди хорошо знают друг друга. И у солдат она имеет несколько другое начало. Бойцы, которым приходится воевать плечом к плечу, становятся дороги друг другу по-особенному. В бою души людей обнажаются. В обстановке, где жизнь находится на волоске от смерти, откуда-то из глубин, если они есть, всплывают все низменные пороки. Скрыть на войне их невозможно. Подлецы и мерзавцы проявляют себя первыми, оставаясь потом в одиночестве, или довольствуются кучкой общества себе подобных — в дружном коллективе таким не место. К счастью, порядочных людей всегда больше. Поэтому чувства и отношения в такой семье чище и острее, когда каждый своим другом дорожит, как братом. Именно здесь оно и зарождается — солдатское братство! Пройдя суровый путь испытаний, люди понимают, что выше этого братства ничего нет. Оно остается в сердце на всю жизнь.

Со щемящей болью в душе и большим сожалением Лёня покидал свою семью.

— Прощай, дружище, — один из первых протянул ему руку Ваня Топчак. — Никто, Лёня, зла на тебя не держит, не выдумывай. Все прекрасно понимают, что это был несчастный случай. Не истязай себя понапрасну. Все равно ничего уже не изменишь, — утешал он друга, обнимая его богатырскими руками.

Все по очереди подходили к Дырявко попрощаться и, обнимаясь, с любовью похлопывали друг друга по спине и плечам.

— Давай, Лёня! Прощай! Может, судьба еще даст нам шанс встретиться, — сказал ему Дружинин, вселяя малую надежду на будущую встречу.

— Даст бог, Толя, может, еще и встретимся. Рад буду с тобой повидаться. Прощай, дружище, дай бог тебе вернуться домой живым и здоровым, — искренне желал Лёня, захватив его в крепкие объятия.

Распроставшись под утешительные слова напутствий, Лёня, не оглядываясь, пошел к машине, и лишь уже в кузове уезжающего ЗИСа он как-то по-особенному поднял руку в прощальном жесте. Тягостно было на душе у Дружинина. Еще один боевой товарищ покидал их, и возможно, они уже больше никогда не увидятся.

Дальнейшие дни слились у Анатолия в обычную череду монотонных маршей. Остальную часть пути до города Овруча в раздумьях он прошел сравнительно легко. Не понял он и того, как оказался на месте будущей дислокации своей части.

Старая казарма, в которой предстояло располагаться артполку, не имела ни крыши, ни окон, ни дверей. В куче разбитого войной кирпича уныло стояли красные кирпичные стены да обгоревшие и покореженные временем и войной стропила.

— Вот наша казарма. Располагаться наша часть будет здесь, — объявил командир полка перед строем, ожидая заранее возмущений.

Но бойцы не роптали, понимая, что обустроиваться придется самим. А им и не привыкать. За годы войны редко приходилось проводить дни и ночи под крышей. Окоп, землянка или ровик были им как дом родной, а шинель заменяла и матрас, и одеяло, и подушку.

— Временно нас расквартируют в соседнем населенном пункте, — продолжал свою речь командир. — Село называется Заречье, и находится оно в трех километрах западнее от места расположения нашего полка. В населенный пункт уходим только на ночлег. Каждое утро будем приходить сюда, на место своей будущей дислокации, и уже с завтрашнего дня начнем заниматься необходимым строительством

и ремонтом. Мастеров нам, как вы сами понимаете, никто не даст. Поэтому до наступления холодов нам нужно будет своими силами обустроить и казарму, и все прочие, подсобные помещения. Приказываю: командирам взводов составить списки людей, кто какую профессию имел до войны, чтобы потом можно было каждого распределить на работу по специальности. В первую очередь нам нужны плотники, столяры, каменщики, печники... — ставил задачу командир своим подчиненным.

Но люди между собой перешептывались уже о другом. Тешили их ранее сказанные слова командира о расквартировании полка в селе. А это значит, до казарменного быта можно будет пожить ближе к гражданскому населению, а если быть еще точнее, то ближе к женскому полу. Так вот это дело поважнее будет, да и повеселей, пожалуй.

Новость о расквартировании в Заречье воинской части произвела на местных жителей эффект разорвавшейся бомбы. Слух быстро облетел все село. Может, кто-то из местных и мечтал об этом, но уж точно не все. Тем родителям, у кого дочери были на выданье, и мужьям, сомневающимся в верности своих жен, новость щекотала нервы. Солдату, ему что? Он пришел и ушел. Только после его ухода странным образом в городах и селах увеличивалась рождаемость. Но, как говорят французы, *c'est la vie* (такова жизнь)! А как еще повышать демографию в стране?..

Мирная жизнь после ожесточенных боев ободрила людей. Забылись страх, усталость, голод, все тяготы войны. Для вечерних посиделок местная молодежь в селе давно облюбовала себе место. Это была лавочка у палисадника местного бухгалтера. В первый же день после прибытия расквартированного арtpолка сюда активно стала собираться местная молодежь, а особенно девушки. Сразу после работы они приводили себя в порядок, наряжались, обменивались украшениями и торопились к хате Пасюка, где самые нетерпеливые уже шлифовали скамейку. Не отстава-

ли и наши орлы: начищая сапоги и ордена, подшивая свежие подворотнички, они тщательно приводили в порядок свое обмундирование.

И вот на улице уже собралась большая шумная компания. Под одобрительные возгласы у дома бухгалтера появился сельский гармонист Мыкола. Артиллеристы тоже не заставили себя долго ждать, и под бурные аплодисменты на сцене возник музыкант Яшка со своим инструментом. Зазвучал вальс. Кавалеры, по-солдатски расправляя складки на гимнастерках, приглашали дам. Начались танцы. В толпе местных девчат Анатолий заметил одну энергичную хохотушку. Невысокая, ладная, с красивым лицом, она изредка бросала свой взгляд в его сторону. Облаченная в белую с красивой вышивкой блузку и с невероятным количеством бус, незнакомка периодически поправляла на своих плечах яркий, в цветках платок. Клетчатая юбка в талии опоясывалась широким красным поясом. В ярком наряде фигура сельской девушки все больше притягивала его взор.

Наконец их глаза встретились, и она расплылась в широкой улыбке. Эта улыбка была его первой наградой со стороны женского пола. И на этот момент она была дороже всех его боевых орденов и медалей, ведь она предназначалась ему. Какое это было счастье! Волнительное дыхание распирало грудь, сердце трепетало, по телу пробежала мелкая, но приятная дрожь. Его лицо залилось ярко-красным цветом — это был первый признак влюбленности. Но он не сробел. Сделав первый шаг, Дружинин выдвинулся в сторону незнакомки. Девушка тоже была не из пугливых. Скрестив на груди руки и плавно покачивая бедрами, она вышла ему навстречу.

— *Добрый вечер!* (Добрый вечер!) — девушка первой поприветствовала Анатолия.

— Вечер добрый! — ответил он, преодолевая волнение и вспоминая тот далекий февральский день сорок четвертого, когда в их землянку Лёшка пригласил местных дев-

чат. — Будем знакомы, меня зовут Анатолий, а как вас величают?

— *Ганна*, — представилась украинка, — *а чому ви не танцюєте? Чи не вмієте?* (А почему вы не танцуете? Или не умеете?)

— Умею, но только чечетку. А учиться здесь другим танцам как-то неловко.

— *Чечотка?! А що це за танець?* (Чечетка?! А что это за танец?) — расхохоталась Ганна. Ее смех несколько смутил Анатолия. Но через секунду он рассмеялся и сам, не заметив, как напряжение сменилось на легкую непринужденную беседу.

— Как-нибудь при случае я вам покажу. А вы что не танцуете — или тоже не умеете?

— *Та... не вмію і не люблю* (Да... не умею и не люблю), — как-то смешно Ганна махнула рукой. — *А наші дівчата он як танцюють. Бачив?* (А наши девчата вон как пляшут. Видел?)

— Видел. Молодцы. Хорошо танцуют. Может, мы тогда погуляем? — неожиданно для себя предложил Анатолий, сам не зная, как он решился на такой отчаянный шаг. Сердце его замерло в ожидании ответа. А вдруг откажет?..

— *А що? Пішли погуляємо, у нас село велике і гарне. Я вам його могу показати* (А что? Пошли погуляем. У нас село большое и красивое. Я вам могу его показать), — на несказанную радость Дружинина, согласилась девушка, озорно поведя плечами.

Анатолий от счастья был на седьмом небе. Она согласна! И он рядом с Ганной зашагал по сельской улице, освещенной ярким светом полной луны.

Всю ночь Анатолий провел со своей новой знакомой на одном дыхании и, окрыленный любовным свиданием, лег спать, когда на улице уже забрезжил рассвет. Вот только поспать пришлось всего ничего, не более сорока минут. Заступать на дежурство в коммутаторную ему нужно было гораздо раньше, чем состав полка отправлялся к месту своей

дислокации. И теперь в одиночестве, с покрасневшими от недосыпания глазами он шагал по узкой дороге, проходящей между колхозных полей. Утешало то, что не только ему приходится так рано вставать — сельские жители просыпались раньше, чем Дружинин.

Для крестьян рабочий день начинался с рассветом. Утреннее солнце уже достаточно высоко поднялось над горизонтом, обогревая теплым светом своих лучей богатую посевами украинскую землю. Зерновые к этому времени были уже убраны, в полях на скошенной стерне изредка виднелись еще не перевезенные на колхозный сеновал копны обмолоченных хлебов. Лишь по правой стороне извилистой дороги чернело неубранное поле дозревающего подсолнечника. То там, то здесь были слышны людские голоса, мычал и блеял скот, скрипели колеса подвод. Чем дальше Анатолий удалялся от села, тем реже раздавались звуки, и каждый шаг приближал его к тишине, в которой слышалось даже малейшее дуновение легкого ветерка. И вот в этой звенящей тишине откуда-то издали послышалась песня. С каждым шагом все отчетливее слышались певучие слова. Заинтересовавшись, Анатолий и не заметил, как прибавил шаг.

Тонкий женский голосок старательно вытягивал:

— Я ж тебе, Галю, не лаю,
Я ж тебе, Галю, питаю:
А що їли гості у моєму домі,
У моєму домі без мене?

В утренней тиши этот голос как магнитом притягивал Дружинина. Подгоняя себя и изнемогая от любопытства, Анатолий торопился увидеть обладательницу этого нежного и чувственного сопрано. Он даже в своем уме примерно нарисовал образ той чаровницы, которая должна была с минуты на минуту предстать пред его взором. Голос приближался. И вот из-за поворота, с дороги, уходящей вправо, пред

ним возникла худенька фигурка девочки-подростка лет двенадцати, не более. Беззаботно вышагивая, она эмоционально распевала, размахивая снятым с головы платком. Увидев ребенка, Анатолий от неожиданности обомлел: уж очень разнился его воображаемый образ с действительностью. Остановившись, он засмеялся сам над собой.

Заметив на дороге незнакомого солдата, девчушка от неожиданности растерялась. Стремглав, прямо перед носом Дружинина она перебежала перекресток степных дорог. Но, будучи бойкой, девочка тут же сообразила, что ей ничто и никто не угрожает. Звонко рассмеявшись оттого, что кто-то стал свидетелем ее сольного исполнения, девочка остановилась, а потом, кокетливо озираясь на Анатолия, продолжила свой путь в сторону села. Кружась и продолжая размахивать платком, она тем самым по-детски, наивно пыталась обратить на себя внимание встретившегося на пути солдата. Анатолий с улыбкой на лице сам еще долго продолжал оборачиваться, наслаждаясь поведением забавной девчушки. Неожиданная встреча несколько приободрила его. Представшая пред ним картина лишней раз подтверждала то, ради чего нужен мир. Было до глубины души приятно, что девочка счастлива и она поет, а завидев незнакомого солдата, ребенок не испытывает страха, а даже, наоборот, чувствует свою защищенность и свободу. Вдвойне было приятно осознавать и то, что к существующему на сегодняшний день миру в своей великой стране он, Анатолий Дружинин, тоже причастен и приложил к этому немало усилий.

Весь необыкновенно теплый сентябрь Анатолий был счастлив, как никогда. Каждый начавшийся день он торопился, приближая время к долгожданному вечеру, когда он вновь мог иметь возможность увидеть Ганну и быть рядом с ней. Расстраивали его лишь те дни, когда в это самое вечернее время он вынужден был быть на посту в коммуторной. Но зато потом их встречи были еще страстнее и ярче. Анатолий и сам не заметил, как за такой короткий

период он без труда смог не только понимать, но и сам разговаривать на украинском языке. Хотя не только он один.

Жизнь солдат после фронтовых будней резко изменилась. Бойцы преобразились, и их невозможно было узнать: все опрятны, собраны — свежие подворотнички, начищенные до зеркального блеска сапоги, чистое, стиранное обмундирование, на гимнастерках красуются боевые ордена и медали. Сапожники не успевали шить сапоги, теперь к ним записывались в очередь, фотографии едва успевали проявлять пленки. В письмах родным отправлялись черно-белые фотографии храбрых бойцов.

Вечера в Заречье проходили шумно, весело, с песнями, плясками и озорством. Полковой аккордеонист Яшка отчаянно, как на передовой, соревновался с местным гармонистом, кто лучше сыграет и кто знает больше музыкальных произведений. Исполнялись народные песни, романсы, игрались вальсы и пасодобли. Между песнями и танцами люди шутили, смеялись, рассказывали потешные истории из своей жизни на фронте и в довоенное время. Красноармейцы осыпали девочек комплиментами, пытались заключить их в свои объятия, те, в свою очередь, хихикая, кокетливо вырывались из крепких мужских рук. И это повторялось вновь, и только тот, кто проявлял настойчивость и упорство, мог добиться успеха. Ну а как иначе?! В задушевных делах даже самый робкий старался выглядеть героем. Возле хаты скромного бухгалтера, который терпеливо переносил под своими окнами гомон толпы, как правило, и начинались любовные встречи, сцены ревности, драки и прочие выяснения отношений, обычные для сельского образа жизни, разбавленного прибытием на постой воинской части.

Настроение Дружинину неожиданно испортил первый день октября, когда после ночного дежурства он вечером обнаружил свою Ганну в компании молодого и щеголеватого лейтенанта. Весь мир для него как будто перевернулся,

вывернувшись наизнанку; закипевшая в груди кровь резким толчком ударила в голову. Наблюдая отношения со стороны, Анатолий не стал подходить и задавать лишних вопросов. Не дожидаясь окончания запоздалой вечеринки, он ушел в дом, где квартировал его взвод. Казалось, что жизнь для него изменилась навсегда. Таким разбитым друзья Дружинина раньше не видели. Сочувствуя, они старались как могли приободрить своего боевого товарища.

— Да что ты, Толя, из-за какого-то пустяка так расстроился?! — первым со словами поддержки обратился к нему Лаврушин. — Таких красавиц у тебя будет еще не один десяток, — добавил Лёшка.

Тяжелый жизненный опыт у Лаврушина в этом плане был. Он сам прошел через эту боль, когда, демобилизовавшись по беременности, уехала его Верочка, прервав с ним отношения раз и, скорее всего, навсегда.

— Вот тоже, нашел из-за чего себе душу рвать, — подключился к разговору Топчак. — На этой Ганне твоей что, свет клином сошелся? Завтра же тебе другую невесту найдем, — решительно заверил его Иван.

— Да конечно, Толя, подумаешь... С другим пошла! Ну туда ей и дорога!..

— Тоже, красавица писаная нашлась! Правильно Ваня сказал: завтра тебе другую невесту, еще лучше этой найдем! — посыпались с разных сторон в его адрес обнадеживающие слова.

— Я думаю, этого новоявленного щеголя из другого полка нужно хорошенько проучить, чтобы знал, как отбивать девушек у наших солдат, — подключился к разговору Штейн, узнав о проблеме Дружинина.

— Правильно, товарищ лейтенант! Давайте ему малость бока намнем, чтобы не совался к нашим девчатам! — подхватил предложение командира Прусов.

Дружинин с улыбкой на лице слушал своих по-настоящему боевых друзей, которые так искренно переживали

за его судьбу. До глубины души и до слез было приятно чувствовать их искреннее переживание и поддержку, которые в такие минуты дорогого стоили. И он это ценил.

— Да ладно вам, братцы!.. Не надо этого лейтенанта трогать, — стал отговаривать Анатолий своих друзей от хулиганства. — Если бы она сама не захотела, то и лейтенант не стал бы с ней шашни крутить, — заверил он своих друзей, давая им понять, что в таких делах нужно учитывать желания дамы.

— Ну, в общем-то, да!.. — немного призадумавшись и потом расплываясь в улыбке, согласился с его словами Штейн. — Добрейшей ты души человек, Анатолий, — продолжая улыбаться, командир по-дружески похлопал Дружинина по плечу. — Другой бы только этого момента и ждал, когда друзья сопернику морду набьют. А ты совсем по-другому мыслишь. Молодец! — похвалил его лейтенант.

Измену своей возлюбленной Анатолий при теплой поддержке друзей пережить вроде бы и смог. Да и новоявленный жених Ганны уже на третий день их знакомства бесследно исчез. Оставшись у разбитого корыта, Ганна, стыдливо пряча глаза, пыталась вновь возобновить отношения, но в своем решении Дружинин был тверд: раз ушла, значит, ушла, возврата быть не должно. Вот только вся эта история в очередной раз обострила нервные расстройства, причиной которых являлась полученная в декабре сорок третьего года контузия.

В один из октябрьских дней Анатолий, как обычно, сидел в коммутаторной. Сразу после обеда к нему на пульт поступил звонок от заместителя командира полка.

— Соедините меня с двадцать третьим, — потребовал майор и стал ждать ответа. Но в это самое время начальник штаба полка разговаривал по телефонной связи с заместителем командующего артиллерией дивизии. Связь командира такого ранга, согласно инструкции, Анатолий прервать не имел права.

— Товарищ двадцать второй, линия с двадцать третьим

занята, — вежливо пояснил Дружинин и уже собрался прервать разговор.

— Вы что, меня плохо поняли? — повышая голос, вдруг заявил майор. — Я вам, солдат, приказываю соединить меня с двадцать третьим! — решительно требовал командир. В трубке было слышно, как он в сердцах ударил кулаком по столу. Но это обстоятельство послужило детонатором к тому, чтобы взорвалась и без того напряженная нервная система Дружинина.

— Я вам, товарищ двадцать второй, русским языком сказал, что линия занята! Вам на каком языке еще объяснить?! — поднимаясь с места, закричал в трубку покрасневший от гнева Анатолий.

Находящиеся в коммутаторной Коробков и Мельник с недоумением повернули головы в сторону Дружинина.

— Да вы что, товарищ солдат, себе позволяете? Вы что, не понимаете, с кем разговариваете?! — брызгаясь слюной, голосил на весь свой кабинет не на шутку разгневанный майор. Он также поднялся с места и, утрамбовывая кулаком лежащую на столе толстую папку с документами, готов был без суда и следствия отправить непокорного и строптивого связиста на гауптвахту.

— Да... пошел ты... — покрыл Дружинин разгневанного майора трехэтажным матом.

Он тут же отключил его от связи и положил трубку. Заместитель командира полка на другом конце провода обомлел от такой наглости и хамства своего подчиненного. По инерции майор еще несколько секунд продолжал держать трубку в руке, но потом, с трудом преодолевая негодование, обрушил ее на телефонный аппарат.

— Толя, что с тобой произошло, ты соображаешь, что ты сейчас здесь наговорил?

— Да, Толя, по-моему, тебе как минимум десять суток ареста светит, а может, и поболее, — один за другим высказались его друзья.

Переглянувшись между собой, они замолкли. На несколько минут в помещении повисла мертвая тишина. Только теперь, после осознания того, что произошло, и ощутив нервную дрожь во всем своем теле, Дружинин, обессиленный, сел на стул. Тяжело дыша, он почувствовал, как на лбу появились первые капельки пота. Трясущейся рукой Анатолий вытер рукавом со лба пот, представляя, что после этой сцены может с ним произойти. Мысли рисовали разные сюжеты: от ареста на десять суток до трибунала. Так, терзаемый последствиями своей дерзости, он просидел на своем посту минут двадцать.

Дверь в коммутаторную резко открылась, от неожиданного звука Дружинин вздрогнул. В дверях появилась фигура Топчака, за ним в помещение вошли два штабных писаря, Давыдов и Савченко. Дружинин их хорошо знал.

— Сдай, Толя, свой пост Ивану и пошли с нами, — ровным и совершенно спокойным голосом сказал Савченко.

Анатолий не стал противиться и уж тем более задавать лишних вопросов. Он молча встал и, надев на ходу шинель и шапку, вышел в сопровождении писарей из коммутаторной. На улице было тепло, шинель можно было бы и не надевать, но кто знает, куда и на какой срок его забирают?

— Нам сюда, — указал Давыдов и пошел впереди Анатолия.

Савченко шел сзади. Все — и Анатолий, и сопровождающие его люди — шли молча. «Ну все, значит, на гауптвахту... — подумал Дружинин, зная, что она находится всего в трех кварталах, если идти в этом направлении. — Понятно! Но что же будет дальше, неужто за арестом последует трибунал?» — размышлял Анатолий, шагая по булыжным тротуарам Овруча.

Осень сорок пятого была необыкновенно теплой, холодно было только по ночам и ранним утром. Днем, под яркими лучами солнца, воздух прогрелся до восемнадцати — двадцати градусов тепла, от ходьбы скорым шагом облачен-

ному в шинель Дружинину стало жарко. Хотелось расстегнуть ворот, но, как ни крути, требовалось соблюдать устав, на гауптвахте за это не пожалуют, да и на улицах города часто приходилось встречаться с офицерами.

Ну вот и обнесенная высоким забором дивизионная гауптвахта. В теле появилась легкая дрожь. Поравнявшись с массивной дверью входа в здание, идущий впереди Давыдов пошел почему-то дальше, Анатолий в сомнениях оглянулся назад, в лице Савченко он также не заметил и тени сомнений в продолжении маршрута.

«Так куда же мы идем? — удивился он, и на сердце стало еще тревожнее, а задать вопрос конвоирам о том, куда им велено его препроводить, он как-то не решался. — Подумают, что я струсил, да еще и подшучивать начнут, — размышлял Анатолий. — Ну и не на расстрел же, в конце концов!» — утешал он себя, прокручивая в голове разные варианты. Вскоро группа подошла к госпиталю, и впереди шагающий Давыдов стал уверенно подниматься по высоким ступеням старинного здания. Дружинин покорно последовал за ним.

На его удивление, командование полка вместо гауптвахты отправило Дружинина в госпиталь, на обследование перенесенной им контузии. На постах были командиры, прошедшие войну, и они прекрасно понимали, какие последствия влекут за собой такие увечья и сколько пострадавшему организму нужно времени, чтобы он мог полностью восстановиться.

Так на несколько месяцев Дружинин оказался в медицинском учреждении, где была своя атмосфера, порядки и взаимоотношения. Анатолий сравнительно быстро привык к новому распорядку, обретая новых знакомых среди больных и медперсонала. Госпитальная жизнь его не тяготила, друзья навещали довольно часто, подшучивая и интересуясь, не нашел ли он себе невесту среди молоденьких фельдшерниц и медсестер. Три месяца обследований проле-

тели как три недели, и в начале января Анатолий был выпи-сан из госпиталя с неутешительным диагнозом, при кото-ром он освобождался от воинской службы с исключением из учета. Это давало ему право на демобилизацию, но сле-дующая волна должна была состояться в войсках только в апреле, а потому приходилось терпеливо ждать весны. Приказом по полку Анатолий был полностью освобожден от всех видов воинских обязанностей, жил не в казарме, а в помещении бытового обслуживания, и понятно, что прежнего воинского режима ему соблюдать не требовалось. Единственное, чтобы не остаться голодным, ему приходи-лось посещать столовую, а еще баню и клуб. Вроде бы он и был свободен от воинской службы, и перемещение его из части и обратно никто не ограничивал, но душа все равно торопилась домой, на родину.

Но вот и наступил долгожданный апрель. Анатолий с выправленными по всей строгости документами, с чистым подшитым воротничком, в начищенных сапогах и при на-градах стоял перед своими однополчанами, с которыми он в жестоких боях прошел пол-Европы, освобождая от врага города и села. А теперь он должен был распрощаться со сво-ими друзьями, осознавая, что вряд ли с кем-то из них пред-ставится возможность повстречаться вновь. Сердце разры-валось на части, на глаза наворачивались слезы. Столько вместе пройдено дорог, столько пережито...

Каплей живительного бальзама на сердце явилась забота лейтенанта Штейна. Он похлопотал перед командиром пол-ка, и тот, на радость друзьям, разрешил взводу проводить Дружинина на вокзал. Радость действительно была неопи-суемой. Шумной толпой они пошли провожать Анатолия к поезду, который должен был увезти его далеко на восток. Здесь, на перроне вокзала, они в объятиях и распрощались, обещая друг другу поддерживать отношения в письмах.

До Саратова Дружинин добирался мучительно долго. Здесь же, в военной комендатуре, он получил последнюю порцию сухого пайка на трое суток, которого с избытком хватало на оставшуюся часть пути. На несказанную радость, удалось сравнительно быстро приобрести билет на пассажирский поезд Москва — Астрахань. Вагон, конечно, не купе, а общий, и он, как всегда, был набит до отказа шумной многоликой публикой. Но, как говорится, — в тесноте, да не в обиде. Вот только личные вещи в таких случаях приходилось держать всегда при себе. Война и разруха, голод и большой поток эвакуированных породили немало разного рода жулья, которое не гнушалось ничем. Но, слава богу, до Джаныбека Анатолий доехал без приключений.

И вот состав закрипел тормозными колодками на железнодорожной станции Джаныбек. Дружинин ловко соскочил со ступенек прокуренного вагона и размашистой походкой зашагал в сторону своего дома. Наступила ночь. Высоко над горизонтом одиноко повис молодой месяц. Слышался лай дворовых собак, мычали коровы, доносилось до слуха бляение коз и овец. Даже в сумерках Анатолий без труда узнавал дома жителей своего поселка, который он вспоминал там, на полях боевых сражений, и эти воспоминания грели ему душу. Радуюсь тому, что он наконец на родине и до отчего дома совсем близко, Анатолий беспокойно прибавил шаг. Торопится Анатолий и переживает: «Как же меня встретят сестренки, мама? А вдруг и Матвей с фронта вернулся?! Ведь от него с апреля сорок первого ничего не слышно. А что, если мы с ним в одном поезде ехали, только в разных вагонах? — мелькнула неожиданно мысль. — Вот бы нам вместе предстать перед родными. Как было бы здорово!» Так думал он и невольно стал озираться по сторонам в надежде, что в темноте увидит родного брата.

Легкий степной ветер обдувал лицо. Из летних печей, стоящих прямо во дворах местных жителей, тянуло горьковатым дымком кизяка, хозяйки подогревали и готовили ужин. Односельчане уже готовились ко сну, хлопотали по хозяйству, копошились возле домашнего скота.

Окраина поселка. Анатолий шагнул в родной двор, где с правой стороны стоит маленькая мазанка. Сердце трепещет от волнения, сильно стучит в висках. Вот она, его скромная обитель! Здесь его любят и с нетерпением ждут. Сестренка на улице не видно, очевидно, они в доме. Во дворе возле летней печки, в которой едва полыхает затухающий огонь, хлопочет мать. Счастливый оттого, что он уже дома, решил ее разыграть. «Узнает ли мать в темноте меня или нет?» — подумал Анатолий и не спеша стал подходить к ней сзади. Для того чтобы скрыть свое лицо, он надвинул пониже на лоб пилотку и, прижав к груди подбородок, пробасил, меняя голос:

— Добрый вечер, хозяйка.

— Вечер добрый, — ответила уставшим голосом Мария Ивановна, оглянувшись, как показалось ей, на незнакомого человека.

— Переночевать солдата не пустите? А то мне до своего дома еще далеко идти, а на дворе уже ночь, — продолжил Анатолий.

— Ой, сынок... Проходи, конечно. Покушать я тебе дам, чем богатая, грех гостя на ночь глядя прогонять прочь. А вот переночевать, сынок, тока ежели на сеновале... Чаво постелить, я тебе тожеть дам. Щас лето на дворе — тепло, не озябнешь. Всё дело-то в чём, сынок: шалаш у нас махынькый, места мало, а у мене две дочкы молодые ишо. Ты не обессудь, сынок... За их мене страшно, — старалась объяснить свое положение Мария Ивановна, продолжая свои дела. — Я ж тебе совсем не знаю. Вот, почитай, тока щас и увидела первый раз в жизни. А ежели в доме хошь заночевать, так как покушаешь, зайди вон к соседям нашим,

они люди пожилые, и дом у их боле, чем у мене. Они тебе на ночь-то пустят. Они люди простые, да и девчат у их нету...

Анатолий понял, что если и дальше продолжать разыгрывать мать, то разговор может затянуться надолго. Грешно было испытывать ее терпение.

— Мам! А что, в землянке и для сына места не найдется? — засмеялся Анатолий. — Может, родню переночевать-то пустишь? — ликуя от радости, сказал он, шагнув навстречу.

Дрогнуло сердце матери, когда она услышала голос родного сына. Сколько прожито бессонных ночей и сколько пролито горьких слез! Ведь она так долго его ждала...

— Толька! Сынок! — с радостью крикнула мать и бросилась ему на грудь, разрыдавшись от нахлынувших чувств.

— Мама! Мамочка! Родная моя! Ну что ты?.. — глотая слезы, утешал ее Анатолий, крепко прижимая к своей груди.

Взволнованные голоса матери и Анатолия услышали девчата и тут же выбежали во двор. Уже с порога они узнали родного брата и с возгласами радости кинулись на него, обнимая и зацеловывая с двух сторон. Несколько минут маленькая семья молча стояла в тесных объятиях, и лишь всхлипы и тихие вздохи слышались в тишине.

— Как вы выросли! Как вы повзрослели, мои вы хорошие! Мои вы родные!.. Наденька! Да ты просто уже невеста! Валюша, моя ты красавица! Как я счастлив вас видеть! — говорил Анатолий, радуясь своему долгожданному возвращению. — А я уже думал, ты, мама, меня домой и не пустишь! Собрался я уже было пойти ночевать к соседям, — обратился он к матери шутя.

— Так а я сослепу-то тебе сразу и не признала. А как же я пушу в дом незнакомого человека?! У мене дома двое девчат. Мене за их страшно, — смеясь, оправдывалась Мария Ивановна. Радости матери не было предела. Один из сыно-

вей уже вернулся с фронта живым и здоровым. Может, даст бог, и второй вернется?..

На шум и поздний гомон во дворе на улицу вышел сосед — Иван Васильевич Меньшиков.

— Добрый вечер... Толькя!.. Ты, штоль? И живой?! — обратился он к Анатолию с улыбкой, разглядывая в темноте вернувшегося с войны соседа.

— Вечер добрый, дядь Вань... Как видишь, живой! — приветствовал его Дружинин, крепко пожимая руку. — Повезло вот, живой и без ранений домой пришел.

— Повезло, говоришь?! Гм!.. — как-то загадочно произнес эти слова сосед. — Енто ты, сынок, благодаря молитвам Мари Ванны, мамашы своей, жив да и здоров остался. Я сам как-то не замечал, а вот братья мои старшие, што тот, што другой, мене говорили. Што, мол, у мамашы твоей допоздна коптилка в шалаше горит. Так вот я тады у иё и спрашиваю: «Ты, Мари Ванна, ведь на хозяйстве ничаво не держишь. Ни коров, ни овецек, ни коз, ни лошадей у тебе нету. А коптилка допоздна светит. Што ты ночами-то делаешь?» А она мене и говорит: «Так у мене, сосед, два сына на фронте. Кто ж за их молиться-то будет, ежели не я? Вот и молюсь я за их, чадушек. Денно и ночью молюсь». Уразумел мою мысль?! — спросил Меньшиков и, загадочно прищутив глаз, ткнул пальцем в небо.

Анатолий, дабы не обидеть пожилого соседа, молчаливо соглашаясь, кивал. Он, пройдя через горнило ада, смутно чувствовал, что какая-то сила и правда помогала ему на войне.

— Так вот я тебе и хочу сказать, што ты благодаря её молитвам живой да здоровый тяперяча предо мной стоишь. Молитва матери, Толькя, — сила необыкновенная! Она со дна моря магёт её деток вытащить. Ты пока ишо молодой, и тебе ентова не понять, хотя и головой киваешь. Но со временем и ты поймёшь, што одно слово «Аминь!» святые дела вершит. Вот так-то вот, сынок! — подытожил

свою речь Меньшиков. — Я-то нонешней зимой тожесть вот с трудового фронта вернулся. Уголёк в шахтах добывал на Донбассе, — сменив тон, добавил Иван Васильевич. — А ты, значит, на Первом Украинском воевал?

— Да, дядь Вань, там воевал, — подтвердил Анатолий.

— Понятно. Ну ладно, пойду я. Не буду вам мешать. Вон мамаша-то ваша никак не нарадуется тваму возвращенью. А девчата так вообще... от радости вон светятся все! Да так, што аж во дворе у вас светло стало, — смеялся Меньшиков, радуясь за соседей. — Доброй ночи вам. Пойду я...

Распрощавшись, Иван Васильевич отправился домой. А Анатолий еще долго в обнимку с сестрами стоял, наблюдая, как мать накрывала праздничный стол. Для нее это был великий праздник! Девчата наперебой рассказывали все поселковые новости. Кто погиб на фронте, кто вернулся калекой, кто умер, кто женился, а кому посчастливилось выйти замуж. Но эти новости Анатолия мало интересовали. Он стоял на пороге родного дома и не верил в происходящее.

В ночном небе Джаныбека необыкновенно низко мерцали звезды, исключительную тишину его степного края украшало умиротворяющее и тонкое пение миллиарда сверчков. Эта сказочная тишина добавляла еще больше радости и счастья в его и без того переполненную ликованием душу. Он никак не мог надышаться мирным воздухом своей родины. Сколько раз там, на фронте, он загадывал и представлял себе этот счастливый миг, когда он окажется на пороге родного дома. Когда вот так, с теплом и любовью, сможет расцеловать мать и обнять сестренку. Вот он и настал, этот миг!

— Какое счастье — я дома! — выдохнув, сказал Анатолий, еще крепче обнимая девчат.

Мать приглашала всех к столу. И они втроем шумно ввалились в низенькую мазанку, где он почувствовал знакомый с детства запах родного дома.

— А от Матвея никаких известий нет? — стал интересоваться Толя судьбой брата. — Может, хоть какая-то весточка была?

— Нет, сынок, ничаво не было, — вздохнула Мария Ивановна, — я уже опосля того, как война закончилась, в военкомат опять ходила. И не помню уже, кады ответ пришёл. Но все одно и то же пишут — пропал без вести, и все табе... Што хошь, то и думай. Убит, ранен аль в плен попал — никто ничаво не знает. Молюсь вот, сынок. Может, и удастся узнать, што с ним. Бог даст, может, и живой наш Мотькя, — с горечью в душе произнесла мать эти слова, усаживая детей за стол.

Только сейчас, при свете керосиновой лампы, Анатолий заметил, как изменилась мать. На лице появились морщинки, а в торчащих из-под платка волосах еле заметно, но уже серебрилась седина. «Постарела мамка!» — с сожалением подумал Анатолий и нежно обнял ее за плечи.

— Вот на следующей неделе опять пойду к военкому, буду беспокоить ево. Пушай снова документ отправляет куды следует. А то што, ни слуху ни духу от нашего Мотьки, — продолжила мать начатый разговор про старшего сына.

«А может, он и жив. Во всяком случае, очень хотелось бы, чтобы так было», — подумал Анатолий, представляя своего брата, сидящего с ними за одним столом.

— Семь лет минуло с того времени, как мы видели его в последний раз, — удрученный воспоминаниями, произнес Анатолий. И они на минуту замолчали, задумываясь о судьбе Матвея.

Но развеселившимся девчатам не хотелось думать о грустном. Вспомнили они и то, что на Анатолия в самом начале сорок четвертого года тоже приходила похоронка, только сестры спрятали извещение и между собой договорились об этом матери не рассказывать, не хотели ее расстраивать. После такой горькой новости трудно было самим справиться с чувствами. Досыта тогда они наплакались,

но в душе обе продолжали надеяться, что это какая-то ошибка. И сколько было радости и восторга, когда от Анатолия пришло письмо, датированное седьмым января сорок четвертого года, а значит, прошлое извещение действительно оказалось ошибочным. Только после того, как девочки убедились, что брат жив, они прочитали матери письмо, показали ей извещение и потом вместе долго радовались хорошему известию.

— А я помню, как вы втроем — Сашка, Мотыка и ты, Толя, — в сундук мамкин залезли. Мотыка с Сашкой подняли крышку, насколько запор позволял. А ты в эту узкую щель руку просунул и стал оттуда пастилу вытаскивать. Ну, мы ее потом дружно всю и съели, — хохотала Надя, рассказывая историю из детства.

— А я вот эту историю что-то не помню, — удивилась Валентина, пожимая плечами.

— Так ты тогда совсем маленькая была. Только-только разговаривать научилась. Откуда ты можешь это помнить?! — возбужденно объяснила ей Надежда. — А когда поздно вечером пришла мама с работы, то мы с тобой, Валя, ей все и рассказали.

— Ну да, как же не помнить?! Помню! Пастилу ели все пятером! А досталось от мамки мне одному, — смеялся вместе со всеми Анатолий, вспоминая детские шалости. — Приходит с работы мамка и, заметив наше баловство, начинает спрашивать: «Кто напроказничал?» — а вы обе, как всегда, показывали пальцами на меня: «Толька!» Ну и все! Мамка за ремень, и если я не успевал убежать, то получал порцию взбучки за всех!

Вспоминали они и другие детские проказы, за которые, как правило, попадало от матери именно ему, Анатолию. Но братьев он не выдавал. Никогда не рассказывал матери, что баловство они творили вместе. И братья это ценили и уважали его за стойкость, с которой он терпел одну экзекуцию за другой. Так, со смехом, за воспоминаниями они

проболтали далеко за полночь и улеглись спать только в предутренние часы.

А утром у Анатолия начнется новая жизнь, она не будет сладкой как мед, в ней тоже будут трудности, горести, разочарования, неудачи, но она будет другой — мирной...

Но в этой мирной жизни Дружинин будет часто вспоминать те суровые годы войны, когда он, теряя на поле боя друзей, под гул канонады, под градом пуль и осколков полз по грязи и снегу, по минным полям и колючей проволоке, обеспечивая командиров и свои подразделения связью. Пройдет много лет, а воспоминания тех дней станут только острее и ярче. «Как же это было давно, но как будто вчера!» — скажет он себе, а на глаза навернутся слезы...

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ АВТОРА	4
Чтобы помнили	6
Любовь даже на войне не запретить	42
Холонюв	86
Сандомирский плацдарм	114
Суицид	146
Халупки	191
Жестокая смерть	216
Холодные воды Одера	254
На Берлин!	294
Выстрелы в Чехословакии	322
Родина! Домой!	360

Алексей Бузулуков

На грани, или Это было давно, но как будто вчера

Том 2